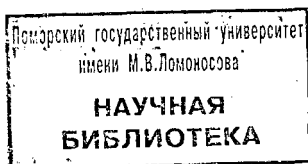

Федеральное агентство по образованию
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Поморский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
Северный институт предпринимательства

В.И. ГОЛДИН

РУССКОЕ ВОЕННОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ В XX ВЕКЕ

Допущено Учебно-методическим объединением по направлениям педагогического образования Министерства образования и науки РФ в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению 540400 (050400) Социально-экономическое образование

Архангельск
Изд-во «Солти»
2007

УДК 94 (47)-054.72 "19"+355.1

ББК 63.3 (2)-6-27+68.4 (2)1

Г 601

Рецензенты:

Зашихин А.Н., доктор исторических наук, профессор Поморского государственного университета имени М.В. Ломоносова;

Ипполитов Г.М., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой социально-правовых дисциплин Самарского филиала Высшей школы приватизации и предпринимательства;

Федюк В.П., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новейшей отечественной истории Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова.

Печатается по решению редакционно-издательского совета Поморского университета

Голдин, В.И.

Г 601 Русское военное Зарубежье в XX веке : Учебное пособие / В.И. Голдин; Поморский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – Архангельск: Солти, 2007. – 272 с.

ISBN 5-7536-0237-1

В книге исследуется генезис российской военной эмиграции после Гражданской войны в России (1917 – 1922 гг.), ее трансформация в межвоенный период в уникальный феномен Русского военного Зарубежья, который раскрывается как целостное военное, военно-политическое, социальное и социокультурное явление отечественной истории и международных отношений XX века.

Издание адресуется студентам, аспирантам, преподавателям вузов и всем интересующимся проблемами отечественной истории, Русского Зарубежья и международных отношений.

УДК 94 (47)-054.72 "19"+355.1

ББК 63.3 (2)-6-27+68.4 (2)

ISBN 5-7536-0237-1

© В.И. Голдин, 2007

© Изд-во «Солти», 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. Историография и источники по истории Русского военного Зарубежья	8
Глава 2. Гражданская война в России и российская военная эмиграция	21
Глава 3. Формирование Русского военного Зарубежья	49
Глава 4. Жизнь и деятельность Русского военного Зарубежья в 30-е годы	94
Глава 5. Российские эмигранты в период Второй мировой войны	126
Глава 6. Российская военная эмиграция и ее организации в послевоенные десятилетия	179
Заключение	208
Документальные приложения	220
Примечания	244
Список сокращений	270

ВВЕДЕНИЕ

Переберу рукой взволнованной
Страницы прошлых ярких дней,
И встанет Русь, в броню закована,
В красе воинственной своей!
Забуду нынешнее горе я,
Мне ясен наш грядущий путь:
**НЕЛЬЗЯ СТРАНУ С ТАКОЙ ИСТОРИЕЙ
НИ ЗАДУШИТЬ, НИ ЗАЧЕРКНУТЬ!**

М. Колосова

Эта книга посвящена одной из сложнейших проблем российской и всемирной истории XX века — истории Русского военного Зарубежья, которое, в свою очередь, являлось важнейшей составной частью Русского Зарубежья. Его рождение неразрывно связано с революционными событиями 1917 года в России и с сопровождавшей революционную эпоху Гражданской войной в стране. Ее исход и обусловил, в конечном итоге, масштабную военную эмиграцию, которая с течением времени трансформировалась в уникальный феномен Русского военного Зарубежья.

XX век стал временем великих миграций, что, в полной мере, соответствовало набиравшим силу процессам глобализации. Но мотивы, причины и характер движения людей из страны в страну, перемещения с континента на континент весьма разнообразны. Здесь и желание увидеть и познать новые края, освоение новых территорий, выгодные деловые предложения, стремление к улучшению материального положения, получение образования, соединение с родственниками и т.п. И все это нормально и естественно. Естественно иным явлением становится вынужденное оставление родины, эмиграции, обусловленные чрезвычайными обстоятельствами и в первую очередь политическими и социальными катаклизмами, войнами (особенно гражданскими) и революциями, вынуждающими тысячи, а то и миллионы людей покинуть свое отечество. Именно это и произошло в России после 1917 года. Несколько бурных, драматичных и трагических лет буквально перевернули ход отечественной, а во многом и мировой истории XX века, и за пределами России оказались (как правило, вынужденно) несколько миллионов человек. Среди них было и несколько сот тысяч военнослужащих, абсолютное большинство которых принимали непосредствен-

ное участие в Гражданской войне, в ходе которых белые армии и иные антибольшевистские боевые и повстанческие формирования, где они сражались, потерпели поражение.

Рассматриваемые в этом учебном пособии проблемы и страницы истории относятся к весьма актуальным сегодня, когда Россия и ее граждане мучительно пытаются идентифицировать себя в пространстве бурно меняющегося времени, осмыслить и переосмыслить свое прошлое, настоящее и будущее. На рубеже 80-х и 90-х годов минувшего века стали качественно меняться отношения политиков и граждан нашей страны к соотечественникам, которые оказались за ее пределами. Встречный интерес к меняющейся России испытывали и наши бывшие сограждане и их потомки, разбросанные по всему миру. Русская зарубежная диаспора, стремившаяся на протяжении XX века сохранить русский язык, культуру, историю, традиции своего Отечества, тесные узы взаимоотношений, находясь за его пределами, и воспитать русское зарубежное юношество в духе уважения и любви к своей исконной земле, тянулась к новой России. Конгрессы соотечественников, проведенные в России в начале 90-х годов, стимулировали диалог и стремление к взаимопониманию и воссоединению разных России: Российской Федерации и Зарубежной России. Символами этого стали перезахоронения видных деятелей Русского Зарубежья на российскую землю, процесс объединения Русской Православной Церкви Заграницей с Московской Патриархией и др.

Академик Ю.А. Поляков, многие годы занимающийся эмиграционной тематикой, справедливо заметил, характеризуя динамику и эффективность исследовательского процесса: «90-е годы превратили изучение истории Российского зарубежья из бедной, крайне политизированной, еле-еле ковыляющей части исторической науки в богато документированное, динамично развивающееся, одним словом, процветающее направление»¹.

Русское Зарубежье — это явление, относящееся не только к отечественной, но и к всемирной истории и международным отношениям. Российские эмигранты были разбросаны по самым разным странам и континентам, где действовали и их организации, стремившие собрать соотечественников воедино, поддерживать связи, сохранить историческую память. Наши соотечественники участвовали в бурном течении событий минувшего века в различных регионах Земного шара.

Сегодня в целом ряде стран, испытавших массовые эмиграции, реализуются программы по связи с бывшими соотечественниками

с тем, чтобы обеспечить участие и помощь эмигрировавших граждан, и в первую очередь из числа высококвалифицированных специалистов (прямое или опосредованное), в решение проблем науки, высоких технологий и других сфер жизни общества — «цзяофао» в Китае (куда за последние годы вернулось более 100 тысяч человек), «донго» в Японии². Нужна целенаправленная работа и России со своими соотечественниками за рубежом. По крайней мере, на уровне руководства страны в последнее время об этом следует немало заявлений. Другое дело, что слова и дела нередко существенно расходятся.

Эту книгу предваряют, став ее своеобразным поэтическим прологом, строки эмигрантки Марианны Колосовой, одной из ярких поэтических звезд Русского Зарубежья и в целом русской поэзии XX века. После выхода в свет в 1928 году в Харбине ее первого сборника стихов под названием «Армия песен» она стала одним из поэтических кумиров эмигрантской молодежи. Учитывая ее поэтическую тематику, М. Колосову по праву называли «бардом Белой Армии». Стихотворение, строки из которого открывают эту книгу, называется «В броню закована» и специально посвящено ее автором Русскому Обще-Воинскому Союзу, одной из наиболее крупных и известных организаций Русского Зарубежья и ведущей организации российской военной эмиграции.

Объектом изучения в настоящем учебном пособии является Русское военное Зарубежье³, сформировавшееся в результате эмиграции, обусловленной, в свою очередь, исходом Гражданской войны в России, и ставшее поистине уникальным феноменом отечественной и мировой истории, сложнейшим и многогранным историческим, военно-политическим, социальным, культурным и духовно-нравственным явлением XX века.

Предметом исследования являются сложные и противоречивые процессы, происходившие среди бывших российских военнослужащих, оказавшихся в эмиграции, складывание и развитие системы военных эмигрантских организаций, выявление их стратегии и тактики деятельности в различные эпохи истории XX века.

Целью учебного пособия является выяснение роли и места российской военной эмиграции и ее ведущих организаций в формирующейся системе Русского Зарубежья, раскрытие особого и противоречивого мира и системы отношений бывших российских военнослужащих, оказавшихся за пределами родины.

Задачи издания:

- 1). Раскрытие процесса формирования и географии российс-

кой военной эмиграции в ее взаимосвязи с Гражданской войной в России;

2). Изучение эмигрантских военных организаций, создаваемых за пределами России, их типологизация;

3). Анализ процесса формирования Русского военного Зарубежья и его характеристика;

4). Исследование попыток разработки стратегии и тактики деятельности русских военных эмигрантских организаций и налаживания их взаимоотношений между собой, а также с политическими и иными центрами Русского Зарубежья;

5) Изучение борьбы боевых эмигрантских организаций и советских спецслужб;

6) Характеристика процессов, происходивших в Русском военном Зарубежье в переломные моменты истории межвоенного периода, Второй мировой войны и в послевоенные десятилетия.

Основным предназначением этого учебного пособия является помощь студентам (и аспирантам) в изучении истории Русского военного Зарубежья, систематизация их знаний и раскрытие возможностей самостоятельной исследовательской деятельности по этой проблематике.

Автор в течение двух десятилетий занимается изучением истории и историографии российской революционной эпохи 1917 года, Гражданской войны в России и послереволюционной эмиграции⁴, публикуя статьи и книги, а в последние годы издал и несколько монографий по истории Русского военного Зарубежья⁵. Вместе с тем, чтение спецкурса по этим проблемам на историческом факультете Поморского государственного университета имени М.В. Ломоносова убедило в целесообразности подготовки специального учебного пособия, которое может оказаться полезным и для аспирантов, а также для всех интересующихся этой тематикой, вызывающей значительный интерес в современном российском обществе. Картина жизни и деятельности бывших русских военнослужащих-эмигрантов рассматривается и как составная часть более крупного и всеобъемлющего исторического и социального феномена Русского Зарубежья. Русское эмигрантское военное сообщество изучается в широком контексте отечественной, всеобщей истории и международных отношений XX века.

ГЛАВА I

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОГО ВОЕННОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

За восемьдесят с лишним лет, миновавших с начала великого российского послереволюционного «исхода», в нашей стране и за ее пределами сложилась обширная и разнообразная литература о российской эмиграции, и в том числе о ее военной составляющей.

Уже сами по себе использовавшиеся для ее описания понятия — белоэмиграция, российская контрреволюция за рубежом, белая армия в изгнании, российская военная эмиграция, зарубежное русское воинство, Русское военное Зарубежье, Белая эмиграция, Зарубежная Россия, Россия № 2 не просто обращают нас к одной из сложных и драматичных страниц отечественной и мировой истории, но и несут в себе разное общественное, политическое и интеллектуальное, эмоциональное и содержательное восприятие, отражают характер и эволюцию отношения к этой сложной теме отечественной и мировой истории, ее героям и действующим лицам.

Положение российской послереволюционной эмиграции, процессы, в ней происходившие с момента образования и особенно после окончания Гражданской войны, замыслы ее военных и политических лидеров вызывали острый интерес в Советской России/СССР, но первоначально не столько исследователей, сколько публицистов, а также профессионалов вооруженных сил и спецслужб, которые продолжали борьбу, начатую на российской территории и в дальнейшем превратившуюся в войну без границ и правил. Публикации и в том числе книги по этой теме, издаваемые в нашей стране уже в 20-е годы, не только описывали жизнь и проблемы эмиграции⁶, но особое внимание уделяли бывшим военным служащим белых армий, военно-политическим замыслам генералов-эмигрантов и реальным террористическим действиям, раскрываемым заговорами и т.п.⁷ Эти публикации, как правило, были пронизаны духом непримиримости, обличения противника, жесткой идеологической заданности, тем более, что и предпосылки для этого, несомненно, имелись: жестокая борьба велась и на границах, и внутри страны, и за ее пределами. Работы этой поры, публиковавшиеся в СССР, стали, по существу, одной из важных составных частей продолжавшегося острейшего противоборства.

Характеризуя разные группы публикаций 20-х годов, отметим, что значительный интерес и сегодня представляют книги бывших

эмигрантов, вернувшихся в это время из-за рубежа в СССР, в которых авторы, исходя из собственного опыта и наблюдений, описывали состояние и процессы, происходившие в эмигрантском стане⁸. Стремление лучше понять эмиграцию и осмысление ее руководителями и видными политическими и военными деятелями уроков былых сражений обусловило издание в СССР в 20-е годы специальной мемуарной серии работ, ранее опубликованных за рубежом, под общим названием «Революция и гражданская война в описании белогвардейцев». Разумеется, и та, и другая группа названных изданий, выходявших в свет в СССР, требует в себе критического отношения, понимания того, в каких условиях, ради чего и как осуществлялись данные публикации.

В условиях наступившей в СССР на рубеже 20-х и 30-х годов новой эпохи, официально именовавшейся «переходом социализма в наступление по всему фронту», в отношении эмиграции в полной мере возобладал мотив, что врага надо не изучать, а непримиримо бороться с ним и уничтожать, поэтому на несколько десятилетий эмигрантская тема оказалась фактически закрыта для профессионального исторического исследования.

Обширная литература об эмиграции была создана самими ее участниками и опубликована за рубежом в 20–30-е годы. Спектр ее разнообразен по содержанию, идейно-политической направленности, мировоззренческим взглядам авторов. Именно в эмигрантской литературе в этот период появляется и утверждается само понятие «Русское Зарубежье», воплотившее в себе желание эмигрантов сохранить в изгнании свое единство, общность, культуру, надежду на то, что их пребывание за пределами родины окажется временным, и они неизбежно вернуться домой. Это подкреплялось неприятием и намерением продолжать борьбу с советской властью, ради чего создавались различного рода антисоветские организации и объединения, среди которых центральную роль играли военные эмигрантские общества и союзы. Консолидация в эмиграции бывших русских военнослужащих, создание своего рода «армии в изгнании» призвано было стать гарантией возвращения в Россию с победой, а военное сообщество рассматривалось как своего рода ядро Русского Зарубежья.

Особый интерес в русле предмета настоящего учебного пособия представляют работы о военной эмиграции, адаптационных процессах и борьбе, формировании, деятельности и повседневной жизни Российского военного Зарубежья. Сразу заметим, что в эмиг-

рантских публикациях этой поры центральное место занимали процессы, связанные с Русской Армией генерала Врангеля, составлявшей костяк военной эмиграции. П.Н. Врангель и его окружение пытались взять в свои руки объединительные процессы в русской зарубежной военной среде, выработать программу действий и консолидации именно вокруг Русской Армии заброшенных на чужбину солдат и офицеров бывшей Императорской и белых армий. В этой литературе мы находим официальное летописание истории военной эмиграции, начиная с его первых символов, одним из которых стал, например, Галлиполи, повествование о жизни на чужбине, полной трудностей и лишений, нелегкой адаптации к новым условиям и продолжении непримиримой борьбы с советской властью в России, попытках найти зарубежных союзников в этой борьбе и др.⁹ Несомненный интерес представляют справочные издания межвоенного периода о военных организациях эмиграции, о жизни и деятельности эмигрантов в различных странах мира¹⁰.

Значительное место в эмигрантской литературе занимали издания, посвященные лидерам Русского Обще-Воинского Союза и Российского военного Зарубежья — великому князю Николаю Николаевичу, генералам П.Н. Врангелю, А.П. Кутепову и Е.К. Миллеру. При этом проблемы похищения двух последних вызвали особый интерес в эмиграции и попытки разобраться в случившемся¹¹. В целом же, в межвоенный период за рубежом выходило в свет более ста периодических русских военных изданий, часть публикуемых материалов которых представляет собой определенный историографический интерес с точки зрения характеристики современниками происходивших в эмиграции процессов, попыток осмыслить смысл и значение Российского Зарубежья, представления на их страницах разнообразия взглядов и дискуссий, по тем или иным проблемам. Но в первую очередь, разумеется, эти издания составляют сегодня полезную источниковую базу для изучения истории российской военной эмиграции¹². Иностранные исследователи в межвоенный период не занимались специально изучением российской военной эмиграции, но обращались преимущественно к общим проблемам беженцев, их устройству и адаптации за рубежом. Публиковались преимущественно статьи по этой тематике, а посвященные российской эмиграции книги были достаточно редки¹³. Вторая мировая война свела к минимуму публикации и издания, в которых освещалась жизнь и проблемы русской эмиграции¹⁴.

Лишь в конце 50-х — начале 60-х годов тематика российской

послереволюционной эмиграции начинает возвращаться в советскую историографию. В последующую четверть века складывались определенные традиции ее исследования. Значительное внимание уделялось жизни, деятельности и борьбе военной эмиграции, вышли в свет монографические и иные издания, в которых находили освещение эти проблемы¹⁵. Вместе с тем, эта тема продолжала находиться под жестким политическим и идеологическим контролем, что обуславливало известную идеологическую зашоренность и снижало научную продуктивность появлявшихся работ.

Период советской «перестройки» с ее декларированной «демократизацией» и «гласностью» обнажил многие малоизученные или неисследованные проблемы истории, ее, как было принято тогда говорить, «белые пятна» и «черные дыры». Все вышесказанное в полной мере относилось и к истории эмиграции. Постепенно менялся сам подход, понятийный и терминологический аппарат исследований. На смену неперемемному и обязательному прежде обличению приходит стремление разобраться, понять, действительно исследовать, сопережить, а не проклинать эмиграцию, эмигрантов и изгнанников, людей, по своей и не своей воле оказавшихся в изгнании¹⁶. Начинает складываться диалог по этой тематике с представителями Русского Зарубежья. Появляется, наконец, возможность исследования с опорой на хранящиеся в отечественных архивах обширные массивы ценных документов и материалов и в первую очередь самой эмиграции, которые начали активно рассекречиваться с конца 80-х годов.

Начало 90-х годов обозначило не только глубокий рубеж в политической истории нашей страны, но и в развитии исторической науки. В постсоветский период история эмиграции превратилась в одну из самых модных и, увы, нередко конъюнктурных тем. Часто происходил переход из одной крайности в другую. Не просто отрицались старые подходы и отбрасывались догмы, штампы и стереотипы советской исторической литературы с присущим ей обличением эмиграции, но часто происходила простая смена знаков и идеализировались уже эмигранты, лидеры и активные деятели эмигрантских антибольшевистских организаций. В условиях, когда широко доступной становится эмигрантская и иностранная литература по этой теме, часто некритически использовались или просто заимствовались зарубежные подходы, оценки, интерпретации.

И, тем не менее, несмотря на известные издержки, изучение истории российской послереволюционной эмиграции за последние

десять с лишним лет, несомненно, продвинулось вперед. Существенно обновилась и расширилась методология исследований, появились качественно новые источниковые возможности и в первую очередь благодаря использованию недоступных ранее архивных коллекций. В научный оборот в нашей стране широко вошло понятие «Русское/Российское Зарубежье», а осмысление его феномена, важнейших характеристик и основных сторон жизнедеятельности становится предметом многочисленных конференций, исследовательских проектов, издаваемых сборников докладов, статей, материалов¹⁷. Расширился и приобрел качественно новый характер диалог с представителями Русского Зарубежья, и в том числе с исследователями, занимающимися его историей. К изучению истории эмиграции приступила плеяда молодых исследователей, что само по себе, разумеется, ценно. Наряду со сложившимися и известными научными школами (академика Ю.А. Полякова в Институте российской истории РАН, профессора Е.И. Пивовара в МГУ имени М.В. Ломоносова¹⁸) начинают формироваться и другие исследовательские группы и центры по истории Российского Зарубежья (в Институте всеобщей истории РАН, ИНИОН РАН) и не только в Москве, но и в регионах нашей страны.

Развивающийся научно-исследовательский процесс способствовал формированию новых научных подходов, появлению интересных, в том числе обобщающего и монографического характера, исследований об истории и историографии российской эмиграции, а также учебных пособий по этой тематике¹⁹. Наиболее активно идет изучение ее в Европе и в Азии, а также в отдельных странах этих континентов²⁰. В целом же, за 90-е годы и уже в начале этого века была опубликована не одна сотня книг и тысячи статей, посвященных истории «великого исхода» граждан России после революции 1917 года и Гражданской войны в стране, их жизни, деятельности и судьбам в зарубежье.

Эмиграционная тематика является предметом активной диссертационной разработки. Уральский исследователь А.А. Пронин на основе подсчета авторефератов диссертаций по материалам «Книжной летописи» за 1980 – 2003 годы пришел к выводу, что за указанный период было защищено около 740 диссертаций по этой тематике по различным наукам (в первую очередь по филологическим, философским и историческим). Пик интенсивности диссертационных исследований пришелся на вторую половину 90-х годов и последующий период. В 1996–2003 годах по историческим на-

укам было защищено 110 (80 %) от общего количества числа исторических диссертаций, выполненных и защищенных в 1980–2003 годах. Из общего числа в 137 диссертаций, защищенных по эмигрантской тематике по историческим наукам в течение почти четверти века, насчитывается 24 докторских исследования, в том числе 6 из них – по общеполитической и военно-политической тематике послереволюционной эмиграции²¹. Диссертационный процесс по исторической эмиграционной тематике еще более активизировался в последние годы, и это касается как кандидатских, так и докторских диссертаций. Автор может с уверенностью говорить об этом, являясь членом Экспертного совета ВАК Минобрнауки по историческим наукам.

Значительно расширилась и качественно обновилась за последние годы и историческая литература о российской военной эмиграции. Издано немало интересных обобщающих работ и монографий, посвященных как Русскому военному (военно-политическому) Зарубежью в целом, так и отдельным проблемам его истории и борьбы²². При достаточно давних традициях изучения этой темы именно в последние 10 – 15 лет указанное направление научных исследований сложилось как комплексное и динамично развивающееся. Исследователи пытаются раскрыть сложный и многогранный мир Русского военного Зарубежья, его противоречия и коллизии.

Активизация интереса к тем или иным проблемам его истории имеет свои мотивы и объяснения. Например, печально известные страницы нашей современности, всплеск экстремизма и различных террористических проявлений в России и в мире обусловили большой интерес и попытки качественно нового прочтения истории эмигрантского военно-политического экстремизма, белого «активизма» и терроризма в современных исторических исследованиях²³. Заметим в связи с этим, что одним из Приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации (этот документ подписан президентом России) является «Безопасность и противодействие терроризму». В этой связи исторический опыт борьбы с терроризмом приобретает большое значение, что демонстрируют, например, ежегодно проводимые в декабре совместно с ФСБ РФ Исторические чтения на Лубянке²⁴.

Развернувшееся в последние годы осмысление и переосмысление обширного комплекса проблем Второй мировой войны и, в частности, истории коллаборационизма, во многом объясняет и интерес к рассматриваемой нами эмигрантской тематике. Изучение

российской эмиграции и прежде всего поведения и действий Российского послереволюционного военного Зарубежья в годы Второй мировой войны, его взаимоотношений с германскими политиками и военными, участие в различных политических и военных российских коллаборационистских формированиях этой эпохи воплотилось в серию специальных изданий последних лет²⁵. Заметим, что эти работы весьма различаются как по своему научному уровню и содержанию, так и по идейно-политическим взглядам и симпатиям их авторов.

В последние годы интенсивно разворачивается процесс персонализации истории Русского военного Зарубежья. Опубликовано немало научных и научно-популярных работ, повествующих о судьбах видных деятелей белого движения и военной эмиграции, материалов биографического и биобиблиографического характера²⁶. Вместе с тем, эти издания далеко неравноценны, опираются на качественно разную источниковую (далеко не всегда архивную) базу, а их авторы не всегда корректны в отношении исторических фактов и процессов. История военной эмиграции тесно связана с историей Гражданской войны и белого движения в России. Поэтому знание современной, интенсивно пополняющейся литературы по этой тематике и осмысление ее достижений, проблем, противоречий, направлений поиска и идущих дискуссий представляется целесообразным и необходимым. Ценным подспорьем станут специальные историографические издания, посвященные Гражданской войне и истории белого движения²⁷.

В современной отечественной литературе (при этом не только в статьях, но и в книгах, справочных изданиях) находит освещение деятельность отдельных эмигрантских военных организаций, в том числе наиболее крупной и влиятельной из них – Русского Обще-Воинского Союза²⁸. При этом предпринимаются попытки расширить хронологические рамки их исследования, не ограничиваясь привычным межвоенным периодом, но включая Вторую мировую войну и последующие десятилетия. В монографиях последних лет, осуществленных автором этого учебного пособия, история РОВСа впервые стала предметом системного и целостного осмысления²⁹.

Представляют интерес работы последних лет, посвященные страницам истории советских спецслужб и их борьбе против российской эмиграции и в первую очередь против военных и политических организаций Русского Зарубежья³⁰. Вместе с тем, эти издания требуют тщательной проверки на достоверность представ-

ленных материалов и суждений. Нередко знакомство с ними убеждает в слабом знании авторами объекта борьбы чекистов — эмиграции и эмигрантских организаций, международных отношений межвоенного периода и др.

Таким образом, отмечая несомненные подвижки в изучении истории Русского Зарубежья, и в том числе военной эмиграции, произошедшие в нашей стране за последние годы, заметим, что существующую литературу ни в коей мере не следует идеализировать. На повестке дня стоят сложные и актуальные проблемы дальнейшей разработки методологии и историографии этой темы. Актуальным представляется изучение не только центров, но и периферии Русского Зарубежья. И это замечание в полной мере относится к военной эмиграции. Слабоизученными проблемами остаются вынужденное «великое переселение» российских эмигрантов после окончания Второй мировой войны, жизнедеятельность послереволюционной российской эмиграции и ее организаций (в том числе военных и военно-политических) в послевоенный период, адаптация в новым историческим реалиям послевоенного мира и «холодной войны», взаимоотношения послереволюционного Российского Зарубежья и его организаций с представителями и объединениями эмигрантской «волны» военного и послевоенного времени.

Отдельные интересные исследования по истории эмиграции появляются в странах СНГ. Отметим, например, обстоятельную монографию В.Д. Козлитина, посвященную русской и украинской эмиграции в Югославии в межвоенный период³¹. В ней находят освещение жизнь и деятельность бывших военнослужащих и эмигрантских военных организаций.

В период после окончания Второй мировой войны и в последующие десятилетия продолжала развиваться и зарубежная историография российской эмиграции. Важной составной частью ее продолжала оставаться литература, издаваемая эмигрантами. Только что отгремевшая война вызывала особый интерес, а в ней, в свою очередь, проблемы выбора, сделанного русскими эмигрантами, в том числе бывшими военнослужащими. Обширный круг публикаций, включая и книжные издания, был посвящен проблемам коллаборационизма, так называемому Освободительному Движению Народов России и движению, которое возглавил бывший советский генерал А.А. Власов, истории создания и деятельности Русской Освободительной Армии и Вооруженных Сил Комитета Освобождения Народов России³². Эти работы принадлежали в значительной своей

части перу бывших участников власовского движения. Отметим также книги бывших белых офицеров периода Гражданской войны в России, занимавших видные позиции в стане коллаборационистов периода Второй мировой войны, — генералов А.А. Лампе и Б.А. Хольмстона-Смысловского³³. Вместе с тем, уже в ряде публикаций послевоенного периода сотрудничество русских, и в том числе эмигрантов первой волны, с гитлеровцами становилось предметом негативного восприятия и критического изучения в эмигрантской литературе³⁴.

В послевоенной эмигрантской литературе рассматривался широкий круг проблем жизни и деятельности Русского Зарубежья, и в том числе бывших военнослужащих³⁵. В центре внимания по-прежнему находились вопросы борьбы эмигрантских организаций с советским режимом³⁶. Жизнь Русского военного Зарубежья и деятельность эмигрантских военных организаций, судьбы их лидеров находили освещение в многочисленных статьях, публиковавшихся на страницах русскоязычных зарубежных периодических изданий. Добавим, что после распада СССР книги эмигрантских авторов не только стали доступны в нашей стране, но они нередко издаются и переиздаются в современной России³⁷.

Постепенно усиливался интерес иностранных авторов к истории российской эмиграции, что воплощалось не только в многочисленных статьях, но и в монографические издания о Русском Зарубежье. Исследовались страницы истории борьбы советских спецслужб и эмигрантских военных организаций, трагические судьбы их лидеров³⁸. В 2002 году в Оксфорде вышла в свет, пожалуй, первая обобщающая монография, принадлежащая перу иностранного историка, посвященная истории белой военной эмиграции в межвоенный период. Ее автором стал П. Робинсон³⁹. Иностранные авторы особый интерес проявляли и проявляют в проблемам коллаборационистского движения в СССР в период Великой Отечественной войны и к сотрудничеству советских граждан и российских эмигрантов первой волны с властями фашистской Германии в борьбе против Красной Армии. Доминирующей тенденцией этой литературы является оправдание такого сотрудничества и осуждение западных союзников, выдавших советской власти после окончания войны эмигрантов, сражавшихся на стороне Гитлера⁴⁰.

Существует обширная и состоящая из различных групп документов и материалов источниковая база для изучения истории Рус-

ского военного Зарубежья: обширный комплекс архивных документов; коллекции опубликованных документов и материалов; справочные издания; богатейшая периодическая печать эмиграции; разнообразная мемуарная литература. При ее характеристике автор исходит из стремления охарактеризовать, во-первых, весь массив и разнообразие имеющихся в России источников, а, во-вторых, указать на те группы материалов и документов, которые доступны для студентов при работе над данной тематикой.

Основной массив первоисточников по истории российской военной эмиграции межвоенного периода хранится в архивах. Наиболее ценными являются документы основанного в 1923 году Русского Заграничного Исторического Архива в Праге (РЗИА)⁴¹, перевезенные после окончания Второй мировой войны в СССР и рассредоточенные в дальнейшем в нескольких столичных архивах. Большая часть документов РЗИА хранится в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ). К тому же, именно здесь в основном сосредоточены материалы военной и политической эмиграции, ведущих эмигрантских организаций, личные фонды их руководителей⁴². В ГАРФе хранятся и богатейшие коллекции документов по истории Гражданской войны в России, позволяющие обстоятельным образом исследовать историю «эмигрантских волн», обусловленных течением боевых действий на различных фронтах и в разных регионах страны, и в целом страницы «великого исхода» из России как следствия революционной эпохи и российской гражданской войны.

Большую ценность представляют микрофильмы ряда эмигрантских коллекций Гуверовского института войны революции и мира, переданные на основе межгосударственного американо-российского соглашения начала 90-х годов в ГАРФ.

Богатые коллекции документов по рассматриваемой тематике хранятся в Российском государственном военном архиве. Это, прежде всего, три комплекса документов: 1) материалы командования и военных органов Советской России, а также белых армий периода Гражданской войны в стране; 2) фонды так называемого «Особого архива», содержащие документы органов военной разведки и контрразведки ряда европейских стран межвоенного периода, раскрывающие деятельность российской военной и политической эмиграции; 3) материалы советской военной разведки, освещавшей для командования и руководства страны положение и планы российской военной эмиграции.

Немало интересных документов по истории эмиграции содержится в фондах Российского государственного архива социально-политической истории. Это в первую очередь документы фондов Ф.Э. Дзержинского, Коминтерна и др.

Различные документы главным образом политического и дипломатического характера, обзорные материалы о деятельности российской эмиграции содержатся в Архиве внешней политики Российской Федерации и Архиве внешней политики Российской Империи. Исключительно ценные коллекции документов, характеризующие российскую военную эмиграцию и деятельность отдельных эмигрантских организаций и их лидеров, а также оперативные материалы о борьбе с ними, следственные и иные документы хранятся в Центральном архиве Федеральной службы безопасности. Немало интересных документов, связанных с финальной частью Гражданской войны в России, эвакуацией антибольшевистских воинских формирований, а также с последующей борьбой с эмигрантскими организациями находится в региональных государственных архивах и особенно в архивах региональных управлений ФСБ приграничных регионов.

Большую группу источников представляют собой опубликованные в нашей стране документы и материалы о деятельности Русского Зарубежья и эмигрантских военных организаций⁴³. Надо особо выделить развернувшееся с конца 90-х годов многотомное документальное издание «Русская военная эмиграция 20-х — 40-х годов», осуществляемое совместно Институтом военной истории Министерства обороны РФ, ФСБ и Службой внешней разведки (СВР) РФ⁴⁴. Следует отметить и документальную публикацию переписки бывших царских дипломатов, находившихся в эмиграции, осуществленную совместно МИД и СВР России⁴⁵.

Полезными представляются подготовленные и изданные в разные годы в нашей стране и за рубежом справочные издания о Русском Зарубежье, и в том числе о деятельности военных эмигрантских организаций⁴⁶.

Ценной группой источников являются материалы периодической печати эмиграции. В общей сложности за рубежом выходило в свет более ста русскоязычных изданий военной эмиграции. Особое значение имеет знакомство с такими военными эмигрантскими изданиями, как журналы: «Часовой», «Галлиполийский Вестник», «Военный Журналист», «Наши Вести» и др.⁴⁷ Следует добавить к их числу и издаваемые в последние годы в России журналы

«Новый Часовой» и «Вестник РОВС». В целом же, периодическая печать эмиграции – это богатейший и поистине бесценный источниковый пласт для исследования ее истории, хотя и своеобразный, требующий, как, впрочем, и любая группа источников, критического к себе отношения, внимательного источниковедческого анализа, тщательной перепроверки на достоверность.

Важным, полезным, хотя специфическим и требующим к себе вдумчивого и критического отношения источником, являются опубликованные и неопубликованные мемуарные материалы военных и политических деятелей Русского Зарубежья⁴⁸. Несомненный интерес представляют мемуары работников советских спецслужб, которые вели борьбу против эмиграции⁴⁹. Полезными, хотя и нуждающимися в тщательной проверке на достоверность излагаемых фактов, являются мемуары чекистов-невозвращенцев, опубликованные в свое время на Западе, а спустя десятилетия и в нашей стране (А.М. Орлов, В.Г. Кривицкий, Г.С. Агабеков и др.)⁵⁰.

Полнота и разнообразие используемых источников, их тщательный критический анализ позволяют воссоздать и осмыслить сложную, многогранную и противоречивую картину мира Русского военного Зарубежья, его место в системе Зарубежной России и международных отношений.

Методологическую основу учебного пособия составили ведущие принципы исторического исследования – историзма, объективности и системности. В основе изложения лежит проблемно-хронологический подход. Раскрытию темы и ее проблематики во всей сложности, многогранности и противоречивости рассматриваемых событий и процессов отечественной, всеобщей истории и международных отношений способствовали цивилизационный, комплексный и социокультурный подходы. Более глубокому осмыслению и рассмотрению темы содействовало использование многофакторного анализа, альтернативности, персонификации исследуемых исторических процессов.

Вопросы к первой главе

1. Дайте общую характеристику процесса развития отечественной историографии Русского военного Зарубежья. Какие факторы легли в основу ее периодизации?
2. Охарактеризуйте основные тенденции развития эмигрантской литературы о российской военной эмиграции.

3. Как формировалась иностранная историография российской послереволюционной эмиграции, и какое место уделялось в ней проблемам военных эмигрантских организаций и их деятельности?
4. Какие изменения произошли в процессах развития отечественной и зарубежной историографии и их взаимоотношениях в постсоветский период?
5. Выберите и проанализируйте исторические исследования отечественных, эмигрантских и зарубежных авторов по истории Русского военного Зарубежья, с которыми удалось ознакомиться.
6. Охарактеризуйте источниковую базу по истории Русского военного Зарубежья и проанализируйте непосредственно использованные вами источники.

ГЛАВА 2 ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ И РОССИЙСКАЯ ВОЕННАЯ ЭМИГРАЦИЯ

Гражданская война в России 1917–22 годов явилась одним из крупнейших катаклизмов отечественной и мировой истории XX века. С высоты сегодняшнего дня и с позиций современной историографии очевидно, что ее содержание складывалось из многообразия политических, социальных, экономических, социокультурных, духовно-нравственных, национально-этнических и иных процессов, конфликтов, расколов, накладывавших свой отпечаток на военное противоборство, его формы, стадии, участников, попытки силой оружия разрешить сложнейшие и разноплановые противоречия и коллизии классов, социальных групп и слоев населения.

Распад в 1917 году Российской империи обусловил растянущуюся на несколько лет борьбу с использованием оружия центробежных и центростремительных сил. Борьбу друг с другом, и нередко с использованием вооруженных средств, вели и новообразованные государства (Польша с Украиной, Белоруссией и Литвой, Армения с Азербайджаном и Грузией). Гражданская война в России не была чисто российским внутренним явлением, а являлась частью мирового кризиса. Ее генезис и последующее развитие было тесно связано с Первой мировой войной и интервенционистскими вооруженными действиями в России противоборствовавших в этой войне военно-политических коалиций. Большевицкая революция была неотъемлемой составной частью политики, идеологии и практики «мировой революции», что и обусловило жесточайшую борьбу, развернувшуюся в последующие годы в мире и в первую очередь на европейском и азиатском континенте.

Все вышеизложенное дает основание современным историкам размышлять о множественности переплетавшихся в российской гражданской войне разновидностей войн (гражданских войн), изучать не только главные фронтовые сражения (между большевиками и их противниками, красными и белыми), но и битвы, проходившие за линиями фронтов, имея в виду массовые повстанческие, партизанские движения, борьбу антиправительственных сил и группировок в тылу противника, подпольную, диверсионную и террористическую деятельность⁵¹.

Масштабность, жестокость и кровопролитность Гражданской войны в России, завершившейся, в конечном итоге, поражением

антибольшевистских армий и формирований, и обусловили то, что несколько сот тысяч бывших военнослужащих и участников былых сражений вынуждены были покинуть родину.

Но российская военная эмиграция не формировалась одномерно, в короткий период времени. Ее волны выплескивались на зарубежные берега, уже начиная с 1918 — 19 годов, что было связано с конкретными событиями и рубежами разгоравшейся в России Гражданской войны, тесно и органично связанной с иностранной военной интервенцией. В конце 1918 года и в первые месяцы 1919 года вместе с германскими и австро-венгерскими войсками, эвакуировавшимися из России после поражения в Первой мировой войне, страну покинули и российские военнослужащие, входившие ранее в состав антибольшевистских национальных воинских формирований политических режимов, существовавших на оккупированных территориях Украины, Белоруссии и Прибалтики, сотрудничавших с интервентами и находившихся под их покровительством. Впрочем, значительная часть из этих военнослужащих возвратилась затем в Россию и участвовала в боевых действиях на белых фронтах и, в первую очередь, на европейской территории страны.

Провал французской интервенции на Юге России весной 1919 года привел к тому, что в апреле 1919 года из района Одессы выехало из России примерно 15—20 тысяч человек. Несколько тысяч человек прибыло в Константинополь, а 12300 русских военнослужащих генерала Н.С. Тимановского оказались в Румынии⁵². Часть солдат и офицеров осталась на Балканах, но большинство вернулось в Россию и продолжало боевые действия против Красной Армии главным образом на Юге страны.

В конце 1919—начале 1920 года остатки армии генерала Юденича, а также ряда других воинских формирований, воевавших на территориях Северо-Запада и Запада бывшей Российской империи (Западной Добровольческой армии Бермондт-Авалова, войсках Булак-Балаховича и др.), в общей сложности речь идет, вероятно, о десяти с лишним (или даже более) тысячах военнослужащих⁵³ (а с учетом участников различного рода иррегулярных, полувоенных, повстанческих формирований речь, вероятно, может идти о нескольких тысячах человек) эвакуировались в Прибалтийские страны, Польшу, Финляндию и затем растекались по другим странам Европы.

Осенью 1919 года Север России покинули интервенты стран Антанты. Командование союзной экспедиции полагало борьбу в

Северной области бессмысленной и предлагало Временному правительству области и главнокомандованию Северного фронта организовать эвакуацию всех желающих. Но получило отказ, а главнокомандующий Северным фронтом и генерал-губернатор Е.К. Миллер запретил покидать область лицам призывного возраста. В результате стремительный распад Северного фронта белых в феврале 1920 года привел к тому, что лишь небольшой части военнослужащих из 55-тысячной армии удалось покинуть Россию. Несколько сот человек (главным образом офицеров и генералов) во главе с главнокомандующим Северным фронтом генералом Е.К. Миллером бежало на ледоколе «Козьма Минин» в Норвегию, а 870 солдат и офицеров этого фронта (по официальным данным белого командования) сумели с оружием в руках прорваться в Финляндию⁵⁴.

Поражение зимой 1920 года Вооруженных сил Юга России обусловило драматичную эвакуация деникинских войск из районов Одессы и Новороссийска в Турцию, Югославию, Болгарию и Румынию. В итоге зимой и весной 1920 года из России на Балканы эмигрировало, по различным оценкам, от 35 до 45 тысяч человек. Армейская группировка генерала Н.Э. Бредова вышла из района Одессы в Польшу и была интернирована там. Но значительная часть покинувших пределы страны военнослужащих затем продолжала борьбу с большевиками. В частности, по некоторым оценкам, около 4 тысяч офицеров вернулось в течение лета 1920 года в Россию, откликнувшись на призывы и приказы главнокомандующего Русской Армией генерала П.Н. Врангеля⁵⁵.

Тяжелые поражения войск адмирала А.В. Колчака зимой 1920 года и расстрел самого бывшего Верховного Правителя в начале февраля обусловили последующий уход за границу части его войск. Весной 1920 года отступили в Северный Китай остатки войск бывшей Оренбургской армии атамана А.И. Дутова и Отдельной Семиреченской армии атамана Б.В. Анненкова. Весной того же года в Персию и Месопотамию ушел отряд войск генерал-майора В.С. Толстова, командующего Уральской отдельной армии. Отступившие зимой в Забайкалье колчаковские войска были объединены под командованием атамана Г.М. Семёнова, которого Колчак 4 января 1920 года назначил главнокомандующим всеми вооруженными силами и походным атаманом всех российских восточных окраин. Осенью 1920 года, потерпев тяжелые поражения от советских войск и утратив Читу и Даурию, остатки семёновских и капле-

левских войск отступили в Маньчжурию и Монголию⁵⁶. Но Гражданская война на Дальнем Востоке продолжалась почти до конца 1922 года.

Достигнутое осенью 1920 года перемирие Советской России с Польшей и окончание советско-польской войны, завершение в ноябре того же года фронтовой гражданской войны на Украине, разгром в конце 1920—1921 годах национальных антибольшевистских воинских формирований и повстанческих движений заставило остатки уцелевших военнослужащих и повстанцев искать прибежища за границей.

Наиболее крупная и организованная волна военной эмиграции выплеснулась в ноябре 1920 года в Турцию в результате поражения и эвакуации из Крыма Русской Армии генерала Врангеля и распространилась затем на страны Юго-Восточной Европы и Тунис. 12 ноября 1920 года главнокомандующий Русской Армией генерал-лейтенант Врангель отдал приказ об эвакуации. Предполагалось эвакуировать до 75 тысяч человек, в том числе 30 тысяч военнослужащих строевых частей, но реальные масштабы значительно превзошли планируемые цифры. Для осуществления эвакуации в короткий срок, в экстремальных условиях поздней осени и под давлением вступивших в Крым войск Красной Армии были использованы все находящиеся в наличии и способные плавать не только военные и гражданские суда России, но и (в соответствии с заключенной 13 ноября 1920 года с политическими и военно-морскими представителями Франции конвенцией) французские и некоторые другие иностранные транспорты. По сведениям штаба генерала Врангеля, из Крыма было вывезено на 126 судах 145693 человека. Среди них было, по различным данным, от 70 тысяч до более чем 100 тысяч различных категорий военнослужащих⁵⁷.

Вступление войск Красной Армии на территории Закавказья и Средней Азии в начале 20-х годов вызвало поток эмигрантов оттуда, в том числе военнослужащих и прежде всего офицеров, военных специалистов, хотя речь в данном случае идет, вероятно, о нескольких сотнях человек.

Остатки военнослужащих белых армий Сибири и Дальнего Востока отступали в 1920—22 годах за линию российской границы в Китай, в полосу отчуждения Китайской Восточной железной дороги (КВЖД)⁵⁸. С 20 по 24 октября 1922 года произошла эвакуация белогвардейцев из Владивостока: пал последний оплот белой борь-

бы в России. На судах Сибирской военной флотилии и Добровольного флота военнослужащие и гражданские беженцы были доставлены в корейский порт Гензан, с последующим рассредоточением по азиатскому пространству. В начале 20-х годов в Китае проживала четверть миллиона русских эмигрантов (а по некоторым данным, и значительно больше — более 400 или даже 500 тысяч человек) и в том числе более половины из них — в Маньчжурии. Часть беженцев обосновались также в Корее, Японии, Индокитае и на Филиппинах. Из общего числа эмигрантов в странах Дальнего Востока примерно 80 тысяч составляли бывшие военнослужащие⁵⁹.

Волны дальневосточной эмиграции докатывались до США, Канады, Южной Америки и Австралии, где осело несколько десятков тысяч беженцев. Среди них были и тысячи бывших военнослужащих.

Добавим, что за пределами России в качестве эмигрантов оказались в 20-е годы и русские военные дипломаты, сотрудники бывших российских военных агентур и военных миссий, а также военнослужащие, выезжавшие за рубеж в годы Первой мировой и Гражданской войн в составе различного рода делегаций и миссий царского, Временного и последующих антибольшевистских правительств периода Гражданской войны и оставшиеся жить в иностранных государствах. Большую колонию беженцев составили бывшие русские военнослужащие, попавшие в плен в годы Первой мировой войны и осевшие на жительство в странах Европы.

В общей сложности, за пределами Советской России в начале 20-х годов оказалось, по оценке автора, примерно более 300 тысяч бывших солдат и офицеров Императорской и антибольшевистских армий периода Гражданской войны⁶⁰. Вместе с тем, в литературе можно встретить и большие цифры, например, свыше 400 тысяч солдат, офицеров и казаков⁶¹.

Ядро российской военной эмиграции составили военнослужащие и в первую очередь офицерство белых армий. Главнокомандующий Русской Армии генерал П.Н. Врангель⁶² претендовал на то, чтобы его солдаты и офицеры выступили в качестве организующей и сплачивающей Российское военное Зарубежье силы. Именно они должны были составить основу будущей армии в новом походе против большевиков, который планировалось начать уже весной 1921 года.

Согласно подписанной 13 ноября 1920 года в Крыму конвенции между главнокомандующим Русской Армией генералом Вран-

гелем, с одной стороны, и Верховным комиссаром Франции на Юге России графом де Мартелем и французским адмиралом Дюминелем, с другой, все лица, эвакуированные из Крыма, поступали под покровительство Французской Республики, взамен чего французское правительство брало в залог русский военный и гражданский флот. Доходы от его продажи должны были покрыть часть расходов Франции на эвакуацию русских и затраты на русских беженцев⁶³. Генерал Врангель и его окружение на первых порах искренне надеялись на всемерное содействие стран Антанты и прежде всего Франции в обустройстве его войск в эмиграции. Но этим надеждам не суждено было сбыться. Хотя сразу после прибытия русских беженцев в Турцию французы говорили о готовности следовать заключенной в Крыму договоренности, но спустя некоторое время они заявили, что «Армия Врангеля перестала существовать, и начальники ее не могут отдавать приказаний своим подчиненным». Французское правительство отказалось также рассматривать идею переброски военнослужащих его армии на другие театры военных действий. 30 ноября 1920 года представитель Антанты известил Врангеля о прекращении признания Южно-Русского правительства⁶⁴.

Надежды и усилия генерала Врангеля, направленные на сохранение кадров Русской Армии и собирание зарубежного русского воинства для продолжения борьбы с большевиками, сталкивались с весьма скептическим отношением к этому правительств стран Антанты. Они полагали, что с падением Крыма вооруженная борьба с большевизмом потеряла смысл, и более тяготели к урегулированию отношений с Советской Россией. Отношения Врангеля с высшими представителями союзников в Турции с каждым днем становились все хуже. Здесь сказывались различные факторы: во-первых, представители Антанты не ожидали, что на оккупированную и контролируемую их войсками территорию побежденной Турции, где обстановка оставалась чрезвычайно сложной, выплеснется столь мощная волна русских беженцев (в несколько раз больше ожидаемой), в составе которой находилось и несколько десятков тысяч вооруженных людей; во-вторых, на плечи союзников легли нелегкие проблемы размещения, снабжения крымских беженцев и обеспечения контроля за ними, предотвращения возможного брожения, конфликтов и неприятных инцидентов, тем более вооруженных; в-третьих, союзники не верили в возможность продолжения успешной борьбы с большевиками и в силу этого не поддерживали идею генерала Врангеля сохранить армию.

Обстановка в Турции, потерпевшей поражение в Первой мировой войне, складывалась весьма напряженная. Здесь ширилось национально-освободительное движение, во главе которого стоял М. Кемаль-паша. Французские, английские и греческие войска с трудом сдерживали разгоравшееся в Турции восстание, партизанскую борьбу. Поэтому появление в Турции нескольких десятков тысяч русских солдат и офицеров вызывало тревогу и озабоченность оккупационных властей стран Антанты.

Эвакуированные из Крыма в Турцию военнослужащие Русской Армии были сведены в три корпуса — 1-й армейский, Кубанский и Донской и размещены с сохранением военной организации и оставлением части оружия в особых военных лагерях на Галлиполийском полуострове, на острове Лемнос, в Чаталджинском районе и др.⁶⁵ На остров Лемнос в Эгейском море были первоначально отправлены остатки кубанских казачьих частей, сведенных в Кубанский корпус под командованием генерала М.А. Фостикова. Казаки называли остров Лемнос «водяной тюрьмой». Донские, а также терские и астраханские казаки, перевезенные на Лемнос после кубанцев, оказались в еще более тяжелом положении. В лагерях Чаталджинского района, в 50-60 км к северу от Константинополя, располагались казачьи части Донского корпуса под командованием генерала Ф.Ф. Абрамова, общей численностью до 20 тысяч человек. Затем в течение декабря 1920 и по март 1921 года они были переведены на остров Лемнос.

В районе Галлиполи расположился лагерь 1-й армейский корпус (сформированный из остатков 1-й армии) под командованием генерала А.П. Кутепова. Корпус состоял из наиболее дисциплинированных частей, элитных полков — Корниловского, Марковского, Дроздовского, Алексеевского, представлявших собой боевое ядро Русской Армии. Здесь был высок удельный вес офицеров, стоявших у истоков Белого движения и оставшихся верными идеологии Белого дела. Наряду с ними здесь были расквартированы шесть военных училищ, две офицерские школы и другие части. Была проделана колоссальная работа по обустройству военнослужащих: строились бараки, рылись землянки, были развернуты лазареты и госпитали. В каждом полку был создан свой театр. Генерал Кутепов железной рукой поддерживал порядок, решительно пресекал любые проявления недовольства. Его деятельность в Галлиполи вызывала в дальнейшем разные толкования. Но само по себе «Галлиполийское сидение» стало одной из легенд, символов и исходных страниц

истории Русского военного Зарубежья. В 1921 году было основано «Общество Галлиполийцев», ставшее одним из первых и к тому же наиболее сплоченных и боеспособных воинских объединений, возникших в эмиграции. После создания в 1924 году Русского Обще-Воинского Союза оно вошло в его состав и стало одним из наиболее прочных его составных частей.

6 тысяч русских военных моряков и 30 кораблей Черноморского флота, преобразованного в эскадру, были переведены на базу французского ВМФ в Бизерте (Тунис). Русские военные суда были взяты в залог Францией⁶⁶.

Французские оккупационные власти в Турции с начала 1921 года взяли курс на распыление остатков Русской Армии генерала Врангеля, перевод военнослужащих на положение гражданских беженцев и рассредоточение их по различным странам, а также на репатриацию их в Советскую Россию. Уже в феврале 1921 года в Россию из Константинополя отправилось турецкое судно «Решид-Паша», имея на своем борту около 3600 бывших военнослужащих белых армий. Различие взглядов на судьбу Русской Армии в эмиграции стало источником острых противоречий между генералом Врангелем и французскими властями.

21 января 1921 года начальником штаба главнокомандующего Русской Армии было направлено циркулярное письмо в адрес ее представителей в Чехословакии, Греции, Сербии, Польше и Франции о необходимости сохранения армии как таковой, ибо борьба с большевиками не закончена и «Русской Армии снова предстоит играть крупную роль в деле освобождения своей Родины». При этом указывалось, что момент этот недалек. Вместе с тем, в письме отмечалось, что целый ряд распоряжений французского командования идет вразрез со стремлением главнокомандующего сохранить военную организацию и армию. Более того, подчеркивалась опасность, что «Союзное Командование станет на открытый путь разрушения армии, то есть ее организации, или, наоборот, к устранению Главнокомандующего от непосредственного руководства Армией».

Для противодействия этой опасности предписывалось принять необходимые меры, чтобы военная организация не разрушалась, а связь главнокомандующего с войсками не прерывалась, и в нужный момент их вновь можно было бы собрать на борьбу. В каждой стране, где есть или будут военнослужащие на положении беженцев, надлежало приступить к организации их союзов, обществ, артелей и т.п., ибо только это могло удержать их от распыления и не-

избежного разложения. Вся тяжесть работы по учету военнослужащих, связи, организации и моральному руководству ими возлагалась на военных агентов. В случае вынужденного ухода главнокомандующего от открытого руководства армией считалось возможным и возникновение вопроса о закрытии военных агентур. В связи с этим предписывалось теперь же военных агентов и военных представителей генерала Врангеля, где это возможно, сделать официальными помощниками уполномоченных по беженской части⁶⁷.

Зима 1920-21 года оказалась исключительно трудной для русских беженцев, и в том числе для солдат и офицеров, расположенных в специальных военных лагерях в Турции. Среди них происходила дифференциация. У части военнослужащих крепились антисоветские настроения, убежденность в правоте своего дела, решимость идти на крайние меры в борьбе с советской властью, готовиться к скорой и неизбежной войне с ней. Развернулось стихийное создание различного рода воинских союзов, организаций, полковых объединений и т.п., призванных способствовать консолидации армии на чужбине, преодолению лишений и трудностей. У другой части оказавшихся в эмиграции военнослужащих укрепились прямо противоположные настроения, росли отчаяние, апатия, пессимизм, желание вернуться на родину.

14 марта 1921 года новый Верховный комиссар Франции в Константинополе генерал де Пелле направил генералу Врангелю официальное заявление о прекращении продовольственной помощи Русской Армии и беженцам с 1 апреля 1921 года и о решении своего правительства отправить в Россию новую партию русских беженцев. Он ссылаясь на то, что этот вопрос уже согласован с советскими властями. Эмигрантам предлагалось, в конечном итоге, либо вернуться в Россию, либо эмигрировать в Бразилию, или выбрать себе работу, которая могла бы обеспечить им существование. Французы предлагали перевести 20 тысяч русских беженцев в Сербию, а 8 тысяч — в Болгарию и Румынию. Протесты главнокомандующего Русской Армии успеха не имели. А тем временем в Советскую Россию отправился пароход «Кизил-Ермак», имея на борту 2700 репатриантов⁶⁸.

В конце марта 1921 года Врангелю удалось, наконец, договориться с французами и направить на переговоры в Болгарию и Сербию своего начальника штаба генерала П.Н. Шатилова. В конце апреля 1921 года от него пришло сообщение о готовности указанных стран принять русских военнослужащих.

В конце апреля – мае 1921 года начался процесс переброски русских военнослужащих из лагерей в Турции на Балканы. В результате уже летом 1921 года численность казаков, перевезенных в Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев (Королевство СХС, с 1929 года – Королевство Югославия), составила 22 тысячи человек. Казаки были направлены в кавалерию, пехотинцы – в пограничную охрану, технические части – на строительство железных дорог. Осенью 1921 года в основном завершилась перевозка 1-го армейского, Донского и Кубанского корпусов Русской Армии генерала Врангеля из Турции в Королевство СХС и в Болгарию. Сам генерал Врангель переехал в начале марта 1922 года в Королевство СХС, и местопребыванием его главного командования становится город Сремски Карловци, недалеко от Белграда. Численность русских военнослужащих в Болгарии в 1922 оценивалась, по различным данным, от 20 до 27 тысяч человек⁶⁹.

Перемещенные в Болгарию русские военнослужащие стали своего разменной картой в сложной политической игре, которая шла в этой стране, переживавшей трудное время после поражения в Первой мировой войне. Если местные правые силы, и в том числе монархически настроенное офицерство, надеялись использовать их в борьбе с левыми и в том числе с правительством Болгарского земледельческого народного союза, то левые, в свою очередь, вели активную кампанию против русских белогвардейцев. В этот сложный процесс политической борьбы в стране вмешивались и советские спецслужбы, вынашивавшие замыслы разгрома эмиграции и включения Болгарию в орбиту «мировой революции». Во многом «благодаря» их действиям весной 1922 года в этой стране разгорелся крупный политический скандал, связанный с обвинениями русского эмигрантского генералитета и офицерства в подготовке заговора с целью свержения действующего правительства. Результатом стала высылка из Болгарии большой группы русских генералов и старших офицеров, в том числе командира 1-го армейского корпуса генерала Кутелова. Но 9 июня 1923 года правым силам Болгарии при поддержке армии и русских белогвардейцев удалось свергнуть правительство А. Стамболийского. Сам премьер был убит во время военного переворота. Отношение нового болгарского правительства к русским эмигрантам изменилось к лучшему.

Вслед за перемещением военнослужащих в страны Юго-Восточной Европы Русская Армия генерала Врангеля фактически прекратила свое существование как боевая единица, перешла на самообес-

печение и трансформировалась в систему различных военных обществ и союзов. Но ее главнокомандующий поставил в качестве главной задачи сохранение любой ценой армейской организации. Врангель сформулировал это следующим образом: «Армия постепенно перейдет к новым формам и условиям жизни... Армия будет существовать в полускрытом виде, но Армия должна быть сохранена во что бы то ни стало»⁷⁰. Для сохранения организации армии необходимо было содержать большую часть штабов, а также обеспечивать лечебные заведения, инвалидов и временно безработных. Но средств оставалось мало, и они постепенно сокращались, поэтому штабы воинских частей и лица, не имевшие работы, стали содержаться за счет отчислений от зарплаты работающих чинов Русской Армии.

Генерал Врангель стремился сохранить не только собственную армию, но установить контроль, наладить взаимодействие и обеспечить организацию под своим руководством военнослужащих бывшей Императорской и других белых армий. Чтобы связать между собой и с армией офицеров, разбросанных по различным странам, и оказать им возможную поддержку, генерал Врангель, напомним, еще в начале 1921 года обратился к российским военным агентам с предложением приступить к образованию военных союзов и обществ.

Командование Русской Армии уделяло большое внимание возникающим на местах в эмиграции воинским союзам, обществам и организациям. Для поддержания связей и установления контроля над ними в штабе Врангеля разрабатывается «Нормальный устав», утвержденный им в апреле 1921 года, на который должны были ориентироваться вновь образуемые воинские союзы и общества. Существующие же организации призваны были принимать его как руководство, перерегистрировать собственные уставы или принимать его полностью. Уставы воинских обществ и организаций направлялись в штаб генерала Врангеля на рассмотрение и утверждение.

Стремясь подчинить создаваемые воинские организации, союзы и общества своему влиянию, Врангель и его окружение задумали переход к замещению должностей председателей их и членов правлений путем назначения, а не выборов. Для унификации и руководства процессом создания воинских организаций и объединений в эмиграции в штабе главнокомандующего Русской Армией было разработано и разослано Положение о Главном Союзе Обществ и Союзов русских войск⁷¹.

Генерал Врангель предпринял попытку регистрации в 1921–22 годах всех бывших российских военнослужащих. Она проводилась распоряжениями представителей главнокомандующего, военных и морских агентов в тех странах, где проживали военнослужащие. В распространенной анкете содержались пункты, касающиеся службы в антибольшевистских армиях, настоящего пребывания в обществах и союзах и др. Особое значение имел третий пункт анкеты, в котором запрашивалось, имеет ли военнослужащий «возможность и желание стать в ряды армии или флота по зову Главнокомандующего». Поясняя разворачивающийся процесс, начальник штаба главнокомандующего генерал Шатилов указывал, что составляются не мобилизационные списки, а выясняются те, кто выскажет свое желание стать в любой момент в ряды армии и находиться на учете на случай, когда возникнет возможность Армии вернуться на родную землю и будет положено начало Русской Армии⁷².

С первых дней пребывания за границей главное командование генерал Врангель и его штаб разрабатывали планы возвращения на родину, пытались наладить эффективную работу служб разведки и контрразведки, поддерживать связи с антибольшевистскими организациями в Советской России. Они надеялись, что взрыв народного недовольства ускорит возвращение военных эмигрантов на родину и приведет к свержению советской власти. Ситуация в России в конце 1920 — первой половине 1921 года, когда развернулось массовое повстанческое движение, была действительно чрезвычайно напряженной. Но, идя на уступки крестьянству, советское правительство изменило свое социально-экономическую политику, что привело к ослаблению напряженности в стране и ликвидации повстанческого движения. Тем не менее, в эмигрантских военных кругах разрабатывались планы реванша.

В первые месяцы 1922 года в различных документах (главного командования Русской Армии, разведывательных органов Польши и Советской России, освещающих ее планы и действия, и др.) содержалось немало материалов, свидетельствовавших о попытках сплотить русских военнослужащих за границей и договориться с руководством Франции, а также Королевства СХС, Румынии и Венгрии, об организации совместных боевых действий против Советской России весной указанного года. В апреле 1922 года нарком иностранных дел Советской России Г.В. Чичерин предъявил на конференции в Генуе документы, свидетельствующие о планах новой интервенции. И, вместе с тем, внимательный анализ всего комп-

лекса документов свидетельствует о глубоких противоречиях, существовавших между потенциальными союзниками, что делало реализацию замыслов и разрабатываемых планов трудно осуществимой. Дело касалось не только отношений между главным командованием Русской Армии, с одной стороны, правительствами и военными кругами стран Антанты, Румынии, Венгрии, Королевства СХС (и некоторых других государств), с другой. Противоречия по-прежнему раздирали и русскую эмиграцию как политические, так и военные ее круги и группировки. Они были, с одной стороны, продолжением бывших противоречий антибольшевистского и белого движения периода Гражданской войны в России, но чрезвычайно обострились в эмиграции, когда оппоненты страстно выясняли, кто же виноват в поражении и вынужденном оставлении родины, возлагая вину друг на друга. Тяжелые условия эмиграции до крайности обостряли бывшие противоречия и конфликты.

В 1921 году в эмиграции предпринимались попытки координации усилий и консолидации деятельности различных партий и организаций в виде более широких союзов и объединений, проводились многочисленные съезды и конференции. Главнокомандующий Русской Армией генерал Врангель пытался наладить контакты и взаимодействие с различными организациями и политическими группировками прежде всего правого и монархического спектра.

12 марта 1921 года Врангель утвердил Положение о Русском Совете. В его состав должны были войти 34 человека: 23 из них избирались, а 10 человек входили по приглашению главнокомандующего. Сам он становился председателем Русского Совета. В соответствии с Положением об этом органе в его состав должны были быть избраны представители от казачества, от горских народов и от общественных организаций (от объединенных бывших членов законодательных палат, от бывших земских гласных, от бывших городских гласных, от торгово-промышленных организаций, от финансовых организаций и от русских академических групп)⁷³.

Созданный Русский Совет представлял собой некий симбиоз представительного и правительственного органа. Барон надеялся, что вошедшие в его состав авторитетные общественные и политические деятели, придерживавшиеся государственной и надпартийной платформы, будут способствовать выходу из изоляции, поддержке армии со стороны зарубежной и эмигрантской общественности и политиков. Но деятельность Русского Совета с первых шагов

столкнулась с сильной оппозицией как в зарубежных органах власти, так и в различных кругах российской эмиграции. Учитывая, что главную роль в этом органе играли представители штаба главнокомандующего, его именовали в эмиграции «игрушечным правительством генерала Врангеля», «мертвым и никому не нужным учреждением»⁷⁴.

Русский Совет прекратил свое существование в октябре 1922 года. Это время, по утверждению генерала Врангеля, характеризовал «в полной мере разброд русской зарубежной общественности». «Попытки объединить национально мыслящих людей вокруг созданного мною Русского Совета и Армии, как национального центра, закончились неудачей, — печально резюмировал главнокомандующий, — Армия осталась одинокой»⁷⁵.

П.Н. Врангель и в дальнейшем предпринимал действия, направленные на объединение вокруг армии эмигрантских движений и группировок. Но контакты с представителями различных политических течений и групп, как правило, не давали желаемых результатов. Политики, даже находясь за пределами России, предпочитали выяснять отношения и сводить старые счеты, поэтому объединительные процессы в расколотой революцией и гражданской войной эмиграции шли трудно.

Положение генерала Врангеля в этот период становилось все более сложным. Ему нелегко было находить общий язык с политиками, что объяснялось не только политическими распрями, но и отсутствием у него необходимого политического опыта. К тому же, главнокомандующий Русской Армией часто не воспринимался военнослужащими других белых армией как личность, имеющая легитимное право на командование ими и способная объединить армию на чужбине, при этом не просто сохранить военные кадры, но сплотить их и организовать для нового похода против большевистской России, в возможность и успех которого верили уже немногие.

В этих условиях генерал Врангель и его окружение пытались найти те идеи и аргументы, которые могли сплотить и объединить именно вокруг армии широкие слои Русского Зарубежья. «Будучи прежде всего национальной Русская Армия собрала под своими знаменами всех тех, кто стремится освободить Родину от врага народа, борется за русскую национальную идею», — подчеркивает Врангель в одном из писем в декабре 1921 года. — И вокруг Армии должны объединиться все — от республиканца до монархиста». «Бу-

лучи сам по убеждению монархист, я, как Главнокомандующий Русской Армией, вне партий», — продолжает он. — Национальные партии должны поддержать Армию, не пытаясь сделать ее орудием политической борьбы между ними»⁷⁶.

Весной 1922 года генерал Врангель, стремясь сплотить вокруг армии достаточно широкие политические силы, сделал ставку на непредрежденческое объединение центристского характера. Будучи монархистом, он не нашел, вместе с тем, общего языка с монархическими организациями. В этом часть политиков, а в дальнейшем и исследователей, усматривала его серьезную политическую ошибку. Впрочем, идеи монархизма были серьезно подорваны и дискредитированы, а само монархическое движение в эмиграции было настолько раздроблено и дезорганизовано, что найти взаимопонимание и наладить взаимодействие с его лидерами было исключительно трудно. Сам Врангель по-прежнему делал главную ставку на белую идеологию, считая, что именно она, будучи выношена и выстрадана в годы Гражданской войны в России, может быть идеологической основой для сплочения армии в эмиграции, а также тех общественно-политических кругов Русского Зарубежья, которые разделяли идеи Белого дела. Врангель полагал, что именно белая идеология может и должна быть главным антиподом коммунистической идеологии, и не разделял точку зрения, что есть только два политических мирозозерцания — монархическое и республиканское⁷⁷. Но подобные суждения вызывали резкие нападки на него со стороны монархистов и в частности Высшего Монархического Совета. Генерал Врангель находился и в очень непростой ситуации в связи с борьбой за престолонаследие, развернувшейся в эмиграции между потенциальными наследниками Николая II великими князьями Кириллом Владимировичем и Николаем Николаевичем и их сторонниками.

8 августа 1922 года великий князь Кирилл Владимирович подписал манифест, в котором объявил себя «блюстителем» российского престола и главой династии, считая гибель монарха и его семьи, не подлежащей сомнению⁷⁸. В его обращении к русскому воинству указывалось: «Нет двух русских армий. Имеется по обе стороны рубежа Российского единая Русская Армия... Молю Бога о том, чтобы просьбе моей вняв, Верховное Главнокомандование над Русской Армией принял Его Императорское Высочество Николай Николаевич...». Но, несмотря на это обращение, а затем и два личных письма к великому князю Николаю Николаевичу, тот отклонил предла-

гаемое сотрудничество и уведомил, что не сочувствует выступлению великого князя Кирилла Владимировича. Председатель Высшего Монархического Совета Н.Е. Марков 2-й в ответ на предложение прибывших к нему сподвижников великого князя Кирилла Владимировича о поддержке его как блюстителя государева престола заявил: «Великий князь выступил преждевременно, не условившись окончательно с ВМС. Надо уважать общественность, а не поступать по-диктаторски. При создавшейся обстановке не может быть и речи о поддержке со стороны ВМС»⁷⁹. Таким образом, вместо ожидаемого сплочения всех сторонников монархии в эмиграции выступление великого князя Кирилла Владимировича лишь углубило раскол в рядах монархистов.

11 августа того же года генерал Врангель получил от великого князя Кирилла Владимировича телеграмму: «Я как блюститель Государева Престола неизменно рассчитываю на Ваше творческое сотрудничество, единодушие в великом деле спасения России. Высылаю манифест. Уважающий Вас Кирилл»⁸⁰. Врангель уклончиво ответил, что мыслит Россию такой, как того пожелает русский народ, пламенно веря в то, что народная мудрость вернет Россию, как и триста лет назад, не ее исторический путь. Указывая на то, что великий князь уже ныне, на чужбине без участия народа предпринимает этот вопрос, генерал сообщил ему, что при таком условии он не вправе обещать ему сотрудничество, которое ему угодно было предложить.

Легитимисты, сторонники великого князя Кирилла Владимировича, ставили своей целью восстановление легитимно-монархического строя. Легитимное движение возлагало особые надежды не столько на интервенцию, сколько на внутренний переворот в России. Для этого легитимисты считали необходимым пропаганду принципов законной монархии не только в эмиграции, но прежде всего в России. Но, чтобы осуществлять там такую работу, нужны были деньги. Для получения денежной и иной помощи они надеялись на германские источники, имея в виду монархические круги Германии, а также нарождающуюся Национал-социалистическую рабочую партию А. Гитлера.

Работу по сближению с этими группировками вел сотрудничавший с немцами еще в годы Гражданской войны в России генерал В.В. Бискупский. Он командовал войсками у гетмана П.П. Скоропадского на Украине в 1918 году, в 1919 году возглавлял Западно-русское правительство в Берлине. Участвовал в Капповском мяте-

же в Германии в 1920 году. Генерал Бискупский стал одним из основателей и активных деятелей созданной в Мюнхене в конце 1920 года организации «Ауфбау», объединявшей русских и немецких монархистов и националистов. Эта организация в дальнейшем все теснее сближалась с немецкими национал-социалистами. В 1921 году генерал Бискупский вошел в состав Мюнхенского Монархического Объединения, созданного на съезде в Рейхенгалле русскими эмигрантами. Сам съезд был организован при поддержке баварских промышленников. Бискупский активно сотрудничал с немецким генералом Э. Людендорфом и в то же время являлся близким и доверенным сотрудником великого князя Кирилла Владимировича.

Сам великий князь и его супруга, великая княгиня Виктория Феодоровна, герцогиня Саксен-Кобургская, поддерживали тесные связи с монархически настроенными кругами германских военных, надеясь при их помощи реализовать свои планы по свержению советской власти и восстановлению монархии в России. В 1922 году в их резиденцию в Кобурге для участия в торжествах по случаю «дня Германии», устраиваемых Викторией, приезжал лидер НСДАП, будущий фюрер фашистской Германии А. Гитлер. Герцогиня, в свою очередь, посетила несколько слетов германских штурмовиков.

Великий князь Кирилл Владимирович возложил работу по связи с Россией на переехавшего летом 1922 года в Мюнхен генерал-лейтенанта К.В. Сахарова. Он был видным боевым сподвижником адмирала А.В. Колчака в период Гражданской войны в России, являлся главнокомандующим белыми армиями на Восточном фронте в конце 1919 года. Так как великий князь не выделил Сахарову денежных средств на ведение этой работы, утверждая, что они появятся в будущем, то сам генерал надеялся получить их у немцев с помощью Бискупского. Правда, высказывалось предположение, что Сахаров, прибывший с Дальнего Востока, мог иметь какие-то деньги от атамана Г.М. Семёнова. Своим помощником для работы по связи с Россией генерал Сахаров взял капитана II ранга Г.К. Графа⁸¹.

Тем временем, когда в Европе в начале 20-х годов формировались организационные, военные и политические центры российской эмиграции, развертывалась работа по объединению бывших военнослужащих, в восточных районах России еще продолжалась Гражданская война. Под контролем белогвардейцев и японцев находился Дальний Восток. Уходившие с 1920 года на границу, на территорию Китая и Монголии белогвардейские отряды, то и дело со-

вершали рейды на российскую территорию. Военские формирования барона Р.Ф. Унгерн-Штернберга в первой половине 1921 года установили контроль над обширными районами Монголии и готовили поход в Советскую Россию. В этих условиях советские отряды с мая 1921 года по соглашению с китайскими властями развернули боевые действия против русских белогвардейцев на приграничных с Россией территориях Китая и Монголии. Сам Унгерн-Штернберг был захвачен в плен, доставлен в Советскую Россию, судим и расстрелян 15 сентября 1921 года в Новосибирске. Еще ранее, в феврале 1921 года в результате советской спецоперации в китайском городе Суйдуне был убит генерал А.И. Дутов⁸². Осенью 1922 года развернулись и решающие сражения на Дальнем Востоке, завершившиеся эмиграцией остатков белогвардейских войск отсюда⁸³. 25 октября 1922 года советские войска вступили во Владивосток.

Дальневосточная эмиграция превратилась в один из самых представительных анклавов российской эмиграции. В свою очередь, на территории Маньчжурии, непосредственно прилегавшей к России, часто складывалась наиболее напряженная обстановка. Отсюда совершались антисоветские акции, заброски эмигрантских разведывательных и боевых групп на советскую территорию.

В российской эмиграции тем временем возникали военные организации разных типов и форм: объединения военнослужащих отдельных воинских подразделений старой российской или белых армий; по признаку принадлежности к определенным военно-учебным заведениям, соединениям, специальностям и родам войск; объединения по странам, территориям и регионам; военно-административные, военно-благотворительные, мемориальные и другие объединения. Существовала целая система казачьих организаций. Ядро различных типов воинских организаций и объединений составляло офицерство. Все более активные и целенаправленные действия генерала Врангеля и его штаба в 1923–1924 годах, направленные на установление своего контроля над созданными и создающимися военными организациями и союзами, были обусловлены, с одной стороны, опасностью растекания военнослужащих по огромному пространству Европы и других континентов, ухода в быт, утрат боевого духа и готовности к новой войне с большевиками, а с другой, — необходимостью, используя новые организационные формы, сплочения «армии в изгнании», демонстрации политикам и общественному мнению стран Запада ее боеспособности и высокого морального духа.

Военнослужащих и прежде всего офицеров спланивала надежда вернуться домой, и они принадлежали к той части эмиграции, которая наиболее активно сопротивлялась ассимиляции, в том числе и культурной. Сохранение воинских традиций, символики, ритуалов, верность профессиональной и кастовой военной культуре, присяге, стремление поддерживать традиционные для воинской среды приказные отношения, дисциплину наряду с взаимоуважением, поддержкой, взаимопомощью и взаимовыручкой, ощущением чувства локтя своих товарищей по оружию – все это призвано было стать важными морально-нравственными атрибутами, сплачивающими Русское военное Зарубежье, способствующими выживанию и сохранению воинского духа в суровых реалиях русского рассеяния.

Генерал Врангель отводил важную роль поддержанию на высоком уровне военных знаний и мастерства русского офицерского корпуса в эмиграции, подготовке и переподготовке офицерских кадров. Еще в 1921 году он высказался за открытие Русской военной академии в Белграде, предложив руководство ею бывшему профессору Николаевской академии Генерального штаба, видному и авторитетному за рубежом ученому и военному теоретику, генералу Н. Н. Головину, труды которого были переведены на иностранные языки. Тот жил в эмиграции в Париже и читал историю Первой мировой войны во Французской Высшей военной школе. В ответ на предложение Врангеля Головин объяснил несостоятельность такого проекта без руководителей, преподавателей, учебных пособий, тщательной подготовки. Генерал Врангель поручил ему развернуть эту подготовку. В 1922 году Н. Н. Головин создал Курсы высшего военного самообразования, которые приобрели широкую популярность в эмиграции. К 1925 году было создано 52 подобных кружка, объединивших более 550 учащихся⁸⁴.

Сложные отношения складывались в эмиграции между главным командованием Русской Армии и казачеством. А оно было крупной и влиятельной силой как в годы войны, так и в эмиграции. 22 июля 1920 года, в Крымский период Гражданской войны было заключено соглашение между главнокомандующим Русской Армией генералом Врангелем и атаманами Донского, Кубанского, Терского и Астраханского войск о подчинении казачьих воинских частей главному командованию для борьбы с большевиками. Но после эвакуации Русской Армии казацкие атаманы отказались признавать это соглашение, и их отношения с ее главным командова-

нием приобрели неопределенный характер. 14 января 1921 года в Константинополе было заключено соглашение Донского, Кубанского и Терского войсковых атаманов и председателей войсковых правительств и был образован Объединенный Совет Дона, Кубани и Терека. Казачьи лидеры претендовали на объединение под своим командованием в эмиграции влиятельной силы почти в 50 тысяч строевых казаков и казаков-беженцев, а, кроме того, на ценности, вывезенные с Дона еще в начале 1920 года. В подписанной Декларации подчеркивалось, что «Дон, Кубань и Терек, сохраняя неприкосновенность своих конституций, по вопросам внешних сношений, военным, финансово-экономическим и общеполитическим действуют объединенно»⁸⁵.

В свою очередь, главное командование Русской Армии по-прежнему руководствовалось Крымским соглашением (1920 г.), в соответствии с которым атаманы признавались высшей властью казачьих войск, последние подчинялись в военно-административном отношении атаманам, но в строевом и оперативном отношении — главному командованию. В последующие годы предпринимались неоднократные попытки урегулировать отношения между генералом Врангелем и казачеством, но без особых результатов.

Заметим, кстати, что эмигрантское казачество было далеко неоднородно, и среди него были представители различных политических взглядов, хотя их и объединяло стремление к казачьей независимости или, по крайней мере, к автономии. Например, еще в декабре 1920 года в Константинополе был создан «Союз Возрождения Казачества» (СВК) под руководством Б.Н. Уланова, В.Т. Васильева и других представителей донского «казачьего социализма». Они придерживались республиканской ориентации. Причины же поражения казачества в гражданской войне они видели в том, что оно не выступило в роли самостоятельной силы; а оказалось в подчинении «русских генералов», вокруг которых «сплотились все враги демократии». Лидеры Союза выступали за разрыв отношений с генералом Врангелем. Число рядовых членов Союза — в основном донских казаков достигало в 1922 году 10 тысяч человек, включая членов «Общеказачьего Сельскохозяйственного Союза». СВК издавал газету «Вестник Земледельца»⁸⁶.

Обустройство русских военнослужащих за границей являлось исключительно сложной проблемой как для них самих, так и для их военного командования, и для тех стран, где они оказались. Тем более, что налицо были серьезные расхождения интересов каждой

из вышеназванных сторон. Самих военнотружущих волновали прежде всего вопросы личного материального обеспечения, труда и быта, судьбы их родных и близких, самоидентификации в новом социокультурном пространстве и определение дальнейших жизненных перспектив. Одним из ключевых для них вопросов являлось возвращение на родину, но пути, способы и сроки этого являлись темой острых дискуссий и, в конечном счете, собственного выбора и самоопределения. Одиночество было одним из факторов, резко обострявших жизненную ситуацию. Например, в Королевстве СХС в 1921 году 69 % эмигрантов составляли мужчины, 68 % из них были в возрасте 19–45 лет, 70 % являлись одиночками, хотя большинство из них и состояло в браке, но жены и семьи остались на родине⁸⁷.

Военное командование убеждало солдат и офицеров, что путь возвращения в Россию может быть только один – с оружием в руках и посредством свержения советской власти. А пока надо сохранять сплоченность, дисциплину, военную организацию и беспрерывно верить военному командованию, исполнять его приказы. Руководство стран, где оказались русские военнотружущие, было весьма озабочено пребыванием этих непростых иностранных людских контингентов, но вело себя к ним по-разному, в зависимости от многих обстоятельств. Доминирующими же мотивами их действий являлись, несомненно, приоритет интересов руководимых ими государств и их населения и попытки использовать русских эмигрантов для решения тех или иных актуальных для этих стран проблем. Решение вопросов эмигрантов, их кризисных жизненных ситуаций находилось, как правило, на заднем плане для лидеров и политиков зарубежных стран русского рассеяния.

Тем временем советские власти с начала 20-х годов с целью дезорганизации своих противников за рубежом развернули движение за возвращение эмигрантов на родину – так называемое «возвращенчество». За границей развернулось создание отделений и групп «Союза возвращения на Родину» (Совнарод), репатриационной деятельностью занимались и советские миссии Красного Креста, направляемые в страны, где находились наиболее крупные колонии русских эмигрантов. Упорная борьба развернулась за солдат и казаков, находившихся в эмиграции, с тем, чтобы лишить эмигрантских лидеров возможности создать реальную и многочисленную вооруженную силу для продолжения борьбы с советской властью. Декретом ВЦИК от 3 ноября 1921 года им была предоставлена возможность возвращения домой на общих основаниях с возвращаю-

шимися на родину из стран Европы военнопленными. Декретом ВЦИК от 9 июня 1924 года амнистия была распространена и на рядовых солдат белых армий, находившихся на Дальнем Востоке, в Монголии и Западном Китае. Создавались и офицерские секции «Совнарода», которые принимали и направляли на рассмотрение во ВЦИК заявления бывших офицеров об амнистии. Уже в начале 20-х годов в Советскую Россию вернулось из-за рубежа примерно около 150 тысяч эмигрантов⁸⁸, а до конца 20-х годов, когда процесс репатриации фактически завершился, в СССР прибыло 180 с лишним тысяч человек. Среди них было несколько десятков тысяч бывших военнослужащих и несколько тысяч бывших офицеров.

Там или иначе, но уже в начале 20-х годов перед эмигрантскими политиками и генералами встала задача сплочения эмигрантского сообщества на антисоветской основе, противодействуя, таким образом, усилиям советских властей и спецслужб по разложению и дезорганизации эмиграции. В первую очередь генерал Врангель и его штаб решали сложнейшие проблемы сохранения и укрепления единства армии, объединения вокруг нее широких кругов зарубежной общественности. Барону предстояло определиться: самому ли пытаться решать эти трудные проблемы или искать опору и руководство в лице какой-либо другой силы или личности.

Весной 1923 года генерал Врангель заявил о своем безоговорочном подчинении великому князю Николаю Николаевичу, бывшему верховному главнокомандующему Императорской армии в годы Первой мировой войны. 12 мая в письме великому князю барон призвал принять от него трехцветное знамя, поднятое пять лет назад генералами Алексеевым и Корниловым⁸⁹.

Страстная политическая борьба, разгоравшаяся в эмиграции, оказывала влияние и на армию и грозила расколоть ее. Это вызывало самую серьезную озабоченность у генерала Врангеля, и 8 сентября 1923 года он издал приказ № 82 по Русской Армии, в котором, в частности, армейским чинам запрещалось входить в какие-либо политические организации и объединения. Главнокомандующий подчеркивал свое решительное требование «не допускать обсуждения каких-либо вопросов характера политического — предоставив обсуждение «программ», «платформ», «тезисов» и «лозунгов» тем, кто видит в этом спасение Родины, и указывал, что для воина есть один лозунг — приказ начальника». В приказе содержалось требование к офицерам, состоящим в офицерских союзах, выйти из состава каких-либо политических организаций, если же

те или иные лица уклонялись от этого, они подлежали исключению из союзов. Если какой-либо из союзов признавал возможным оставить в числе своих членов офицеров, отказывающихся влиться в состав армии или отказавшихся выйти из состава той или иной политической организации, то он не мог оставаться в числе союзов, входящих в состав армии, и не мог в дальнейшем рассчитывать на ее помощь.

В этом приказе генерала Врангель подводил итоги работы по объединению русских воинских чинов в эмиграции. «Ныне, после трех с половиной лет изгнания, армия жива, — указывалось в приказе, — она сохранила свою независимость, она не связана ни договорами, ни обязательствами, ни с государствами, ни с партиями, она собственным трудом обеспечивает свое существование. ... Армия перешла на трудовое положение». Врангель зачислял офицерские союзы и общества в состав армии и обязывал всех офицеров, считающих себя в составе армии, записаться в один из офицерских союзов, состоящих при военных агентах или военных представителях в данной стране.⁹⁰ Характеризуемый документ стал важным шагом, направленным на консолидацию офицерского ядра, недопущение участия воинских чинов в политиканстве и в «политических играх». Он был призван ослабить влияние политиков и политических организаций на военнослужащих, а тем самым — на воссоздание и сплочение «армии в изгнании», усиление роли и влияния командования и персонально генерала Врангеля.

Осенью 1923 года произошли важные события в Баварии, имевшие прямое отношение к деятельности великого князя Кирилла Владимировича и его сторонников. В начале 20-х годов Мюнхен и Бавария были центрами зарождения, с одной стороны, национал-социалистического движения, руководимого А. Гитлером, а с другой, — русского легитимистского (легитимно-монархического) движения, в финансировании и создании ядра которого принимала активное участие великая княгиня Виктория Феодоровна, супруга Кирилла Владимировича. В ядро русского легитимистского движения входили и военнослужащие: генералы В.В. Бискупский и К.В. Сахаров, полковник Ф.Ф. Эвальд, капитан II ранга Г.К. Граф, ротмистр Д.Ф. Левшин.

В сентябре 1923 года в Мюнхене состоялась встреча великой княгини Виктории Феодоровны и генерала Бискупского с Гитлером, Людендорфом и несколькими известными немецкими финансистами. В ходе совещания было решено создать финансовый комитет.

Каждый из присутствующих финансистов согласился внести по полмиллиона марок для поддержки Национал-социалистической рабочей партии Гитлера, стремившейся к власти. Свой взнос внесла и великая княгиня после обращения генерала Людендорфа к ней с предложением включить дело ее супруга в число организаций, которые комитет будет поддерживать. Но выступление нацистов в Мюнхене с целью захвата власти 8–9 ноября 1923 года, вошедшее в историю как «Пивной путч», провалилось. А. Гитлеру удалось скрыться и, по некоторым данным, он скрывался в доме В.В. Бискупского, который и сам был допрошен в связи с состоявшимся выступлением и выяснившейся связью организации «Ауфбау» с национал-социалистами. А. Гитлер был арестован через два дня после путча и судом, а его партия запрещена. Первая вооруженная попытка немецких нацистов прийти к власти провалилась, а названный финансовый комитет распался, не начав действовать. Это привело и к охлаждению отношений русских легитимистов с деморализованными нацистами, а в окружении великого князя Кирилла Владимировича стали искать сближения с немецкими монархистами.

Для развития и консолидации русского легитимистского движения на средства супруги великого князя Кирилла Владимировича был создан Главный легитимно-монархический комитет. Он должен был руководить движением во всех странах, где оно имелось. 11 сентября 1924 года в Белграде был учрежден Союз Монархистов-Легитимистов⁹¹.

Иной ориентации придерживался генерал Врангель. 15 декабря 1923 года он утвердил предписание № 04109, в котором подчеркивалось, что «армия отныне находится под покровительством великого князя Николая Николаевича». Вся политическая работа — зарубежная и в Советской России (разведка, установление связи, пропаганда, информация) и ответственность за нее передавалась из Белграда в Париж. В качестве переходной меры генерал Врангель предписал своему начальнику штаба генералу Миллеру « всю работу по агентуре, пропаганде в Советской России, по информационной части, по советским учреждениям в Европе, по обследованию политического положения в иностранных государствах и другим, не связанным непосредственно с управлением армией и заведованием состоящими при ней Офицерскими союзами », передать временно военному представителю во Франции. Тот должен был передать все органы, ведающие этими отраслями работы, в распоряжение учреж-

дения или лица по поручению великого князя Николая Николаевича. Во исполнение указанного предписания все органы и чины, которые вели работу по указанным направлениям, откомандировывались от штаба главнокомандующего и управлений военных представителей. Вместе с ними передавались и средства, предназначенные для указанной деятельности⁹².

Резюмируя принятое решение, генерал Врангель указывал: «Большая нравственная ответственность спадает с меня. Отныне все вопросы политические — международного характера, по объединению национальных русских сил и т.п. не лежат более на мне и на представителях армии»⁹³. Но великий князь Николай Николаевич не спешил издавать приказ или распоряжение и не давал официально согласия на взятие армии под свое покровительство.

8 февраля 1924 года генерал Врангель издал принципиально важный приказ № 5, направленный на усиление своего влияния на русские офицерские союзы и общества в Европе. В целях объединения их вокруг Русской Армии, согласования всех мероприятий по проведению в жизнь этого объединения и облегчения связей обществ и союзов с Армией, рассредоточенной на Балканах, генерал-лейтенанту Юзефовичу приказывалось объединить руководство работой офицерских обществ и союзов в Финляндии, Эстонии, Литве и Латвии, генерал-майору фон Лампе поручалась аналогичная работа в Германии, Венгрии и Чехословакии, генерал-лейтенанту Хольмсену — во Франции, Бельгии и Англии. Все они, а также генерал-лейтенант Махров, непосредственно подчинялись помощнику главнокомандующего генералу Миллеру, который находился в Париже. В странах Балканского полуострова генералам Ронжину, Неводовскому, Геруа и полковнику Флорову предписывалось продолжать работу по руководству и объединению обществ и союзов в тех странах, где они находились. Эти лица, а также полковник Базаревич, подчинялись помощнику Врангеля генералу Абрамову. Союзу объединенных офицерских обществ в Королевстве СХС приказывалось продолжать свою работу⁹⁴.

Свою военную организацию в это время создавал и великий князь Кирилл Владимирович. Бывший контр-адмирал он прекрасно понимал значение консолидации под своим руководством бывших русских военнослужащих, оказавшихся в эмиграции и разбросанных по разным странам мира. Своим Высочайшим Приказом от 30 апреля 1924 года № 108 великий князь образовал Корпус Офицеров Императорских Армии и Флота. Он создавался

под монархическим знаменем. В утвержденном Положении подчеркивалось, что Корпус «образуется с целью произвести отбор достойных Русских офицеров, верных Престолу и Основным Законам Российской Империи...». В Корпус зачислялись как лица, произведенные в офицерский чин «Высочайшими Приказами Государя Императора, так и позднейших выпусков и производств, состоявшихся после 1 марта 1917 г.»⁹⁵. Делами Корпуса заведовал генерал-лейтенант Н.А. Обручев. Великий князь Кирилл Владимирович прилагал в дальнейшем значительные усилия для сплочения в эмиграции бывших русских военнослужащих под своим руководством.

Летом 1924 года в штабе генерала Врангеля разрабатывался план объединения всех офицерских союзов и обществ в один «Русский Обще-Офицерский Союз» (РООС) в составе Русской Армии, начальником которого должен был стать сам главнокомандующий. Все общества и союзы, объединяющиеся в РООС, должны были являться его секциями и сохраняли свои названия. Внутри РООС предполагалось образовать следующие отделы: 1) Западноевропейский (с центром в Париже), состоящий из офицерских союзов во Франции, Италии, Бельгии, Дании и Англии; 2) Среднеевропейский (с центром в Берлине), включающий в себя эти общества и союзы в Германии и Венгрии; 3) Прибалтийский (с центром в Лейпциге) с союзами и обществами в Польше, Финляндии, Латвии и Литве; 4) Балканский (с центром управления в Белграде), объединяющий общества, действующие на территории Королевства СХС, Греции, Турции и Болгарии. Отдельно временно выделялись союзы в Болгарии, подчиняющиеся начальнику воинских частей в этой стране. В конце июля 1924 года генерал Кусонский, исполняющий обязанности начальника штаба Русской Армии, подготовил по приказу генерала Врангеля проект постановления о «Русском Обще-Офицерском Союзе» с четырьмя территориальными отделениями — западноевропейским, среднеевропейским, прибалтийским и балканским и представил его проект бюджета⁹⁶.

Готовя создание подобной масштабной организации, Врангель вел и сложные политические консультации. Он направил проект документа о создании Русского Обще-Офицерского Союза великому князю Николаю Николаевичу, но ответа от него не получил. Тем временем проблема их взаимоотношений и в связи с этим положение в армии вызывала большой интерес, немало версий и сплетен в эмиграции. Ближайшие соратники Врангеля, поддерживавшие

контакты по его поручению с великим князем, все решительнее ставили вопрос о необходимости выяснить отношение великого князя к собиранию офицерства в эмиграции: намерен ли он объединить офицерство вокруг Армии или вне ее, с подчинением определенному лицу. Выяснив это мнение, необходимо было сделать его достоянием офицерства.

Таким образом, в расколотов раздорами эмиграции, в острой борьбе с политиками разных направлений и в том числе с монархистами, подвергаясь нападкам с разных сторон, генерал Врангель искал своеобразную точку опоры для сохранения Русской Армии, правда в ином виде, и объединения вокруг нее бывших военнослужащих Императорской и белых армий. Именно это, по его мнению, давало шанс на продолжение борьбы с большевиками и возвращение с оружием в руках в качестве победителей в Россию. Понимая свои ограниченные возможности, так как он виделся многим в эмиграции лишь как командующий одной из белых армией периода Гражданской войны, и будучи монархистом по своим политическим убеждениям, генерал Врангель пытался найти поддержку в Императорском Доме Романовых и персонально в лице великого князя Николая Николаевича. Только это, по его убеждению, могло спасти армию и объединить эмиграцию для нового этапа борьбы с советской властью при поддержке иностранных сил. Развитие событий должно было подтвердить или опровергнуть правильность расчетов генерала Врангеля.

Вопросы к второй главе

Как соотносились Гражданская война в России и формирование российской военной эмиграции?

Охарактеризуйте основные маршруты ухода военнослужащих в эмиграцию и определите рубежные точки эмиграционных процессов.

Почему именно главное командование Русской Армии взяло на себя задачу объединения российской военной эмиграции?

Дайте анализ форм и методов работы по собиранию российских военнослужащих в эмиграции.

В чем заключались особенности адаптации бывших военнослужащих к жизни в разных странах и на разных континентах?

Как складывались взаимоотношения руководителей русских белогвардейцев-эмигрантов с лидерами и представителями стран

Антанты в Турции? Какие факторы сказывались на характере и эволюции этих отношений?

В чем заключалось существо расхождений во взглядах на российскую армию в эмиграции генерала Врангеля и великого князя Кирилла Владимировича?

В чем выразились особенности поведения казачества и его лидеров в эмиграции? Каковы причины и в чем существо их расхождений с генералом Врангелем?

Проанализируйте особенности поведения и взаимоотношений русских военнослужащих, их руководителей и российских политиков различного спектра в эмиграции.

ГЛАВА 3

ФОРМИРОВАНИЕ РУССКОГО ВОЕННОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Осенью 1924 года стала временем создания качественно новых и крупных воинских объединений в российской эмиграции. Эти складывавшиеся организации нового типа оказали глубокое воздействие на процессы, происходившие в эмигрантской военной среде, и наложили свой отпечаток на всю жизнь формирующейся Зарубежной России.

1 сентября генерал Врангель собрал в своей резиденции в Сремских Карловцах в Королевстве СХС высших чинов армии и огласил текст приказа № 35 о создании Русского Обще-Воинского Союза (РОВС). Это была организация более широкого состава, нежели планировавшийся ранее к созданию Русский Обще-Офицерский Союз, хотя офицерство и должно было составить ядро РОВСа. Сам термин «обще-воинский» означал, что в Союз могли и должны были войти военнослужащие различных родов войск, армии и флота, а также казачество, которое в эмиграции старалось держаться особняком. РОВС призван был объединить в своем составе (вокруг генерала Врангеля и его Русской Армии) солдат и офицеров бывшей Императорской, белых армий и других антибольшевистских воинских формирований. Русский Обще-Воинский Союз должен был, если и не собрать в своих рядах всю военную эмиграцию, то, по крайней мере, стать ее ведущей организацией и объединяющим ядром.

В Русский Обще-Воинский Союз включались все офицерские общества и союзы, вошедшие в состав Русской Армии, все воинские части и войсковые группы, рассредоточенные в разных странах на работах. В РОВС могли входить отдельные офицерские группы и отдельные воины, не могущие по местным условиям войти в какие-либо офицерские общества и союзы, но пожелавшие числиться в составе Русской Армии. Внутренняя жизнь отдельных организаций сохранялась в неизменном виде, а РОВС выступал в качестве объединяющей их структуры. Таким образом, с Русской Армией в состав РОВСа объединялись все те воинские организации, которые до этого не имели с ней связей. Общее управление делами РОВСа возлагалось на штаб главнокомандующего Русской Армией. Было создано пять территориальных отделов РОВСа.

1 сентября 1924 года был принят еще ряд документов о Русском Обще-Воинском Союзе. В утвержденном генералом Врангелем

«Временном положении о Русском Обще-Воинском Союзе» цель его определялась следующим образом: «...объединить русских воинов, рассредоточенных в разных странах, укрепить духовную связь между ними и сохранить их как носителей лучших традиций и заветов старой Императорской Армии». Задачи Союза сводились к укреплению начал воинской дисциплины, к общему руководству и согласованию деятельности обществ и союзов, воинских частей и отдельных групп, вошедших в его состав, а также к оказанию материальной и моральной помощи своим членам. Во главе РОВСа в соответствии с Временным положением стоял главнокомандующий Русской Армией. Отделы Союза возглавляли председатели, назначаемые главнокомандующим и подчиняющиеся ему непосредственно⁹⁷. С учреждением Русского Обще-Воинского Союза понятия РОВС и Армия начинают отождествляться и, как указывалось в «Справке о РОВС», подготовленной через несколько лет, «Армия стала Р.О.В.Союзом»⁹⁸.

Образование РОВСа должно было укрепить позиции генерала Врангеля, вставшего во главе новой организации. Чтобы повысить авторитет и влияние Русского Обще-Воинского Союза среди военнослужащих, способствовать развитию объединительных процессов в военной эмиграции вокруг него и избежать ненужных политических интриг и инсинуаций, генерал Врангель обратился к великому князю Николаю Николаевичу с предложением стать почетным председателем Союза⁹⁹.

Разъясняя в сентябре своим сподвижникам смысл создания РОВСа, генерал Врангель, подчеркивал, что образование этого единого и мощного Союза «венчает упорную четырехлетнюю работу по объединению русского зарубежного офицерства с Русской Армией и, сохраняя ныне существующую организацию как офицерских союзов и обществ, так и войсковых частей Армии, приводит все в стройную систему». Врангель особо подчеркивал, что образование РОВСа «подготавливает возможность на случай необходимости, под давлением общей политической обстановки, принять Русской армией новую форму бытия, в виде воинских союзов». Это позволяло Армии, по его убеждению, существовать в этом виде при любой политической обстановке¹⁰⁰.

После двухмесячной переписки с великим князем Николаем Николаевичем генерал Врангель прибыл 13 ноября в его резиденцию в Шуаньи, под Парижем. Собеседники обсудили ряд вопросов, требующих немедленного решения. 16 ноября Николай Николаевич

отдал барону распоряжение, в котором указывалось, что «для полного объединения в моем лице всех военных» принимает на себя «руководство через Главнокомандующего, как Армией, так и всеми военными организациями». Все приказания войсковым частям и военным организациям должны были отдаваться им через главнокомандующего. Впредь все начальники отдельных частей, военных учреждений, заведений и организаций, председатели офицерских союзов и объединений должны были уже не избираться, а назначаться великим князем Николаем Николаевичем.

Распоряжение великого князя Николая Николаевича от 16 ноября 1924 года не предназначалось для печати. Но завершилось оно следующими словами: «Приказываю Главнокомандующему объявить настоящее мое распоряжение всем, кому надлежит, к точному и неуклонному исполнению»¹⁰¹. В результате об этом стало широко известно. Начальник канцелярии великого князя Кирилла Владимировича капитан II ранга Г. Граф поспешил сделать заявление, в котором объявил действия великого князя Николая Николаевича антиимператорскими. Это усилило их противоборство.

В ходе встречи великого князя Николая Николаевича с генералом Врангелем была достигнута договоренность о недопустимости одновременного пребывания воинских чинов в Армии, Русском Обще-Воинском Союзе и в политических организациях. Но для поддержания связей с дружественными политическими организациями, каждой военной организации разрешалось допускать отдельных своих членов в эти организации по выбору председателей военных организаций и с согласия отделов РОВСа¹⁰². Вводимая система назначения руководителей воинских учреждений и организаций, офицерских союзов и объединений великим князем должна была означать переход к воинскому началу и конец выборного начала, свойственного для общественных организаций. Общее руководство деятельностью в отдельной стране или в группе стран должен был осуществлять руководитель соответствующего отдела РОВСа. При председателях отделов Союза допускалось создание так называемых «Советов», переименовываемых в «Совещания при председателе отдела», чем подчеркивался их совещательный характер. Это, в свою очередь, должно было облегчить председателям отделов РОВСа единообразное выполнение распоряжений главнокомандующего.

Врангель передал в ведение великого князя как верховного главнокомандующего все денежные средства, материальные цен-

ности, бывшие у него и обеспечивавшие существование армии и помощь офицерским союзам и обществам. Кроме того, для ведения антибольшевистской борьбы в 1924 году была основана «Казна Великого Князя Николая Николаевича» (иное бытовавшее наименование – «Казна национального вождя – Великого Князя Николая Николаевича») и был объявлен сбор средств в нее. В дальнейшем она стала именоваться «Фондом Спасения России»¹⁰³.

30 ноября 1924 года были изданы рескрипты великого князя, в соответствии с которыми выстраивалась его структура управления Армией, и были определены лица, ответственные за эту деятельность. Генералы А.П. Кутепов и М.Н. Скалон состояли в распоряжении великого князя; генерал Е.К. Миллер назначался заведующим финансовой частью с непосредственным докладом у Его Высочества; генерал П.К. Кондзеровский был назначен начальником канцелярии великого князя по военным вопросам¹⁰⁴.

П.Н. Врангель положительно оценил происшедшее в результате встречи в Шуаньи и в посланиях своим ближайшим сподвижникам – генералам Шатилову и Кусонскому, а также Н.Н. Чебышеву, писал: «Неясному, двойственному положению, длившемуся более 1 1/2 года, положен предел... Великий Князь, принимая на себя руководство зарубежным воинством, будет окружен близкими Армии людьми, людьми, которым особенно близки ее интересы... Рубикон, наконец, перейден»¹⁰⁵.

Приказом генерала Врангеля № 53 от 3 декабря 1924 года объявлялось содержание распоряжения великого князя Николая Николаевича от 16 ноября, и вносились дополнения в приказ № 35 о создании Русского Обще-Воинского Союза. Все военные организации, сохраняя свои названия, самостоятельность во внутренней жизни и порядок внутреннего управления; установленный действующими уставами, должны были иметь ныне председателя не «выборного», а назначенного великим князем Николаем Николаевичем. «Выборность» членов правлений сохранялась, но председателю союза (общества) предоставлялось право их отвода. Замена членов правления осуществлялась путем замещения или выборов. Общее руководство деятельностью всех военных организаций в данной стране или группе стран осуществлялось председателями отделов РОВСа, назначаемыми великим князем Николаем Николаевичем. При них создавались в качестве совещательных органов особые «совещания» из председателей союзов, обществ и начальников военных организаций, входящих в данный отдел, и русских военных

представителей в этих странах. Положение о Совещаниях при председателях отделов было утверждено председателем РОВСа генералом Врангелем. Полковые объединения, создаваемые в разных странах, сохранялись, но их руководители также назначались¹⁰⁶.

Создание Русского Обще-Воинского Союза и деятельность его председателя генерала Врангеля вызывали весьма неоднозначную реакцию в политических кругах эмиграции и, в частности, среди монархистов. Их отношения оставались напряженными.

Для того, чтобы в полной мере понять глубокие перемены, происходившие в это время в жизни российской эмиграции, и в первую очередь в ее монархических кругах, следует указать, что 13 сентября (31 августа по старому стилю) 1924 года великий князь Кирилл Владимирович издал Манифест о принятии на себя титула «Императора Всероссийского»¹⁰⁷. Необходимость такого решения несколько месяцев обсуждалась в окружении великого князя: взвешивались как ожидаемые плюсы, так и негативные последствия этого шага. Активным сторонником принятия великим князем императорского титула выступал, например, генерал В.В. Бискупский. Он доказывал, что сохранение титула блюстителя престола тормозит развитие легитимистского движения, дает пищу слухам, что великий князь не имеет прав на престол. Генерал подталкивал великого князя к этому шагу, убеждая его в том, что иначе претендентом на престол объявит себя великий князь Николай Николаевич, окружение которого настаивало на этом. В необходимости принятия титула императора всероссийского убеждала великого князя Кирилла Владимировича и его супруга Виктория Феодоровна¹⁰⁸.

Принимая решение, великий князь Кирилл Владимирович основывался и на результатах расследования следователя по особо важным делам правительства Колчака Н.А. Соколова, с которым встречался в начале 1924 года в Ницце, и был убежден, что никого из царской семьи не осталось в живых¹⁰⁹. Вместе с тем, свое письмо вдовствующей императрице Марии Феодоровне 14 сентября с извещением о принятии на себя титула императора всероссийского Кирилл Владимирович заканчивал так: «Если осуществится чудо, в которое Ты веришь, что возлюбленные Сыновья Твои и Внук остались живы, то Я первый и немедленно объявлю Себя верноподданным Моего Законного Государя и повергну все, Мною содеянное, к Его стопам... Я припадаю к Твоим стопам с сыновьей любовью. Не оставь Меня в трудную минуту Моей жизни, в минуту, подобной которой не переживал ни один из наших Предков»¹¹⁰.

Решение великого князя Кирилла Владимировича осложнило ситуацию и углубило раскол в Императорском Доме и в российской эмиграции в целом. Императрица Мария Феодоровна написала ему два письма. В первом, официальном письме она указывала на преждевременность его решения, полагая, что до сих пор еще нет точных сведений о судьбе ее сыновей и внука. Императрица писала также: «Боюсь, что этот манифест создаст раскол и уже тем самым не улучшит, а, наоборот, ухудшит положение и без того истерзанной России». В личном письме великому князю Кириллу Владимировичу императрица сообщала, что душевно расстроена его решением: «Спрашивая моего благословения, ты, очевидно, в нем не нуждался и не надеялся на него, так как даже не подождал... Подумай о фальшивом положении, в которое ты ставишь себя и всех остальных, об ужасной «смуте», которую ты посеял в стольких умах и сердцах»¹¹¹. Великий князь Николай Николаевич, ссылаясь и на мнение императрицы, решительно осудил заявление великого князя Кирилла Владимировича¹¹².

Но провозгласивший себя императором всероссийским под именем Кирилл I великий князь Кирилл Владимирович не был серьезной политической фигурой, способной объединить российскую эмиграцию. Еще в начале века он за мorganатический брак был лишен императором Николаем II права на престолонаследие и даже выслан вместе с женой на несколько лет из страны¹¹³. В эмиграции многие вспоминали и осуждали поведение великого князя Кирилла Владимировича после победы Февральской революции. Тогда он, контр-адмирал и командир Гвардейского флотского экипажа, повел матросов к Таврическому дворцу, где заседала Государственная Дума, якобы, с красным бантом на груди и поспешил присягнуть на верность Временному правительству¹¹⁴. Указывалось, наконец, и на то, что он не имеет прав на престол, родившись от матери, пребывавшей в лютеранской вере¹¹⁵.

Самозванного монарха иронически именовали «царь кобургский», по названию месторасположения родового поместья его супруги Виктории Феодоровны, герцогини Саксен-Кобургской, в Кобурге (Бавария). Семья переехала туда из Ниццы летом 1924 года. Как уже отмечалось в предыдущей главе, жена великого князя принимала активное участие в политической жизни Германии и российской эмиграции, поддерживала связи с правыми политическими кругами и активно продвигала мужа на российский императорский престол.

Самопровозглашение великого князя Кирилла Владимировича российским императором вызвало известное смятение в эмиграции. Видный юрист и сподвижник генерала Врангеля И.А. Ильин вскоре подготовил Записку с анализом Манифеста, доказывая его юридическую и политическую несостоятельность и указывая также на личную непопулярность претендента на российский престол. В заключении этого документа высказывалась надежда на то, что «эта затея будет столь же исторически несостоятельна, сколь политически эфемерно ее начало»¹¹⁶.

Принятое великим князем Кириллом Владимировичем решение, как и предрекала императрица Мария Феодоровна, вызвало раскол в рядах эмиграции. Оно встретило оппозицию у многих членов Императорского Дома, эмигрантского генералитета и в монархических кругах. Не признал его и Архиерейский Синод Русской Православной Церкви Заграницей, хотя и не воспретил легитимистам служить молебны об императоре Кирилле. От иностранных династий последовали формальные ответы, что сообщенное им решение великого князя Кирилла Владимировича принято к сведению. Начальник его канцелярии Г.К. Граф вынужден был объясняться с министром-председателем правительства Баварии, заверяя его, что императорский титул принят великим князем исключительно для пользования в русских интересах, а для иностранцев он продолжает титуловаться «великим князем». Специальный комментарий об этом был в сентябре 1924 года издан канцелярией великого князя Кирилла Владимировича¹¹⁷.

Были предприняты попытки переправить текст манифеста в Россию и распространить там. Эти действия вызвали известную озабоченность ОГПУ, полагавшего, что Кириллу Владимировичу удалось сплотить вокруг себя большую часть монархистов и примыкающих к ним групп в эмиграции, что приведет и к активизации их действий в России. Но эта опасность явно преувеличивалась. Изданный манифест сторонники великого князя действительно попытались использовать для пропаганды и усиления позиций своих позиций. Но их возможности были весьма ограничены. Как признавал начальник канцелярии великого князя Г.К. Граф, большинство эмигрантских изданий публиковались враждебными легитимистам группировками, что вызвало несочувствующие заметки или простое оповещение о том, что великий князь провозгласил себя императором. Его действия были негативно восприняты в военных кругах эмиграции и руководством

РОВСа, хотя легитимисты продолжали и в дальнейшем вести активную борьбу за влияние на бывших военнослужащих и укрепление своей военной организации. Вместе с тем, как писал впоследствии Г.К. Граф, «наше движение ничем не могло проявить себя в связи с выходом манифеста, чтобы доказать свою способность усилить борьбу с коммунизмом»¹¹⁸.

Так или иначе, но издание манифеста великого князя Кирилла Владимировича не способствовало консолидации эмиграции в борьбе с советской властью, но вело к углублению противоречий и раскола в ней, и в том числе в ее военных кругах, среди бывших военнослужащих.

Тем временем, осенью 1924 года в соответствии с приказом генерала Врангеля № 35 от 1 сентября началось формирование отделов Русского Обще-Воинского Союза. В тот же день его приказом № 37 были назначены председатели отделов Союза. В 1925 году они стали именоваться более строгим воинским термином – начальниками¹¹⁹.

I отдел РОВСа должен был объединить в соответствии с приказом Врангеля № 35 офицерские союзы и общества, войсковые части и группы, расположенные на территории Франции, Англии, Бельгии, Италии, Чехословакии, Дании и Финляндии. Его первоначально возглавил генерал-лейтенант Е.К. Миллер, оставшийся по совместительству помощником главнокомандующего Русской Армии. В январе 1925 года (в связи с упразднением III отдела РОВСа) в состав I отдела вошли также союзы, расположенные в Польше, Данциге, Эстонии, Литве, Латвии. В орбиту влияния I отдела РОВСа вошло и руководство организациями русских военнослужащих, перевезенных на работы из Балканских стран и Польши. Первый отдел РОВСа стал самым крупным и влиятельным в этой организации. После назначения генерала Миллера начальником финансовой частью при великом князе Николае Николаевиче обязанности начальника I отдела исполнял генерал от кавалерии П.Н. Шатилов, а летом 1925 года на эту должность был назначен генерал-лейтенант И.А. Хольмсен.

II отдел Русского Обще-Воинского Союза состоял из офицерских обществ, союзов и войсковых групп, расположенных в Германии и Венгрии, а позднее и в Австрии. Председателем II отдела РОВСа был назначен генерал-майор А.А. фон Лампе, живший в Берлине. Становление, как и последующая деятельность РОВСа в Германии, протекали сложно. В Берлине были сильны позиции мо-

нархистов, здесь располагался Высший Монархический Совет, с подозрением относившийся к генералу Врангелю. Кроме того, в Германии проживало немного военнослужащих, воевавших под его командованием в годы Гражданской войны в России. К тому же, специфика русского эмигрантского воинского контингента в Германии заключалась в том, что здесь находилось до 100 тысяч русских военнопленных и интернированных¹²⁰.

Вместе с тем, генерал Врангель придавал большое значение Германии в политической жизни Европы и решении русского вопроса. Фон Лампе часто повторял в своей переписке 20--30-х годов высказывание Врангеля, которое стало своего рода лейтмотивом его деятельности. Барон, первый раз направляя его в столицу Германии в 1920 году, подчеркнул: «Помните, что русский узел может быть развязан только в Берлине»¹²¹.

III отдел Русского Обще-Воинского Союза в соответствии с приказом генерала Врангеля № 35 от 1 сентября 1924 года должен был состоять из офицерских обществ, союзов, воинских частей и войсковых групп, расположенных на территории Польши, Данцига, Литвы, Эстонии и Латвии. Председателем отдела был назначен русский военный представитель в этих государствах генерал-лейтенант П.С. Махров. Деятельность Русского Обще-Воинского Союза на территориях указанных стран была чрезвычайно затруднена, а генералу Махрову, жившему в Данциге, было запрещено посещать Польшу и Прибалтийские государства, поэтому он ограничивался лишь перепиской в индивидуальном порядке. Ситуация в этом отношении не изменилась и в дальнейшем, а возможности создания и деятельности русских военных организаций в этих странах фактически отсутствовали или, по крайней мере, были чрезвычайно затруднены. III отдел РОВСа, объединявший эмигрантские военные организации и союзы в указанных странах, просуществовал лишь несколько месяцев. В начале 1925 года существовавшие там организации были на некоторое время включены в состав I отдела. Что касается третьего по порядку нумерации отдела РОВСа, то, забегая вперед, заметим, что с июля 1925 года этот номер получил бывший V отдел Союза.

IV отдел РОВСа в соответствии с приказом генерала Врангеля от 1 сентября 1924 года объединил общества, союзы, воинские части и войсковые группы в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев, а также в Греции. Затем он охватил Румынию и Бразилию. Руководил им с 1924 по 1933 год генерал от инфантерии Э.В. Экк.

Добавим, что Белград справедливо считался (наряду с Парижем) важнейшим военным центром эмиграции, а в Сремских Карловцах находился штаб генерала Врангеля.

V отдел РОВСа объединил офицерские общества, союзы, воинские части и войсковые группы, находившиеся на территории Болгарии и Турции. Его председателем был назначен генерал-лейтенант Ф.Ф. Абрамов, сохранявший за собой должности помощника главнокомандующего Русской Армии и начальника всех частей и управлений ее, расположенных в Болгарии, а также командира Донского корпуса. После упразднения III отдела РОВСа в старом его виде приказом генерала Врангеля от 31 июля 1925 года V отдел был переименован в III отдел. Руководил им по-прежнему генерал Абрамов.

В ходе осуществленной в дальнейшем реорганизации Русского Обще-Воинского Союза вновь созданный V отдел РОВСа стал руководить военными союзами и организациями, действующими в Бельгии и Люксембурге. Его начальником был назначен генерал-майор Б.Г. Гартман.

В связи с обращениями офицерских организаций, созданных в США, они были сведены в два отдела РОВСа – к западу и востоку от Кордильер. Председателем первого из них (с центром в Калифорнии) стал генерал от инфантерии барон А.П. Будберг, а второго (с центром в Нью-Йорке) – генерал-лейтенант В.А. Лехович. Распоряжение генерала Врангеля об образовании двух Североамериканских отделов РОВС было издано 31 мая 1925 года.

Деятельность организаций РОВСа в США имела несомненную специфику. Это определялось в первую очередь их удаленностью от России. Военные организации в Европе и на Дальнем Востоке вели непосредственную работу, направленную на СССР, вынашивали планы нового антибольшевистского похода, что объективно способствовало и их большей боевитости, нацеленности на подготовку к решительным действиям в скором времени. Организации же РОВСа в США были прежде всего средством поддержания взаимосвязей бывших военнослужащих, оказания взаимной помощи, сохранения армейских традиций. В силу отсутствия непосредственных возможностей боевой работы из США против СССР здесь отсутствовала та особая военная инфраструктура, которая создавалась в Европе и на Дальнем Востоке (система подготовки и переподготовки офицерства, военная работа с эмигрантской молодежью, ячейки, боевые группы и отряды для непосредственного проникновения в Россию и т.п.).

Создание структур Русского Обще-Воинского Союза развертывалось и на Дальнем Востоке. Рескриптом великого князя Николая Николаевича на имя генерала Врангеля летом 1925 года все воинские союзы и организации, находящиеся на американском континенте и на Дальнем Востоке, были изъяты из подчинения генерала Врангеля и непосредственно подчинены верховному главнокомандующему через генерала А.С. Лукомского. В дальнейшем в структуре Русского Обще-Воинского Союза происходили постоянные реорганизации, о чем пойдет речь в последующих главах.

Одной из самых секретных и таинственных организаций являлась так называемая «Внутренняя линия» Русского Обще-Воинского Союза с центром в Софии. Во второй половине 30-х годов ее деятельность станет предметом скандальных разоблачений и страстного обсуждения. Точное время ее возникновения является предметом дискуссий. По одним данным, она возникла еще в первой половине 20-х годов, по другим – в середине 20-х или даже несколько позднее – в 1926 или 1927 году. Инициативу ее создания связывают с именем генерала Кутепова.

Цель учреждения «Внутренней линии» обычно связывают с обеспечением внутренней безопасности РОВСа: недопущение проникновения в организации Союза и в ряды белого офицерства в эмиграции большевистских агентов, а также предупреждение перехода эмигрантов (прежде всего военнослужащих и членов РОВСа) на службу к большевикам, их сотрудничества с советскими спецслужбами. Ее нередко характеризовали как контрразведку РОВСа, откуда и происходило само наименование – «Внутренняя линия» (работа внутри РОВСа), в отличие от «внешней», то есть деятельности, нацеленной на работу в СССР. К характеристике функций «Внутренней линии» нередко добавлялась и такая, как осведомление и информирование, то есть добывание по секретным каналам информации о ситуации внутри Русского Обще-Воинского Союза и укрепление таким образом его положения и авторитета начальников (потерявших прежние возможности влияния на своих подчиненных и карательную власть), изнутри, посредством особых, закрытых и специфических методов. В дальнейшем подобная деятельность (с проникновением вовнутрь) применялась в отношении отдельных воинских организаций или даже гражданских и политических обществ, союзов и организаций, не входивших в систему РОВСа.

Важное место в системе РОВСа занимали Зарубежные Высшие военно-научные курсы генерала Головина, учрежденные в 1927 году

на базе уже характеризовавшихся выше Курсов высшего военного самообразования.

Председателю РОВСа подчинялись не только начальники отделов, но и части 1-го армейского и Донского корпусов, Кавалерийской и Кубанской дивизий (имевшие свои внутренние организации для объединения кадров), расположенные в Югославии, Франции и Болгарии. Местные организации Русского Обще-Воинского союза создавались в отдельных населенных пунктах и районах, которые возглавляли начальники, подчинявшиеся главе РОВСа в данной стране. Подчиняясь воинской дисциплине, в обязательном порядке входили в состав РОВСа члены таких крупных самостоятельных организаций, как «Общество Галлиполийцев», «Союз офицеров Генерального Штаба», «Союз участников I Кубанского похода», «Союз офицеров-участников Великой войны», «Военно-морской Союз», «Общество русских офицеров в Королевстве СХС», «Гвардейское объединение», «Общество офицеров-артиллеристов», «Объединение офицеров кавалерии и конной артиллерии» и др.

Весьма непростым для Русского Обще-Воинского Союза был казачий вопрос. Попытки руководства РОВСа в лице великого князя Николая Николаевича и генерала Врангеля добиться подчинения казачьих организаций успеха не имели. 12 октября 1925 года, например, состоялась встреча великого князя Николая Николаевича с войсковыми атаманами Донского, Кубанского и Терского казачьих войск. Итогом встречи стало заявление войсковых атаманов, что если международная и внутренняя обстановка изменится и возникнет реальное дело, то может быть решен вопрос об объединении казачьих войск с общими силами, но «в период подготовительной работы они не считают возможным признать Великого Князя Николая Николаевича вождем и следовать его указаниям». В итоге великий князь заявил, что не видит возможности вести какую-либо согласованную работу с атаманами¹²². Контакты с участием великого князя и генерала Врангеля, а после его смерти – нового председателя РОВСа генерала Кутепова, с войсковыми атаманами и прежде всего с Донским атаманом А.П. Богаевским продолжались и в последующие годы. В результате ряд казачьих станиц и групп вошел в состав РОВСа.

К концу 20-х годов Русский Обще-Воинский Союз объединил вокруг себя большинство военных организаций российской эмиграции. Исключение составляли лишь организации, открыто включавшие в свои программы политические лозунги (ибо РОВС по-

прежнему руководствовался принципом неучастия в политической деятельности), а также военные организации, входившие в сферу влияния великого князя Кирилла Владимировича — так называемые «кирилловцы». Добавим, что не считалось возможным принимать в РОВС иностранных подданных. Непринятие чинами РОВСа иностранного гражданства считалось важным условием сохранения прочности Союза, веры и нацеленности его чинов на скорое возвращение на родину.

Сведения о численности Русского Обще-Воинского Союза в 20-е годы существенно различаются. По данным штаба главного командования Русской Армии, в 1925 году РОВС насчитывал в своих рядах 40 тысяч человек. Иногда в дальнейшем эта численность оценивалась в 50 — 60 тысяч человек¹²³. Дело в том, что в рассматриваемый период отсутствовал строгий и организованный учет чинов РОВСа. Часть военнослужащих и даже офицеры, первоначально входя в его состав, постепенно, в сложных условиях выживания в эмиграции и будучи разбросаны по разным странам и регионам утрачивали с ним связь. Особенно это касалось лиц, являвшихся членами РОВСа, но не входивших в другие военные организации, бывшие составными частями этого Союза. Лишь позднее были предприняты попытки введения системы учета чинов РОВСа. В начале 30-х годов вводятся личные карточки и книги учета. Одним из основных критериев принадлежности к РОВСу становится уплата членских взносов. В документах РОВСа и в выступлениях его руководителей традиционно указывалось, что в случае начала военных действий против СССР его ряды многократно увеличатся.

Таким образом, создание Русского Обще-Воинского Союза стало важным событием в жизни российской эмиграции. РОВС превратился в ключевую компонент, организационное ядро формирующегося в тяжелых условиях русского зарубежного рассеяния Российского военного Зарубежья. Руководство РОВСа пыталось сплотить вокруг Союза разбросанные во всему миру широкие и достаточно разнородные массы бывших военнослужащих Императорской и белых армий и прежде всего офицерство, стремясь при помощи мощной единой военной организации предотвратить их интеграцию в зарубежное сообщество. Это осуществлялось посредством создания в рамках РОВСа разветвленной инфраструктуры военных союзов, обществ и объединений, сочетая черты централизации, строгого подчинения, единоначалия и дисциплины, а с дру-

гой стороны, свойственной воинским коллективам взаимной поддержки и взаимопомощи, формирования системы военного образования, повышения квалификации и переподготовки офицерских кадров, вовлечения в ряды воинских объединений растущую эмигрантскую молодежь. Все это делалось не только ради сохранения военной организации как таковой, но во имя поддержания в военной среде высокой мобильности, боеготовности, способности продолжать борьбу с советской властью, достижения военного реванша и возвращения на родину с победой.

Вместе с тем, в сложившейся структуре Русского Обще-Воинского Союза при формальном единоначалии фактически существовали два центра — Париж (Шуаньи), олицетворяемый именем великого князя Николая Николаевича и его окружения, и Белград (Сремски Карловци) в лице главнокомандующего и председателя РОВСа генерала Врангеля и его штаба. Отсутствие должного взаимопонимания между этими двумя центрами, сохранение взаимной подозрительности и напряженности в их взаимоотношениях препятствовало совместной работе, выработке и реализации единой стратегии и тактики действий Русского Обще-Воинского Союза и сил российской военной эмиграции.

В своей деятельности и борьбе за объединение вокруг себя бывших военнослужащих РОВС сталкивался с противодействием в лице организации, возглавляемой великим князем Кириллом Владимировичем и именованной первоначально, напомним, Корпусом Офицеров Императорских Армии и Флота. В условиях, когда учрежденный РОВС стал принимать в свои ряды все категории военнослужащих, а не только офицеров, великий князь Кирилл Владимирович внес принципиальные изменения и в деятельность руководимой им организации. В соответствии с Высочайшим Приказом от 15 января 1926 года № 247 из названия его объединения исчезло слово «офицеров», и оно стало именоваться Корпусом Императорских Армии и Флота. В соответствии с указанным документом в его ряды стали принимать не только офицеров, но и всех чинов военного ведомства: чиновников, врачей, юристов, духовенство, сестер милосердия, а также солдат, казаков и добровольцев¹²⁴. Корпус Императорских Армии и Флота собирал своих сторонников вокруг великого князя Кирилла Владимировича на борьбу с советской властью под монархическими политическими знаменами.

Делами Корпуса по-прежнему заведовал генерал-лейтенант Н.А. Обручев. Сторонники великого князя Кирилла Владимирови-

ча стремились к укреплению своих позиций в военных кругах эмиграции в различных странах мира. Они имели своих сторонников в Королевстве СХС, где наиболее активен был полковник К.В. Апухтин, произведенный великим князем в чин генерал-майора Корпуса Императорских Армии и Флота в 1928 году. В 1929 году он был назначен на должность заведующего делами Корпуса и произведен в чин генерал-лейтенанта. Немало сторонников среди военных было у великого князя Кирилла Владимировича в Париже. Но парадокс заключался в том, что одним из его самых доверенных лиц и начальником 1-го Парижского отдела Корпуса был генерал-майор П.П. Дьяконов, который с 1924 года был «по совместительству» и одним из наиболее ценных секретных агентов ОГПУ, освещавших для чекистов ситуацию среди «кирилловцев», а также активно работавший и против РОВСа.

Довольно сильные позиции Корпус Императорских Армии и Флота имел на Дальнем Востоке. Представителем великого князя Кирилла Владимировича здесь был генерал-лейтенант В.А. Кислицин, в 1928 году произведенный в чин генерала от кавалерии. Он жил в Харбине, руководил Союзом Монархистов-Легитимистов на Дальнем Востоке, а также Союзом Военных. В Маньчжурии наиболее активными деятелями легитимистского движения и Корпуса были также генералы К.К. Акинтьевский, Н.Л. Жадвойн и фон Эглау. В Пекине интересы Корпуса представлял генерал-майор В.В. Зимин.

Своих сторонников, и в том числе в военных эмигрантских кругах, великий князь Кирилл Владимирович имел и за океаном. Отдел Корпуса Императорских Армии и флота существовал в Нью-Йорке. По данным Г.К. Графа, военных здесь объединяли капитаны Луговой и Голохвостов, а к числу активных деятелей относились генерал Л.Л. Родзевич-Плотницкий, капитан II ранга Г.Н. Коландс, лейтенант Г.А. Мейрер и др. Группу в Сан-Франциско возглавлял генерал-лейтенант В.А. Брендель, бывший начальник штаба армии Колчака. Активисты и группы Корпуса действовали и в ряде других американских городов. Но в США деятельность эмигрантов — бывших военнослужащих, участвовавших в деятельности Корпуса, носила существенно иной характер, нежели в Европе и на Дальнем Востоке. Они не имели возможностей вести активную антисоветскую борьбу, большинство из них стали гражданами США.

К концу 20-х годов в рядах Корпуса Императорских Армии и Флота было зарегистрировано, по данным руководства легитимис-

тского движения, около 15 тысяч офицеров¹²⁵. Они были объединены под монархическими знаменами, и считали антисоветскую и промонархическую пропаганду необходимой частью работы по освобождению России от советской власти. Важнейшей задачей бывших офицеров являлось поддержание боевой подготовки, военное образование и самообразование и др. Провозгласивший себя императором Кирилл Владимирович был для легитимистов, и в том числе бывших военнослужащих, своего рода эмблемой ушедшей национальной России и символом надежд на возвращение туда. Они считали его государем Зарубежной Руси.

Особую позицию занимал в эмиграции один из вождей российского белого движения генерал-лейтенант А.И. Деникин. Покинув Россию в марте 1920 года после передачи дел и должности главнокомандующего Вооруженными силами Юга России (ВСЮР) генералу П.Н. Врангелю, он вел уединенный образ жизни, держался в стороне от развернувшейся в эмиграции борьбы за армию. Деникин не принимал активного участия в деятельности формировавшихся военных организаций, обществ и союзов. И, тем не менее, позиция его в отношении армии была однозначной и категоричной: ее надо сохранить. Он писал генералу Кутепову, что, если удастся сохранить организационные ячейки, то армия «будет предохранена от распыления». Деникин считал необходимым расселить остатки воинских частей в Балканских странах и при содействии правительств поставить их «на положение вольных работ». Он полагал нужным поддерживать нравственную связь с теми ячейками, где под именем «полков» и «батарей» образуются рабочие артели, сохранить традицию и организацию, ибо «без них добровольчество обратится в бесконечную пыль», и «терпеть, учиться и работать»¹²⁶.

Сосредоточившись над работой над своими «Очерками русской смуты», генерал Деникин пытался понять разобраться в истоках, течении и результатах Гражданской войны в России, раскрыть прошлое белого движения, причины его поражения для того, чтобы, в конечном итоге, оценить и перспективы продолжения борьбы с большевиками. При подготовке этого своего фундаментального сочинения, воплотившегося, в конечном итоге, в пятитомный труд, Деникин нуждался в документах и в первую очередь штаба ВСЮР, ибо события Гражданской войны на Юге России занимали центральное место в его повествовании, но сталкивался при этом с бюрократической волокитой со стороны своих вчерашних сподвижников, в чьем распоряжении находились эти материалы. Это

объяснялось сложными отношениями Деникина с генералом Врангелем и его окружением, прошлыми обидами и мелкой мстительностью, что пронизывало всю атмосферу эмиграции. В конечном итоге, бывший главком получил 49 дел штаба ВСЮР, а затем источниковая база исследования все более расширялась.

Спустя годы, генерал Деникин писал: «"Очерки русской смуты" я считаю самым важным делом моего эмигрантского житья. На работу эту я смотрел как на свой долг в отношении Белого движения и перед памятью павших в борьбе, как на добросовестное показание перед судом народным, судом истории»¹²⁷.

К числу главных вопросов политики, которые занимали в 20-е годы генерала Деникина, были положение эмигрантов-военнослужащих, их тактика действий в сложившейся ситуации. Он считал, что ситуация в Европе чревата новой мировой войной. В этой распре между чужими народами, утверждал генерал, «добровольчество не должно принимать участие», иначе возможно братоубийство, ибо бывшие русские военнослужащие разбросаны по разным странам. Он считал недопустимым и их участие в политических распрях и гражданских войнах в тех странах, где они находятся. Исключением могло быть лишь их противодействие местным коммунистическим восстаниям. Деникин настороженно относился к действиям ведущих зарубежных стран, видя у их лидеров аннексионистские претензии в отношении России, и считал, что русские эмигранты, бывшие военнослужащие не имеют нравственного права участвовать в войне против своей Родины «на стороне держав, имеющих целью отторгнуть Российские окраины». Лишь в случае появления силы, направленной на свержение большевизма, а не на территориальный захват России, указывал Деникин, добровольцы могут ее поддержать.

Генерал считал патриотическим и нравственным долгом русской эмиграции вести активную борьбу с советской властью всеми способами и средствами. Но, собирая разведывательные данные о военном положении Советской России, Деникин советовал сосредотачивать их в руках русских противобольшевистских и военных организаций, а в вопросах передачи их иностранным державам проявлять крайнюю осторожность. Он крайне негативно относился к возвращению эмигрантов в Советскую Россию и предостерегал их о грядущих неприятностях и репрессиях со стороны советской власти¹²⁸.

И все-таки ведущей военной организацией эмиграции, шаг за шагом усиливавшей свое влияние и объединявшей в своих рядах

бывших русских военнослужащих, являлся в 20-е годы Русский Обще-Воинский Союз, и именно его руководители пользовались наибольшим влиянием и авторитетом в эмигрантских военных кругах. РОВС и его лидеры, претендовавшие на сплочение вокруг себя и руководство всей российской военной эмиграцией, требовали от своих чинов неучастия в политической жизни, запрещали им входить в какие-либо политические партии и организации. Эта тема являлась поистине притчей по язычкам в эмиграции, вызывала немало вопросов у современников, а впоследствии — и у исследователей, обращавшихся к истории Союза. Руководство РОВСа формально руководствовалось принципом невмешательства армии в политику, принятым в императорской России, а с другой стороны, полагало, что в условиях острой политической борьбы в эмиграции участие в политических партиях и организациях нарушит единство и подорвет боевое братство русского зарубежного воинства. Но, по мнению целого ряда современников, а в дальнейшем и части историков, подобная внешняя аполитичность препятствовала складыванию более широкого и действенного союза различных антибольшевистских сил в эмиграции¹²⁹.

За формальным неучастием чинов РОВСа в политической жизни и деятельности политических партий и организаций все-таки стояла приверженность правым политическим убеждениям, солидарность и моральная поддержка с их стороны правых и в первую очередь монархистских организаций. Хотя и среди последних, как уже указывалось ранее, не было единства и, более того, налицо была острая конфронтация. Сам генерал Врангель (как и все последующие руководители РОВСа) был монархистом по политическим убеждениям, поддерживал определенные личные контакты с руководителями монархистских организаций, например, Высшего Монархического Совета, но официально отрекся от монархических лозунгов.

Ситуация в руководстве РОВСа в середине — второй половине 20-х годов развивалась достаточно сложно, а нередко приобретала конфликтный характер. Она осложнялась непростыми личностными взаимоотношениями в его верхах (противоречиями между великим князем Николаем Николаевичем и его окружением, с одной стороны, и генералом Врангелем и его штабом, с другой), борьбой за расстановку кадров и руководство ключевыми отделами, тяжелым финансовым положением Союза. После передачи всех денежных средств в распоряжение великого князя Николая Николаевича

председатель РОВСа генерал Врангель оказался полностью зависим от него в финансировании Армии.

В апреле 1926 года в Париже состоялся эмигрантский форум под громким названием — Российский Зарубежный съезд (он именовался также Всемирный русский съезд или съезд Зарубежной России), организационный комитет которого возглавлял П.Б. Струве. В его работе приняли участие 420 делегатов, представители от 26 стран. История подготовки и проведения этого форума весьма любопытна и показательна с точки зрения эволюции взглядов и поведения в отношении него руководителей Армии и РОВСа и представления на нем их интересов. Съезд вынашивал идею создания Центра Зарубежной России. Он намерен был объявить великого князя Николая Николаевича главой широкого национального фронта. В связи с этим замыслом съезд проигнорировали монархисты-легитимисты. Но этот форум (как и подготовка к нему) обнаружил и глубокие противоречия его участников, и трудную совместимость различных его фракций и группировок, невозможность выработки единой программы и стратегии действий. На съезде была предпринята попытка создания исполнительного органа при великом князе Николае Николаевиче для консолидации эмиграции. Но устранить противоречия и достичь единства действий Зарубежной России в борьбе с Советской Россией не удалось¹³⁰.

14 октября 1926 года генерал Врангель издал, находясь еще в Сремских Карловцах, приказ № 29. В нем указывалось, что по его представлению верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич с целью сокращения расходов возложил работу штаба главнокомандующего на управление I отдела РОВСа. К 1 ноября 1926 года штаб главнокомандующего расформировывался, а дела и архивы переходили к начальнику I отдела. Все доклады, донесения, представления от начальников отделов и войсковых групп, направляемые генералу Врангелю, следовало адресовать на управление начальника I отдела РОВСа, на имя генерала Кусонского. С 1 ноября в соответствии с приказанием великого князя местом временного пребывания Врангеля становилась столица Бельгии — Брюссель. В непосредственном подчинении генерала Врангеля после его отъезда из Королевства СХС оставались «в общем порядке службы» начальник кавалерийской дивизии генерал И.Г. Барбович и начальник Кубанской казачьей дивизии генерал В.Э. Зборовский, но по вопросам местного характера они подчиня-

лись начальнику IV отдела. В связи с предстоящим переездом председателя РОВСа в Брюссель из подчинения начальника I отдела Союза был изъят начальник бельгийского подотдела генерал Б.Г. Гартман и непосредственно подчинен генералу Врангелю. Центральным и Главным правлениям офицерских обществ и союзов (которые по Положению о РОВСе должны были находиться в той стране, где находится начальник Союза) было предписано оставаться в Королевстве СХС и ждать новых указаний¹³¹.

Расформирование штаба главнокомандующего Русской Армией в Сремских Карловцах и переезд самого генерала Врангеля в Брюссель знаменовали собой существенные изменения в конфигурации и соотношении сил в руководстве Русского Обще-Воинского Союза. Тем самым, свергывалось двоецентрие, фактически существовавшее в нем ранее в виде Шуаньи (резиденции великого князя Николая Николаевича, политического и военно-политического центра РОВСа) и Сремских Карловиц (месторасположения председателя РОВСа, главнокомандующего Русской Армией и его штаба), олицетворявших непосредственную связь с Белым движением и непримиримой борьбой с большевиками в годы Гражданской войны в России. Оставление главнокомандующим частей Русской Армии, расквартированных и находившихся на трудовом положении в Королевстве СХС, важном центре формирующегося Русского военного Зарубежья, и переезд в периферийную Бельгию объективно ослабляли позиции генерала Врангеля и его влияние в Русском Обще-Воинском Союзе и в кругах военной эмиграции. Хотя барон по-прежнему пользовался несомненным и высоким моральным авторитетом и сохранял за собой право издания приказов по РОВСу.

Происходившие перемены укрепляли или, по крайней мере, призваны были укрепить позиции в Русском Обще-Воинском Союзе и в Российском военном Зарубежье великого князя Николая Николаевича (который воспринимался широкими слоями эмигрантов-военнослужащих как бывший верховный главнокомандующий периода Великой войны), а также его претензии (или претензии его окружения) на роль вождя эмиграции и будущей Национальной России.

Длительное нахождение в эмиграции и старение воинского контингента армии, с одной стороны, а с другой, — взросление растущего за пределами Родины контингента эмигрантской молодежи поставило на повестку дня вопрос о необходимости работы с пос-

ледней и привлечения ее к деятельности Русского Обще-Воинского Союза. 12 декабря 1926 года генерал Врангель издал приказ № 42 о работе с молодежью. Начальникам отделов предписывалось принять все меры для сближения русской молодежи с Армией. Разрешалось принимать в офицерские и другие организации молодых людей, ранее не служивших, включать их в число членов РОВСа при условии, что они не состоят в политических организациях¹³².

Актуальной для Русского Обще-Воинского Союза проблемой являлась дисциплина его членов. Основной инстанцией и единственной принудительной силой для офицерства в эмиграции выступали суды чести, учрежденные приказом генерала Врангеля № 34 в 1925 году. За серьезные дисциплинарные проступки генералы и офицеры могли быть исключены из своих воинских союзов и объединений, а вслед за этим и из РОВСа. Для солдатских чинов сохранялась власть воинских начальников, и высшей мерой с их стороны могло стать исключение подчиненных из воинских частей.

Поддержание боевого духа военнослужащих «армии в изгнании», сохранение и приумножение высокого боевого мастерства офицеров, осмысление с этой целью опыта только что минувших сражений Первой мировой и Гражданской войн занимало важное место в деятельности Русского Обще-Воинского Союза и в целом Российского военного Зарубежья. Большой вклад в изучение и популяризацию в военной эмиграции истории и военного искусства Первой мировой и Гражданской войн внесли генералы А.К. Бийов, А.В. Геруа, Н.Н. Головин, Б.А. Штейфон, полковник А.А. Зайцов и др. В этом списке нельзя не назвать и имя генерала А.И. Деникина, добавив, впрочем, что он с самого начала держался в эмиграции особняком и чем далее, тем более превращался в оппонента РОВСа (или его превращали в такового).

Большое значение для воссоздания истории Белой борьбы имело начатое в Берлине издание альманаха «Белое Дело», осуществлявшееся по инициативе и при активнейшем участии начальника II отдела РОВСа генерала фон Лампе. Руководящие документы Русского Обще-Воинского Союза предусматривали разработку организационных, тактических и технических вопросов, связанных с комплектованием армии и обучением войск, пересмотр уставов и других положений. Для подбора и систематизации этих материалов была создана специальная военно-научная комиссия.

Особую и исключительно важную роль в разворачивавшейся военно-научной работе эмиграции, создании системы подготовки и

повышения квалификации военных кадров играл по-прежнему генерал Н.Н. Головин.

22 марта 1927 года в Париже были открыты возглавляемые им Зарубежные Высшие военно-научные курсы. Они выполняли следующие задачи: 1) поддержание трудами учебного персонала русской военной науки на уровне современных требований; 2) создание кадра русских офицеров с современным высшим военным образованием, способных мыслить и творить во всех вопросах, связанных с военным делом; 3) распространение военных знаний среди русской военной эмиграции. В основу работы курсов была положена система обучения в Николаевской военной академии. Прохождение курса обучения было рассчитано на 4,5–5 лет. При Зарубежных Высших военно-научных курсах были учреждены военно-училищные курсы, дававшие среднюю военную подготовку и возможность продолжать в дальнейшем обучение на высших курсах. К преподаванию были привлечены ведущие русские военные ученые-эмигранты.

В письме генерала Головина от 3 декабря 1928 года задачи Зарубежных Высших военно-научных курсов определялись следующим образом: 1) привлечь широкий командный состав бывшей Армии для военно-научной разработки многочисленных вопросов, выдвинутых мировой войной; 2) осуществлять издание военно-научных работ для распространения военных знаний среди русского офицерства по различным странам мира; 3) дать возможность многочисленным русским офицерам в Париже получить высшее военное образование в рамках современной военной академии. Он информировал, что к настоящему времени привлечены 16 лиц в качестве лекторов для разработки важнейших отделов военной науки; напечатано более 2500 страниц военно-научных трудов. Среди 86 обучаемых слушателей 47 были старшего класса, 39 – младшего класса, а также около 30 вольнослушателей¹³³.

Для чинов РОВСа была создана также Офицерская школа усовершенствования военных знаний, в которой они знакомились с новейшими достижениями мировой военной науки. В 1927 году в Белграде были созданы годовые курсы современного военного дела, призванные способствовать обновлению теоретических знаний офицерства. Для генералов и опытных офицеров организовывались лектории, конкурсы, военно-научные общества, офицерские собрания.

В 20-е годы за рубежом была образована сеть военно-учебных заведений по образцу существовавших в императорской России во-

енных училищ и кадетских корпусов. Их первоначальную основу составили эвакуированные из России военные учебные заведения. Среди наиболее известных кадетских корпусов были размещенные в Королевстве СХС/Югославии Первый Русский великого князя Константина Константиновича кадетский корпус, просуществовавший до 1944 года, Донской кадетский корпус, работавший до 1933 года, Крымский кадетский корпус, действовавший до 1929 года. В Тунисе, вблизи Бизерты, до 1925 года работал Морской кадетский корпус. С Дальнего Востока в 1922 году были эвакуированы Хабаровский и Омский кадетские корпуса. Численность кадетов Хабаровского кадетского корпуса, вывезенных в октябре из Владивостока, составляла 700 человек. В Шанхае они продолжили курс обучения, прослушали полный курс дисциплин и были выпущены с первым офицерским чином¹³⁴. За время пребывания в эмиграции военные корпуса окончили около 3 тысяч кадетов¹³⁵. Помимо кадетских корпусов действовали и другие средние учебные заведения военизированного типа. К их числу относились русские военные гимназии или гимназии с усиленной военной подготовкой, действовавшие, например, в Болгарии. В конце 20-х годов под Парижем был основан Русский Версальский кадетский корпус-лицей, получивший имя императора Николая II, открытый 1 ноября 1930 года.

С окончанием военных действий на фронтах Гражданской войны в России в эмиграцию отправились с контингентом обучающихся и преподавателей около 10 военных училищ, которые в большинстве своем продолжили свою работу в 20-е годы за рубежом: Атаманское, Кубанское генерала М.В. Алексеева, Корниловское, Константиновское, Александровское генерала М.В. Алексеева военные училища, Сергиевское артиллерийское училище, Николаевское кавалерийское училище, Николаевское инженерное училище. Эвакуированный Севастопольский морской корпус продолжал свою деятельность вблизи Бизерты (в Тунисе). На два с половиной года пребывания на чужбине было выпущено в корабельные гардемарины более 200 человек. В середине 20-х годов в Китае, на территории, контролируемой войсками маршала Чжан Цзолина, было создано военное училище для русской молодежи. Через него прошло 500 человек, которых предполагалось использовать в качестве военных специалистов в русских войсках на службе названного китайского милитариста. Военное училище прекратило свое существование в 1928 году¹³⁶.

В эмиграции создавались общества военного самообразования и военного воспитания молодежи с целью формирования резервов русских военных кадров. Генерал Врангель издал в 1926 году циркуляр о приеме молодых эмигрантов в войсковые части и полковые объединения в качестве кандидатов, а в 1930 году было введено в действие «Положение о приеме в воинские организации РОВС молодых людей, ранее в войсках не служивших».

Подготовка и повышение квалификации военных кадров, осмысление проблем военной теории и, в частности, опыта Гражданской войны в России, причин неудач белых армий в борьбе с большевиками¹³⁷ — все это было направлено, в конечном итоге, на воссоздание через РОВС и при посредстве его новой русской армии, выработку военно-политической доктрины и стратегии реванша в новой войне с большевиками.

Усилия руководства Русского Обще-Воинского Союза, направленные на единение российской военной эмиграции, поддержание ее боевого духа и готовности к новым военным испытаниям, неизбежной грядущей войне с большевиками, сочетались с попытками организации так называемой «активной работы» на советской территории, созданием в СССР антисоветского подполья, поддержкой и расширением здесь антибольшевистского движения. Впрочем, необходимо заметить, что при жизни генерала Врангеля работа по сбору средств на «активную работу» и организации боевой деятельности, террористических операций на советской территории формально пыталась быть отделена от официальной деятельности Русского Обще-Воинского Союза. «Активная работа» или «работа по связи с Россией» сосредотачивалась в руках генерала А.П. Кутепова, находившегося с весны 1924 года в непосредственном распоряжении великого князя Николая Николаевича и работавшего под его личным руководством.

Белоэмигрантские боевики, и в том числе из кутеповской Боевой организации, совершили в 20-е годы немало террористических актов против советских политических деятелей и дипломатов. В СССР забрасывались специальные эмиссары и группы для организации антисоветского подполья и повстанческого движения. В белоэмиграции с начала 20-х годов вынашивались замыслы проведения и более масштабных операций против Советской России/СССР, что связывалось, в свою очередь, с организацией вооруженной интервенции капиталистических стран.

В 1925–27 годах происходило резкое обострение англо-со-

ветских отношений. Консервативное правительство Великобритании последовательно придерживалось линии на изоляцию СССР. В июне 1926 года английское правительство вручило Совнаркому ноту, в которой обвиняло его во вмешательстве во внутренние дела Англии. В Европе англичане делали, в частности, ставку на сближение Германии с Антантой и разрыв Германии с СССР, а в Азии — на ослабление позиций СССР в Китае, где сложно и противоречиво развивались революционные события, и в то же время разгоралась гражданская война. В ноте от 23 февраля 1927 года английское правительство обвиняло СССР в нарушении англо-советского торгового договора и во вмешательстве во внутренние дела Китая. 27 мая того же года Великобритания разорвала дипломатические отношения с СССР и аннулировала торговое соглашение 1921 года. Это внушало руководителям российской военной эмиграции надежды на грядущую интервенцию против СССР.

С особой надеждой белые генералы присматривались к событиям, разворачивавшимся в 20-е годы на Дальнем Востоке, с одной стороны, они надеялись на столкновение Японии и СССР и новую японскую интервенцию на советский Дальний Восток. С другой стороны, разгоравшаяся гражданская война в Китае также давала, казалось бы, шанс на столкновение войск китайских милитаристов с Советским Союзом¹³⁸. И если руководство СССР направляло своих военных советников в Китай в помощь левым силам, то часть русских офицеров-эмигрантов служила в войсках их противников.

В 1924 году по распоряжению китайского маршала Чжан Цзолина в Шаньдуне был сформирован «Русский отряд» под командованием генерала К. П. Нечаева. Его численность достигла, в конечном итоге, 4 тысяч человек, и в составе войск Чжан Цзолина он (именовавшийся 65-й дивизией) сражался против войск Гоминьдана, поддерживаемых в тот период СССР. Вместе с тем, руководство Русского Обще-Воинского Союза не переоценивало возникавшие здесь возможности, и в марте 1927 года генерал Врангель в предписании начальникам отделов РОВСа опроверг распространявшиеся сообщения о, якобы, готовившейся отправке русских офицеров на службу китайскому маршалу Чжан Цзолину¹³⁹.

Планы создания армии для военных действий против советской власти на Дальнем Востоке вынашивали и монархисты-легитимисты. Наиболее активен в этом отношении был приближенный к великому князю Кириллу Владимировичу генерал-лейтенант

Н.А. Лохвицкий. В годы Гражданской войны он служил в войсках Колчака, а в 1920 году был командующим Дальневосточной армией при главнокомандующем атамане Г.М. Семёнове. В 1922 году Лохвицкий перебрался в Париж и примкнул к легитимистам. 22 марта 1926 года он представил прибывшему в столицу Франции великому князю Кириллу Владимировичу доклад о своих переговорах с англичанами и французами об организации совместных антисоветских действий на Дальнем Востоке. Предполагалось организовать снабжение оружием, амуницией и всем необходимым «восставших на русской территории Дальнего Востока».

Излагая реакцию великого князя на представленный план, его начальник канцелярии Г.К. Граф указывал, что тот сопоставлял замысел Лохвицкого с информацией от своего представителя на Дальнем Востоке генерала Кислицина. «Государь не мог верить в реальность этого плана, — писал Граф. — Но мешать ему было тоже нецелесообразно, так как в те времена никогда нельзя было знать, во что может вылиться то или другое начинание в области борьбы с коммунизмом. Поэтому Государь поблагодарил Лохвицкого, разрешил ему продолжать попытку довести план до конца и сказал, что он все принял к сведению»¹⁴⁰.

В ходе своего мартовского пребывания в Париже великий князь Кирилл Владимирович обсуждал ситуацию на Дальнем Востоке со своим представителем в Японии полковником Ф.Л. Асановичем. Тот отрицательно относился к возможности поднятия нового восстания в Приморской области, хотя бы и поддержанного извне. А, касаясь организации восстания на Дальнем Востоке при помощи японцев и русских в Маньчжурии, Асанович, заявил, что это будет не восстанием, а японской интервенцией с целью занятия русских территорий — Приморской области. В осуществление проекта генерала Лохвицкого Асанович не верил, хотя великий князь и приказал им переговорить друг с другом¹⁴¹.

Генерал Лохвицкий и в дальнейшем был весьма энергичен и настойчив, и, по свидетельству Г.К. Графа, продолжал смотреть на борьбу с большевиками с точки зрения свержения их вооруженной силой, по-прежнему считая самым уязвимым пунктом Дальний Восток. Исходя из этого, он считал необходимым перестроить «Корпус Императорских Армии и Флота» на военные начала, с тем, чтобы он являлся основой интервенционистской армии и мог быть быстро развернут в таковую. Лохвицкий утверждал, что Корпус как регистрационная и общественно-военная организация не имеет

большого смысла. Поэтому генерал составил детально разработанный проект новой организации Корпуса, включая формирование партизанских частей и их подготовку к гражданской войне.

Знакомясь с этим проектом в ноябре 1926 года, начальник канцелярии великого князя Кирилла Владимировича Граф скептически заметил: «можно подумать, что дело идет не об эмигрантах, разбросанных по всему миру, а о русских, живущих на русской территории, и что Государь обладает огромными средствами в государственном масштабе и властью». Сам великий князь, ознакомившись с проектом заявил, что он совершенно не понимает, как такой выдающийся генерал, как Лохвицкий, может так заблуждаться и, по-видимому, не понимать положения, в котором русские эмигранты находятся. Лохвицкому был направлен ответ, что его проект не может быть осуществлен за неимением средств и если ему таковые удастся добыть, то тогда можно будет приступить к изучению означенного проекта. Пока же великий князь Кирилл Владимирович согласился на переименование «отделов» Корпуса Императорских Армии и Флота в «округа», чтобы это звучало более по-военному.

Генерал Лохвицкий не терял надежд заинтересовать англичан и французов планами создания на Дальнем Востоке Белой Армии. Он просил великого князя разрешить ему вместе с генералом Бискупским выехать в Лондон для переговоров с банками, которые могли бы дать заем для осуществления его проекта. Лохвицкий утверждал, что в этих банках находятся миллионные русские вклады, правительственные и самого Николая II, которые можно было бы использовать для финансирования антисоветской борьбы. Кроме того, Лохвицкий убеждал великого князя Кирилла Владимировича обратиться к бывшему поставщику русского флота в Русско-японскую войну, а ныне банкиру М.А. Гинсбургу, который должен был обладать большими средствами, заработанными в императорской России, и мог помочь в организации вооруженных действий на Дальнем Востоке¹⁴².

Дальний Восток привлекал к себе внимание и сторонников великого князя Николая Николаевича. 18 июня 1927 года по указанию великого князя Николая Николаевича и под председательством генерала А.С. Лукомского состоялось совещание в связи с событиями на Дальнем Востоке, призванное рассмотреть вопросы, имеющие «чрезвычайное значение». Одним из ключевых вопросов дискуссии стало возможное сотрудничество с Японией в борьбе против СССР и создание под ее эгидой буферного государства на рос-

сийской территории. В итоге дискуссии была одобрена следующая формула: «Образование буферного государства под протекторатом Японии и при условии расплаты за это в будущем компенсациями — нежелательно». На совещании обсуждался и вопрос о том, полезно ли для русских участие в составе армии маршала Чжан Цзолина. В ходе обсуждения были высказаны противоположные точки зрения. Указывалось, в частности, на то, что в ходе военных действий в Китае уже выбыло из строя 1500 русских, считавших, что делают там русское дело. Спускаемые из центра указания не запрещали участия русских в указанной армии, но рекомендовали стараться переходить на систему инструкторов в учебных частях, чтобы избежать ненужных потерь.

В результате совещания было выработано единое мнение о необходимости иметь на Дальнем Востоке представительство великого князя Николая Николаевича. Итогом совещания стала формула генерала А.С. Лукомского в правке генерала Н.Н. Головина: «Дальний Восток может иметь серьезное значение как в подготовке, так и в свержении коммунистической власти в России только в связи с общей обстановкой»¹⁴³.

Заметим, что в деятельности Русского отряда генерала Нечаева проявились острые противоречия не только между китайскими милитаристами и русскими эмигрантами, но и между сторонниками РОВСа и «кирилловцами»¹⁴⁴. После тяжелых поражений и убийства в 1928 году маршала Чжан Цзолина указанный отряд, состоявший из русских эмигрантов, был расформирован¹⁴⁵.

Особые надежды возлагались руководством военной эмиграции на внутренний раскол в партии большевиков, государственном руководстве и в Красной Армии, на недовольство крестьян и их массовое повстанческое движение. Весьма популярны были планы заговора, проникновения сторонников белого движения в структуры власти и, если не разложение и овладение ими, то парализация их в решающий момент борьбы.

Но пока военные верхи эмиграции вынашивали планы реванша в борьбе с советской властью, основная масса бывших военнослужащих овладевала сложным искусством выживания. Положение их было исключительно трудным, и это относилось как к офицерам, так и к рядовому составу. Драма офицерства заключалась прежде всего в том, что, принимая участие в Гражданской войне, потерпев в ней поражение и будучи выброшено за пределы родины, оно в абсолютном большинстве своем лишилось возмож-

ности заниматься своим профессиональным ремеслом — военным делом, получая при этом достойную оплату за свой труд. Бывшие офицеры, посвятившие себя профессиональной военной карьере, как правило, не умели делать ничего другого. Поэтому они находились перед непростым выбором — становиться наемниками в зарубежных армиях и в специальных воинских формированиях (Иностранных легионах) или искать иное трудовое поприще, овладевать гражданскими профессиями, зарабатывая на жизнь себе и своим семьям. Выбор в пользу первого варианта делали немногие, тем более, что и спрос на военных наемников после окончания Первой мировой войны был невелик, а конкуренция высока, когда в мире были миллионы людей уже несколько лет повоевавших, приобретших большой опыт на этом поприще. Часть из них была готова заниматься этим и впредь, поэтому конкуренция за места в Иностранных легионах и других подобных воинских формированиях была высока. Но главной причиной того, что бывшие русские офицеры не стремились стать иностранными военными наемниками, было все-таки другое: верность данной родине клятве, надежда вернуться в Россию и служить своей стране. Поэтому поиск мирных трудовых занятий, овладение гражданскими профессиями на чужбине рассматривалось обычно как дело временное и вынужденное.

Шли годы, и надежды на возвращение на родину становились все более призрачными. Эмиграция, как таковая, означает прежде всего процесс покидания родной земли и адаптации к жизни за рубежом. Спустя несколько лет эмигранты, как правило, вживаются в чужой мир, адаптируются к жизни в других странах, ассимилируются, натурализуются, и эмиграция как явление завершает свое существование. С российской послереволюционной эмиграцией все происходило иначе. Она стремилась сохранить свой особый мир за рубежом, привычную систему ценностей, культуру, язык, сформировать прочную и разветвленную систему взаимоотношений эмигрантов, и особую роль в этом играли эмигранты-военнослужащие.

Создававшийся за пределами родины особый мир Русского военного Зарубежья формировался и поддерживался прежде всего усилиями офицерства, в основной массе своей считавшего свое пребывание в эмиграции временным явлением, мечтавшего и надеявшегося вскоре вернуться домой. Стремление сохранить свою идентичность, профессиональные военные узы, верность традициям, товарищам по оружию высоко ценились именно в офицерской эмигрантской среде. Сотни формировавшихся и действовавших во-

инских объединений, союзов, обществ, организаций были не только средством поддержания связей, системы взаимоотношений бывших военнослужащих. Создавались центры, стремившиеся интегрировать их в единое эмигрантское воинское сообщества, своего рода «армию в изгнании», выстроить стройную единую организацию на началах централизма, дисциплины, единоначалия. К числу таких центров относились в первую очередь Русский Обще-Воинский Союз и возглавляемый великим князем Кириллом Владимировичем Корпус Офицеров Императорской Армии и Флота, реорганизованный в 1926 году в Корпус Императорских Армии и Флота.

Руководство РОВСа проповедовало принцип армия (эмигрантские воинские организации) вне политики, что на деле означало неучастие военнослужащих в деятельности эмигрантских политических организаций и верность началам непредрешенства (непредрешенчества). В отличие от великого князя Николая Николаевича и генерала Врангеля, которые полагали, что главной целью борьбы является устранение большевиков от власти и в ней должны сплотиться представители разных взглядов и идейно-политических течений, а определение нового строя и формы власти должны происходить уже на родине с участием широких слоев населения (хотя их личные симпатии и убеждения были монархическими), великий князь Кирилл Владимирович открыто выдвигал монархические лозунги и поднимал монархическое знамя борьбы. Воссоздаваемая в эмиграции военная организация и своего рода «армия в изгнании» должны были стать основным аргументом в реальной политике и, в конечном итоге, в борьбе за вооруженное свержение советской власти в России. И в этом были едины руководители двух названных ведущих военных эмигрантских союзов, пытавшиеся сплотить под своими знаменами разбросанных по всему миру бывших военнослужащих Императорской и белых армий.

Строгая военная организация предполагала сохранение системы командования, централизации, единоначалия, дисциплины, введение и осуществление наказаний за нарушения канонов воинской присяги, дисциплины, уставов и положений, деятельность судов чести для офицеров и генералов с возможным исключением из состава эмигрантских военных организаций за наиболее грубые нарушения и даже лишением чинов и званий (прежде всего за военные преступления и измену), что воспринималось как изгнание за пределы формирующегося мира Русского военного Зарубежья.

Подготовка к грядущей войне с СССР ставила на повестку дня вопросы развития военного образования в эмиграции, подготовки и переподготовки офицерских кадров, осмысления новейшего опыта последних войн и развития силами эмигрантских военных теоретиков военной теории и боевого искусства. Разработка стратегии и тактики вооруженной и иных форм борьбы с советской властью, поиск внешних союзников в лице ведущих капиталистических стран и организация ими военной интервенции против СССР — эти и другие проблемы относились к числу ключевых для руководителей ведущих эмигрантских военных организаций. Именно идея продолжения непримиримой борьбы с большевиками и возвращения на родину с победой была лейтмотивом реваншистски настроенных слоев эмиграции и лидеров формирующего Русского военного Зарубежья, пытавшихся объединить вокруг широкие слои и большую часть бывших российских военнослужащих. Таким образом, именно военная и военно-политическая составляющие являлись основополагающими и во многом определяющими направленность деятельности эмигрантских военных организаций и всего формирующегося феномена Русского военного Зарубежья.

Югославский историк М. Йованович в числе основополагающих характеристик Зарубежной России указывает на феномен «перенесенной государственности». Стремление бывших военнослужащих и их командования к сохранению за рубежом армии, военной организации эмигрантов, формирование Русского военного Зарубежья и является важнейшим атрибутом этой «перенесенной государственности».

Формирующееся Русское военное Зарубежье являлось не просто военным/военно-политическим, но и социальным, социокультурным явлением. И это проявлялось не только в попытках объединения в эмиграции представителей одной социальной группы — бывших военнослужащих и прежде всего офицерства, с характерными для этой группы чертами и традициями. Как уже упоминалось выше, постепенно в эмиграции складывалась широчайшая и разветвленная сеть различных форм и видов воинских (главным образом офицерских) союзов, обществ, организаций и объединений: бывших выпускников определенных военных учебных заведений, военнослужащих различных родов войск, тех или иных воинских частей и формирований; объединений по профессиональному признаку; участников важных событий Первой мировой и Гражданской войны; воинских объединений по странам, регионам, местам проживания и т.п.¹⁴⁶

Важной чертой социальной организации бывших военнослужащих становится их объединение по принципу совместной трудовой деятельности и общежития. Широкое распространение в эмиграции в 20-е годы получило создание войсковых рабочих групп и артелей, организованное перемещение при сохранении привычной военной организации целых воинских частей из страны в страну с целью коллективного обеспечения трудовой занятости в крупных зарубежных промышленных центрах, на предприятиях, о чем уже частично шла речь выше. Первым подобным организованным перемещением бывших военнослужащих стало перевозка чинов Русской Армии из Турцию на Балканы с предоставлением им возможностей трудиться и проживать совместно, в казармах и общежитиях. Такие передислокации осуществлялись и в дальнейшем. К апрелю 1925 года в результате переезда войсковых рабочих групп из чинов Русской Армии, проживавших в Балканских странах и Польше (из последней ехали бывшие офицеры и солдаты 3-й армии), во Франции и Бельгии насчитывалось около 80 таких групп, общей численностью до 3,5–4 тысяч человек¹⁴⁷.

Армейская организация помогала существовать и обеспечивала заботу о лицах, оказывавшихся в трудном положении. Одним из наиболее известных профессиональных объединений бывших военнослужащих являлась, например, деятельность русских таксистов в Париже. Представители рядовой массы военнослужащих, и особенно бывшие крестьяне и казаки, оседали также в сельской местности, занимаясь привычным для них сельскохозяйственным трудом. Казачьи станицы становились привычной формой трудовых, бытовых и воинских объединений, которые активно пытались быть использованы в дальнейшем в своих интересах казачьей эмигрантской верхушкой, руководством РОВСа и др. Добавим, что вообще многие русские воинские союзы и общества, существовавшие за рубежом, имели статус организаций взаимопомощи, и подобное благотворительное прикрытие обеспечивало их существование.

Распространенным явлением стало обучение бывших русских офицеров гражданским специальностям в высших и средних специальных учебных заведениях, переход их в социальный статус студентов (учащихся), что приобрело, например, достаточно массовый характер в Чехословакии. Это способствовало, с одной стороны, профессиональной адаптации бывших военнослужащих на чужбине, а с другой стороны, давало им своеобразную жизненную паузу, способствовало формированию их объединений на этом но

вом поприще, где активно функционировали различные воинские организации. Заметим, что бывшие офицеры нередко совмещали пребывание на студенческой скамье с выполнением особых поручений командования и в работе генерала Кутепова по «связи с Россией». К тому же, подобные академические объединения нередко служили формой прикрытия воинских союзов в тех странах, где была затруднена их организация и деятельность (например, «Академический союз» в Варшаве под руководством генерала Симанского, «Русский студенческий национальный союз в Германии» и др.).

Важным направлением социальной деятельности в рамках формирующегося Русского военного Зарубежья становилось создание госпиталей и лазаретов, поддержка ветеранов и инвалидов войны, образование для них специальных учреждений, что делалось на деньги, собираемые в результате благотворительных сборов в эмигрантской среде, а также в результате взаимодействия с органами власти и общественными организациями ряда зарубежных стран. Значительное внимание руководителями военных эмигрантских союзов (в частности РОВСа) уделялось работе с детскими и юношескими организациями, налаживанию в них военно-патриотической деятельности, военного обучения, вовлечению молодых людей в свои ряды. Это было органично связано и с развитием системы военного образования эмигрантского юношества. Сохранение и приумножение воинских традиций, распространение их в эмиграции, и в том числе приобщение к ним подрастающего поколения, было тесно и неразрывно связано с формированием Русского военного Зарубежья как культурного и духовно-нравственного явления.

Уже в первой половине 20-х годов не только быстро развивается система русских издательств, но были учреждены и специальные военные издательства «Святогор», «Русский Военный Инвалид» и др. Как уже упоминалось выше, в эмиграции издалось немало военной литературы как мемуарного, так и военно-теоретического и прикладного характера, складывалась разветвленная система русской военной периодической печати (более 100 журналов и газет). Организация подписки на эти журналы и газеты и их распространение способствовали формированию коммуникаций в системе Русского военного Зарубежья. Можно согласиться с оценкой, высказываемой рядом исследователей о том, что феномен российской эмигрантской военной периодической печати можно рассматривать как фактор, систематизирующий военную эмигрантскую диаспору.

В крупных центрах русского рассеяния, в активно действующих военных эмигрантских организациях создавались библиотеки, клубы и музеи, где широко представлялись выпускаемые военные издания, собирались и выставлялись боевые символы и реликвии. Важными духовно-нравственными центрами Русского военного Зарубежья становились православные храмы, в которых нередко хранились и воинские знамена, штандарты, другие боевые реликвии и символы военной истории и культуры России. Неумолимое время брало свое, и в результате складывались широко посещаемые церемониалы панихиды и прощания с бывшими военнослужащими, организовывались «Дни поминовения» погибших и умерших, формировались русские кладбища (с участками воинских захоронений), становившиеся органичной составной частью мира Русского Зарубежья.

Совместное проведение воинских праздников, встреч, собраний, богослужений, поддержание старых и создание новых традиций рассматривалось эмигрантским генералитетом как важное средство поддержания душевного равновесия и устойчивой психологии бывших военнослужащих, веры в успех борьбы и неминуемой победы над большевиками. В распоряжении генерала Врангеля в адрес начальников отделов Русского Обще-Воинского Союза от 5 мая 1926 года содержался перечень Дат, которые надлежит обязательно отмечать торжественными богослужениями: 1) 3/16 июля — день мученической кончины Государя Императора Николая II, Императрицы Александры Феодоровны и Государя Наследника цесаревича Алексея Николаевича; в этот же день поминовать и всех остальных членов Императорского Дома, погибших от руки большевиков; 2) 27 июля/9 августа — день тезоименитства Верховного Главнокомандующего Великого Князя Николая Николаевича; 3) 2/15 ноября — день основания Добровольческой Армии с поминовением всех усопших и убитых Вождей Добровольческой Армии, а также Генерала Каледина и Адмирала Колчака¹⁴⁸.

Характеризуя процесс формирования Зарубежной России и Русского военного Зарубежья как его важнейшей части и своеобразного ядра, заметим, что их ни в коей мере не следует идеализировать. Они в полной мере вобрали в себя противоречия и расколы как дореволюционной России, так и революционной эпохи, антибольшевистского и белого движения периода Гражданской войны в России. Борьба, которая велась ранее на территории России, теперь переносилась и приобретала новые формы за пределами страны, в

эмиграции. К тому же, бывшие русские военнослужащие уже в силу их профессии нередко оказывались втянутыми в конфликты и войны, которые протекали в различных уголках планеты. Они воевали в Иностраннных легионах, участвовали в Гражданских войнах в Китае и Испании, принимали участие в войне Парагвая с Боливией (1932 – 35 гг.), сражаясь в составе Парагвайской армии и сыграв решающую роль в ее победе над Боливией и т.д.

Особой, интересной и многоаспектной темой является психология бывших военнослужащих на чужбине. Важным и одним из наиболее болезненных ее элементов являлась личная тема, одиночество, семейная и бытовая неустроенность. Большинство военнослужащих утратили свои связи с семьями, родными и близкими. Одиночество, трудность устройства своей личной и семейной жизни осложнялись тем, что для многих военнослужащих было невозможно вступить в брак, так как в России остались их жены и семьи. К тому же, неустроенные русские военнослужащие и не относились в странах их проживания к числу завидных и желанных женихов. Несколько более благоприятно складывалась эта ситуация в балканских странах – Болгарии и Королевстве СХС, где налицо была известная славянская общность языка и религиозных конфессий.

В военной среде особенно болезненно давали о себе знать психологические последствия, драмы и травмы Первой мировой и Гражданской войн. Состояние людей, которые несколько лет непрерывно воевали, а затем вместо отдыха оказались на чужбине, утратив все, что имели раньше, было, несомненно, чрезвычайно сложным. Почему произошла трагедия и они оказались за пределами Родины, что ждет их впереди – это были те мучительные вопросы, на которые было трудно дать конкретный и ясный ответ. В умах, чувствах, психике и жизнедеятельности бывших военных, и в первую очередь офицеров, были весьма распространены, сочетались и (или) накладывались друг на друга такие мотивы и желания, как жажда возмездия, надежда взять реванш у сторонников советской власти и с победой вернуться в Россию, к своим родным и близким, стремление вернуть себе былое положение и привилегии, а пока выжить, сохранить свою русскую самобытность и традиции, дисциплину, чувство локтя, взаимовыручки, без которых не могут существовать воинские коллективы.

Непримиримость, злопамятность, мстительность, столь характерные для эмигрантской среды, не исключая и военной ее части,

нередко воплощались в сведение счетов с конкретными личностями, теми или иными группами эмигрантов. Например, для руководства Русского Обще-Воинского Союза своего рода олицетворением зла и недобрых намерений стали генерал Деникин и его окружение. Действия А.И. Деникина в прошлом, настоящем и будущем характеризовались преимущественно как вредные для Армии, в них виделось и стремление захватить руководство РОВСом. Деникина и его сторонников превратили в своеобразное пугало, а в печати, симпатизирующей Союзу, традиционно присутствовали антиденикинские материалы и особенно в периоды переживаемых им кризисов.

Особой и весьма болезненной в эмиграции и в том числе в его военной среде являлась тема патриотизма. Патриотическая идея переживала кризис — на это указывали многие, а известный врач-психиатр, в прошлом участник Белой борьбы на Юге России, профессор Н.В. Краинский утверждал, что патриотизм совершенно уничтожен; вся эмиграция охвачена бредом отречения от прошлого¹⁴⁹. Зависимость от зарубежных стран и иностранцев нередко превращалась в угодничество и низкопоклонство. Трудные жизненные условия, неустроенность и неопределенность, нищета, безденежье и безработица нередко вызывали стремление получить иностранное гражданство, чтобы тем самым облегчить свое положение. Но это, в свою очередь, ослабляло военную организацию Русского Зарубежья, и руководство Русского Обще-Воинского Союза, например, вслед за основанием Союза приняло решение, что иностранные подданные не могут быть его членами. Для РОВСа было характерно желание взять на вооружение патриотическую идею и пробудить патриотические чувства. Продолжение борьбы с большевиками трактовалось как патриотический долг, стремление вернуть единую и великую Россию. Теме исторического величия прежней, дореволюционной России, скрепленного героическими боевыми традициями и военной мощью, уделялось большое внимание в эмигрантской военной печати.

С самого начала эмигрантская военная среда была весьма неоднородна. И чем дольше длилось пребывание на чужбине, тем меньше оставалось надежд на возвращение, тем сильнее становились апатия, разброд, неверие в возможность борьбы, стремление уйти в личную жизнь или даже любой ценой заслужить прощение советской власти, пойти на сотрудничество с ней и получить право возвратиться домой, к своим семьям, родным и близким. И на этом ак-

тивно играли представители СССР и прежде всего сотрудники советских спецслужб. Они шаг за шагом усиливали свое проникновение в эмигрантскую среду, расширяли возможности получения информации о происходящем в ней и в первую очередь в Русском военном Зарубежье, активизировали борьбу с ним, и особенно с Русским Обще-Воинским Союзом.

Растущее разложение эмиграции, охватившее и бывших военнослужащих, крайне беспокоило военное командование, генералитет и руководство Русского Обще-Воинского Союза. Противодействие этому они видели в активизации деятельности различных воинских объединений, обществ, организаций и союзов, развитии системы военного образования, переобучения и совершенствования военных знаний, приобщении к чтению русской эмигрантской военной периодики, создании и функционировании библиотек, архивов, мемориальных музеев, выставок, православных храмов,

Для руководства русской военной эмиграции тема праздников и поддержания традиций была важным условием и одновременно средством обеспечения идентичности Русского военного Зарубежья, поддержания морального и боевого духа и сохранения боеспособности бывших военнослужащих. Заметим, что это удавалось в большей мере в отношении офицеров, нежели рядовой солдатской массы, которая быстрее адаптировалась к условиям жизни на чужбине, воспринимала местные условия жизни и традиции. Поэтому поддержание устойчивых связей командиров со своими подчиненными, противодействие «трудоому врастанию» значительной массы бывших военнослужащих с одновременной утратой ими боевых качеств и желания сражаться за цели и идеалы Белого дела рассматривалось руководителями военной эмиграции в качестве важнейшей задачи.

Весной 1927 года русская эмиграция была потрясена скандальными разоблачениями, связанными с проводимой чекистами операции «Трест». Выяснилось, что так называемое «Монархическое Объединение Центральной России», с которым были связаны многие эмигрантские организации и в том числе Боевая организация, руководимая генералом Кутеповым, была не более чем чекистской мистификацией. Будучи фактически отстранен от подрывной работы, которую вела организация Кутепова против СССР, Врангель весьма скептически относился к этой деятельности, не раз предупреждал великого князя Николая Николаевича и самого Кутепова об опасности провокаций со стороны советских спецслужб,

угрозы советской азефщины. После провала «Треста» Врангель даже с известным злорадством писал: «Попались на удочку ГПУ почти все организации, огромное большинство политических деятелей чувствует, что у них рыльце в пушку, что углубление вопросов обнаружит их глупую роль»¹⁵⁰.

В этих условиях председатель РОВСа стал вынашивать планы создания собственного (в противовес генералу Кутепову) центра и выработки концепции подрывной деятельности в СССР. Генерал Шатилов, человек, пользовавшийся неограниченным доверием Врангеля, направил ему письмо, в котором указывал, что «работа в России должна начинаться с самого начала» и предлагал не привлекать к ней лиц, которым она поручалась ранее. В июле 1927 года по указанию председателя РОВСа генерал Шатилов представил докладную записку по организации такой работы. Основные направления ее виделись в следующем: «1) непрекращающиеся террористические акты в отношении виднейших вождей нынешнего правительства и его представителей на местах; 2) нащупывание активных контрреволюционных элементов и образование среди них национальных ячеек; 3) искание связей с постоянным составом красной армии; 4) установление ячеек в рабочей среде и связь с районами крестьянских восстаний; 5) создание более крупных контрреволюционных центров с филиалами на местах».

Главный и конспиративный центр борьбы с большевиками должен был, по мнению Шатилова, располагаться на территории Франции. Для прикрытия создаваемого центра подрывной деятельности предлагалось использовать редакцию какой-либо эмигрантской газеты, имевшей филиалы на территории Финляндии, Литвы, Эстонии и Румынии, через которые на территорию СССР можно было транспортировать агитационные материалы, оружие, боеприпасы и пр. На советской территории должны были быть созданы конспиративные пункты связи от границы до конечных центров. В прилагаемой к докладной записке схеме предполагалась организация 5 приграничных ячеек, 9 головных и 15 промежуточных пунктов для связи с 6 крупными центрами СССР. Расходы на первый год работы создаваемого центра оценивались в 360,4 тысяч франков. Генерал Врангель одобрил предложения и утвердил годовой бюджет будущего центра в сумме почти 600 тысяч франков. В дальнейшем предполагалось покрывать расходы внутри СССР путем эмиссии советских рублей¹⁵¹.

При всей сложности ситуации генерал Врангель настойчиво

искал пути выхода из сложившегося положения. Но активизация деятельности и рост популярности барона были прерваны его неожиданной тяжелой болезнью в марте 1928 года и смертью месяца спустя — 25 апреля¹⁵². Уже тогда в эмигрантских кругах и в печати прозвучали предположения о том, что его болезнь и смерть явились результатом террористической акции ОГПУ. Этой точки зрения придерживалась и семья генерала, которая высказала свою версию событий. Первым попыткой обстоятельного исследования этой темы стала книга В.Г. Бортневского «Загадка смерти генерала Врангеля».

В современной литературе существуют разные мнения относительно причин смерти барона П.Н. Врангеля. Часть исследователей склоняется к тому, что он погиб в результате спецоперации ОГПУ¹⁵³, другие утверждают, что это суждение не подтверждено серьезными аргументами¹⁵⁴. Думается, что лишь документы советских спецслужб могут поставить точку в этом споре.

Генерал Врангель был первоначально захоронен на брюссельском кладбище Юккль-Кальвет. В октябре 1929 года его прах был перезахоронен в русском православном храме Св. Троицы в Белграде. В последние годы в России и за ее пределами предметом дискуссий стала тема переноса праха генерала Врангеля на родину.

После ухода из жизни генерала Врангеля верховное руководство РОВСом продолжало находиться в руках великого князя Николая Николаевича. Приказом от 29 апреля 1928 года он назначил председателем Русского Обще-Воинского Союза генерала от инфантерии А.П. Кутепова (с указанием, что по всем вопросам, касающимся РОВСа, он докладывает ему). Детские и юношеские годы нового председателя РОВСа были связаны с Севером: он родился в 1882 году в г. Череповце, а в 90-е годы после смерти отца и нового замужества матери семья переехала в Архангельск, где он учился в губернской мужской гимназии¹⁵⁵. В дальнейшем, после окончания Петербургского Владимирского пехотного училища А.П. Кутепов прошел несколько войн и окончил Гражданскую войну командующим 1-й армией в Русской Армии генерала Врангеля. О последующих событиях и вехах его жизненного пути уже шла речь на страницах этой книги.

При генерале Кутепове в качестве председателя РОВСа происходит объединение в одних (его) руках официальной (открытой) деятельности Союза и законспирированной (так называемой «активной» или «специальной») работы против СССР. Правомерность и

целесообразность этого впоследствии (после похищения генерала Кутепова и при председательстве генерала Миллера) вызовет острые дискуссии в эмиграции.

6 января 1929 года, после смерти накануне великого князя Николая Николаевича генерал Кутепов вступил в высшее управление Русским Обще-Воинским Союзом, приняв на себя исполнение обязанностей, выполняемых до этого верховным главнокомандующим. Кутепов намерен был прибегнуть к тактике активной борьбы с большевиками, что, в случае успеха, должно было повысить и его политические акции, а также роль и значение возглавляемой им организации. Генералу предстояло реабилитировать себя за те поражения, которые он потерпел ранее от ОГПУ, возглавляя по поручению великого князя боевую работу против СССР.

Направляемые Кутеповым в СССР группы боевиков предпринимали попытки совершения терактов на советской территории, но их действия были малорезультативными. Часть из них гибла в схватках с чекистами или кончала жизнь самоубийством, оказавшись в безвыходном положении, других арестовывали, судили. И, тем не менее, Кутепов был убежден: «Нельзя ждать смерти большевизма, его надо уничтожать»¹⁵⁶. Он жил и действовал в соответствии с этим убеждением.

Обострение политической борьбы в СССР и осложнение социально-экономической ситуации в конце 20-х годов внушали эмигрантским верхам надежду, что именно «активные» методы борьбы будут наиболее эффективны и приведут к падению власти большевиков. Особые надежды возлагались на массовое повстанческое движение крестьянства. Кризисные тенденции в международных отношениях и вооруженный конфликт на КВЖД в 1929 году, в котором на стороне китайских милитаристов принимали участие и бывшие белогвардейцы, были, казалось бы, подтверждением грядущих неизбежных потрясений, к которым верхи Русского военного Зарубежья деятельно готовились.

После смерти великого князя Николая Николаевича противостояние «кирилловцев» и «николаевцев», и в том числе их военных организаций, вступило в новую стадию. Легитимисты считали, что в новой ситуации «единственным моральным возглавителем Зарубежной Руси остался Государь Кирилл Владимирович», полагая, что равного ему никого не было. 19 февраля 1929 года состоялась встреча начальника канцелярии великого князя Кирилла Владимировича капитана II ранга Г.К. Графа с генералом Кутеповым. В ходе бе-

седы, по свидетельству Графа, были обсуждены взаимные претензии, ссоры и столкновения руководимых ими организаций. Выразилось желание устранить недоразумения и установить добрососедские отношения. Обсуждалась ситуация в СССР и работа эмигрантских организаций в этой стране. Кутепов, который стремился вести активную террористическую деятельность силами своих боевиков внутри СССР, задал Графу вопрос, ведут ли они активную работу внутри Советского Союза, на что последний ответил, что ими ведется только пропаганда. «Мы остались более-менее довольны друг другом, — писал Г.К. Граф спустя годы, вспоминая эту встречу. — Взаимоотношения между РОВС и нашим движением мало изменились, но все же кое-какие острые углы сгладились»¹⁵⁷.

Но претензии великого князя Кирилла Владимировича на руководство Русским Зарубежьем, и в том числе военными эмигрантскими организациями, вызывало крайнюю обеспокоенность генерала А.П. Кутепова. В февральском (1929 г.) циркуляре начальникам отделов Союза он указал на возможность появления обращения великого князя с призывом следовать за ним и об активной работе «кирилловцев» в военных организациях РОВСа, а также на то, что Высший Монархический Совет может признать Кирилла Владимировича императором. В этом случае чины РОВСа, входившие в ВМС, должны были выйти из него, а тех, кто не сделает этого, так же как и военнослужащих, признавших Кирилла Владимировича императором, следовало исключить из рядов Союза¹⁵⁸. Полный текст этого документа публикуется в приложениях к настоящему изданию.

Высший Монархический Совет вынес постановление о своем подчинении великому князю Кириллу Владимировичу как главе династии, но, вместе с тем, не признал его императорского титула. В конце мая 1929 года председатель ВМС А.Н. Крупенский вместе с князем М.К. Горчаковым посетил великого князя в его резиденции в Сен-Бриаке (Франция), где состоялись их переговоры, но должного взаимопонимания и взаимодействия налажено не было. В итоге ожидаемого сплочения монархистов в эмиграции и консолидации вокруг монархического знамени бывших русских военнослужащих и их военных организаций в эмиграции не произошло. В ВМС произошел новый раскол, а противники признания великого князя Кирилла Владимировича в качестве императора предприняли в дальнейшем попытку выдвинуть своего кандидата — князя Никиту Александровича в качестве главы династии и монархического вождя¹⁵⁹.

Великий князь Кирилл Владимирович и возглавляемый им Союз Монархистов-Легитимистов вели активную работу по объединению своих сторонников, и в том числе бывших русских военнослужащих. 29 сентября 1929 года великий князь утвердил «Положение о Корпусе Императорских Армии и Флота», в котором была закреплена организационная и воинская структура объединения. На должность заведующего делами Корпуса был назначен генерал-лейтенант К.В. Апухтин. Великий князь Кирилл Владимирович как бывший моряк и контр-адмирал пользовался поддержкой ряда старых адмиралов. Он предлагал бывшему командующему Черноморским флотом, руководившему эвакуацией Крыма, вице-адмиралу М.А. Кедрову создать военно-морскую организацию эмигрантов под своей эгидой и стать членом Высшего Совета Блюстителя Престола. Но последний отказался от этого предложения, так же как в свое время и от подобных предложений великого князя Николая Николаевича и генерала Врангеля. И все-таки после переговоров с генералом Кутеповым Кедров создал в 1929 году Военно-Морской Союз из молодых офицеров и гардемарин, но он вошел в состав не Корпуса Императорских Армии и Флота, а Русского Обще-Воинского Союза. В благодарность генерал Кутепов назначил его вторым заместителем председателя РОВСа.

Генерал Кутепов предпринимал активные действия по расширению географии организаций и отделов Русского Обще-Воинского Союза. В частности, в 1928 году был создан Дальневосточный отдел РОВСа, который возглавил генерал от артиллерии М.В. Ханжин. Происходили переговоры с лидерами казачества, которые позволили вовлечь ряд их организаций в Союз.

Председатель РОВСа активизировал работу с эмигрантской молодежью и дал указание с начала 1930 года открыть военно-училищные курсы под руководством генерала Головина при его Зарубежных Высших военно-научных курсах. Они предназначались для молодых людей, желающих теоретически познакомиться с обязанностями младшего офицера в строю¹⁶⁰.

В 1929 году в Париже началось издание журнала «Часовой», ставшего одним из самых популярных эмигрантских военных изданий. Он формально являлся независимым, но выходил в свет при финансовой поддержке РОВСа, а главным редактор и заведующий издательством журнала бывший капитан Добровольческой армии В.В. Орехов входил в состав Союза.

Энергичные действия нового председателя Русского Обще-Во-

инского Союза, его решительность и бескомпромиссность на фоне внутрисоюзного и международного кризиса СССР на рубеже 20-х и 30-х годов вызвали растущее беспокойство советского руководства.

Летом 1929 года в ОГПУ был разработан план захвата генерала Кутепова и вывоза его в Москву. 26 января 1930 года он был похищен в Париже агентами советских спецслужб и погиб¹⁶¹.

Несмотря на то, что генерала Кутепова не удалось доставить живым в СССР, ОГПУ считало, что основные цели операции выполнены. Был нанесен сильный удар по Русскому Обще-Воинскому Союзу, который советское руководство считало постоянным источником опасности для СССР. Был уничтожен наиболее сильный и авторитетный лидер военной эмиграции, являвшийся последовательным сторонником решительных и активных действий против советского государства и видевший перспективу в организации нового вооруженного похода против Советского Союза совместно со странами Запада. В результате ослабли позиции «активистов» в руководстве РОВСа и резко сократились масштабы террористической деятельности, ведущейся из-за рубежа, в самый трудный для руководства СССР момент, когда страна находилась на грани новой крестьянской войны, что могло вылиться в дальнейшем в широко-масштабную гражданскую войну. Несомненно, что эмиграция была напугана и еще более дезорганизована этой акцией ОГПУ.

20-е годы и в целом межвоенный период характеризовались ожесточенной и бескомпромиссной борьбой советских спецслужб против российской эмиграции и в первую очередь против Русского военного Зарубежья. В этой борьбе чекисты использовали широкий арсенал средств: организация возвращенческого движения (репатриации), подкуп, вербовки, разложение, провокации, легендирование контрреволюционных организаций на советской территории, расширение разведывательной деятельности, получение источников информации и продвижение своих людей в ключевые структуры и ведущие военные организации эмиграции. Используя богатый опыт операции «Трест», по ее образу и подобию была проведена целая серия оперативных игр с эмигрантскими центрами и в первую очередь с военными объединениями, с легендированием контрреволюционных организаций, действовавших, якобы, на советской территории. К числу таких операций относились, например, операция «Д-7» с легендированием «военной организации» бывших офицеров, служивших в штабе Ленинградского военного округа, «Замор-

ское» с участием легендированной антисоветской организации под названием «Северо-Кавказская военная организация», «С-4» («Синдикат-4») с участием легендированной «Внутренней русской национальной организации»¹⁶² и др.

Практиковалось проведение спецопераций, направленных на физическое устранение видных военных лидеров эмиграции. В 1921 году результатом такой спецоперации стало убийство атамана А.И. Дутова. В 20-е годы удалось захватить за рубежом и вывести в СССР генералов А.С. Бакича, Б.В. Анненкова, Н.А. Денисова и др.

Похищение генерала Кутепова в январе 1930 года явилось рубежом пунктом в жизни и истории российской военной эмиграции. Произошедшее поставило немало трудных вопросов перед ее лидерами и эмигрантами в целом. Формирующаяся в 20-е годы Зарубежная Россия было сложным, многогранным и противоречивым феноменом, в котором особую роль играло складывавшееся Русское военное Зарубежье. Вместе с тем, взаимоотношения военных и политиков, «верхов» и «низов» эмиграции складывались очень не просто и крайне противоречиво.

Большинство созданных военных эмигрантских организаций объединил к концу 20-х годов в своих рядах Русский Обще-Воинский Союз, достигший пика своего влияния при генерале Кутепове. РОВС стал, несомненно, ведущей организацией Русского военного Зарубежья. И вместе с тем, программные и организационные задачи РОВСа оказались решены лишь частично. Он испытывал постоянную конкуренцию со стороны возглавляемого великим князем Кириллом Владимировичем Корпуса Императорских Армии и Флота. Наладить отношения им так и не удалось. К тому же, эти организации, даже вместе взятые, объединяли явное меньшинство эмигрантов — бывших военнослужащих. Большинство из них постепенно адаптировались к жизни за рубежом, были заняты решением сложных повседневных проблем бытия.

Противоречия в российской военной эмиграции, интриги и личные амбиции, сложные взаимоотношения с представителями других эмигрантских общественно-политических движений и организаций вели к изоляции военно-политических лидеров Русского Зарубежья от основной массы эмигрантов, в том числе бывших солдат и офицеров. Лидерам эмигрантских организаций не удалось организовать дееспособное антисоветское подполье в СССР, попытки активных действий на советской территории неизменно проваливались, а замыслы создания массового антибольшевистского

движения оказывались фикцией. Иностранцы не верили в силы и возможности российской военной эмиграции. Налицо был и острый идейно-политический кризис Русского военного Зарубежья, растущее неверие большинства эмигрантов в возможность новой и на этот раз победоносной войны с советской властью.

Вопросы к третьей главе

Каковы цели и задачи создания Русского Общего Воинского Союза?

Охарактеризуйте структуру РОВСа.

Как складывались взаимоотношения, и в чем заключалось существо разногласий между генералом Врангелем и великим князем Николаем Николаевичем?

Охарактеризуйте цели создания Корпуса Офицеров Императорских Армии и Флота, а позднее Корпуса Императорских Армии и Флота. В чем заключались их расхождения с РОВСом?

Как происходил процесс трансформации российской военной эмиграции в Русское военное Зарубежье? Дайте характеристику этого формирующегося исторического явления.

Каковы роль и место Русского военного Зарубежья в системе Зарубежной России?

Назовите «горячие точки» международных отношений 20-х годов и охарактеризуйте тактику, избранную в их отношении, руководителями российских эмигрантских военных организаций.

Как складывались взаимоотношения руководителей формирующегося Русского военного Зарубежья и иностранных политиков в 20-е годы?

ГЛАВА 4

ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКОГО ВОЕННОГО ЗАРУБЕЖЬЯ В 30-Е ГОДЫ

Четвертое десятилетие XX века стало сложным и драматичным периодом в истории Русского военного Зарубежья. Начало 30-х годов ознаменовалось мировым экономическим кризисом, а конец — началом Второй мировой войны. В целом же, этот период вместил в себя много важных событий и непростых проблем, требующих тщательного осмысления и правильного понимания.

Мировой экономический кризис, начавшийся еще в 1929 году, прокатился в начале 30-х годов по развитым странам мира, как, впрочем, и по всем другим государствам русского рассеяния, и наиболее болезненно ощутили его последствия на себе в первую очередь русские эмигранты. Относившиеся к категории беженцев, людей второго сорта они в первую очередь лишались работы в условиях массовой безработицы и выбрасывались на улицу, оказываясь без средств к существованию. Произошло резкое обострение международных отношений, в мире формировались очаги грядущей мировой войны. Укрепление позиций милитаристских и правоэкстремистских сил в мире как в Европе, так и на Дальнем Востоке, внушало руководителям российской эмиграции надежды на неизбежность военно-политической конфронтации и прямого вооруженного столкновения между вышеназванными силами и СССР.

В свою очередь, события, происходившие в советской стране с рубежа 20-х и 30-х годов и именовавшиеся «великим переломом» и «развернутым наступлением социализма по всему фронту», сопровождались острой политической борьбой, массовыми протестами крестьянства и повстанческим движением, что, в свою очередь, вызывало надежды в эмиграции на скорый крах советской власти и возвращение на родину. Заметим, что советское руководство в рассматриваемый период прекратило процесс реэмиграции, полагая, что все, кто хотел, вернулись на родину в 20-е годы, а за границей остались только враги советского государства. Против них была развернута непримиримая борьба, в которой особую роль играли советские спецслужбы.

Все вышеизложенное требовало от руководителей Русского военного Зарубежья внесения существенных коррективов в стратегию и тактику деятельности и борьбы. Начало 30-х годов означало прежде всего качественно новый этап в истории и деятельности Русско-

го Обще-Воинского Союза. Уход из жизни прежних его вождей — генерала Врангеля, великого князя Николая Николаевича и генерала Кутепова — способствовал приходу к руководству РОВСом новых лидеров, оценке и переоценке ценностей, стратегии и тактики деятельности этой организации, поиску новых путей и методов ее работы, внесению корректив во взаимоотношения с другими организациями Русского Зарубежья.

В связи с исчезновением Кутепова его обязанности были возложены на генерал-лейтенанта Е.К. Миллера, который с 1929 года являлся старшим помощником председателя РОВСа. 27 января он вступил в новую должность. Заметим, что впервые руководителем ведущей организации Российского военного Зарубежья стал человек, не связанный боевыми дорогами Гражданской войны с Югом России. С 1919 года и до падения Северного фронта в феврале 1920 года Миллер был генерал-губернатором и членом Временного правительства Северной области в Архангельске. В июне 1919 года он был назначен Верховным правителем адмиралом А.В. Колчаком главнокомандующим всеми сухопутными и морскими вооруженными силами, действующими против большевиков на Северном фронте, и командовал им до последних дней его существования¹⁶³. О веках его жизненного пути в эмиграции уже шла речь ранее.

Новый председатель РОВСа не пользовался (в отличие от своих предшественников) широкой известностью и популярностью в военных кругах эмиграции, и ему предстояло утвердиться, доказать своей деятельностью соответствие должности, которую он занял.

Руководство Русского Обще-Воинского Союза предпринимало в это время меры по поиску генерала Кутепова, наряду с расследованием, которое вели французские власти. В январе 1930 года к этой работе был привлечен известный юрист, бывший прокурор Судебной Палаты В.Д. Жижин, тесно сотрудничавший с РОВСом. Он должен был обработать все материалы по так называемой «русской линии», включая допросы эмигрантов, систематизировать все поступающие сведения и доказать вину большевиков в похищении генерала Кутепова. Жижин призван был поддерживать повседневную связь и оказывать всемерную помощь французскому следствию. Наряду с деятельностью комиссии Жижина, к действиям по розыску Кутепова был привлечен и созданный в РОВСе во второй половине 1930 года контрразведывательный аппарат, возглавляемый генералом К.И. Глобачевым. Свои усилия в этом направлении прилагал и бывший ближайший помощник Кутепова по «специаль-

ной» работе полковник А.А. Зайцов. Но, как показало время, все их действия не принесли желаемых результатов.

Генерал Миллер, встав во главе Русского Обще-Воинского Союза, приложил большие усилия и для урегулирования отношений с казачеством. В ходе его переговоров с атаманом Войска Донского генералом А.П. Богаевским было выражено взаимное желание установить дружественные отношения и работать в полном согласии¹⁶⁴.

Новый председатель РОВСа произвел ряд перемен в структуре и в расстановке руководящих кадров в штаб-квартире этой организации¹⁶⁵. Например, руководителем секретной боевой работы РОВСа против СССР, которую ранее возглавлял генерал Кутепов, был назначен генерал А.М. Драгомиров, состоявший генералом для поручений при председателе Союза. В мае 1930 года был создан VI отдел РОВСа, объединивший эмигрантские военные организации в Чехословакии. В июне того же года был учрежден Южно-Американский отдел РОВСа, начальником которого был назначен генерал-майор Н.Ф. Эрн, проживавший в Парагвае. Военными организациями, входившими в РОВС в Канаде, руководил генерал-майор А.М. Ионов. С 3 июля 1930 года он был назначен начальником Канадского отдела РОВСа. В начале 30-х годов в РОВС входило около 200 воинских союзов, обществ и организаций¹⁶⁶.

Все чины Русского Обще-Воинского Союза, живущие в одном населенном пункте, объединялись в группу РОВСа в нем, которую возглавлял начальник, подчиненный начальнику отдела Союза. Приказом РОВСу от 18 апреля 1930 года¹⁶⁷ были введены правила снабжения всех его чинов личными карточками и ведения личного состава. Личные карточки выдавались и подписывались командирами отдельных частей, начальниками групп РОВСа и председателями воинских союзов. Лица, состоявшие в нескольких из них, имели одну личную карточку. Срок действия ее составлял один год. Вводились также книги учета. Важнейшим критерием принадлежности к РОВСу становится уплата членских взносов.

10 апреля 1930 года генерал Миллер перевел штаб-квартиру РОВСа в Париже на улицу Колизе, 29, в дом, принадлежавший семье видного в прошлом российского предпринимателя С.Н. Третьякова. Это привело к большим неприятностям для Союза. Дело в том, что С.Н. Третьяков в 1929 году был завербован Иностранным отделом ОГПУ. В его доме была размещена специальная техника, и на протяжении нескольких лет успешно велось прослушивание всех разговоров в управлении Русского Обще-Воинского Союза.

Будучи заместителем генерала Кутепова короткий период времени, Миллер не знал обо всех сторонах работы РОВСа, о состоянии дел в разных странах и организациях, не был посвящен в боевую работу Союза и не информирован о секретной деятельности организации. Поэтому новый председатель РОВСа начал свою деятельность с инспекционных поездок в Югославию, Чехословакию и Болгарию, чтобы разобраться с практической деятельностью РОВСа и состоянием секретной работы, руководимой ранее непосредственно Кутеповым.

По мере знакомства с боевой деятельностью РОВСа генерал Миллер выразил неудовлетворение ее состоянием и результатами и назвал мелкими булавочными уколами разного рода «бессистемные покушения, нападения на советские учреждения и поджоги складов». Остатки боевиков, по его мнению, были не в состоянии вести сколько-нибудь серьезную работу против СССР. Председатель РОВСа отказался от активной террористической деятельности как малорезультативной и ведущей к большим потерям среди агентуры и членов антисоветских организаций.

Предложенная генералом Миллером новая тактика заключалась в том, чтобы направить основные усилия на создание тайных опорных пунктов на территории СССР и подпольных, хорошо замаскированных организаций, которые могли бы в нужный момент возглавить повстанческое движение, восстания с целью свержения советской власти. Главное внимание должно было быть уделено не диверсионно-террористической, но разведывательной деятельности. Этому, казалось бы, способствовало массовое недовольство крестьян коллективизацией, трудности, порожденные «наступлением социализма по всему фронту», не только в сельской местности, но и в городах. В этих условиях генерал Миллер считал необходимым сделать ставку на подготовку крупных выступлений и согласование действий населения.

Посетив в Праге учрежденный несколько лет назад при поддержке МИД Чехословакии Русский Заграничный Исторический Архив Е.К. Миллер издал приказ РОВСу от 24 мая 1930 года, в котором предписывал всем военным организациям посылать туда свои вестники и другие материалы и документы¹⁶⁸.

В результате знакомства с состоянием дел на местах и работой против СССР генерал Миллер поставил задачу собирания и подготовки крупных сил для будущей борьбы. Для этого новый председатель РОВСа считал необходимым не просто сохранить кадры, но

обеспечить дальнейшее развитие системы подготовки и переподготовки офицерских кадров, специалистов для развертывания партизанской войны в тылу Красной армии, обучение эмигрантской молодежи военно-диверсионному делу.

В приказе председателя Русского Обще-Воинского Союза от 11 ноября 1930 года подчеркивалось: «...будем верить, что недалеко то время, когда членам РОВС, усиленным всеми, способными носить оружие русскими людьми, проживающими за рубежом, предстоит принять участие и в том новом этапе Белой борьбы, который уже возникает на территории СССР»¹⁶⁹. Год спустя, генерал Миллер вновь указывал, что главная задача РОВСа — «сохранить и укрепить в эмиграции наши военные элементы для свержения советской власти». В связи с этим он подчеркивал, что нельзя допустить, чтобы русские военнослужащие действовали как наймиты на стороне той или иной политической иностранной партии¹⁷⁰.

Большое значение уделялось по-прежнему совершенствованию и повышению уровня военных знаний русского офицерства в эмиграции. Осенью 1930 года было объявлено об открытии Военно-технических курсов в Париже для изучения военно-инженерного дела по программе Николаевской Инженерной академии. Продолжительность обучения составляла три семестра, каждый из которых длился около 8 месяцев. Курсы возглавил председатель объединения бывших воспитанников Николаевской Инженерной академии и Инженерных училищ генерал-майор Е.Ю. Бем. В октябре того же года в Белграде были открыты начальные, средние и высшие курсы военной подготовки под общим руководством генерала М.Н. Промтова. Вслед за этим там же были учреждены Зарубежные Высшие военно-научные курсы как отделение Парижских курсов с той же программой, которые возглавил генерал А.Н. Шуберский. В 1931 году в Белграде были организованы Заочные курсы, действовавшие в соответствии с директивами и по указаниям генерала Головина. Из окончивших Зарубежные Высшие военно-научные курсы профессора Головина в Париже в 1932 году был создан Институт по изучению Мировой войны и мира, существовавший до 1940 года¹⁷¹.

Большое значение генерал Миллер уделял работе с эмигрантской молодежью, продолжая тем самым линию, избранную генералами Врангелем и Кутеповым. Он обратился к молодежи Русского Зарубежья, призывая ее к работе РОВСа на всех направлениях, и выдвинул лозунг: «Молодежь, под знамена!», что было положитель-

но воспринято большей частью эмигрантских организаций. 5 июня 1930 году было принято особое «Положение о приеме в воинские организации Русского Обще-Воинского Союза молодых людей, ранее в войсках не служивших». Декларированные цели этого документа заключались в том, чтобы усилить РОВС в боевом отношении, предоставить молодым людям возможность поступать в этот Союз, формировать у них высокие моральные качества, готовить их к исполнению обязанностей сначала унтер-офицера, а затем (при известных условиях) и к производству в офицеры. Это положение распространялось на лиц в возрасте не моложе 16 и не старше 30 лет, физически годных к строевой службе, не опороченных по суду, не состоявших под судом и следствием. Окончившие полный курс кадетских корпусов зачислялись в юнкера, окончившие высшую или среднюю школу, или имевшие образование, соответствовавшее 6 классам средней школы, становились вольноопределяющимися, остальные – охотниками. Обучение и подготовка к экзаменам на унтер-офицера и в первый офицерский чин производились по программам, утвержденным председателем РОВСа¹⁷².

Русские молодежные, детские и юношеские организации существовали практически во всех странах, где находились сколько-нибудь крупные колонии российских эмигрантов. Наиболее массовыми из них были: «Эмигрантский Союз Русского Сокольства за Границей» учрежденный на съезде в Праге в 1923 году (в 1935 году Русское сокольское движение за границей объединяло в своих рядах 47 обществ и 9 гнезд; почетным старостой общества «Русский Сокол» в Болгарии, основанного в 1927 году, был начальник III отдела РОВСа генерал Ф.Ф. Абрамов); «Национальная организация витязей», зачатки которой были созданы в 1922 году Н.Ф. Фёдоровым, участником Гражданской войны в Северо-Западной армии генерала Юденича, а сама организация под этим названием сложилась в 1934 году (почетным «витязем» был председатель Военно-Морского Союза и помощник председателя РОВСа вице-адмирал М.А. Кедров); «Организация Русских Скаутов за Границей», учрежденная в 1920 году полковником О.И. Пантюховым, отделы, организации и отряды которой существовали в различных странах; Национальная Организация Русских Разведчиков (НОРР), созданная в 1928 году полковником П.Н. Богдановичем. Последняя из названных организация с самого начала своей деятельности поддерживала связи и теснейшим образом сотрудничала с РОВСом¹⁷³.

Организация рот, стрелковых дружин, эскадронов, военно-училищных курсов при отделах Русского Обще-Воинского Союза, при русских гимназиях, при группах и объединениях воинских организаций во всех странах русской диаспоры, создание исторических кружков в учебных заведениях дали новый импульс работе по военно-патриотическому воспитанию эмигрантского юношества и подготовке военных кадров. Для преподавательской и инструкторской деятельности были мобилизованы все старшие, а нередко и иные, офицеры, чины РОВСа.

В борьбе Русского Обще-Воинского Союза за влияние на эмигрантскую молодежь особого внимания заслуживает тема его взаимоотношений с НСРМ-НСНП. Эта организация стремилась объединить в 20 – 30-х годах эмигрантскую молодежь, вынашивавшую идеи активной антибольшевистской борьбы, но которую не удовлетворяла деятельность «отцов». Первые подобные молодежные организации возникли в Болгарии, Королевстве СХС и ряде других стран в 1924 году и в последующие годы. В сентябре 1929 года болгарский и югославский союзы объединились в единую организацию, получившую название «Национальный Союз Русской Молодежи за Рубежом» (НСРМ). В июне 1930 года в Белграде прошел Первый съезд представителей союзов и групп русской национальной молодежи, который и считается официально временем основания НСРМ. Были выработаны программные положения деятельности Союза. Центральное место занимала работа по освобождению России от власти III Интернационала и широкое единение ради этого со всеми ведущими борьбу с коммунизмом организациями, группами и лицами, независимо от политического мировоззрения. Было признано возможным и необходимым применение террора в борьбе с советской властью. К этому времени (и даже ранее) РОВС и НСРМ поддерживали тесные связи и сотрудничество, а документы вышеупомянутого I съезда были направлены и в Союзы Национальной Молодежи, существовавшие при отделах РОВСа.

Но вскоре начали наблюдаться первые ростки противоречий, вылившиеся спустя несколько лет в публичные скандалы. НСРМ стремился к максимальной самостоятельности и освобождению от опеки и практики «старших». В конце 1931 года в Белграде состоялся II съезд этого Союза. Здесь было изменено его название, и он стал именоваться «Национальный Союз Нового Поколения» (НСНП). Был определен возрастной ценз для его членов: в Союз могли поступать только лица, родившиеся после 1895 года. Это дол-

жно было оградить «новое поколение» от «грехов и предрассудков прошлого» и от влияния «старших», что нашло воплощение и в изданной в начале 1932 года брошюре под названием «Ошибки эмиграции, настоящее ее положение и наш долг». Одним из главных недугов эмиграции было названо уклонение от личного участия в борьбе. НСНП провозгласил программу активной борьбы с советской властью, организации на территории СССР своих ячеек и повстанческих групп. Террор считался одним из успешных методов борьбы с большевизмом¹⁷⁴.

Русский Обще-Воинский Союз стремился сохранить свое влияние на НСНП и направлял своих членов на руководящие и иные позиции в эту организацию. В это время руководство секретной организации, так называемой «Внутренней линии» РОВСа в Болгарии, выработало инструкцию, в которой указывалось на необходимость дополнительно перенести свою деятельность на оказание поддержки «национальным организациям молодежи» и в первую очередь НСНП. Руководители последнего трактовали это в дальнейшем как попытки РОВСа установить контроль над ним и утверждали, что с 1932 года стали ощущать действие темных и тайных сил внутри своей организации. Все вышеизложенное привело в дальнейшем к нарастающим конфликтам между НСНП и РОВСом и, наконец, к расхождению¹⁷⁵.

Актуальным оставался вопрос о взаимоотношениях Русского Обще-Воинского Союза с другими эмигрантскими организациями, ведущими подрывную деятельность в СССР, в частности, с «Братством Русской Правды» (БРП). Оно было основана в 1921 году генералом, герцогом Г.Н. Лейхтенбергским, публицистом С.А. Соколовым-Кречетовым при активном участии генерала П.Н. Краснова. Эта террористическая и монархическая по своей идеологии, но формально надпартийная, организация состояла из боевых групп и отрядов, которые вели партизанскую борьбу в Советской России/СССР, главным образом на территории Белоруссии. Она пользовалась значительным влиянием среди экстремистски настроенных слоев эмиграции. В ее составе было немало бывших военнослужащих. Существовал Центр БРП, ее фонд – «Русская освободительная казна», издавалась «Русская Правда». Руководители РОВСа сочувственно относились к работе БРП и прежде всего к ее активной террористической деятельности. Вместе с тем, генерал Миллер высказывал опасение, что она может увлечь за собой членов РОВСа, жаждущих активной деятельности, но считал возможным

делегировать, в порядке исключения, в ее состав чинов РОВСа на руководящие должности. Считалось возможным, чтобы чины Союза вносили деньги в «Русскую освободительную казну» БРП, но в первую очередь они должны были направлять взносы в «Фонд Спасения России» для секретной деятельности и борьбы самого РОВСа на советской территории¹⁷⁶.

Представительства БРП находились не только в странах Европы, но и в Америке и в Азии. На Дальнем Востоке, в частности, РОВС стремился наладить сотрудничество с БРП для реализации совместного плана борьбы против СССР¹⁷⁷.

С момента основания в 1924 году Русский Обще-Воинский Союз сотрудничал с Международной Лигой Борьбы с Большевизмом или Лигой Обера, по имени ее руководителя адвоката Теодора Обера. Она имела свои центры во всех европейских странах, а также в США, на Дальнем Востоке и в некоторых государствах Южной Африки. С РОВСом наиболее тесно сотрудничал в целях взаимодействия в борьбе с СССР А.И. Лодыженский, являвшийся референтом Лиги по русским вопросам. В 1928 году при Лиге Обера было создано Русское Общество Друзей Международной Лиги Борьбы с Большевизмом¹⁷⁸.

Важной темой для Русского Обще-Воинского Союза и его руководства оставались взаимоотношения с легитимистами, то есть сторонниками великого князя Кирилла Владимировича. Смерть великого князя Николая Николаевича, а затем похищение генерала Кутепова, по поводу которого великий князь Кирилл Владимирович выразил сожаление и скорбь и готовность к единой борьбе с врагом¹⁷⁹, создавали, казалось бы, необходимые предпосылки для складывания их взаимодействия в борьбе против СССР. С начала 1930 года обе стороны вроде бы делали шаги навстречу друг другу. Вскоре была налажена систематическая переписка между председателем РОВСа и канцелярией Его Императорского Величества. Состоялся ряд встреч и совещаний руководящих деятелей РОВСа и Корпуса Императорских Армии и Флота. Велись переговоры о совместной борьбе против СССР на Дальнем Востоке.

Но итогом всей переписки и диалога стало следующее резюме легитимистов: «Ввиду того, что генерал Миллер столь решительно отверг основной лозунг воинства «За Веру, Царя и Отечество», Его Императорское Величество не нашел возможности продолжить переписку по этому вопросу». 16 октября 1930 года великий князь выпустил «Обращение к Русским людям», в котором доказывал пра-

воту вышеуказанного лозунга для объединения в борьбе с большевиками. Генерал Миллер, в свою очередь, считал, что он не может изменить идеологии движения РОВСа ради сотрудничества с Союзом Монархистов-Легитимистов¹⁸⁰.

Военная организация великого князя Кирилла Владимировича, именовавшаяся в документах то по-старому (Корпус Императорских Армии и Флота), то в несколько измененном виде — Корпус Императорских Армии, Флота и Воздушного Флота, непосредственно возглавлялась по-прежнему генерал-лейтенантом К.В. Апухтиным, заведующим делами Корпуса. Центр его располагался в Новом Саде, недалеко от Белграда, где служил и проживал Апухтин. Его помощником был престарелый, но деятельный контр-адмирал С.Т. Неежмаков. Названное объединение монархических военных элементов Русского Зарубежья существенно отличалась по своему характеру от Русского Обще-Воинского Союза. Если РОВС позиционировал себя в качестве организации не только объединяющей бывших военно-служащих, но и нацеленной на решительную борьбу с советской властью, для чего и велась многогранная работа, то Корпус, по признанию начальника канцелярии великого князя Кирилла Владимировича капитана I ранга Г.К. Графа, «носил исключительно бытового характер и никаких военных целей не преследовал». Вместе с тем, предполагалось, что если бы политическая ситуация изменилась и понадобилось бы организовать активные военные группы то Корпус «служил бы прекрасным резервуаром, из которого можно черпать проверенных офицеров и нижних чинов»¹⁸¹.

В действовавшее при великом князе Кирилле Владимировиче в 30-е годы так называемое Государево совещание входила группа военных: адмирал Г.И. Бутков, генерал от инфантерии Д.Г. Щербачев, генерал-лейтенанты Н.М. Тихменев, Н.А. Лохвицкий, Н.А. Обручев и Ю.Д. Романовский, капитан I ранга А.Н. Щеглов.

Мировой экономический кризис 1929—1933 годов больно ударил по различным странам и слоям населения. В полной мере его тяжесть ощутила на себе российская эмиграция и ее организации. Чтобы как-то улучшить положение чинов РОВСа, приказом начальника его III отдела генерала Абрамова от 25 ноября 1931 года был образован Фонд помощи безработным РОВС. Он должен был работать с 1 декабря 1931 по 1 апреля 1933 года, организуя помощь кровом, теплом и питанием нуждающимся¹⁸².

Экономические трудности усилили процессы разброда и разложения эмиграции, которые не могли не затронуть и военную среду

Русского Зарубежья. Мировой экономический кризис содействовал углублению этих негативных процессов, охватывая и пронизывая не только экономические и социальные, но и политические, культурные, психологические и иные сферы человеческого бытия. «То, что переживает теперь культурный мир, есть агония страшной психической эпидемии», — размышлял в своей книге о психологии революции и эмиграции, изданной в Белграде в 1931 году, известный российский ученый-психиатр и эмигрант Н.В. Краинский. Эта эпидемия длится уже 15 лет, — добавлял он. Весьма резко характеризовал профессор и процессы, происходившие в Русском военном Зарубежье: «Остатки Императорской армии охвачены губительным бредом аполитичности и непредрежденства, совершенно и навсегда выводящим из строя. Эти доктрины стоят в противоречии со всею структурой психики и с биологией инстинкта самосохранения и самозащиты»¹⁸³.

А тем временем военная эмиграция связывала особые надежды с Дальним Востоком, где происходили бурные события, и именно здесь РОВС надеялся на достижение своих целей. В августе 1930 года новый начальник Дальневосточного отдела РОВСа генерал-лейтенант М.К. Дитерихс провел собрание представителей местной русской эмиграции. Речь шла о сборе средств для поддержки повстанческого движения на советском Дальнем Востоке. Генерал Дитерихс полагал, что при наличии оружия и материальной поддержки¹⁸⁴ действовавшие там отряды могли бы приступить к более широким операциям. По мнению генерала, идеи государства-буфера, идеи сибиряков-областников, также как и иностранная поддержка, вполне приемлемы для свержения советской власти на Дальнем Востоке, что стало бы началом уничтожения ее по всей стране¹⁸⁵.

16 сентября 1930 года на дальневосточном совещании представителей эмиграции в Пекине были обсуждены планы взаимодействия в борьбе с советской властью и одобрено Положение о Дальневосточном объединении эмиграции¹⁸⁶.

Военно-политические процессы на Дальнем Востоке приобрели качественно новый характер, когда в результате вторжения Японии в Маньчжурию осенью 1931 года и ее последующей оккупации здесь возник очаг будущей Второй мировой войны. Японское командование и оккупационные власти заявляли о своем лояльном отношении к русским эмигрантам и готовности решать их правовые и другие проблемы, но в обмен требовали послушания и поддержки японской агрессии. Это привело к расколу российской эмиграции

в Маньчжурии: часть ее пошла на сотрудничество с японцами, другая часть (среди них было много офицеров и чинов РОВСа) с недоверием и неприязнью отнеслась к японским оккупантам.

В начале весны 1932 года генерал Дитерихс распространил «Призыв к Белой Русской Эмиграции всего мира». В нем говорилось, что третий раз за последние годы Дальний Восток потрясается событиями, имеющими большое значение для белой эмиграции. В настоящее время, указывал Дитерихс, происходит выступление японцев на Севере в соприкосновении с советскими интересами и нужен сбор средств для борьбы. Генерал Дитерихс считал необходимым собрать для успешной борьбы 1,5 млн. долларов¹⁸⁷.

Весной 1932 года в организации Русского Обще-Воинского Союза рассылается специальное циркулярное письмо за подписью генерала Миллера, датированное 15 апреля и посвященное событиям на Дальнем Востоке. В этом документе указывалось, что рассчитывать на свержение советской власти внутренними силами без толчка извне не приходится. Ни одно пограничное с СССР государство не выступит против него с целью свержения коммунистического строя, если не последует каких-либо особых международных событий. В связи с этим именно Япония рассматривалась в качестве главного возможного союзника русских сил по борьбе с советской властью.

Столкновение Японии с СССР руководство РОВСа считало неизбежным: Призывая к сплочению и организации военной дальневосточной эмиграции, председатель РОВСа, вместе с тем, указывал в своем циркулярном письме, что «во-первых, русские действия в крупном масштабе для свержения советской власти на Дальнем Востоке немыслимы без сговора с Японией и, во-вторых, что отсутствие такого сговора могло бы лишь увеличить последующую опасность для Русских интересов на Дальнем Востоке со стороны Японии». Миллер утверждал в связи с этим: «Япония, если сочтет для себя выгодным и своевременным, выступит против СССР и вне зависимости от сговора с Русскими национальными силами, но отсутствие такого сговора может лишь отягчить дальнейшее развитие России на Дальнем Востоке». «Пропустить такой исторический момент было бы равносильно преступлению перед Отечеством, — указывалось в письме. — Если мы не используем его, и Япония, без нашего участия, то есть без участия Русских национальных элементов, разрешит Дальне-Восточную проблему в узких пределах своих японских интересов, то можно опасаться, что в дальнейшем

будет исключена всякая возможность применения в этих краях наших сил»¹⁸⁸.

Кризисная ситуация в международных отношениях в условиях мирового экономического кризиса и прежде всего развитие ситуации на Дальнем Востоке привлекали пристальное внимание и вызвали крайнюю обеспокоенность другого видного деятеля Российского военного Зарубежья и постоянного оппонента Русского Обще-Воинского Союза генерала Деникина.

Позиция генерала Деникина в отношении событий, происходивших на Дальнем Востоке в начале 30-х годов, соответствовала принципиальным установкам, которые он сформулировал еще несколько лет назад: 1) Русское воинство не может принимать участия в войне в рядах союзников и пособников большевиков, а также тех, кто поднимется для расчленения России; 2) Русское воинство должно принять самое широкое участие во всякой коалиции, имеющей целью освобождение России от большевиков; 3) Русское воинство должно беречь свою кровь, не ввязываясь в чужие распри и не жалеть жизни для русского дела. Именно это и должно было лечь, по утверждению Деникина, «в основу нашего отношения» к развертывавшимся событиям¹⁸⁹.

Положение в возглавляемом генералом Миллером Русском Обще-Воинском Союзе было сложным. Сказывались разоблачительные скандалы второй половины 20-х годов и, наконец, похищение самого генерала Кутепова, что вызвало длинный шлейф слухов, обвинений, предположений и разбирательств. Все это вело к деморализации эмиграции, и в том числе военной ее части, растущему неверию в возможность реванша и свержения советской власти. Эмигранты, включая и бывших военнослужащих, все более погружались в вопросы собственного жизненного обустройства на новых местах жительства. Потеря жизненной перспективы, трудности жизни и быта, тревога за детей и близких — все это создавало, в конечном итоге, и благоприятные возможности для агентурно-вербовочной работы советских спецслужб среди эмигрантов. Созданный в октябре 1930 года контрразведывательный отдел, который возглавлял генерал Глобачев, не мог похвастаться сколько-нибудь крупными разоблачениями советских агентов в эмигрантской военной среде.

1932-й год резко осложнил финансовое положение Русского Обще-Воинского Союза. Его основные денежные средства были вложены в широко рекламируемую и считавшуюся надежной и вы-

сокодоходной организацией – спичечную империю шведского предпринимателя И. Крегера. Но в 1932 году она разорилась, а сам Крегер застрелился. В результате потери РОВСа составили 7 миллионов франков. Удалось сохранить лишь несколько сот тысяч активов. Существует точка зрения, что разорение РОВСа стало умелой операцией советской разведки, которая, зная о трудном положении шведского спичечного короля, убедила через подставных лиц руководство Союза вложить все деньги в это предприятие¹⁹⁰.

Добавим, что в первой половине 30-х годов ОГПУ развернуло ряд крупных операций в Европе и на Дальнем Востоке¹⁹¹, направленных на проникновение в эмигрантские организации и зарубежные спецслужбы, в которых особая роль отводилась и противодействию антисоветским усилиям эмигрантской военщины, связанной с иностранными военными кругами и спецслужбами: «Тарантелла», «Мечтатели» и др.

Ситуация внутри Русского Обще-Воинского Союза все более осложнялась. Отказ от активной боевой работы на советской территории и нежелание генерала Миллера идти на риск вызывали недовольство и протесты радикально настроенных офицеров и генералов. Надежды на внутренний взрыв в СССР не оправдывались. Массовые протесты и повстанческое движение крестьянства, чей пик которых пришелся на первую половину 1930 года, в дальнейшем стремительно пошли на убыль. Органам советской власти и ее силовым структурам удалось, несмотря на трудности, сохранить контроль над ситуацией в стране и вскоре восстановить его в полном объеме. Военная эмиграция погрузилась в болото скандалов, разборок, слухов, взаимного недоверия.

В 1932 году и в последующие годы в Русском Обще-Воинском Союзе и на страницах эмигрантской печати развернулась дискуссия о его деятельности, стратегии, тактике и результативности работы, взаимоотношениях с другими эмигрантскими организациями, о действиях руководителей Союза, в адрес которых нередко высказывалась весьма нелицеприятная критика. В разгоравшиеся конфликты все активнее втягивался генералитет. Дело дошло до исключения из РОВСа ряда его видных деятелей генералов П.С. Махрова, Д.П. Мельницкого, А.В. Говорова и др.

В это же время предметом обсуждения и острой критики в РОВСе продолжала оставаться активная работа Союза против СССР. В мае 1933 года пять начальников частей 1-го армейского

корпуса подали генералу Миллеру меморандум о необходимости преобразования всего аппарата, который вел активную, секретную работу против СССР. По их мнению, существующий аппарат был пригоден только для ведения разведки, связи и для довольно слабой пропаганды, а не для боевой работы против большевиков. Тем более, что этот аппарат, руководимый генералом Драгомировым, действовал, по их утверждению, безотчетно и бесконтрольно. Осенью того же года, эти вопросы стали предметом обсуждения генерала Миллера с прибывшими по его вызову в Париж начальниками III и IV отделов РОВСа¹⁹². На повестку дня все чаще ставились вопросы реорганизации Союза.

Глубокие кризисные явления в мире и в Русском Зарубежье вызвали острую полемику среди эмигрантов и разнообразие суждений. В центре обсуждения находился вопрос о возможных союзниках эмигрантов в борьбе против СССР. Приход Гитлера к власти в Германии в 1933 году и связанные с этим перспективы совместной борьбы с коммунизмом вызывали особый интерес и надежды у лидеров военной эмиграции.

В это время в Германии произошла резкая активизация деятельности праворадикальных русских эмигрантских организаций. Часть русского офицерства, проживавшего в этой стране, входила в состав местных профашистских и военизированных организаций, таких как, например, «Стальной шлем». В Германии создавались русские профашистские организации: Российское Освободительное Национальное Движение, Русское Национал-Социалистическое Движение (трудящихся) (основатели и руководители — офицеры Димитриев и А. Пельхау-Светозаров, а затем — генерал П.Р. Бермондт-Авалов), Балтийский Союз (руководитель — генерал Арцишевский), В профашистском лагере оказались генералы К.В. Сахаров, П.В. Глазенап и др. Руководство РОВСа по-прежнему отрицательно относилось к участию своих чинов в деятельности политических и политизированных организаций и называло профашистские организации «русской накипью».

Таким образом, уже вскоре после прихода фашистов к власти к Германии стало очевидно, что при общности ряда их и Русского Обще-Воинского Союза основополагающих установок, и прежде всего непримиримой борьбы с коммунизмом, налицо были и серьезные противоречия и разногласия в отношении к политике, русскому вопросу и другим, что в полной мере будет проявляться в дальнейшем.

Генерал Деникин опубликовал в 1934 году брошюру «Международное положение, Россия и эмиграция». Он считал, что в сложных современных условиях нужна идейная работа эмиграции в русле интересов национальной России и техническая работа, заключавшаяся в подготовке путей для активной борьбы. Генерал утверждал, что при этом необходимо воспользоваться международной конкуренцией¹⁹³.

Заметим, что руководство РОВСа по-прежнему рассматривало генерала А.И. Деникина как серьезного противника. 15 апреля 1934 года генерал фон Лампе в письме генералу Миллеру предложил провести «серьезное отгораживание от генерала Деникина». Он аргументировал это тем, что тот пользуется большим авторитетом среди многих бывших офицеров, а общественность в Берлине до сих пор воспринимает публичные выступления генерала как установки командования РОВСа. «Очень трудно в разговорах отстаивать самостоятельность РОВС от генерала Деникина»¹⁹⁴, — добавлял фон Лампе.

30-е годы, как, впрочем, и предшествующий период, характеризовались сложными отношениями между различными эмигрантскими организациями и объединениями. При наличии, казалось бы, единой общей цели — борьбы с большевиками, их взаимодействию мешали расхождения в политических взглядах, стратегии и тактике, взаимные подозрения и недоверие лидеров и т.п. Попыткой как-то сгладить эти отношения и наладить взаимодействие стал II съезд национальных организаций и групп, состоявшийся с 31 марта по 3 апреля 1934 года в Париже. Но существовавшие в Русском Зарубежье глубокие противоречия преодолеть не удалось.

Накапливавшееся подспудно в Русском Обще-Воинском Союзе недовольство выплеснулось наружу 23 февраля 1935 года, когда к генералу Миллеру неожиданно явились 14 начальников частей и групп 1-го армейского корпуса в Париже во главе с его начальником генералом Витковским¹⁹⁵. Это событие получило впоследствии даже такие громкие определения, как «восстание» или «дворцовый переворот». Прибывшие к генералу Миллеру офицеры выдвинули требования реорганизации РОВСа и активизации его деятельности. Но существенных изменений так и не произошло. Вместе с тем, это выступление и последовавшие за ним события обнажили глубокие противоречия, существовавшие в РОВСе, выявили серьезное недовольство деятельностью его руководства, обозначили глубокий раскол в Союзе, расхождение видений и путей

кардинального его оздоровления и повышения эффективности деятельности и поставили серьезные вопросы в отношении не только его будущего, но и перспектив всего Русского военного Зарубежья.

Эти годы характеризовались и провалами секретной деятельности РОВСа против СССР. В его руководящих кругах активно обсуждались вопросы ее реорганизации и централизации, шел поиск новых направлений проникновения в эту страну, и обсуждалось назначение новых руководителей так называемой «активной работы». Но парадокс заключался в том, что к руководству этой работой генералом Миллером активно продвигался командир Корниловского ударного полка и «по совместительству» секретный агент НКВД генерал Н.В. Скоблин, информировавший о ней Москву и во многом парализовавший эту деятельность. К тому же, по приказу председателя РОВСа в его руки попадала и вся информация о деятельности такой секретной организации РОВСа, как Внутренняя линия», в эмиграции и в отношении СССР. Советские спецслужбы получали благодаря Скоблину обширную и достоверную информацию о жизни РОВСа и настроениях его чинов, а также о разведывательной, диверсионной и контрразведывательной деятельности его спецслужб.

Ситуация в Русском Обще-Воинском Союзе еще более обострилась в 1936 году, что было связано с именем генерала А.В. Туркула, командира Дроздовского полка, который создал военно-политическую организацию под названием «Русский Национальный Союз Участников Войны» (РНСУВ), вышедшую из РОВСа и превратившуюся в его конкурента. Это означало новый раскол в Союзе, который привел к уходу из него людей, жаждавших активной военно-политической борьбы против большевиков, недовольных руководством РОВСа и в поиске союзников обращавших взоры на Германию.

В период пребывания в Германии Туркул встречался с генералом В.В. Бискупским, начальником Управления делами русской эмиграции в этой стране, и А.В. Меллером-Закомельским, представителем главы профашистской организации «Российского Национального и Социального Движения» полковника Н.Д. Скалона. Обсуждались планы более тесного сотрудничества с германскими властями. Генерал Туркул приступил к изданию своей газеты «Сигнал», а впоследствии и журнала «Военный Журналист».

Председатель РОВСа генерал Миллер в этих условия так определял программу и тактику Союза: сохранение кадров и единства

Русского военного Зарубежья, предостережение от авантюрного «активизма», создание опорных пунктов в СССР и выжидание благоприятного момента для выступления, что ставилось в зависимость от внутренних процессов и назревания общего кризиса в советской стране и от ее неизбежного политического и вооруженного столкновения с капиталистическими странами. Но его призывы часто не встречали уже должного понимания и поддержки, а, напротив, сталкивались с растущей оппозицией со стороны радикально настроенных офицеров и генералов. Да и тянувшееся уже более полутора десятка лет мучительное безвременье вынужденной эмиграции оставляло у его участников, в том числе бывших военнослужащих, все меньше надежд на будущее возвращение на родину.

Перед Русским военным Зарубежьем вставали и суровые вопросы повседневности. Генерал Барбович доносил из Югославии об усилиях по обеспечению старости проживавших там русских эмигрантов, участников Первой мировой войны. Он сообщал об обращении в военное министерство Югославии по поводу лиц, прослуживших 10 лет в правительственных учреждениях и достигших 65-летнего возраста, а также военных инвалидов, потерявших 60–100 % трудоспособности, и вдов, мужа которых были убиты на войне или умерли до издания закона. Барбович писал о положительном отношении югославского военного министра и о том, что есть шансы, чтобы 257 лиц русской национальности, находившихся на государственной службе в Югославии, получили бы в итоге по закону материальную помощь. На территории Югославии, сообщал также начальник IV отдела РОВСа, находятся 437 русских участников Великой войны, достигших 65-летнего возраста, не имеющих службы или частичного заработка и старость которых не обеспечена. Кроме них, в Югославии проживали 106 вдов и 90 человек в возрасте до 65 лет, но потерявших трудоспособность на 60–100 %¹⁹⁶. Таким образом, наряду с военными и политическими, суровые быденные проблемы повседневной жизни становились все более актуальными и значимыми и в первую очередь для простых эмигрантов, но, в известной степени, и для руководителей их организаций.

Тем временем жизнь и деятельность многочисленной российской эмиграции во Франции серьезно осложнилась тем обстоятельством, что на парламентских выборах здесь весной 1936 года победу одержали левые политические силы, объединенные в Народный фронт. Французские левые, пришедшие к власти, не питали поло-

жительных эмоций к российской эмиграции, и в том числе к ее военным организациям, а, напротив, по настоянию советского правительства предпринимали шаги по ограничению возможностей их деятельности. Были заморожены (или, по крайней мере, чрезвычайно затруднены) отношения российских эмигрантов с французской политической полицией, Генеральным штабом, военной разведкой и контрразведкой. Это заставляло радикально настроенных эмигрантов искать выход из сложившегося положения, не исключая и возможного перенесения центра своей политической деятельности и работы военных организаций, в том числе и РОВСа, в какую-либо другую страну.

Лидеры эмигрантских военных организаций проявляли большой интерес к фашизму. Вместе с тем, отношения Русского Обще-Воинского Союза и властей фашистской Германии складывались очень сложно, и для этого был целый ряд причин. Во-первых, руководство фашистской Германии занималось широким комплексом проблем, и ему было просто не до русских эмигрантских организаций, в том числе РОВСа. Во-вторых, германские власти с подозрением относились к Русскому Обще-Воинскому Союзу, считая его антантофильской или франкофильской организации, ибо центр ее находился в Париже. В-третьих, учитывая отношение германских нацистов к славянству и русскому вопросу, они с большой остороженностью относились к русским организациям в Германии и тем более к военному Союзу, состоявшему преимущественно из бывших офицеров, даже если руководство его и предлагало властям фашистской Германии сотрудничество в совместной борьбе с коммунизмом. Так или иначе, но начальник II отдела РОВСа генерал фон Лампе откровенно писал генералу Миллеру 25 апреля 1936 года, что в настоящее время совместный фронт, который стремились создать в Берлине вместе с германскими властями, рухнул, и это дело надо начинать сначала, ради совместной борьбы с большевиками, несмотря на разочарования¹⁹⁷.

С 1 мая 1936 года германские власти назначили начальником Управления делами русской эмиграции в Германии генерала В.В. Бискупского. Как уже указывалось в предшествующих главах, начиная с 1918 года, когда он командовал войсками гетмана Скоропадского и тесно взаимодействовал с немецкими оккупантами на Украине, весь его последующий жизненный путь характеризовался тесным сотрудничеством с правыми политическими и военными кругами Германии. Руководство РОВСа без восторга

приняло это назначение, потому что Бискупский с начала 20-х годов поддерживал великого князя Кирилла Владимировича, тесно взаимодействовал с ним и был произведен им в генералы от кавалерии «Корпуса Императорских Армии и Флота». Все русские эмигранты, проживавшие в Германии, должны были зарегистрироваться в управлении, возглавляемом генералом Бискупским, и ни один из них не мог быть принят на работу и вообще проживать в этой стране без соответствующего удостоверения, выданного им. Бискупский должен был быть надпартийным в отношении русских и относиться ко всем одинаково. Но, как указывал начальник канцелярии великого князя Кирилла Владимировича Г.К. Граф, это назначение никак не отразилось на его отношении к легитимистскому движению, и «он продолжал себя считать верноподданным Государя».

Но, несмотря на новые осложнения, возникшие в связи с назначением на указанную должность генерала Бискупского, руководство Русского Обще-Воинского Союза по-прежнему искало контакты и взаимопонимание с руководством Германии, возлагая на него особые надежды в борьбе с большевизмом в СССР. Председатель РОВСа генерал Миллер подчеркивал свое сочувствие фашизму, который должен прийти на смену «прогнившему парламентско-демократическому устройству». Он высказывался за популяризацию фашистских лозунгов среди военных, и в том числе чинов РОВСа¹⁹⁸.

В условиях четко выраженного сближения части российской военной эмиграции с нацистами и растущих надежд на то, что именно действия фашистской Германии приведут к краху советской власти в СССР, что даст возможность эмигрантам вернуться на родину, в кругах Русского военного Зарубежья по-прежнему присутствовали и иные взгляды. Наиболее известным и последовательным сторонником «оборонческой позиции» в военных эмигрантских кругах был, например, бывший видный деятель РОВСа генерал П.С. Махров.

Внимание руководства Русской военной Зарубежья по-прежнему привлекали события на Дальнем Востоке. После оккупации Маньчжурии японское командование и оккупационные власти, заявляя о своем лояльном отношении к ее русскому населению и готовности помочь в решении его проблем, потребовали взамен беспрекословной поддержки политики Японии. Это привело к расколу русской эмиграции. Часть ее, среди которых были и представители

военных, в первую очередь, легитимистов заявили о своей готовности сотрудничать с оккупантами. Другие, в основном представители интеллигенции и значительная часть русского офицерского корпуса, связанного с РОВСом, высказывали недоверие и неприязнь к японским оккупантам. 28 декабря 1934 года для удобства административного управления и контроля за эмигрантами было создано Бюро по делам российских беженцев на территории Маньчжоу-Ди-Го (Маньчжурской империи) (БРЭМ), формально подчинявшееся министру народного благополучия империи, а фактически — японской военной миссии, которая и финансировала его. Все состоящие на учете русские эмигранты должны были признать и подчиниться БРЭМ, жить и действовать по его указаниям, а на самом деле — по предписаниям японцев.

Первым председателем Бюро был назначен генерал-лейтенант В.В. Рычков, а его заместителем — генерал-лейтенант А.П. Бакшеев. После смерти Рычкова в мае 1935 года эти обязанности исполнял генерал Бакшеев. Одним из руководящих деятелей БРЭМ являлся председатель Союза Военных, глава движения легитимистов на Дальнем Востоке, генерал от кавалерии В.А. Кислицин. Вхождение в состав руководства БРЭМ лидера местных легитимистов еще более осложнило положение чинов РОВСа в Маньчжурии.

Политическим водоразделом для Русского Зарубежья стала Гражданская война в Испании 1936 — 39 годов. Различные его организации, группировки и лидеры осмысливали ее сквозь призму Гражданской войны в России, вновь перелистывали те драматические страницы истории России, мысленно проходили по ступеням Великого Российского Раскола и вооруженного противостояния 1917 — 22 годов. Они мысленно находили себе аналоги, союзников или противников в событиях разворачивающейся испанской драмы второй половины 30-х годов. Российская эмиграция воспринимала Гражданскую войну в Испании не только как внутреннее дело небольшого государства на юге Европы, но и как прообраз большой войны, ибо чем далее, тем более становилось очевидно, что эта война раскалывает Европу на союзников и противников республиканской или франкистской Испании, а ее исход будет определять дальнейшее соотношение политических сил на континенте и перспективы грядущей войны против СССР.

Эмигрантская газета «Новая Россия», редактируемая А.Ф. Керенским, поместила 1 августа 1936 года большую статью под названием «Испанские Корниловы». В ней июльский мятеж 1936 года

в Испании сравнивался с мятежом под руководством генерала Корнилова в России, который подорвал основы молодой российской демократии. В противовес этому августовский номер журнала «Часовой» опубликовал передовую статью от имени редакции под красноречивым названием «Привет испанским Корниловцам»¹⁹⁹. В последующие несколько месяцев острая дискуссия между «Новой Россией» и «Часовым» по поводу испанских событий продолжалась. В.В. Орехов, главный редактор «Часового» посетил штаб-квартиру генерала Франко, где лично приветствовал борьбу испанских мятежников.

Позицию поддержки франкистов заняло руководство Русско-го Обще-Воинского Союза. 15 августа 1936 года председатель РОВСа генерал Миллер характеризовал Гражданскую войну в Испании как интернациональную борьбу с коммунизмом во имя спасения мировой культуры и всех нравственных основ и, в конечном счете, за усиление или ослабление коммунизма. Он утверждал, что участие в Гражданской войне в Испании является «продолжением нашей Белой борьбы», и указывал на желательность направления добровольцев из числа чинов Союза туда. В начале осени 1936 года председатель РОВСа наладил связи с представителями режима генерала Франко («Белой Испании» — как именовался он в документах РОВСа), что открыло возможность для отправки отдельных русских белых офицеров в Иностраннный легион. 25 декабря 1936 года генерал Миллер издал циркуляр № 845 о порядке приема в армию генерала Франко. Русские добровольцы должны были получить удостоверения о благонадежности за подписью председателя РОВСа и его указания о переходе границы. Они принимались в ряды франкистской армии с понижением в чинах.

Особую позицию в отношении Гражданской войны в Испании и возможности участия в ней русских эмигрантов занял генерал Деникин. Он указывал, что симпатии и пожелания успехов эмигрантов были на стороне генерала Франко, но в Испании не было России, и следовало побережь русскую кровь. Он отрицательно относился к участию в чужой гражданской войне²⁰⁰.

Гражданская война в Испании стала не только своего рода продолжением Гражданской войны в России, когда часть бывших белогвардейцев направилась туда сражаться на стороне генерала Франко против коммунизма, а Советский Союз оказывал помощь республиканской Испании. Воевать на стороне республиканцев отправлялись в Испанию и многие российские эмигранты.

Тем временем надежды на будущее руководители многих эмигрантских военных организаций связывали с неминуемым военным столкновением между крепнувшей фашистской Германией и СССР. Фашизм как политическое учение и государственная практика вызвал растущий интерес в эмигрантских кругах.

В циркуляре генерала Миллера начальникам отделов и подразделов РОВСа, начальникам воинских частей и групп, председателям военных организаций от 2 января 1937 года подчеркивалась необходимость чинам Союза быть основательно осведомленными не только с теорией фашизма (национал-социализма), но и с тем, как на практике применяют эти теории в государственном порядке — в Италии, Германии, Португалии и др.²⁰¹ Руководство РОВСа при этом следило за деятельностью своих «конкурентов» из правых и профашистских организаций, среди которых особое внимание привлекали «Российское Освободительное Национальное Движение» и «Российское Национал-Социалистическое Движение», а после их роспуска — «Российское Национально-Освободительное Движение» и «Российское Национальное и Социальное Движение». РОВС тревожила и прогерманская деятельность РНСУВ во главе с генералом Туркулом²⁰². Сотрудничество с Италией и Германией в войне против республиканской Испании должно было, казалось бы, способствовать лучшему взаимопониманию РОВСа с правящими кругами Германии и Италии, совместной борьбе с коммунизмом на мировой арене и войне с СССР.

Советское руководство рассматривало российскую эмиграцию в качестве своего опаснейшего противника. В 30-е годы советские спецслужбы резко активизировали свою борьбу против военных организаций эмигрантов и прежде всего против РОВСа. Среди успешных операций чекистов была вербовка в СССР Н.Ф. Абрамова, сына начальника III отдела и заместителя председателя РОВСа генерала Ф.Ф. Абрамова, осенью 1937 года ставшего руководителем Союза. В 1931 году Н.Ф. Абрамов под видом сбежавшего в Германии с советского судна матроса прибыл при помощи генерала фон Лампе к своему отцу в Софию и, на протяжении нескольких лет находясь здесь, освещал для советской разведки деятельность Русского Обще-Воинского Союза. В Белграде против РОВСа и НТСНП успешно работала разведгруппа Л.Л. Линицкого. Ценнейшую информацию о замыслах руководства РОВСа чекисты, по-прежнему, получали от генерала Н.В. Скоблина и его жены, известной русской певицы Н.В. Плевицкой, а также от С.Н. Третьякова.

22 сентября 1937 года в результате операции советских спецслужб в Париже был похищен председатель РОВСа генерал Е.К. Миллер, доставленный затем в СССР²⁰³. Ключевую роль в этой операции сыграл генерал Н.В. Скоблин, который привел Миллера на встречу с сотрудниками советской разведки, выдавая их за немецких офицеров. Одним из возможных вариантов последующего развития событий могло стать продвижение Скоблина на ключевые позиции в РОВСе. Но эмигрантам из оставленной генералом Миллером записки стало известно о том, что именно Скоблин сопровождал его на встречу с «немецкими офицерами». Советскому агенту пришлось скрыться, а его жена Плевицкая была арестована в Париже, судима и умерла во французской тюрьме.

Генерал Миллер был доставлен сначала в Ленинград, а затем содержался в Москве, на Лубянке, во Внутренней тюрьме НКВД. 11 мая 1939 года он был расстрелян здесь²⁰⁴.

Похищение председателя РОВСа углубило кризис этой организации и оказало негативное влияние на российскую эмиграцию в целом. Начальником РОВСа стал генерал Ф.Ф. Абрамов. Но его руководство Союзом было ознаменовано целым рядом скандалом и разоблачений. Это было связано с деятельностью «Внутренней линии» РОВСа, которую Национально-Трудовой Союз Нового Поколения (НТСНП) обвинил в провокационной деятельности и использовании советскими спецслужбами. Упомянутый выше сын генерала Абрамова Николай был обвинен в сотрудничестве с советской разведкой и выслан властями Болгарии из страны.

Нападки на РОВС в это время развернулись и справа (со стороны РНСУВ и профашистских организаций) и слева. В центре обсуждения был кризис этой организации и военной эмиграции в целом. В этой ситуации в марте 1938 года генерал Ф.Ф. Абрамов сдал должность начальника РОВСа генерал-лейтенанту А.П. Архангельскому. В отличие от своих предшественников на этом посту он не занимал видных командных или штабных должностей ни в Императорской армии, ни в белых армиях в годы Гражданской войны в России. В отличие от предшественников нового начальника РОВСа нельзя было назвать авторитетной и влиятельной фигурой в военной эмиграции и в целом в Русском Зарубежье. Назначение генерала Архангельского руководителем РОВСа стало своего рода компромиссом в сложной и во многом тупиковой ситуации, возникшей в руководстве Русского Обще-Воинского Союза. Он проживал в Брюсселе, куда и был перенесен центр управления РОВСа.

Новый начальник Русского Обще-Воинского Союза пытался урегулировать конфликтные ситуации и, в частности, с НТСНП. В результате встречи руководителей названных организаций была признана необходимость и возможность их сотрудничества на следующей платформе: 1) взаимная полная искренность отношений; 2) со стороны НТСНП признавалась «героическая борьба на благо России», которая совершалась и совершается старшим поколением, включенным в РОВС, а последний отдавал должное НТСНП как организации, «горячо и жертвенно работающей на благо России»; 3) в своей деятельности обе организации признавались совершенно самостоятельными; 4) установление для согласования действий и взаимной информации деловых контактов в центре и на местах²⁰⁵. Генерал Архангельский учредил «Особую комиссию», призванную разобраться с деятельностью «Внутренней линии» в Болгарии, которая была распущена его приказом в 1939 году.

По-прежнему напряженно складывались отношения Русского Обще-Воинского Союза со сторонниками генерала Туркула, объединенными в «Русский Национальный Союз Участников Войны». Издаваемые РНСУВ газета «Сигнал» и журнал «Военный журналист» не упускали случая, чтобы не подвергнуть критике руководство и политику РОВСа.

В сентябре 1938 года в Белграде состоялся съезд старших начальников Русского Обще-Воинского Союза, в котором принял участие и генерал Архангельский. Цель Белого движения, продолжателем дела которого по спасению России был назван РОВС, была определена как: 1) освобождение России от большевизма; 2) восстановление в России национально-правовой государственности, отвечающей религиозному национальному самосознанию народа. В качестве ближайших задач Русского Обще-Воинского Союза были названы: 1) укрепление организационного единства РОВСа; 2) оживление его деятельности при развитии самостоятельности отдельных чинов; 3) привлечение воинских организаций и отдельных чинов в его состав; 4) военная подготовка; 5) политическая подготовка — изучение положения в России; 6) работа с молодежью; 7) укрепление материальной базы; 8) укрепление отношений с другими организациями.

Большое внимание на совещании было уделено тайной подрывной деятельности против СССР. В принятом постановлении указывалось, что «Особая работа» должна продолжаться, невзирая на встречающиеся препятствия. «Фонд Спасения России», предназна-

ченный для этой работы, должен был оставаться на особом счету, вне других сумм РОВСа и находиться в полном и безотчетном распоряжении начальника Союза. Была подчеркнута благожелательность РОВСа во взаимоотношениях с другими русскими организациями, ориентируясь на организационное единство и линию подчинения последних. Предполагалось их добровольное вхождение, но руководствуясь при этом военными правилами и распоряжениями²⁰⁶.

В 1938 году были предприняты новые шаги в деле улучшения и развития системы военного обучения русского офицерства в эмиграции. Русский Военно-научный институт в Белграде объявил в июле 1938 года об организации им специальных курсов для русских офицеров и интеллигентской молодежи продолжительностью 6 месяцев с общим объемом теоретической и практической подготовки в 130 часов. При общем руководстве генерала Головина руководителем специальных курсов был генерал М.М. Зинкевич. С целью же дать возможность окончившим Зарубежные Высшие военно-научные курсы генерала Головина совершенствоваться в военных знаниях в Белграде еще в 1936 году был создан «Институт по изучению проблем войны и мира», аналогичный созданному в Париже в 1932 году.

В конце 30-х годов в Югославии и Болгарии начала работать Административно-политическая школа заочного обучения, где слушатели изучали правовые, политические, экономические вопросы, историю России. Высшие военно-научные курсы генерала Головина были дополнены отделом военной прокуратуры и политическими отделами по изучению администрации и государственного устройства СССР.²⁰⁷

В 1938 году на качественно новый уровень вышли отношения РОВСа и легитимистов. После смерти 12 октября 1938 года в Париже великого князя Кирилла Владимировича приемником звания главы Российского Императорского Дома был провозглашен 31 октября 1938 года его сын Владимир Кириллович. Председатель РОВСа генерал Архангельский принял участие в похоронах великого князя Кирилла Владимировича. Вслед за этим легитимисты начали зондаж позиции генерала Архангельского в отношении признания им и подчинения великому князю Владимиру Кирилловичу. В течение последующих месяцев произошел ряд его встреч с руководящими деятелями и чинами РОВСа. Откликаясь на призыв великого князя об объединении сил эмиграции, руководство РОВСа

заявило о своей готовности к этому, но при полной самостоятельности своих основных положений и своей идеологии²⁰⁸. Диалог между руководством Русского Обще-Воинского Союза и Главой Российского Императорского Дома великим князем Владимиром Кирилловичем продолжал развиваться и в дальнейшем.

В 1938 году генералом Деникиным был создан «Союз Добровольцев» — организация, объединявшая бывших офицеров, воевавших в годы Гражданской войны в Добровольческой армии и в Вооруженных силах Юга России и сохранивших верность своему бывшему командующему. Организация не отличалась многочисленностью и особой активностью, но немедленно попала в поле зрения агентов французских спецслужб. В их агентурных сводках указывалось на организацию публичных лекций Деникина в Париже и отмечалось, что он не хочет вступать в контакты с эмиссарами монархистских организаций белой эмиграции, всячески подчеркивает свою особую позицию в вопросах антисоветской борьбы²⁰⁹.

Сложная военно-политическая ситуация в рассматриваемый период времени складывалась на Дальнем Востоке. Япония вела войну с Китаем, но конфликты то и дело возникали на советской границе. Поэтому часть российской военной эмиграции связывала свои планы возвращения на родину именно с сотрудничеством с Японией и ее вооруженными силами. В свою очередь, японское командование прилагало усилия по возможному использованию русских военных эмигрантов в боевых действиях против СССР. В 1938 году по плану, разработанному в штабе Квантунской армии, формально в составе армии Маньчжоу-Ди-Го на станции Сунгари-П была создана воинская часть, получившая название «Русский отряд Асано» или «бригада Асано».

Она была названа так по фамилии японского советника полковника Асано Такаси, фактически являвшегося и ее командиром, помощником его был майор Наголин (Наголян). Первоначально личный состав этого формирования насчитывал 200 человек, затем его численность увеличилась до 700 человек, разделенных на пять рот. В составе «Русского отряда Асано» находились кавалерийские и пехотные подразделения, развернулась подготовка молодых эмигрантов к войне с СССР. Это соединение находилось под полным контролем японского командования, а его личный состав проходил специальную подготовку в школе при японской миссии в Харбине, открытой в мае 1938 года. Особое внимание на занятиях уделялось организации партизанских действий. Лекции на эту тему читали

лидер русских маньчжурских фашистов К.В. Родзаевский и чины японской военной миссии. Отдельные группы курсантов и слушателей готовились к разведывательно-диверсионной деятельности²¹⁰.

Японское командование и оккупационная администрация в Маньчжурии продолжала тесно взаимодействовать и использовать в своих интересах Бюро по делам русских эмигрантов, полностью контролируя эту организацию. Вооруженные конфликты Японии с советскими войсками на озере Хасан и реке Халхин-Гол в 1938 и 1939 годах, хотя и завершились неудачно для японской стороны, внушали, тем не менее, части эмигрантов определенные надежды на грядущую и неизбежную войну с СССР. На базе «Русского отряда Асано» предполагалось подготовить и развернуть более крупные вооруженные подразделения из русских эмигрантов, предназначенные для вторжения в СССР. Несмотря на сохранявшиеся на Дальнем Востоке разногласия между БРЭМ и легитимистами, с одной стороны, и чинами и сторонниками РОВСа, с другой, у последних также существовали планы использования советско-японской войны в своих интересах, взятия реванша в борьбе с большевиками и возвращения на родину.

Глубокие изменения происходили в рассматриваемый период времени в европейской политике, что не могло не сказаться на деятельности Русского военного Зарубежья, тем более, что большинство военных эмигрантов проживало и действовало именно в Европе. Резкое обострение международных отношений и в первую очередь на европейском континенте в это время было обусловлено усиливающейся вооруженной экспансией Германии. В марте 1938 года она насильственно присоединила к себе Австрию.

29 сентября 1938 года на встрече глав правительств Германия и Италия, с одной стороны, Франция и Великобритания, с другой, было заключено соглашение (получившее красноречивое определение — «Мюнхенский сговор»), предусматривавшее отторжение от Чехословакии и присоединение к Германии Судетской области. Это предопределило скорое исчезновение Чехословакии как самостоятельного государства.

В условиях приближения Второй мировой войны и с ее началом все более возрастало значение «Объединения Русских Воинских Союзов» (ОРВС) с центром в Берлине, в которое в августе 1938 года был преобразован II отдел РОВСа. Сделано это было по настоянию немецких властей. Начальником Объединения стал бывший начальник II отдела РОВСа генерал фон Лампе. 22 октября 1938 года

начальник Русского Обще-Воинского Союза генерал Архангельский издал специальный приказ РОВСу, в котором выделение II отдела в самостоятельную группу с переименованием его в «Объединение Русских Воинских Союзов» объяснялось современным политическим положением в Европе и нежелательностью для германских властей, чтобы русские военнослужащие, проживавшие в Германии, подчинялись эмигрантскому военному центру, находящемуся вне пределов этой страны. В приказе высказывалась уверенность в том, что ОРВС в своей самостоятельной деятельности будет единоклубным с РОВСом и образует тесный общий фронт в борьбе против коммунизма. Генерал Архангельский выражал уверенность в том, что в недалеком будущем произойдет их воссоединение в единой Национальной Российской Армии. Начальник РОВСа разрешал военнослужащим состоять одновременно в РОВСе и ОРВС²¹¹. После оккупации Чехословакии немцами в состав ОРВС из РОВСа в 1939 году был передан его VI отдел.

В 1939 году победой франкистов завершилась Гражданская война в Испании. Руководство РОВСа, которое с самого начала войны находилось на стороне генерала Франко, приветствовало такой исход войны, оценивая его как важную победу в мировой борьбе с коммунизмом. Всего на стороне Франко участвовало в Гражданской войне в Испании 72 русских добровольца, большинство из которых были членами РОВСа. Они участвовали в параде победы в Валенсии 3 мая 1939 года. После окончания войны русские эмигранты, служившие в рядах армии Франко, получили испанское подданство, и большинство из них продолжало службу в Иностранном легионе. Некоторые принимали участие во Второй мировой войне и в боевых действиях против СССР на советско-германском фронте. Победа сторонников Франко в Гражданской войне в Испании вызвала ликование в рядах его русских поклонников-эмигрантов. Опыт этой войны стал предметом внимательного изучения в российской военной эмиграции²¹².

Подводя краткие итоги участия русских эмигрантов в Гражданской войне в Испании, нельзя не указать на то обстоятельство, что эта война углубила раскол в Российском Зарубежье, ибо, по различным данным, от нескольких сот до почти тысячи русских эмигрантов участвовали в ней в составе интербригад на стороне республиканцев, в том числе более ста из них погибло²¹³.

Шел 1939 год и ситуация в мире и прежде всего в Европе все более накалялась. За несколько месяцев до начала Второй мировой

войны журнал «Часовой» рассматривал на своих страницах два возможных варианта развития предстоящих военных событий и участия в них РОВСа: если эта война будет вестись под флагом освобождения России – участвовать в ней в составе вооруженных сил; если борьба будет вестись против большевиков, но не за русское единство, – постараться вложиться в эту борьбу на русской территории и помогать тем русским силам, которые неизбежно пробудятся»²¹⁴.

В канун начала Второй мировой войны, в августе – начале сентября 1939 года, состоялись два форума российской эмиграции. В августе великий князь Владимир Кириллович пригласил в свою французскую резиденцию в Сен-Бриаке руководителей и представителей различных эмигрантских организаций, и в том числе начальника РОВСа генерала Архангельского, для обсуждения вопросов, «волнующих эмиграцию». Среди прибывших были представители «Российского национального объединения», «Русского Национального Союза участников войны», РОВСа, Торгрома, эмигрантских газет и др. Резюмируя итоги встречи, генерал Архангельский указывал, что обмен мнениями и кулуарные разговоры проходили в атмосфере мирного обсуждения взаимных противоречий и стремления подчеркнуть и выявить то, что сможет сплотить различные эмигрантские организации. Он рассматривал съезд как шаг в этом направлении и, в частности, в восстановлении нормальных отношений между РОВСом и Корпусом Императорских Армии и Флота²¹⁵.

В августе – сентябре в Румынии состоялся съезд белых организаций – так называемый Белый съезд. Его представители пытались выработать общую платформу и оценки в отношении ключевых проблем современности, что воплотилось в его итоговой резолюции. Осуждались все попытки расколоть РОВС. Общее положение дел в Советской России определялось участниками съезда как острый кризис советского строя. Характеризуя общее положение в Европе и вопрос о войне, принятая резолюция определяла европейскую политику последних 20 лет как близорукую и ошибочную, а Версальский мир – как вредный и несправедливый. Все это способствовало, по мнению участников съезда, зарождению воинственности в диктаторских странах.

Касаясь будущего России в контексте грядущей войны и интервенции, участники Белого съезда указывали, что ждать спасения России от интервенции – безнадежно и нелепо, а спасти ее от

большевизма посредством иностранного завоевания есть мысль нелепая, противонациональная и предательская. Характеризуя русскую эмиграцию, в принятой резолюции указывалось, что она выполняет мировую задачу — является напоминанием миру о мировой опасности безбожного большевизма. За последние годы, констатировалось в резолюции, в эмиграции произошли упадок духа, уход в иностранный быт, неверие в самостоятельные силы русского народа, грызня и интриги, доверчивость к иностранным правительствам, а также к невозвращенцам и беглецам. При характеристике крайне правых течений в эмиграции, указывалось на раскол и грызню, свойственные для них, а с другой стороны, — на их стремление разложить РОВС. Русский фашизм определялся как течение больное и слепое подражание Западу. В резолюции содержался и ряд других интересных оценок и характеристик (о НТСНП, об эмигрантской прессе и др.)²¹⁶.

Завершалась сложная и полная противоречий эпоха в истории Русского военного Зарубежья. Ожидания и надежды его реваншистски настроенных руководителей на возможность с помощью иностранных армий вернуться в Россию не увенчались успехом. И тем не менее, нараставшие в мире конфликты и столкновения неумолимо вели человечество к новой эпохе, именуемой Второй мировой войной. Нарастание конфликтности и напряженности в мире внушало надежды эмигрантским военно-политическим лидерам на востребованность российских эмигрантов и в первую очередь бывших военнослужащих под их руководством в грядущей и неизбежной войне с СССР.

Вопросы к четвертой главе

Охарактеризуйте развитие политических, социальных и иных процессов в Русском военном Зарубежье в 30-е годы.

В чем заключались основные причины нарастания конфликтности в Русском Обще-Воинском Союзе? Как соотносились в них объективные и субъективные факторы?

Как развивались отношения РОВСа с легитимистами?

Русское Зарубежье и фашизм. Что стимулировало интерес к фашизму в военной эмигрантской среде и способствовало появлению российских профашистских организаций? Назовите основные из них. Раскройте основные тенденции в отношении РОВСа и его руководителей к фашистской идеологии, политике и практике.

Что затрудняло развитие взаимоотношений и сотрудничества РОВСа и фашистских властей Германии?

Раскройте процесс формирования и деятельность Русского военного Зарубежья на Дальнем Востоке.

Как можно охарактеризовать политику Японии в отношении российской военной эмиграции в ходе ее экспансии на Дальнем Востоке в 30-е годы? Как складывались отношения различных российских военных организаций с японскими оккупационными властями?

Охарактеризуйте отношение российских эмигрантов и Русского военного Зарубежья к Гражданской войне в Испании. Чем определялся выбор эмигрантов в пользу генерала Франко или республиканской Испании?

Каковы причины создания «Объединения Русских Воинских Союзов» и «Русского Национального Союза Участников Войны»? Охарактеризуйте их программы, реалии действий и лидеров.

ГЛАВА 5 РОССИЙСКИЕ ЭМИГРАНТЫ В ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Вторжение вооруженных сил Германии 1 сентября 1939 года в Польшу стало началом невиданного по своим масштабам катаклизма мировой истории – Второй мировой войны. Этот день совпал с пятнадцатилетием Русского Обще-Воинского Союза, чему и был посвящен специальный приказ генерала Архангельского. В нем указывалось на то, что время подтвердило правильность основ организации и ее жизнедеятельности. РОВС оценивался как хранитель лучших традиций Российской Императорской Армии, и подчеркивалась его главная цель – борьба за освобождение и восстановление Великой России. Начальник Союза указывал на необходимость укрепления основ РОВСа. В приказе содержался призыв к воинским чинам, отошедшим от Союза, возвращаться в родные ряды, части и организации²¹⁷.

В связи с пятнадцатилетием РОВСа генерал Архангельский обратился с приветствием к великому князю Владимиру Кирилловичу, который, в свою очередь, направил начальнику Союза приветственный рескрипт, который тот объявил чинам Союза своим приказом № 27 от 25 октября 1939 года. Великий князь высказывал благодарность за изложенные в его адрес начальником и чинами РОВСа пожелания и «готовность Союза отдать свои силы и жизнь за освобождение и восстановление России на ее исконных исторических началах». Он высоко оценивал Белую борьбу и подчеркивал важность «сберечь Союз и оберечь его от всего, что нарушило бы его волю для борьбы за освобождение и восстановление России на ее исконных исторических началах»²¹⁸.

Начало Второй мировой войны вызвало новый раскол российской эмиграции, что стало очевидным, выплеснувшись в разнообразии мнений на страницы русскоязычной зарубежной печати. В приказе генерала Архангельского указывалось, что «чины РОВСа должны исполнить свое обязательство перед страной, в которой они находятся, и зарекомендовать себя с лучшей стороны, как подобает русскому воину»²¹⁹. Но это звучало весьма двусмысленно, и могло трактоваться даже как призыв встать с оружием в руках на сторону тех стран, где проживали русские эмигранты. Более точно начальник Русского Обще-Воинского Союза определил позицию РОВСа и военной эмиграции в отношении развернувшейся войны на сове-

шании начальников групп и председателей организаций, входивших в V отдел Союза, 28 сентября 1939 года. По мнению генерала Архангельского, война обязала русских людей к честному исполнению возложенных на них правительствами обязанностей. Но русский вопрос по-прежнему не разрешен, и ни одно правительство не включило в цели войны восстановление национальной России. Это обстоятельство обязывало РОВС хранить нейтралитет²²⁰.

Советско-германские соглашения августа-сентября 1939 года серьезно дезориентировали русскую военную эмиграцию. Особенно озадачена была та ее часть, которая именно с Германией связывала надежды на уничтожение большевизма. К тому же, в это время германские власти пошли и на аресты целого ряда активистов Русского Зарубежья. Был распущен ряд их организаций, например, «Русский Национальный Союз Участников Войны» генерала Туркула, переехавшего в 1938 году в Германию. Германофильски и профашистски настроенным русским военным эмигрантам оставалось лишь надеяться, что заключенные Германией с СССР соглашения носят временный характер, и их столкновение неизбежно, причем в ближайшем будущем.

Начальник ОРВС генерал фон Лампе в приказе от 2 сентября 1939 года, на следующий день после вторжения Германии в пределы Польши и начала Второй мировой войны указывал, что подавляющая часть чинов возглавляемого им Объединения проживает на территории вновь созданной Велико-Германии, «государства, вошедшие в состав которой, оказали нам гостеприимство и дали нам приют после тяжелых переживаний наших в период русской революции и борьбы на белых фронтах Гражданской войны в России». Он призывал эмигрантов к лояльности в отношении Германии и непримиримости в отношении коммунизма в России²²¹.

После капитуляции Польши руководитель Российского Общественного Комитета в Польше, бывший сотрудник Боевой организации генерала Кутепова в 20-е годы С.Л. Войцеховский был назначен начальником образованного в этой стране Управления делами русской эмиграции, переименованного позднее в Русский Комитет, а затем в Особый Русский Комитет. Все русские эмигрантские организации в Польше подчинялись ему.

События сентября 1939 года, начало Второй мировой войны, поражение Польши и так называемая «странная война», развернувшаяся после объявления Великобританией и Францией войны Германии, кардинально изменили жизнь русской эмиграции в Европе.

Происходящие в Европе события привели к тому, что многие страны приступили к мобилизации своих армий, но русские были призваны в ряды армии лишь во Франции. Это коснулось молодых людей в возрасте до 32 лет, а лица в возрасте до 48 лет прошли регистрацию. Но идея образования особого русского легиона из эмигрантов не была здесь осуществлена. Начальник I отдела РОВСа генерал Витковский поддерживал связь с русскими чинами, мобилизованными во французскую армию. Он поставил перед французскими властями вопрос о наиболее рациональном использовании призываемых в армию русских эмигрантов, в зависимости от специальных знаний и способностей.

Советско-финляндская война 1939–40 годов вызывала, с одной стороны, большой интерес, а с другой, — и существенные расхождения мнений и оценок в Русском Зарубежье. Финляндия рассматривалась как возможный барьер против коммунизма. Предполагалось, что эта война должна обнаружить ненадежность и небоеспособность советских войск. Считалось возможным, что российские эмигранты могут создать значительный отряд для участия в боевых действиях на стороне Финляндии²²².

Война СССР с Финляндией вызвала активный отклик со стороны руководимого генералом Туркулом «Русского Национального Союза Участников Войны». Издаваемый РНСУВ журнал «Военный Журналист» полагал, что именно внешняя война даст оружие русскому народу и приведет к падению советской власти, а также даст возможность эмигрантам включиться в борьбу. Предполагалось, что широкое военно-политическое движение эмиграции возглавит генерал Туркул, и оно должно быть санкционировано великим князем Владимиром Кирилловичем²²³.

Начальник РОВСа генерал Архангельский обратился к маршалу Маннергейму с предложением об участии русских эмигрантов в борьбе против общего врага и просил его высказаться о возможности этого, чтобы затем, после получения принципиального согласия, обсудить вопрос о форме такого участия. Число русских добровольцев, по мнению Архангельского, зависело бы от средств и отношения государств, в которых проживали чины РОВСа, хотя было ясно, что крупного отряда собрать и отправить в Финляндию не удастся. Но это участие и помощь в войне должны были выражаться не в виде простой живой силы, а в качестве специалистов разного рода для работы в тылу Красной армии, для поднятия восстаний и развязывания гражданской войны в СССР. Но Маннер-

гейм ответил Архангельскому, что в настоящем периоде войны не видит возможности воспользоваться сделанным ему предложением, хотя и добавил, что трудно предвидеть, какие возможности могут открыться в будущем²²⁴.

План создания и отправки добровольческого русского отряда из числа эмигрантов в Финляндию для поднятия восстания против советского правительства был разработан в это время и в окружении великого князя Владимира Кирилловича. Через финляндского посланника в Париже он был доложен маршалу Маннергейму, и одновременно предприняты попытки войти в контакт с руководством Великобритании и Франции для снабжения этого отряда всем необходимым и отправки в Финляндию. Но указанный проект был отвергнут Маннергеймом²²⁵.

В феврале 1940 года из Парижа в Финляндию выехал Б.Г. Бажанов, в прошлом член партии большевиков, помощник генерального секретаря ЦК ВКП(б) И.В. Сталина и секретарь Политбюро ЦК компартии, в 1928 году бежавший из СССР. Перед своей поездкой он имел встречу и продолжительную беседу с начальником РОВСа по вопросу о возможности участия Союза в войне Финляндии против СССР. В штаб-квартире маршала Маннергейма в Сен Микеле состоялась его встреча с Бажановым. Тот изложил свой план распропагандирования взятых финнами в плен красноармейцев и привлечения их для борьбы с советской властью. Маннергейм согласился предоставить ему такую возможность в одном из лагерей для военнопленных, хотя и выразил сомнение в успешности реализации вынашиваемого Бажановым замысла²²⁶.

Правительство Финляндии, с согласия Маннергейма, одобрило этот план в середине февраля 1940 года. Для эксперимента был избран один из лагерей для военнопленных, в котором находилось около 500 бывших красноармейцев, в абсолютном большинстве русских и украинцев, а также некоторое количество представителей национальных меньшинств. В результате агитации значительную часть из них²²⁷ удалось убедить вступить в ряды «Русских Народных Отрядов». Пленные, сделавшие такой выбор, были переведены в другой лагерь, и там из них были сформированы пять небольших отрядов, во главе которых были поставлены офицеры из чинов РОВСа.

Формирование отрядов затянулось. В начале марта они готовились к выступлению на фронт. Но туда успели отправить лишь один отряд численностью 35–40 человек во главе с капитаном Ки-

селёвым. Его деятельность была признана успешной²²⁸. Но 13 марта 1940 года Финляндия подписала перемирие, война окончилась, и начатый эксперимент прекратился.

Советско-финляндская война и ее итоги получили самые разные отклики в Русском Зарубежье и в том числе среди военнослужащих. Часть из них рассматривала ее как не вполне реализованный или нереализованный шанс для прямой вооруженной борьбы с большевиками. Но подобные призывы и действия не нашли значительного отклика среди эмигрантов. Слишком сложной была финская тема и ее наследие как в контексте дореволюционной истории, так и с точки зрения опыта Гражданской войны в России, когда лидеры белого движения неудачно пытались привлечь Финляндию к вооруженной борьбе против Советской России, и с ее отказом приступить к широкомасштабным военным действиям связывали провал похода на Петроград. Многие эмигранты-военнослужащие исповедовали идею «единой и неделимой России», и государственная независимость Финляндии была им не по нутру. Извечный оппонент РОВСа, генерал Деникин осуждал действия Архангельского по набору русских добровольцев из числа эмигрантов в армию Финляндии.

Вместе с тем, сам генерал Архангельский, руководство РОВСа и Главного Комитета Фонда Спасения России (ФСР) полагали, что в новой международной обстановке возрастают возможности вооруженного столкновения с СССР. В директиве Главного Комитета ФСР от 14 марта 1940 года указывалось, что возникают большие возможности для возобновления открытой борьбы с советской властью, и предписывалось отправление одиночек в массовом порядке для участия в военных действиях, а также организация пропаганды среди пленных красноармейцев и формирование из них отрядов для действий против СССР. Главный Комитет учредил для этого особый сбор в ФСР со специальным назначением отправки добровольцев в соответствующие места для борьбы с коммунизмом и СССР²²⁹.

После окончания советско-финляндской войны начальник РОВСа генерал Архангельский направил специальную записку великому князю Владимиру Кирилловичу с осмыслением ее опыта и результатов. Он получил ответ от начальника управления по делам Русского Императорского Дома контр-адмирала Графа, в котором указывалось, что великий князь разделяет взгляды генерала и выводы его послания²³⁰.

В конечном счете, в условиях разгоравшейся Второй мировой войны, которая неизбежно должна была втянуть в свою орбиту и

СССР, российской эмиграции предстояло сделать непростой выбор внешних союзников в предстоящей борьбе. Ставку можно было сделать на бывших союзников России в Первой мировой войне или попытаться заключить альянс с коалицией фашистских держав, возглавляемых Германией. Если руководители ОРВС и РОВСа, не говоря уже о РНСУВ, все более тяготели в пользу поддержки держав германского блока, то наиболее последовательным сторонником союза с Францией и Великобританией среди эмигрантов был генерал Деникин. Он выступал против альянса с Германией в силу этических соображений и считал необходимым хранить верность прежним союзникам. Весной 1940 года он обратился к главам английского и французского правительств с меморандумом, обосновывая свою точку зрения на необходимую политику союзников против большевиков.

Деникин полемизировал с публикациями западноевропейской прессы и официальными заявлениями о целях борьбы для защиты «западной культуры» и христианства от «восточного варварства». Он указывал, что в данном случае налицо известная доля лицемерия и оскорбление русского народа, а также немудрая политика к державам не западной культуры, которых стремятся вовлечь в свою орбиту. Восточная культура хранит в себе не меньшие духовные ценности, нежели западная, утверждал генерал Деникин. Что касается марксизма-ленинизма – коммунизма, то это, подчеркивал автор, вовсе не русское изобретение, а продукт, перенесенный на русскую почву с Запада. Дело не в борьбе культур, доказывал западным политическим лидерам Деникин, а в том, что большевизм чужд, враждебен и ниспровергает всякую культуру.

Но главными для генерала Деникина были актуальные проблемы политической борьбы, «борьбы с наступающим, организованным и вооруженным панкоммунизмом», которая, считал он, должна быть бескомпромиссна. По его мнению, борьба против СССР в связи с выяснившимися политическими течениями могла происходить в двух аспектах: или против большевизма, за освобождение и восстановление России, или против России, с целью ее балканизации и раздела. Борьба против России, с ее необъятными размерами, громадными людскими и материальными ресурсами, и силами, подорванными войной на западном фронте, потребует больших жертв, доказывал автор, и окончится так, как кончались другие нашествия на Россию. Крушение же великой империи вызвало бы невероятный хаос во всем мире и новую полосу бесконечных войн и рево-

люций. Но задушить Россию все равно невозможно, утверждал Деникин, даже после временного бессилия она поднялась бы и объединилась вновь, восстанавливая с оружием в руках свое право на жизнь и привлекая в свою орбиту всех недовольных. Наоборот, борьба против большевизма, за освобождение России, доказывал генерал государственным лидерам Англии и Франции, потребовала бы от западных стран наименьших усилий и жертв. Он считал, что быть может нужен будет только один сильный толчок и дальнейшая дипломатическая и материальная помощь, чтобы вызвать «внутренний взрыв», чтобы «русский народ, уверовав в искренность намерений держав, откликнулся на их призыв, поднялся против ненавистной власти и покончил сам с мировым злом большевизма»²³¹.

Чем более разгоралась Вторая мировая война на европейском континенте, тем больше проблем возникало и для русских эмигрантов. Сохранять выжидательную и нейтральную позицию становилось все труднее. Военной эмиграции и ее руководителям надо было в конце концов делать выбор между воюющими коалициями. Особенно остро этот вопрос встал в мае-июне 1940 года, когда развернулись бои между немецкими войсками и вооруженными силами союзников, завершившиеся поражением последних. Среди части русских эмигрантов во Франции звучали в ходе этой войны призывы встать на защиту страны, приютившей их, и даже организовать мобилизацию русских во французскую армию.

В возникшей сложной ситуации начальник I отдела РОВСа генерал В.К. Витковский выступил против этого, аргументируя свою позицию тем, что «русская кровь может быть пролита только за русскую землю». Он и председатель Эмигрантского комитета В.А. Маклаков протестовали против мобилизации русских эмигрантов во французскую армию. Но, несмотря на это, французское правительство мобилизовало их в порядке воинской повинности. По существующим данным, численность мобилизованных российских эмигрантов составила около 6 тысяч человек²³². Руководство РОВСа в лице его председателя генерала Архангельского и начальника канцелярии генерала Кусонского поддерживало изложенную позицию Витковского.

28 июня 1940 года начальник РОВСа генерал Архангельский обратился с Памятной запиской к германскому правительству, касавшейся военнопленных французской армии, среди которых были и русские. Он просил об облегчении их участи, ссылаясь на то, что ему известно благожелательное отношение правительства Германии

к русским эмигрантам, ибо оно видит в них непримиримых врагов коммунизма. Он ссылаясь при этом на пример освобождения немцами попавших к ним в плен в сентябре 1939 года русских, призванных польским правительством, что было положительно оценено эмигрантами. Помимо освобождения из плена русских солдат французской армии, Архангельский просил дать им возможность работать по специальности, а молодежи продолжить образование.

Председатель РОВСа в своем послании германскому правительству высказывал также просьбу оказать материальную помощь нуждающимся эмигрантам, особенно не имеющим французского подданства. Генерал ставил эти же проблемы, обращаясь и к начальнику Управления по делам русской эмиграции в Германии генералу Бискупскому, а, характеризуя тяжелое материальное положение русских во Франции, он предлагал рассмотреть вопрос о возможности перемещения части из них в Германию²³³.

По мере оккупации Германией все новых европейских стран актуальной становилась проблема взаимоотношений немецких оккупационных властей с русскими военными эмигрантами и их организациями. Нередко немцы начинали с массовых арестов подозрительных лиц, среди которых оказывались и русские эмигранты. Такие аресты происходили и в самой Германии. В Германии, Бельгии, а затем и в ряде других стран были созданы Управления по делам русской эмиграции. Во главе их ставились русские эмигранты, уже зарекомендовавшие себя тесными отношениями с руководством фашистской Германии. Управление по делам русской эмиграции в Германии возглавлял, напомним, генерал В.В. Бискупский (его деятельность распространяется затем и на ряд других территорий III рейха, в частности, Чехию), в Бельгии — Ю.Л. Войцеховский, а в Польше аналогичным органом, именовавшимся Русским Комитетом руководил С.Л. Войцеховский. Их отношения с эмигрантскими организациями и, в частности, с РОВСом складывались часто очень непросто.

После германского блицкрига и поражения Франции положение в Европе кардинально изменилось. Военные действия Германии в Европе затруднили связи и деятельность организаций РОВСа в разных странах. Немецкая военная цензура вводила дополнительные ограничения в переписке. Председатель РОВСа вынужден был признать, что часто даже в случае сохранения организаций жизнь их замерла. Дефицит финансов также чрезвычайно затруднял деятельность Союза. В оккупированных странах организации РОВСа

пытались наладить контакты с новыми властями, но без особых успехов. Немцы весьма настороженно относились к деятельности русских эмигрантских организаций, и в том числе к РОВСу. При этом многое зависело от руководителей немецких оккупационных администраций на местах и начальников Управлений по делам русской эмиграции.

Во Франции после вступления немецких войск в Париж эмигранты создали Русский Представительный Комитет, который получил поддержку от наиболее крупных организаций эмиграции — РОВСа, РНСУВ, НТСНП, Союза Легитимистов и др. Его возглавил Ю.С. Жеребков. Но к созданию и деятельности этого нового органа отрицательно отнеслись либерально-демократические круги российской эмиграции во Франции и представлявший их интересы Эмигрантский комитет, который возглавлял по-прежнему В.А. Маклаков.

После поражения Франции в войне с Германией положение I отдела РОВСа, во главе которого здесь стоял генерал Витковский, Военно-Морского Союза, неизменно возглавляемого вице-адмиралом Кедровым, и ряда других эмигрантских организаций в этой стране оказалось весьма сложным. Генерал Краснов обоснованно писал, что они в течение многих лет ориентировались на страны Антанты и в новых условиях не могли рассчитывать на сочувственное отношение к себе со стороны германской власти²³⁴.

Приказом главнокомандующего германскими вооруженными силами во Франции от 28 августа 1940 года воспрещалась всякая деятельность иностранных учреждений и организаций, что вызвало, в частности, многочисленные обращения русских эмигрантских организаций. В конце концов, приказом главнокомандующего германскими вооруженными силами во Франции от 9 апреля 1941 года был учрежден «Комитет взаимопомощи русских эмигрантов во Франции» как единственный официальный посредник между властями и русской эмиграцией. Его возглавил полковник В.К. Модрах. Продолжал свою работу и Русский Представительный Комитет, возглавляемый Жеребковым, который поддерживал тесные связи с немецкими оккупационными властями. Руководитель РОВСа на Юге Франции генерал М.А. Свечин вошел в состав французского «Легиона Комбатантов», созданного коллаборационистом маршалом Петеном.

Разделение Европы на территорию, уже оккупированную и еще не оккупированную немцами, создавало исключительные трудно-

сти для деятельности и взаимоотношений эмигрантов и их организаций, в том числе Русского Обще-Воинского Союза. Тем более, что обстановка в каждой из пока самостоятельных европейских стран и российских эмигрантских организациях в них имела свои особенности. Стремительно меняющаяся ситуация в Европе и мире заставляла руководителей РОВСа искать пути взаимодействия и сотрудничества в первую очередь с германскими властями ради выживания Союза и с надеждой в перспективе на совместную с германской армией вооруженную борьбу против СССР.

С осени 1940 года в ходе развернувшегося диалога генералов Архангельского и фон Лампе начинается процесс переподчинения и вхождения еще части союзов РОВСа (в частности, в Дании, Люксембурге и др.) в «Объединение Русских Воинских Союзов»²³⁵. ОРВС активизирует свою деятельность и в Польше. Вообще же, судя по всему, германские власти, по-прежнему весьма настороженно относились к деятельности РОВСа, сеть воинских союзов и организаций которого располагалась во многих странах мира, в том числе на неконтролируемой Германией территории. Поэтому германские власти ужесточали контроль над организациями РОВСа и его центральным руководством. С другой стороны, укрепление ОРВС, официально именуемой независимой и дружественной Русскому Обще-Воинскому Союзу организацией, объективно вело к ослаблению и децентрализации РОВСа, к уменьшению влияния Союза и его руководства на жизнь и дела русской военной эмиграции. Впрочем, немецкие власти весьма настороженно относились и к идее централизации русских воинских организаций в рамках «Объединения Русских Воинских Союзов».

5 апреля 1941 года началось вторжение войск Германии в Югославию, что вызвало сложную реакцию многочисленной русской эмиграции в этой стране. Часть эмигрантов заявила о готовности вступить в ряды югославской армии в качестве добровольцев. Но война носила молниеносный характер, и их заявления, и силы не были востребованы. Начальник РОВСа генерал Архангельский, считая судьбу Югославии предрешенной, в письме генералу фон Лампе 11 апреля заявляет о целесообразности включения в состав ОРВС IV и V отдела РОВСа. Тем временем в условиях германской оккупации вносились определенные изменения в жизнь русских эмигрантов и их взаимоотношения с властями. По некоторым данным, немцы уже в апреле вместо Державной комиссии, занимавшейся проблемами российских эмигрантов, учредили в Белграде

Бюро по делам русских беженцев в Сербии, которое первоначально возглавил инженер Иванов. В июне 1941 года немецкими властями была произведена реорганизация Бюро, которое стало именоваться «Бюро по защите интересов русской эмиграции в Сербии». Начальником его приказом главнокомандующего немецкими войсками в Сербии был назначен генерал М.Ф. Скородумов. Вступая в должность возглавителя русской эмиграции здесь, он объявил 16 июня обращение к русской эмиграции. Скородумов призвал духовенство к поднятию духа эмигрантов. Все военные организации предполагалось свести в один военный отдел. Учебный отдел должен был заниматься делом воспитания и образования учащихся. Важным пунктом обращения являлось финансовое положение эмиграции. Обращение содержало призыв к единству эмиграции²³⁶.

6 апреля генерал Архангельский и генерал Гартман, начальник V отдела РОВСа, были вызваны в германскую оккупационную администрацию, где им в резкой форме было объявлено о запрещении ведения всякой политической, социальной и воинской работы. Они должны были согласовывать свою деятельность с начальником Управления по делам русской эмиграции в Бельгии Ю.Л. Войцеховским.

Таким образом, в начальный период Второй мировой войны прежде единый Русский Обще-Воинский Союз распадается на два формально независимых, хотя и дружественных объединения, и руководящим центром деятельности русских военных организаций постепенно и фактически становится «Объединение Русских Воинских Союзов», возглавляемое генералом фон Лампе.

21 мая 1941 года, за месяц до нападения фашистской Германии на СССР генерал фон Лампе направил главнокомандующему сухопутными силами вермахта генерал-фельдмаршалу фон Браухичу письмо, в котором выражал готовность предоставить возглавляемое им Объединение в распоряжение германского Верховного командования для борьбы с СССР в будущей войне. Текст этого письма публикуется в приложениях к настоящей книге.

Генерал Деникин накануне агрессии фашистской Германии в СССР определял свою позицию, надеясь, что ее поддержит и патриотически настроенная в отношении своей родины часть Русского Зарубежья, следующим образом: «Никаких «фильств», кроме «русофильства», никакой ориентации, кроме русской, никаких обязательств за... чечевичную похлебку и... с потерей лица»²³⁷.

Неизбежность скорой войны Германии с СССР была очевидна

для всей русской эмиграции и, разумеется, для Русского военного Зарубежья и его лидеров. Выбор их политической линии, характера и тактики взаимоотношений с германскими властями и командованием в этих условиях приобретал принципиальное значение. Сложный выбор необходимо было сделать в предстоящей войне и каждому русскому эмигранту, находившемуся на чужбине. Добавим, что выбор, который предстояло сделать, был не только политическим, но и нравственным по своему характеру.

Вторжение Германии в СССР 22 июня 1941 года знаменовало собой не только кардинальную веху в истории Второй мировой войны и человеческой цивилизации, но и в истории Русского Зарубежья, в жизни всех российских эмигрантов, и в том числе бывших военнослужащих. Каждому из них предстояло сделать выбор из трех реально существовавших вариантов: 1) встать на сторону фашистской Германии (и даже принять участие в боевых действиях против СССР) в надежде с ее помощью устранить ненавистный советский режим и избавить страну от «коммунистического ига»; 2) встать на позиции оборончества, поддержать СССР в развернувшейся страшной войне, когда встал вопрос о самом существовании их Отечества; складывание антигитлеровской коалиции объективно способствовало расширению числа сторонников этой позиции и давало им возможности участвовать в борьбе с фашизмом; 3) занять нейтральную и выжидательную позицию. Это во многом зависело и от того, где проживали российские эмигранты, и какую позицию в войне заняла данная страна.

Уже в первые дни после нападения Германии на СССР многие видные политические и военные деятели Русского Зарубежья, и прежде всего проживавшие на территории Третьего рейха, поспешили заявить о своей поддержке ее в этой войне. Подобные обращения и заявления (в широковещательной или более кулуарной форме) сделали начальник Объединения Русских Воинских Союзов генерал А.А. фон Лампе, великий князь Владимир Кириллович, начальник РОВСа генерал А.П. Архангельский, начальник III отдела РОВСа Ф.Ф. Абрамов, начальник «Бюро по защите русских интересов в Сербии» генерал М.Ф. Скородумов и др. Генерал фон Лампе приступил к распространению среди чинов ОРВС своего майского письма, адресованного генерал-фельдмаршалу фон Браухичу. В ряде европейских стран ретивыми сторонниками гитлеровцев из числа руководителей эмигрантских военных организаций были не только проведены митинги и собрания с принятием

приветственных адресов в адрес германского военного командования, но и предприняты попытки мобилизации или регистрации российских эмигрантов — бывших военнослужащих для участия в войне против СССР. В адрес генерала фон Лампе и начальников отделов РОВСа, поступало много заявлений от руководителей и рядовых чинов этих организаций, а также военнослужащих, не состоявших в них. Они заявляли о готовности вести борьбу против большевиков вместе с Германией.

Но уже в первые дни войны среди эмигрантов было распространено распоряжение начальника Управления делами российской эмиграции в Германии (а фактически и на территории Третьего рейха) генерала Бискупского. Начальникам опорных пунктов Управления предписывалось обеспечить полное спокойствие. Все эмигранты должны были оставаться на местах службы, воздерживаясь от критики и комментариев настоящих и будущих событий. Если германским властям понадобится сотрудничество эмигрантов или отдельных эмигрантских групп, то они обратятся к начальнику Управления, указывалось в распоряжении²³⁸.

В связи с тем, что прошло уже более месяца, а ответа от фельдмаршала фон Браухича все не было, генерал фон Лампе 27 июня подготовил письмо Гитлеру и новое послание фон Браухичу. Письмо для фюрера было передано 5 июля министру Мейснеру. 10 июля фон Лампе получил ответ от последнего, что его письмо передано в главное командование вермахта (ОКВ). И хотя официальной реакции Берлина еще не последовало, но возможность использования русских белоэмигрантов в германской армии уже была обсуждена 30 июня 1941 года на совещании представителей верховного командования вермахта, главного командования СС, министерства иностранных дел и отдела внешнеполитических связей НСДАП. Допуская к участию в «крестовом походе» против СССР представителей всех европейских народов, немцы делали исключение для чехов и русских военных эмигрантов. Это обосновывалось тем, что участие бывших белогвардейцев в войне на стороне Германии могло дать возможность советской пропаганде говорить о реставраторских намерениях немцев, что, в свою очередь, усилит сопротивление Красной Армии²³⁹. В действительности же немецкое руководство, вынашивавшее планы борьбы со славянством и уничтожения российского государства, не желало сотрудничать с русскими военными эмигрантами — сторонниками Великой, Единой и Неделимой России.

В Русском Зарубежье в начальный период войны Германии с СССР были весьма распространены надежды на то, что немцы воюют с врагами России – большевиками, во имя ее освобождения. Активно муссировались разного рода слухи о сотрудничестве видных представителей Русского Зарубежья с руководством нацистской Германии и в связи с этим о планах организации власти в постсоветской России. Но шли дни, и постепенно происходило освобождение от иллюзий, что Германия воюет во имя Национальной России. Тем не менее, среди части эмигрантов были распространены настроения, выражаемые словами – «хоть с чёртом, но в Россию». Это во многом объясняло поток заявлений, которые шли от эмигрантов, бывших военнослужащих, в организации ОРВС и РОВСа с просьбой направить их на Восточный фронт.

В связи с большим количеством заявлений от русских военнослужащих -эмигрантов в адрес Управления «Объединения Русских Воинских Союзов» с выражением готовности принять активное участие в борьбе германской армии против коммунизма и невозможностью ответить каждому отдельно Управление ОРВС распространило в июле 1941 года обращение, в котором информировало, что начальник Объединения предпринимает повторные шаги для того, чтобы русским военнослужащим была предоставлена возможность осуществить их стремление. В нем сообщалось, что в настоящее время точка зрения немецкого командования на это отрицательная, но окончательного решения еще не принято. Здесь указывалось также, что единственная форма участия в борьбе в настоящее время – это поступление на службу переводчиками, для чего надлежало обращаться в Управление генерала Бискупского в Берлине. В этом документе сообщалось, что о всяком изменении взглядов германского командования русские военнослужащие будут немедленно поставлены в известность²⁴⁰.

Но в эту пору ожиданий и надежд на сотрудничество с фашистской Германии во имя совместной борьбы с СССР со стороны ряда видных русских сотрудников германской администрации прозвучали достаточно резкие слова, сводившие к минимуму подобные надежды. Назначенный германскими властями управляющим делами русской эмиграции во Франции Ю.С. Жеребков заявил 25 июля, что решено пока не привлекать эмиграцию к активному участию в войне против СССР. Горьким разочарованием для белоэмигрантов стали его слова о том, что развернувшаяся война против большевиков не является продолжением белой борьбы, прекра-

щенной 21 год назад. Несправедливым упреком показались многим из них слова Жеребкова о том, среди эмигрантов осталось немало реакционеров, надеющихся вернуться к дореволюционной жизни с поместьями, слугами, орденами, землями и, более того, получить новые за выслугу лет, проведенных в эмиграции²⁴¹.

Отношения русских эмигрантов с германскими властями в этот период складывались, отнюдь, не безоблачно и безболезненно, а в ряде случаев завершались и трагически. Начало войны Германии против СССР вызвало новую серию арестов русских эмигрантов, и в том числе военнослужащих и чинов РОВСа. В Бельгии был арестован начальник канцелярии РОВСа генерал П.А. Кусонский. Несмотря на ходатайства генералов Архангельского, фон Лампе, Бискупского и других лиц, дававших ему положительные рекомендации и ручавшихся за него²⁴², Кусонский продолжал оставаться в заключении. 26 августа 1941 года он был жестоко избит эсэсовцами в концлагере и умер. Во Франции были арестованы генерал Шатилов, заместитель начальника I отдела РОВСа в неоккупированной зоне этой страны генерал Киреев и ряд других чинов Союза, особенно причастных к «Внутренней линии». Шатилов пробыл в заключении 10 месяцев и был освобожден лишь летом 1942 года по ходатайствам представителей эмигрантских организаций. Этому способствовал и управляющий делами русской эмиграции во Франции Ю.С. Жеребков. Во Франции был арестован немцами начальник Управления Главы Русского Императорского Дома великого князя Владимира Кирилловича контр-адмирал Г.К. Граф, который провел в заключении 14 месяцев.

В Чехии были арестованы известные деятели РОВСа Н.А. Цуриков и генерал В.Г. Харжевский. Последний (как и Шатилов, Фосс и некоторые другие русские эмигранты) был привлечен к следствию в связи с деятельностью «Внутренней линии». Но арест Харжевского оказался непродолжительным, и в дальнейшем, до сентября 1942 года, он являлся начальником русской воинской группы ОРВС в Праге. В Загребе был арестован по обвинению в распространении коммунистической литературы сын бывшего председателя РОВСа генерала Миллера – Николай. Он был перевезен в Грац и содержался в местной тюрьме. Лишь после многочисленных ходатайств эмигрантских организаций он был освобожден осенью 1941 года. Все эти факты арестов известных деятелей РОВСа и Русского Зарубежья вносили смятение в среду эмиграции и вызывали сомнения в возможности плодотворного сотрудниче-

ства с немцами и совместной борьбы с оружием в руках против большевиков.

Война, начатая фашистской Германией против СССР, расколола русскую эмиграцию и в том числе ее военную часть. Многие активисты ее военных организаций и в первую очередь РОВСа и ОРВС, а также «Российского Национального Союза Участников Войны» восприняли ее как представившуюся, наконец, и столь давно ожидавшуюся возможность реализовать свои мечты о вооруженной борьбе с большевизмом.

Но среди эмигрантов, бывших военнослужащих, были и те, кто надеялся на победу их родной страны над захватчиками, полагая при этом, что война вызовет внутри СССР необратимые перемены, возродит силы народа и приведет, в конце концов, к устранению большевистского режима. Из бывших вождей белого движения подобные взгляды наиболее последовательно выражал генерал Деникин. Он полагал, что народ, вставший на защиту Родины и получивший в свои руки оружие, свергнет ненавистную сталинскую диктатуру. Но даже если этого не произойдет, и «народ русский, и армия отложат расчеты с внутренним захватчиком и встанут единодушно против внешнего», то и активность белой эмиграции должна быть направлена «не в пользу, а против внешних захватчиков»²⁴³.

Значительная часть российской эмиграции, и в том числе бывших военнослужащих, не могла пока определиться и сделать свой выбор в столь сложной ситуации нового этапа Второй мировой войны, непосредственно затронувшей и судьбы их родины. Многие эмигранты, включая и бывших солдат и офицеров белых армий, просто симпатизировали своей отчизне и ее гражданам, оказавшимся в тяжелой ситуации, но не отваживались заявлять это публично. И мало кто из них (в том числе лиц, прошедших боевыми дорогами Гражданской войны, непримиримо сражаясь против Красной армии) был готов прийти сейчас на помощь СССР и своему народу и вступить в вооруженную борьбу с гитлеровцами на территориях других стран, оккупированных фашистской Германией. Впрочем, и здесь были свои исключения. Например, генерал П.С. Махров, стоявший у истоков создания РОВСа и возглавлявший в период его образования в 1924 году III отдел Союза, но в 1932 году исключенный из него, жил в 1941 год во Франции. С началом вторжения Германии в СССР он отправил письмо советскому послу во Франции А.Е. Богомолу с просьбой отправить его в СССР для зачисления в армию, хотя бы рядовым. Письмо было пе-

рехвачено цензурой, и Махров был заключен в лагерь Верне. Лишь 7 декабря 1941 года он был освобожден по ходатайству французского генерала Нисселя, возглавлявшего в период Первой мировой войны военную миссию Франции в России²⁴⁴.

17 августа начальник ОРВС генерал фон Лампе получил, наконец, уведомление от генерал-фельдмаршала Браухича, что «в настоящее время чины Объединения не могут быть применены в германской армии». В тот же день генерал фон Лампе выпустил приказ № 46, в котором изложил всю историю взаимоотношений с германским командованием, начиная с письма фельдмаршалу фон Браухичу 21 мая 1941 года, текст которого был также опубликован в этом приказе. Фон Лампе предоставил право чинам ОРВС в индивидуальном порядке поступать на германскую службу в армии и в тылу, но поддерживать при этом связь со своими воинскими начальниками²⁴⁵.

Заметим, что не только в Европе, но и в Азии, вторжение фашистской Германии в СССР вызвало надежды значительной части русской эмиграции на скорый крах советской власти в стране. 26 июня 1941 года начальник прояпонского Главного Бюро по делам русских эмигрантов в Маньчжурской империи генерал В.А. Кислицин обратился с призывом прекратить рознь и сплотиться вокруг него. Он назвал фашистскую агрессию «очистительной грозой», которая приведет «к освобождению России»²⁴⁶. «Русский отряд Асано» был приведен в боевую готовность, а его численность доведена до 800 человек. С началом войны в программу подготовки личного состава были внесены изменения. Большая часть занятий посвящалась пропагандистской работе, изучению подрывного дела, а также советского строя. Одна из групп «асановцев», прошедших подготовку по новой программе, в составе 400 человек была конспиративно переброшена в район с. Кумаэр, чтобы принять участие в разведывательно-боевых операциях против Красной Армии. Развернулось формирование новых отрядов из эмигрантов²⁴⁷. Но дальнейшее развитие событий на советско-германском фронте заставило японское командование отказаться от намеченных планов.

В декабре 1941 года российская военная эмиграция на Дальнем Востоке оказалась в сложной политической ситуации в связи с начавшейся атакой японцев на американскую базу Пёрл-Харбор войной Японии с США и Великобританией. Лидерам эмигрантских организаций необходимо было определиться со своим выбором и заявить о поддержке той или иной из воюющих сторон.

Руководители ГБРЭМ генералы В.А. Кислицин и Л.В. Власьевский выступили в Харбине с официальным заявлением, в котором выразили полную поддержку Японии и обещали, что российская эмиграция приложит все необходимые усилия к установлению «нового порядка» в Азии. С 1942 года все русская эмигрантская молодежь в Маньчжурии подлежала мобилизации в «Русский отряд Асано» и другие воинские формирования, которые готовились вступить в боевые действия против СССР вместе с Квантунской армией Японии.

Летом 1941 года на Восточном фронте началось формирование первых вооруженных отрядов под руководством и с участием эмигрантов. Происходило это по инициативе немецкого командования на местах. Например, при штабе немецкой группы армий «Север» для сбора информации о противнике был создан 1-й русский зарубежный батальон. Его организатором стал бывший офицер, участник Гражданской войны на Юге России штабс-капитан Б.А. Смысловский. Он имел обширные связи в германских вооруженных силах, окончил высшие военные курсы Труппеампе, являвшиеся завуалированной формой академии Генерального штаба рейхсвера, поскольку Версальский мирный договор запрещал Германии иметь военную академию. Перед началом Великой Отечественной войны он был кадровым сотрудником абвера под псевдонимом фон Регенау²⁴⁸.

В результате переговоров с ответственными сотрудниками Генерального штаба сухопутных сил Германии Смысловскому удалось летом 1941 года получить разрешение и сформировать русский учебный разведывательный батальон, а фактически — школу для подготовки разведчиков и диверсантов для действий в советском тылу. Первоначально в состав его входили эмигранты, в том числе немало чинов РОВСа, но затем ряды стали пополняться и бывшими красноармейцами из числа военнопленных и перебежчиков. Солдаты и офицеры батальона носили немецкую форму с белосине-красными нарукавными нашивками. Сам Смысловский был произведен в майоры по германскому генштабу и по-прежнему носил фамилию Регенау²⁴⁹.

В 1941–42 годах было сформировано и подчинено Смысловскому в качестве инспектора при Главном командовании 12 русских учебно-разведывательных батальонов. В конце 1942 он был произведен в чин подполковника и назначен начальником созданного им «Зондерштаба Р» («Особый штаб «Россия»), секретной организации для наблюдения и борьбы с партизанами. Эта струк-

тура была организационно подчинена абверовскому штабу «Валли» и действовала в Варшаве под вывеской «Восточная строительная фирма Гильген». Главные резидентуры «Зондерштаба Р» работали в Пскове, Минске, Киеве и Симферополе и поддерживали связь с местными резидентурами. Общая численность сотрудников «Зондерштаба Р» составила более 1000 человек²⁵⁰. Часть сотрудников использовалась и для разведывательной деятельности в тылу советских войск.

«Зондерштабу Р» были подчинены и созданные русские учебно-разведывательные батальоны, номинально составлявшие «Особую дивизию Р», предназначавшуюся для борьбы с партизанами и проведения разведывательно-диверсионной работы в советском тылу. Командиром дивизии был назначен сам Смысловский, которому в начале 1943 года было присвоено звание полковника. Численность дивизии определялась в 10 тысяч, а, по другим данным, — даже в 20 тысяч человек²⁵¹. «Зондерштаб Р» поддерживал связи с отрядами Украинской Повстанческой Армии, польской Армии Крайовой и с некоторыми другими антисоветскими группировками.

Но в декабре 1943 года Смысловский был арестован, а созданные им структуры были расформированы. Объяснения этого существенно различались²⁵². Так или иначе, но в активной деятельности Смысловского наступил вынужденный полугодовой перерыв.

В конце августа — начале сентября 1941 года в г. Велиш в составе 9-й армии Вермахта началось формирование другого русского отряда. Инициатором создания отряда (роты) стал русский эмигрант из Парижа ротмистр Заустинский, назначенный его командиром. В это подразделение вошли и другие эмигранты: полковник Сакирич, ротмистр Карцев, капитан Козлов, князь Мещерский (парижский), О. Горбачевский, А. Власов, Шурюгин и др. Военнослужащие отряда имели свой отличительный знак — белый крест на черном поле, носимый на левом рукаве. Отряд принимал участие в боевых действиях против советских войск в районе Вязьмы-Ржева-Зубцева и Сычевки²⁵³.

Другим опытом участия русских эмигрантов в войне на Восточном фронте явилась попытка создания весной-летом 1942 года с разрешения командующего группой армий «Центр» фельдмаршала фон Клюге так называемой «Русской Национальной Народной Армии» (РННА) под руководством проживавшего ранее в Берлине русского эмигранта и сотрудника абвера, радиоинженера С.Н. Иванова. Активное участие в формировании РННА принима-

ли полковник К.Г. Кромиади, участники Гражданской войны в Испании И.К. Сахаров, граф Г.П. Ламсдорф и др. Ядро РННА составили офицеры-эмигранты, а личный состав – военнопленные, отбираемые в концлагерях. Местом дислокации этого формирования по решению фельдмаршала фон Клюге стал поселок Осинторф в 6 км от станции Осиновка, располагавшейся на железной дороге Орша–Смоленск в Белоруссии. В марте 1942 года численность этого подразделения составила 400 человек, а в августе – 1500 солдат и офицеров. Русские эмигранты, основавшие это соединение, рассматривали его как прообраз армии, которая будет вести борьбу против большевиков. Немцы подходили к нему более прагматично, используя его для борьбы с партизанами, подготовки диверсантов, разведчиков и заброски его отдельных подразделений в советский тыл для разложения частей Красной Армии. Эмигранты именовали свое формирование Русской Национальной Народной Армией, а в немецких документах оно значилось, как «русский батальон специального назначения», «подразделение абвера 203» или «соединение «Граукопф».

Свое боевое крещение РННА получила в мае 1942 года в боях против действовавшего в немецком тылу в районе Вязьмы и Дорогобужа 1-го гвардейского кавалерийского корпуса генерал-лейтенанта П.А. Белова. Из 300 бойцов созданного подразделения около ста перешли на советскую сторону и лишь 120 вернулись назад с незначительным числом присоединившихся к ним красноармейцев. С 6 по 15 августа 1942 года на сторону партизан перешло около 200 военнослужащих РННА, что свидетельствовало о низком идейном и моральном духе в воинских частях армии. Обеспокоенность немцев вызывала и относительная автономия русских частей, которыми командовали офицеры-эмигранты, нередко позволявшие себе излишне смелые суждения о национально-ориентированном характере борьбы, которую они вели. В результате в конце августа 1942 года офицеры-эмигранты были отстранены от командования и отправлены в Берлин. Соединение прошло в дальнейшем ряд преформирований и переименований, и в 1943 году было подчинено немецкому командованию в качестве 700-го Восточного полка особого назначения. РННА как предполагаемая основа русской антибольшевистской армии прекратила свое существование²⁵⁴.

Обобщая опыт первых попыток создания эмигрантских воинских формирований или использования бывших белогвардейцев в качестве специалистов в войне Германии против СССР, заметим,

что этот процесс происходил достаточно трудно, сопровождался конфликтами и эксцессами. В основе их лежало недоверие в первую очередь германских политиков, а в известной мере и военного командования, к русским эмигрантам, и в том числе к бывшим военнослужащим²⁵⁵.

В это время руководство Русского Обще-Воинского Союза в лице его начальника генерала Архангельского было фактически изолировано в Брюсселе, имея посредством ограниченной переписки весьма отрывочную информацию о происходящих событиях и деятельности отделов и местных организаций Союза. Положение самого А.П. Архангельского оставалось сложным, и в 1942 году в Берлин к генералу фон Лампе поступили сведения об обыске, произведенном у начальника РОВСа и взятой подписке. Но в итоге генерал Архангельский был все-таки оставлен на свободе.

Во второй половине 1941 – первой половине 1942 года его соратник начальник I отдела РОВСа во Франции генерал В.К. Витковский пытался организовать отправку русских эмигрантов-военнослужащих на Восточный фронт. Но условия работы РОВСа во Франции были, по-прежнему очень сложными. Ему все-таки удалось отправить в СССР 3 партии офицеров, общей численностью около 25 человек. Но затем этот процесс затормозился. Управляющий делами русской эмиграции во Франции Ю.С. Жербеков совместно с генералом Н.Н. Головиным, возглавлявшим работу с военными организациями эмигрантов, зарегистрировали в этой стране более 1500 русских офицеров, готовых выехать на фронт. Отправлено же было около 200 человек.

Но с июня 1942 года по решению ставки верховного командования Германии отправка бывших белых офицеров-эмигрантов на Восточный фронт была полностью прекращена, а в соответствии с его директивой № 46 от 18 августа 1942 года бывших эмигрантов, в том числе белых офицеров, отозвали с фронта²⁵⁶.

Наиболее крупным подразделением, созданным русскими эмигрантами, бывшими военнослужащими, стал Русский Корпус в Сербии. Его образование здесь было далеко не случайно, ибо в Сербии находилась крупная колония русских эмигрантов и действовал влиятельный IV отдел РОВСа. У истоков формирования корпуса стоял начальник «Бюро по защите интересов Русской Эмиграции в Сербии», монархист-легитимист генерал-майор М.Ф. Скородумов.

С началом войны Германии против СССР он обратился к немецким властям с предложением сформировать из русских эмиг-

рантов самостоятельную воинскую часть (по некоторым данным — дивизию) и отправить ее на Восточный фронт как ядро будущей русской национальной армии. Сотрудники Бюро во главе с генералом Штейфоном разработали и представили немецкому военному командованию план по формированию русского воинского соединения. Но несколько дней спустя помощник германского посла в Югославии дал ответ генералу Скородумову, что никаких русских воинских частей и соединений разрешено быть не может²⁵⁷. Тогда в условиях ширящейся партизанской войны в Югославии генерал Скородумов обратился к сербским властям, прося о защите русской эмиграции. Те ответили, что бессильны помочь, и он обратился к оккупационным германским властям в этой стране с просьбой создать своего рода силы самообороны для защиты семей белоэмигрантов, подвергавшихся террору со стороны коммунистических партизан. Сербское население действительно относилось в то время к бывшим русским белогвардейцам враждебно, видя в них соратников немецких оккупантов. Происходило много инцидентов, столкновений и избиений русских эмигрантов.

В конечном итоге, начальник штаба немецкого главнокомандующего на Юго-Востоке полковнику Кевиш предложил Скородумову немедленно отдать приказ всем способным носить оружие русским эмигрантам вступать в немецкие полки в местах их дислокации. Но генерал отказался издать такой приказ, ссылаясь на то, что «белые как политические эмигранты могут воевать только против большевиков, а, вступая в немецкие полки, которые могут быть переброшены на другие фронты, русские будут вынуждены воевать и против некоммунистических государств, что для белых абсолютно невозможно». Начальник Русского Бюро добавил, что он может отдать приказ лишь о формировании отдельного русского корпуса для борьбы на Восточном фронте, и во время формирования он может принять участие и в борьбе против сербских коммунистов. После долгих переговоров Кевиш заявил, наконец, что главнокомандующий разрешил формирование Отдельного Русского Корпуса и пообещал после ликвидации коммунистов в Сербии перебросить его на Восточный фронт.

Развернулась подготовка к формированию корпуса, но тут вмешалось немецкое посольство и, выражая интересы и видение национал-социалистической партии, категорически выступило против этой идеи. Несмотря на это, немецкое командование, заинтересованное в создании такого соединения для борьбы с сербскими

партизанами, издало 12 сентября за подписью начальника штаба главнокомандующего оберста Кевиша свой приказ, разрешающий генералу Скородумову «призвать всю эмиграцию в Сербии для формирования Русского Охранного Корпуса и такой формировать». Видимо новое название, указанное в приказе (оговаривавшее охранные функции этого соединения), призвано было охладить разгоревшиеся вокруг корпуса политические баталии. Скородумов и Кевиш подписали условия его создания и использования. Суть их сводилась к следующему: лишь командир корпуса приносил присягу и подчинялся немецкому командованию; остальные чины подчинялись только ему и русским начальникам, им назначенным; корпус не мог дробиться на части, а его отдельные подразделения не могли быть приданы немецким частям, и должен был действовать как единое целое; корпус должен был быть экипирован в русскую форму, но ни в коем случае не в сербскую или немецкую; после окончания формирования и подавления коммунистического движения в Сербии немецкое командование обязывалось перебросить его на Восточный фронт; корпус не мог быть использован ни против какого-либо другого государства, ни против сербских националистов Д. Михайловича, а только против коммунистов²⁵⁸.

12 сентября 1941 года генерал Скородумов издал приказ № 1 о мобилизации всех русских военнообязанных в возрасте от 18 до 55 лет. Он подписал приказ как командир Отдельного Русского Корпуса. О политических целях создаваемого формирования ничего не говорилось, но в конце приказа содержались слова: «С Божией помощью, при общем единодушии и выполнив наш долг в отношении приютившей нас страны, я приведу вас в Россию». Приказ генерала Скородумова был опубликован в «Русском Бюллетене» вместе с заметкой от имени штаба корпуса. Последовательность действий создаваемого формирования выглядела таким образом: сначала боевые действия против коммунистического партизанского движения в Сербии, а затем отправка в СССР для участия в вооруженной борьбе совместно с Германией против Красной Армии и для свержения советской власти²⁵⁹.

Заявления и действия генерала Скородумова (как и, вероятно, звучавшая еще в августовском обращении идея «восстановления Православной Национальной Русской Империи») вызвали недовольство немецких политических кругов. 14 сентября, не пробыв в должности командира корпуса и 48 часов, Скородумов был отстранен от должности командира корпуса и арестован гестапо. Он на-

ходился под арестом три недели, а затем под угрозой направления в концлагерь дал подписку²⁶⁰ и был освобожден. «Русский Бюллетень» был закрыт, а его редактор арестован. Офицер гестапо изъял у начальника штаба корпуса генерала Штейфона приказ полковника Кевиша о формировании корпуса.

Вслед за этим последовало переформирование корпуса в подразделение с более скромным названием — Русская Охранная Группа, которая подчинялась немецкому хозяйственному управлению в Сербии. Под этим наименованием и под командованием генерала Б.А. Штейфона соединение, невзирая на внутрисобную борьбу немецких военных и политиков, продолжало формироваться. На 20 сентября был назначен сбор казаков в казармы. Основную часть формирующегося соединения составило кубанское казачество (донские казаки проживали в большинстве в Болгарии и в ряды корпуса вступили при первой представившейся возможности — к лету 1942 года). 1-й полк формирующегося соединения состоял из батальона кубанских казаков (3-й по нумерации), 2-го батальона, куда вошли бывшие чины различных родов войск, служившие в годы Гражданской войны в России в составе Русской Армии, и 1-го батальона, состоявшего из необстрелянной и наскоро обученной эмигрантской молодежи (его именовали еще «юнкерским»). Средний возраст военнослужащих составлял 40–50 лет²⁶¹.

В составе создаваемого соединения было много чинов Русско-го Обще-Воинского Союза, и этому способствовало назначение его командиром генерала Штейфона, сменившего легитимиста Скородумова. Генерал Драценко из Загреба доносил 27 октября 1941 года начальнику РОВСа Архангельскому, что у него зарегистрировано 1500 русских военнослужащих. Потери соединения к этому времени составили до 300 человек, а это само по себе свидетельствовало о тяжелых боях, которые вели его части²⁶².

В циркуляре уполномоченного начальника Управления делами русской эмиграции в протекторате Богемии и Моравии К.А. Ефремова от 30 января 1942 года сообщалось о наборе добровольцев в Русский Охранный Корпус под командованием генерала Штейфона для вооруженной борьбы с большевиками. В циркуляре содержался призыв к содействию по формированию корпуса добровольцами, и уточнялось, что он состоит из пехотной, технической и казачьей частей, артиллерии и кавалерии²⁶³.

В конце 1941 — начале 1942 года было сформировано три пехотных полка из русских эмигрантов, проживавших в Югославии

и Болгарии. Активную роль в отправке эмигрантов-добровольцев из Болгарии в Сербию играл начальник III отдела РОВСа генерал Абрамов. 1 июня 1942 года он писал в Брюссель начальнику РОВСа генералу Архангельскому, что с 20 марта по 1 июня отправлено в Белград 38 партий общим количеством в 1850 человек. Абрамов сообщал, что уехали все начальники частей и групп на местах, остались только лица более предельного возраста — 55 лет и старше. В июне планировалось осуществить одну отправку, а в июле — еще три. Сам Абрамов посетил Белград в мае 1942 года, где имел возможность ознакомиться с формированием Русского Корпуса, о чем и информировал начальника РОВСа. Абрамов писал, в частности, что все уехавшие из Болгарии в Сербию удовлетворены условиями службы²⁶⁴.

Во второй половине 1942 года приток добровольцев в корпус замедлился. К концу ноября 1942 года в его составе насчитывалось около 8 тысяч солдат и офицеров, в абсолютном большинстве своем эмигрантов, участников Гражданской войны в России, проживавших в Югославии. Лишь малую часть добровольцев составляла эмигрантская молодежь, выросшая на чужбине. Так или иначе, но в одном строю находились 70-летние старики и 15-летние мальчишки. Вербовка русских добровольцев в Германии и странах Западной Европы немцами была запрещена. 30 ноября 1942 года приказом немецкого командования Русская Охранная Группа была включена в состав Вермахта с переименованием в Русский Охранный Корпус.

В январе 1943 года командование корпуса обратилось к германским властям с ходатайством о его пополнении добровольцами из советских военнопленных. В марте 1943 года за их счет численность корпуса увеличилась на 300 человек, и был сформирован 4-й полк. В дальнейшем была разрешена и осуществлялась вербовка в корпус на территориях Буковины, Бессарабии и в районе Одессы, а также среди военнопленных. Есть данные, что в 1943 году его численность составила уже 16 тысяч человек. К концу июля 1944 года был создан последний, 5-й полк и таким образом корпус состоял из пяти полков трехбатальонного состава²⁶⁵.

Всего в корпусе в годы войны служили и воевали добровольцы из 11 стран Европы: Болгарии, Венгрии, Германии, Греции, Италии, Латвии, Польши, Румынии, Франции, Хорватии и России. К концу 1944 года из названия соединения исчезло слово «охранный», и оно стало называться «Русский Корпус»²⁶⁶.

Несмотря на предшествующие договоренности, корпус был переименован в «Шюцкор», переодет в немецкую форму и так и не был направлен на Восточный фронт. Но его командир генерал Штейфон был в итоге произведен в чин генерал-лейтенанта вермахта, а в 1944 году награжден германским Крестом военных заслуг II класса с мечами. Бригадами и полками корпуса командовали генералы-эмигранты В.Э. Зборовский, Д.П. Драценко, И.К. Кириенко, полковники А.И. Рогожин, Б.С. Гескет, Б.А. Мержанов и др.

В начале января 1945 года генерал Штейфон встретился в Берлине с генералом Власовым, где вел переговоры о возможности включения его корпуса в Русскую Освободительную Армию. Но попытки Власова добиться у германского командования разрешения перебросить корпус в Германию успехов не имели, да и реальных возможностей для этого уже не существовало. К маю 1945 года в Русском Корпусе насчитывалось около 4,5 тысяч солдат и офицеров, что составляло примерно четверть от общего числа военнослужащих, прошедших через его ряды. Всего через это соединение прошло 17 090 человек, в том числе около 5 тысяч граждан СССР. Есть существенно различающаяся оценка потерь личного состава корпуса. По одним данным, они составили более 1 тысячи убитых, около 3,3 тысяч раненых, 2,3 тысячи пропавших без вести. По другим оценкам, общие потери составляли 11 506 человек. Особенно велики были потери среди офицерства. Средний возраст чинов Русского Корпуса составлял 50 лет²⁶⁷.

Осенью 1941 года были предприняты первые попытки немецкого командования по формированию казачьих воинских подразделений на оккупированной советской территории. Эта большая и сложная тема будет затронута в этом издании лишь в связи с участием в данном процессе представителей Русского военного Зарубежья²⁶⁸. Создание казачьих сотен и команд, главным образом в качестве антипартизанских формирований, развернулось под эгидой и надзором войск СС. 15 апреля 1942 года Гитлер разрешил использовать казачьи части на советско-германском фронте. Развернулось формирование казачьих полков²⁶⁹.

В сентябре 1942 года в Новочеркасске был созван Казачий Сход и избран атаман Войска Донского. Им стал С.В. Павлов, бывший царский, а затем белогвардейский офицер, военный летчик в период Первой мировой войны. Он в 1918 – 20 годах сражался на стороне белых на Юге России. После эвакуации белыми Новороссийска в 1920 году Павлов остался в Советской России, жил по чу-

жим документам и, окончив вуз, работал инженером-конструктором. В формируемые на оккупированных советских территориях казачьи части вступали не только донцы, но и кубанцы, и терцы. 15 ноября 1942 года походным атаманом Павловым и его окружением была подготовлена и представлена германским властям «Декларация Войска Донского»²⁷⁰. Но подобное своеобразие новоявленного атамана и его претензии на государственное самоопределение и самоуправление Дона не нравились немцам. Полковник Павлов не раз арестовывался, но освобождался по ходатайству и усилиями генералов Вермахта. От рассмотрения же представленной Декларации с претензиями на закрепление за казачеством их земель и права на собственную государственность, суверенитет и самоуправление немцев «спасло» советское наступление конца 1942 – начала 1943 года, выбившее германские войска и их казачьих союзников с Дона.

Германские власти пытались разыграть карту нового Казачье-го Сполоха против советской власти и сделать ставку на продолжение той борьбы, которая велась казачеством в годы Гражданской войны в России. И здесь в качестве союзников и идеологических сподвижников им нужны были эмигранты, которые в период Гражданской войны сражались с советской властью. Из числа видных деятелей Русского Обще-Воинского Союза особую роль в сотрудничестве с немецкими властями и их союзниками играл генерал Ф.Ф. Абрамов, являвшийся, напомним, не только начальником III отдела этого Союза, но и командиром Донского корпуса, а также представителем Донского атамана в Болгарии. Он активно занимался вопросами сотрудничества казаков с германским командованием и их союзниками.

19 октября 1942 года состоялась встреча генерала Абрамова вместе с кубанским атаманом генералом Науменко с главнокомандующим германскими войсками в Сербии. В ходе встречи было достигнуто соглашение о выделении самостоятельных казачьих частей в Русской Охранной Группе. В ноябре 1942 года от имени генерала Абрамова как командира Донского корпуса и представителя Донского атамана в Болгарии эмигрантам рассылалась информация о возрождении Донского корпуса в Новочеркасске и создании специального Центра обучения. Этим процессом, осуществлявшимся при содействии германского командования, было охвачено около 2000 казаков²⁷¹. Генерал Абрамов принимал в дальнейшем активное участие в создании и инспектировании казачьих воинских частей.

В ноябре 1942 года германское командование приняло решение о создании крупного соединения казачьих войск под командованием полковника германской кавалерии Гельмута фон Паннвица. Формирование его развернулось на территории Польши. В апреле 1943 года это соединение было преобразовано в 1-ю казачью кавалерийскую дивизию. Ее решено было использовать для защиты интересов Третьего рейха на Балканах и для борьбы с югославскими партизанами. В процессе формирования дивизии, в целях укрепления ее идейного и боевого духа и повышения боеспособности вновь вспомнили о белоэмигрантах. И здесь на первый план вышел проверенный союзник немцев еще по 1918 году, бывший командующий Донской армии и атаман Войска Донского 74-летний генерал от кавалерии и известный эмигрантский военный писатель П.Н. Краснов. В 1936 году он переехал из Франции в Германию. Разделяя идеи фашизма, генерал Краснов в годы Великой Отечественной войны восхвалял победы германского оружия на Восточном фронте в своем журнале «Казачий Сборник».

15 июля 1943 года в Берлине состоялась встреча генерала от кавалерии Краснова и генерал-майора фон Паннвица, а в сентябре того же года Краснов посетил 1-ю казачью кавалерийскую дивизию и присутствовал при ее присяге Гитлеру. В конце сентября дивизия отправилась с карательными функциями в Югославию. В ее составе насчитывалось 18555 человек, в том числе 14315 казаков и 4240 немецких солдат и офицеров²⁷².

Генерал Краснов приступил к разработке программного документа под названием «Декларация Казачьего Правительства», которая в ноябре 1943 года была представлена германским властям. Этот документ ждала иная судьба, нежели Декларацию Павлова в 1942 году, и объяснялось это во многом кардинально изменившейся ситуацией на советско-германском фронте. 10 ноября того же года Декларация, подготовленная генералом Красновым, была подписана начальником штаба верховного командования вермахта генерал-фельдмаршалом Кейтелем и министром восточных территорий Розенбергом. Казаки получили в Третьем рейхе не просто статус полноправных союзников, но и военнотружущих правительства в изгнании. Впрочем, о формировании некоего казачьего правительства речь не шла, да и война уже бушевала вдали от родных казачьих земель. Казаки же, верные «союзническим» обязательствам, воевали за интересы Германии везде, где они находились — в Югославии, Польше, Франции, Белоруссии.

В конце марта 1944 года генерал Краснов был назначен начальником Главного управления казачьих войск в составе министерства восточных территорий Германии. Начальником Казачьего резерва стал генерал А.Г. Шкуро, фигура, вызывавшая самые разные толкования еще в период Гражданской войны в России и ставшая поистине притчей во языцах в эмиграции. Тем не менее, он активно занялся привлечением офицеров-казаков из эмиграции для службы в создаваемых под немецкой эгидой казачьих частях. Рейхсфюрер Гиммлер удостоил Шкуро звания генерал-лейтенанта СС.

Особая темой, требующей внимательного рассмотрения, стали отношения русской военной эмиграции и ее руководства и так называемого Русского Освободительного Движения (Освободительного Движения Народов России), связанного с конца 1942—43 года прежде всего с деятельностью генерала Власова и его сподвижников. Генерал-лейтенант Красной Армии А.А. Власов, сдавшийся в плен 12 июля 1942 года после окружения и разгрома возглавляемой им 2-й ударной армии, принял предложение немцев о сотрудничестве и подписал обращение так называемого Русского комитета «К бойцам и командирам Красной Армии, ко всему русскому народу и другим народам Советского Союза». Оно положило начало мощной антисоветской пропагандистской кампании под лозунгами Русского Освободительного Движения для борьбы за свержение Сталина и его режима, для чего декларировалось создание союзной Германии Русской Освободительной Армии (РОА). Но для германского руководства это была прежде всего идеологическая и пропагандистская акция, направленная на ослабление своего военного и политического противника. До второй половины 1944 года, когда ситуация на Восточном фронте кардинально изменилась, немцы и не помышляли всерьез о создании РОА. Деятельность же генерала Власова и его окружения сталкивалась со многими препятствиями со стороны различных германских учреждений.

С самого начала отношение российской эмиграции, и прежде всего Русского военного Зарубежья, к генералу Власову и его инициативам было сложным и настороженным, как, впрочем, и отношение Власова и его окружения к эмиграции. В отличие от большинства людей из его окружения генерал Власов внимательно относился к эмиграции, считая ее носителем старых традиций русского народа, его духовных устоев, культурных и религиозных идей, нарушенных большевиками, своего рода связующим мостом между новой и старой Россией. Он призывал белоэмигрантов, с ко-

торыми в годы Гражданской войны находился по разные стороны фронта, объединиться ныне с его сторонниками ради освобождения родины и борьбы против коммунистов. Впрочем, его призывы к борьбе за народные права, завоеванные Февральской революцией и отнятые коммунистами в октябре»²⁷³, вряд ли могли получить поддержку у большинства представителей старой военной эмиграции, считавших, что именно с февраля 1917 года началось разрушение старого государства и его армии. Генерал Бискупский, действуя с ведома министерства по делам оккупированных восточных территорий, издал приказ, запрещающий русским эмигрантам какое бы то ни было участие во власовском движении, определяя его как «подозрительное по симпатиям к демократии»²⁷⁴.

Сам генерал Власов размышлял в это время о целесообразности использования белых эмигрантов, и в том числе офицеров, в Русской Освободительной Армии. Его сомнения пытался развеять начальник III отдела РОВСа генерал Абрамов. В своем письме от 10 июня 1943 года он предлагал Власову в случае, если тот сочтет возможным и желательным, использовать силы русской эмиграции. Абрамов советовал включить представителя Русского Зарубежья в состав Русского Комитета, от имени которого была обнаружена «Смоленская декларация». Абрамов предлагал Власову ходатайствовать о переводе офицеров из Русского Охранного Корпуса в РОА, так как, по сведениям Абрамова, в ней испытывалась нехватка офицерских кадров. Русский Охранный Корпус и его командный состав, по словам генерала Абрамова, были извещены о существовании РОА и с воодушевлением восприняли информацию о ней и Русском Комитете²⁷⁵.

Руководители ведущих организаций Российского военного Зарубежья и в первую очередь РОВСа и ОРВС внимательно следили за тем, что происходило с декларируемыми генералом Власовым инициативами, критически анализировали заявления самого генерала и людей из его ближайшего окружения, особенно когда это касалось оценок деятельности белого движения и военной эмиграции и возможностей взаимного сотрудничества. Они с обидой восприняли обвинения бывшего генерал-майора Красной Армии В.Ф. Малышкина, претендовавшего на роль идеолога власовского движения, в стремлении белого движения и его ветеранов к реставрации старой дворянско-помещичьей России, утверждая, что отказ от идей реставраторства произошел еще в декларациях генерала Врангеля и великого князя Николая Николаевича²⁷⁶. Белоэмигранты

размышляли о том, сможет ли РОА иметь успех в борьбе против Красной Армии и выбить у Сталина его главное оружие — ставку на патриотизм и на «Отечественную против захватчиков войну». С обидой воспринималось то, что бывших красных командиров брали на командные должности в РОА, а офицеров-эмигрантов — рядовыми. В результате белые офицеры оказывались подчиненными у красных и иногда подчиняться не хотели. Отношение к деятельности генерала Власова и его сподвижников у видных деятелей российской военной эмиграции было разным и нередко полярным. Если, например, генерал Абрамов в этот период и в дальнейшем был расположен к сотрудничеству с Власовым, то генерал Краснов отрицательно относился к нему. Большинство эмигрантских организаций, в том числе РОВС и ОРВС, заняли по отношению к генералу Власову и его инициативам выжидательно-настороженную позицию.

Так или иначе, но все вышеизложенное вполне соответствовало политике германских властей, руководствовавшихся принципом «разделяй и властвуй». На совещании в резиденции Гитлера в Бергхофе 8 июня 1943 года обсуждался вопрос о дальнейшей судьбе русских воинских формирований в Вермахте и самого генерала Власова. Окончательное решение фюрера было следующим: русских в единую армию под командованием Власова не объединять, все разговоры о РОА вести в пропагандистских целях²⁷⁷.

По мере ухудшения положения фашистской Германии во Второй мировой войне постепенно менялось и отношение немецкого военного и политического руководства к использованию любых сил, которые могли бы участвовать в войне и непосредственно в боевых действиях на их стороне: это относилось и к старым русским эмигрантам, и к выразившим готовность к сотрудничеству с немцами бывшим советским военнослужащим.

25 апреля 1944 года был издан указ фюрера об отбытии воинской и государственной трудовой повинности бесподданными, постоянно проживающими на территории Рейха, наравне с германскими подданными²⁷⁸. Таким образом, в критической для Третьего рейха ситуации русские эмигранты могли быть уже использованы и в качестве «пушечного мяса», а также для исполнения трудовой повинности, чтобы высвободить таким образом часть немцев для участия в боевых действиях.

Тяжелое для Германии и ее союзников положение на фронтах Второй мировой войны и вынужденная эвакуация русских эмиг-

рантов из стран постоянного проживания требовали принятия решений, направленных на консолидацию действий ведущих военных организаций эмиграции. 25 сентября 1944 года генерал фон Лампе издал приказ № 96 «Объединению Русских Воинских Союзов». В нем указывалось, что за последнее время в связи с изменением положения на фронтах значительное число чинов РОВСа оказалось на территории Велико-Германии, вне возможности установить связь с начальником этого Союза, находящимся в г. Брюсселе. Фон Лампе «как законный заместитель начальника Русского Обще-Воинского Союза» приказывал: всем чинам РОВСа, эвакуированным по военным действиям на территорию Велико-Германии, немедленно зарегистрироваться в отделах и группах Объединения Русских Воинских Союзов и войти в подчинение начальников таковых, оставаясь, конечно, членами РОВСа по-прежнему. Начальникам отделов и групп ОРВС предписывалось принять меры для оповещения об этом чинов Русского Обще-Воинского Союза в их районе²⁷⁹.

Германские власти продолжали жестко контролировать деятельность русских эмигрантских организаций, отдавая соответствующие распоряжения в адрес их руководителей, которые подлежали немедленному и неукоснительному исполнению. Например, 18 июня 1944 года начальник ОРВС генерал фон Лампе издал приказ своему Объединению, в котором, ссылаясь на распоряжение германских властей, поступившее накануне, указывал, что по их требованию право состоять в ОРВС имеют только «эмигранты», т.е. лица, покинувшие Россию по политическим причинам до 22 июня 1941 года. Всем неэмигрантам предписывалось немедленно выйти из ОРВС, а начальники отделов Объединения должны были теперь же исключить из списков вверенных им отделов всех лиц, подходящих под указанное определение, и списки представить генералу фон Лампе²⁸⁰. По существу, указание германских властей, во исполнение которого начальник ОРВС издал свой приказ, было направлено на то, чтобы не допустить объединения представителей старой и новой «волн», российской эмиграции. Германская администрация руководствовалась во взаимоотношениях с российскими эмигрантами все тем же принципом — «разделяй и властвуй».

В условиях отступления немецких войск с оккупированных ими территорий европейских страны российские эмигранты в большинстве своем также спешили эвакуироваться. Русское Зарубежье летом — осенью 1944 года стремительно слабело и теряло свои по-

зии. Перестала существовать многочисленная русская эмиграция в Болгарии, Польше, Франции. У лидеров эмигрантских организаций были утрачены связи с российскими колониями в Италии, Греции, Венгрии, Словакии, Бельгии, Голландии, Финляндии. Исключительно трудная ситуация складывалась в Сербии, откуда уже эвакуировалась часть эмигрантов, а Русский Корпус вел тяжелые бои, неся большие потери. Сама по себе эвакуация с обжитых мест была для многих эмигрантов делом исключительно трудным, так как они теряли почти все нажитое. Поэтому в Русском Зарубежье развернулась дискуссия (главным образом посредством переписки) о перспективах развития боевых действий на фронтах Второй мировой войны, целесообразности и сроках эвакуации. При этом, если большинство ее участников считало необходимым покинуть территории, занимаемые Красной Армией, то в отношении ее союзников высказывались разные мнения. Для лиц, сотрудничавших с германскими властями, главным являлся вопрос о том, будут ли англо-американцы выдавать русских эмигрантов большевикам.

Неблагоприятное развитие событий на советско-германском фронте заставляло руководителей Русского военного Зарубежья мучительно размышлять над происходящим в поисках выхода из ситуации и пытаться действовать. 8 сентября начальник ОРВС генерал фон Лампе направил секретное распоряжение в адрес начальников отделов своего Объединения. Ссылаясь на поступающие сведения (хотя и оговариваясь, что не берет на себя ответственности за их точность) о возможности в ближайшем будущем изменения положения русской военной эмиграции и, чтобы не быть в связи с этим застигнутым врасплох, фон Лампе просил срочно дать сведения о рекомендуемых ими чинах отделов: 1) офицерах Генерального штаба и офицерах, окончивших курсы генерала Головина или аналогичные им воинские курсы; 2) офицерах – кандидатах на должность командира полка и выше, всех родов войск, не считаясь с чинами; 3) в какой роли, по мнению рекомендуемых, они могли быть использованы. Генерал фон Лампе особо оговаривался, что эту работу надо вести индивидуально, сугубо доверительно, не допуская слухов²⁸¹.

24 сентября 1944 года генерал фон Лампе писал начальнику Юго-Восточного отдела ОРВС полковнику Гегела-Швили: «Вы знаете мою точку зрения о необходимости в последнюю минуту братья за оружие для самозащиты. Только с этой точки зрения я могу приветствовать «формирования» и тому подобное. Но мне начинает

казаться, что все делается для того, чтобы как бы ни был решен вопрос — оказалось поздно»²⁸². Начальник РОВСа генерал Архангельский с сожалением констатировал (как бы кивая в сторону немцев): «Нас не только не допускают в РОА, но во многих случаях, даже ограничивают наши возможности общения с ними»²⁸³.

В сентябре 1944 года состоялась встреча генерала Власова с ближайшим сподвижником Гитлера рейхсфюрером войск СС Г. Гиммлером. Вслед за этим, осенью 1944 года под патронажем последнего развернулся процесс объединения различных ветвей русского антисоветского движения, что воплотилось в подготовку и проведение в Праге учредительного форума и создание Комитета Освобождения Народов России (КОНР). Но уже подготовительный цикл, работа над проектом Манифеста, согласование состава делегатов учредительного собрания и состава КОНР выявили много трудноразрешимых противоречий в отношениях между генералом Власовым и его сторонниками, с одной стороны, и Русским Зарубежьем, с другой²⁸⁴. Руководители белоэмиграции считали, что их пытаются использовать на вторых ролях, к тому же, борьба белых с большевиками в годы Гражданской войны в России замалчивалась в готовящемся Манифесте КОНР. Все это затрудняло объединительный процесс, инициированный генералом Власовым и проходивший под патронажем СС.

В результате, несмотря на уговоры, начальник ОРВС генерал фон Лампе отказался войти в состав КОНР, а изолированный в Брюсселе начальник РОВСа генерал Архангельский туда просто не был приглашен. Категорически отказывался сотрудничать с Власовым генерал Краснов. Генерал Бискупский заявил, что как монархист он не может высказаться по проекту Манифеста. Отрицательную реакцию со стороны руководителей белоэмиграции вызвал тезис Манифеста о прогрессивном характере народной революции 1917 года²⁸⁵.

14 ноября 1944 года состоялось торжественное заседание учредительного форума русских антибольшевистских организаций в Праге. На заседании в Испанском зале Пражского града собралось около 600 человек. Среди них были протектор Богемии и Моравии К.Г. Франк, представитель германского правительства обергруппенфюрер СС В. Лоренц и ряд других видных сановников фашистской Германии. В числе участников форума были представители военной эмиграции — генералы Бискупский, фон Лампе, Туркул и др. На заседании в Праге был учрежден Комитет Освобождения Наро-

дов России, председателем президиума которого стал генерал А.А. Власов. От Русского Обще-Воинского Союза в его состав вошел генерал Ф.Ф. Абрамов, еще в 1943 году высказывавшийся в поддержку объединительных усилий генерала Власова и активно предлагавший ему использовать ресурсы и возможности Русского военного Зарубежья. В состав КОНР был включен и казачий генерал Е.И. Балабин. В годы Второй мировой войны он являлся атаманом общеказачьего объединения в Германии, Словакии и Венгрии, в 1944 году был назначен начальником управления казачьих формирований. Впоследствии он оказывал всемерную поддержку усилиям генерала Власова, служил в штабе казачьих войск при штабе РОА, являлся членом Совета казачьих войск КОНР.

Генерал фон Лампе, принявший участие в торжественном заседании в Праге (а 18 ноября — в Берлине), уклонился от вхождения в состав КОНР. В Праге он обговорил с Власовым их предстоящую встречу в Берлине для обсуждения вопроса о форме своего «участия в деле и порядке привлечения к нему чинов Объединения». Необходимость проведения такой специальной встречи в столице Германии была подтверждена и в ходе беседы указанных лиц во время торжественного заседания в Берлине 18 ноября. Информировав 19 ноября о развитии событий полковника Гегела-Швили, фон Лампе еще раз подчеркнул необходимость издания специального обращения генерала Власова к офицерам и солдатам Белых армий, подобно тому, как это было сделано в Манифесте в отношении к офицерам и солдатам армии Краснова. Кстати, сам генерал Краснов категорически отказался входить в состав КОНР.

В ходе встреч с генералом Власовым в Праге, а затем 18 ноября в Берлине генерал фон Лампе поставил предварительным условием своего вхождения в состав КОНР издание специального обращения руководителя новоиспеченного Комитета к белым солдатам и офицерам. Начальник ОРВС утвердился в этом своем суждении, ознакомившись с двумя первыми номерами новой газеты РОА. Фон Лампе с возмущением писал, что в них все сопротивление красным начинается с кронштадского восстания, «то есть с того времени, как наши были уже на Галлиполи». «Умолчание тенденциозное и ... мало понятное! — с горечью восклицал этот генерал. — Его надо как-то пробить и то обращение, которого я добиваюсь, и которое мне генерал Власов обещал, будет этим тараном! Иначе положение белых в рядах РОА всегда будет неприятным. Это мне стало теперь совершенно ясно»²⁸⁶.

В архивных материалах генерала фон Лампе есть текст документа, который мог быть предлагавшейся им вставкой в Манифест КОНР или же проектом специального обращения генерала Власова. Вот его текст: «Офицеры и солдаты Белой армии, вас, много лет назад всей душой вложившихся в борьбу против большевиков, зовем мы в свои ряды. Пусть не будет ни белых, ни красных, и в Россию вернутся только верные ей русские люди»²⁸⁷. Но этому или подобному документу так и не суждено было появиться на свет за подписью генерала Власова.

В это время генералом фон Лампе была подготовлена брошюра о белом движении, которую он планировал издать тиражом в 200 экземпляров, адресуя ее прежде всего «приехавшим соотечественникам»²⁸⁸. Речь в данном случае шла о соратниках генерала Власова и членах других новообразованных в годы Второй мировой войны организаций из бывших советских граждан, которые ничего не знали об этом движении, его целях и программе.

Наступил 1945-й год. Несмотря на встречи и консультации генерала Власова и его сподвижников с представителями старой российской военной эмиграции, их отношения оставались сложными. Обещание генерала Власова опубликовать специальное обращение к военнослужащим белых армий так и не было выполнено. Тем не менее, 21 января 1945 года в своем приказе ОРВС генерал фон Лампе, ссылаясь на большое количество поступающих обращений о вступлении в РОА, подтвердил свой приказ от 17 августа 1941 года (о котором уже шла речь выше, и текст которого приводится в приложениях к книге), дающий право чинам Объединения решать вопрос своего дальнейшего служения Родине в индивидуальном порядке. Желая вступить в РОА предписывалось подать прошение с краткой записью по службе по команде. Генерал фон Лампе обещал передать все полученные заявления начальнику штаба РОА генералу Трухину²⁸⁹. 1 февраля 1945 года было сообщено, что начальник ОРВС вошел в резерв генералов РОА. Впрочем, во внутренней информации по Объединению указывалось, что фон Лампе сделал это не как начальник Объединения, а в порядке персональном²⁹⁰. 27 февраля он вступил в Комитет Освобождения Народов России.

Вслед за созданием КОНРа развернулось формирование его вооруженных сил. 28 января 1945 года Гитлер утвердил Власова главнокомандующим новообразованными русскими формированиями — Вооруженными Силами Комитета Освобождения Народов России. Их основу составила создаваемая Русская Освободитель-

ная Армия генерала Власова. Помимо уже упомянутых генералов Абрамова, Балабина и фон Лампе, о присоединении к РОА заявили начальник РОВСа генерал Архангельский, его первый заместитель генерал Драгомиров и управляющий делами русской эмиграции в Югославии генерал Крейтер. Последний передал Власову остатки ценностей, вывезенных генералом Врангелем из России в 1920 году. Генерал Н.Н. Головин незадолго до своей смерти разработал Устав внутренней службы РОА.

В 600-й пехотной (русской) дивизии (1-й дивизии РОА), формирование которой началось в ноябре 1944 года, ряд командных должностей заняли представители белоэмигрантов: командиром 1-го полка стал бывший капитан Марковского полка, выпускник Зарубежных Высших военно-научных курсов генерала Головина в Париже подполковник (потом полковник) А.Д. Архипов. Старшим адъютантом генерала Власова, а затем командиром еще одного полка этой дивизии РОА становится другой белый офицер – полковник И.К. Сахаров, бывший участник Гражданской войны в Испании на стороне Франко, а его начальником штаба служит майор, граф Г.П. Ламсдорф, также воевавший в Испании. Начальником личной канцелярии генерала Власова был назначен полковник К.Г. Кромиади, а другой белый офицер, в свое время соратник и помощник Кромиади по Русской Национальной Народной Армии, полковник В.М. Кравченко был назначен заместителем начальника пропагандистских курсов РОА в Дабендорфе. В районе Мюнхена (Бавария) был создан запасной офицерский батальон, куда направлялись офицеры белых армий, чины РОВСа и ОРВС.

Тем не менее, оставалось немало трудностей во взаимоотношениях сторонников генерала Власова и белоэмигрантов. В переписке чинов ОРВС в первые месяцы 1945 года можно найти много критических высказываний в отношении формирования вооруженных сил КОНР и возможности вступления эмигрантов в РОА: «все наше освободительное движение опоздало, по крайней мере, на один год», «события последних месяцев требовали бы уже готовую армию, а ее нет даже в зачатке». Даже в марте 1945 года, как следует из материалов переписки, эмигранты не могли понять, существует ли на самом деле разрешение генерала Власова о приеме в РОА эмигрантов или об этом говорится только на страницах газет. Генерал фон Лампе в отданном им распоряжении ОРВС от 1 марта предписывал для облегчения вступления чинам Объединения в РОА направлять ходатайства непосредственно на его имя ²⁹¹.

Еще осенью 1944 года начались контакты между генералом Власовым и командованием Русского Корпуса, наиболее крупным и в основном эмигрантским воинским формированием. В начале октября к генералу Власову с письмом от генерала Штейфона прибыл его адъютант, который встречался с ним вместе с генералом фон Лампе. В ходе встречи ставился вопрос о том, чтобы Власов при содействии Гиммлера принял меры по выводу Русского Корпуса из тяжелых боев, которые он вел в Сербии. Это аргументировалось тем, что это соединение представляет собой последние кадры русской эмиграции. В декабре эти переговоры были продолжены генералом Крейтером. Наконец, в январе 1945 года в Берлине состоялась личная встреча генералов Власова и Штейфона, в ходе которой последний заявил о готовности возглавляемого им Русского Корпуса подчиниться Власову как главнокомандующему и включить свое соединение в состав Вооруженных Сил КОНР. Таким образом, появилась возможность командировать в РОА опытный командный состав из корпуса. Но попытки Власова добиться переброски Русского Корпуса в Германию не имели успеха в связи со сложнейшей военно-политической ситуацией заключительной фазы войны²⁹².

В конце 1944 года в Словении развернулось формирование Особого полка СС «Варяг». Еще в марте 1942 года в Югославии на основании приказа главнокомандующего Балканским фронтом была создана «Особая группа «К»» для участия десантной операции в Новороссийске. В соответствии с приказом в ее состав входили русские эмигранты (преимущественно немецкого происхождения и казаки). Командиром части (батальона) был назначен бывший гвардейский капитан М.А. Семёнов. В конце 1944 года батальон разворачивается в полк, в состав которого включались белоэмигранты и советские военнопленные. В начале 1945 года в состав полка входили три батальона. Его командованием было выражено желание войти в состав войск генерала Власова²⁹³.

В конце войны на военно-политической авансцене Русского Зарубежья вновь появилась противоречивая фигура известного в прошлом деятеля РОВСа, а затем видного оппонента этой организации, начальника РНСУВ генерала А.В. Туркула. Он проявлял нескрываемый интерес к власовскому движению, но настороженно воспринимался руководством последнего. В декабре 1944 года Туркул был кооптирован в состав КОНР с сохранением чина. По согласованию с германским командованием новоявленный генерал-майор ВС КОНР приступил в начале 1945 года к формированию

под Зальцбургом (Австрия) собственного воинского соединения, именовавшегося в документах «отдельным корпусом», «группой Туркула», «казачьей бригадой» и даже «4-й дивизией РОА». Численность этого войскового соединения весной того же года превысила 5 тысяч человек. Его отдельные полки формировались в Линце (наиболее сильный, численностью около 1000 человек), Люблянах, Виллахе и Зальцбурге²⁹⁴.

Но взаимоотношения генерала Туркула с окружением генерала Власова носили достаточно сложный характер, что находило отражение как в документах той поры, так и в последующих исследованиях. По некоторым данным, начальник штаба ВС КОНР генерал Трухин отклонил просьбу генерала Туркула о зачислении во власовскую армию, и потребовалось личное вмешательство самого главнокомандующего, чтобы исправить эту ситуацию. Правда, по другим данным, сам генерал Туркул не захотел подчиниться генералу Власову, называя его «большевиком» и «красным». Так или иначе, но 25 марта 1945 года генерал Власов издал приказ о подчинении Русского Корпуса генералу Туркулу. Впрочем, истины ради, заметим, что этот приказ остался на бумаге. Русскому Корпусу не удалось соединиться с войсками генерала Туркула, составив единое крупное войсковое формирование ВС КОНР²⁹⁵.

Все эти противоречивые реалии препятствовали объединению усилий старой военной эмиграции и власовского движения. Несмотря на дефицит командных кадров в ВС КОНР, большинство белых офицеров не находило места в его рядах.

Отношения власовцев и белых эмигрантов, вступавших в РОА и ВС КОНР, были сложными. Свою роль здесь играли политические разногласия, ибо первые часто смотрели на вторых как на «реакционеров», сторонников «старого режима», «монархистов». В свою очередь, последние в большинстве своем не любили генерала Власова и не верили ему, но считали, что надо объединиться для борьбы с советской властью и большевиками в эти трудные для Русского Зарубежья и Третьего рейха дни. Споры, происходившие в годы Второй мировой войны, продолжались и после ее окончания.

Во второй половине 1944 года на военно-политической сцене Русского Зарубежья вновь появился бывший эмигрант, ставший полковником Вермахта, о котором уже шла речь ранее в этой главе, — Б.А. Смысловский. После шестимесячного следствия по его делу, происходившего по приказу Гитлера под наблюдением фельдмаршала Кейтеля, он был оправдан, освобожден из-под ареста и на-

гражден орденом Германского Орла. Смысловский возглавил организацию партизанской войны в советском тылу и информационную службу Восточного фронта. Из сформированных и разбросанных по фронту русских учебно-разведывательных батальонов им было начато формирование 1-й Русской национальной дивизии.

По некоторым данным, генерал Власов предлагал Смысловскому пост начальника штаба ВС КОНР, но тот отказался. Он сам объяснял это тем, что не мог принять манифест «Комитета Освобождения Народов России» как политическую и социальную программу и расхохотался с Власовым в вопросе о статусе русских вооруженных сил, которые считал лишь частью вермахта²⁹⁶. Но вполне вероятно, что как профессиональный разведчик, Смысловский прекрасно понимал грустные перспективы РОА, которая должна была вскоре исчезнуть вместе с гибнущей фашистской Германией.

2 февраля 1945 года последовал приказ о создании на базе 1-й Русской национальной дивизии «Зеленой армии особого назначения», которой полковник Смысловский командовал под псевдонимом Артур Хольмстон. Это 6-тысячное соединение состояло из бывших курсантов разведшкол и новобранцев из лагерей военнопленных. Все командные должности в нем занимали бывшие офицеры-белоэмигранты, в том числе дополнительно направленные ОРВС. 10 марта приказом германского главного командования это соединение было переименовано в «1-ю Русскую Национальную Армию» (1-я РНА). Ее командующему – Хольмстону-Смысловскому было присвоено воинское звание генерал-майора Вермахта. Предполагалось, что в 1-ю РНА может вступить Русский Корпус генерала Штейфона, а также 3-я дивизия РОА под командованием генерал-майора М.М. Шаповалова. Последний еще в начале 1943 года, будучи полковником, служил начальником штаба в «Особой дивизии Р», которой командовал тогда Смысловский²⁹⁷. Но катастрофическое развитие событий на фронтах войны не позволило реализовать эти замыслы.

В конце 1944 – начале 1945 года генерал Власов прилагал значительные усилия для того, чтобы найти общий язык с генералом Красновым и включить казачьи воинские формирования в состав Вооруженных Сил КОНР. Но этого так и не произошло. Генерал Краснов не просто не желал сотрудничать с Власовым, но через генерала Кестринга пытался еще в сентябре 1944 года уговорить Гимmlера разрешить ему формирование стотысячной казачьей армии для переброски ее на удерживаемую германскими войсками не-

большую территорию западной части Украины. Но рейхсфюрер СС не поддавался уговорам. Он не слишком верил своим казачьим соратникам, да и не имел оснований считать, что им удастся создать столь многочисленное воинское формирование. Кроме того, боевой дух и боеспособность казачьей вольницы при соприкосновении с советскими войсками не внушали Гиммлеру особых надежд. В результате казачьи части из Польши и Югославии были переброшены в Северную Италию для помощи дуче Б. Муссолини в борьбе с партизанами. Всего в составе войск Вермахта воевало в годы Великой Отечественной войны, по имеющимся данным, около 110 тысяч казаков, примерно половину которых составляли белоэмигранты²⁹⁸.

9 февраля 1945 года генерал Краснов, так и не поддавшийся на уговоры генерала Власова войти в состав КОНР, был командирован своим шефом – министром восточных территорий Германии А. Розенбергом из Берлина в Италию. 25 февраля 1-я казачья кавалерийская дивизия фон Паннвица была преобразована в 15-й казачий кавалерийский корпус войск СС, а сам он – генерал-майор кавалерии был произведен в чин генерал-лейтенанта войск СС. Это было составной частью общего реформирования восточных коллаборационистских воинских соединений и перевода их под эгиду войск СС, которая началась осенью 1944 года.

В апреле – мае 1945 года в Италии развернулись завершающие сражения на европейском театре Второй мировой войны. Генерал Краснов считал необходимым, чтобы казаки капитулировали здесь перед высадившимся британским оккупационным корпусом. Но командир Казачьего Стана (Отдельного казачьего корпуса) генерал Т.И. Доманов вступил в бой с ним по приказу немецкого командования и был разбит. Отступая через альпийские перевалы, казаки Доманова 27 апреля соединились с немецкими войсками у австрийского города Катчак. Вместе с членами казачьих семей сюда вышло 30 тысяч человек. В конце апреля в Австрию, к казакам Доманова прорвались из Хорватии остатки корпуса генерала фон Паннвица. 28 апреля (по другим данным – еще 29 марта) он был избран казаками походным атаманом.

В начале мая после самоубийства Гитлера и капитуляции Берлина генерал Краснов предпринимал последние шаги для спасения казачества, служившего фашистской Германии. Он направил два письма английскому фельдмаршалу Александру, вместе с которым служил в 1919 году в армии генерала Юденича. Александр, в ту пору майор, был награжден Юденичем русским орденом, а генерал

Краснов получил английский орден. Но ожидаемого ответа на свои письма Краснов не получил. 26 мая казачьи части сдали оружие англичанам, офицерский и рядовой состав казаков были размещены в разные лагеря. В конце мая в австрийском городе Линце состоялась передача англичанами 50 тысяч казаков и членов их семей советской стороне. 31 мая советскому конвою были переданы в Юдинбурге генерал Краснов вместе с тремя своими племянниками, а также генерал Шкуро и горский князь Султан Килыч-Гирей. Советской стороне были переданы и генералы фон Паннвиц и Доманов вместе с офицерским корпусом их формирований. Среди 2756 выданных офицеров 1430 были старыми эмигрантами и не являлись советскими гражданами²⁹⁹. В январе 1947 года П.Н. Краснов, А.Г. Шкуро, Т.И. Доманов, Султан Килыч-Гирей и Г.В. фон Паннвиц были повешены в соответствии с приговором Военной Коллегии Верховного Суда СССР³⁰⁰.

Начальник ОРВС генерал фон Лампе был одним из тех, кто выступал за слияние РОА с белой эмиграцией, указывая, что в рядах Русского Корпуса напрасно гибнут в качестве рядовых офицеры, а в РОА их было мало. Но этого, по его утверждению, не хотело немецкое командование³⁰¹. В последние дни существования фашистской Германия, когда ее руководство отчаянно выискивало последние воинские резервы для спасения, над эмигрантами нависла угроза попасть в ряды немецкого фольксштурма. Фон Лампе утверждал впоследствии, что он считал это неприемлемым для находившихся под его руководством воинских организаций и дал сигнал тем, кто прислушивался к нему, уходить на юг и запад³⁰². Сам генерал с сотрудниками покинул Берлин 10 февраля 1945 года. 26 апреля фон Лампе прибыл в город Линдау, который через четыре дня был занят французскими войсками. Осенью 1945 года советская сторона потребовала выдачи генерала. Фон Лампе был арестован и 42 дня провел в тюрьме, но все-таки был освобожден и в дальнейшем переехал из Германии во Францию.

В 1944 году, после освобождения Бельгии союзными войсками советские власти потребовали от союзников выдачи жившего в Брюсселе начальника Русского Обще-Воинского Союза генерала А.П. Архангельского. Но он в итоге отделался пятидневным арестом, и его репатриации в СССР не последовало.

Приближение конца война заставляло русских эмигрантов, сотрудничавших с фашистской Германией, лихорадочно искать пути спасения. Они пытались найти убежище на территориях, куда всту-

пали английские, французские и американские войска. К американцам вышла большая часть воинской группировки генерала Туркула. Ее штаб в Зальцбурге перешел с приходом американцев на гражданское положение и был преобразован в «Бюро комитета Русского Красного Креста» под председательством генерала Выграна. При бюро действовал негласный «Комитет русских невозвращенцев», возглавляемый генералом Туркулом.

В апреле 1945 года части 1-й Русской Национальной Армии генерала Хольмстона-Смысловского отступали с территории Германии в Австрию, неся большие потери и утратив большую часть личного состава. В ночь с 2 на 3 мая колонна штаба и части численностью до 1000 человек перешли швейцарские границы княжества Лихтенштейн, где добровольно разоружились под швейцарские гарантии политического убежища. В штабной колонне отступающих находилось и несколько десятков гражданских беженцев, среди которых были великий князь Владимир Кириллович со свитой и Русский Комитет из Польши во главе с С.Л. Войцеховским. Все они были интернированы. Несмотря на требования советских властей, парламент и правительство Лихтенштейна отказались выдать Хольмстона-Смысловского и его сподвижников. Спустя два с лишним года, после переговоров с США его боевым соратникам было разрешено выехать в Аргентину³⁰³.

Коснемся финальных страниц боевой истории Русского Корпуса на Балканах. К осени 1944 года он насчитывал в своих рядах более 11 тысяч солдат и офицеров³⁰⁴. В конце 1944 и в первые месяцы 1945 года корпус вел тяжелые оборонительные бои против советских войск и югославских партизан И.Б. Тито, неся большие потери. Из Сербии Русский Корпус с боями вышел в Боснию и Хорватию. В ходе боев был убит целый ряд его генералов и старших офицеров — эмигрантов. 30 апреля 1945 года в Загребе умер от сердечного приступа генерал Штейфон, и его должность занял полковник А.И. Рогожин. Остатки Русского Корпуса численностью в 4,5 тысячи человек осуществили прорыв в Австрию. 12 мая около 4 тысяч человек в районе города Клагенфурта сложили оружие и сдались английским войскам³⁰⁵. Русский Корпус как вооруженная сила прекратил свое существование. После нескольких лет полугодного существования в лагерях большинство военнослужащих корпуса переехало на жительство в Аргентину и США.

После капитуляции Германии из Югославии в Австрию пробились остатки Особого полка СС «Варяг» и сдались англичанам.

Разумеется, не все русские военные эмигранты (и даже члены РОВСа) избрали сторону гитлеровцев, считая, что их война с СССР дает им столь долгожданный шанс на реванш в борьбе с большевиками за поражение в Гражданской войне. Вице-адмирал Кедров, в прошлом один из руководителей РОВСа, в годы Второй мировой войны встал на патриотические позиции. 12 февраля 1945 года М.А. Кедров в составе делегации русских патриотов из 8 человек во главе с В.А. Маклаковым посетил в Париже советского посла В.А. Богомолова. Двухчасовая беседа завершилась рукопожатиями. Кедров горячо приветствовал в мае 1945 года победу над фашизмом, высоко оценивая вклад в нее СССР и отвергая первые попытки принизить его. Бывший белый адмирал с горечью писал в это время, что сильная Россия — будь империалистическая или советская, редко кому нравится. «И на нас, русских эмигрантах, лежит теперь большой долг перед нашим народом, — подчеркивал Кедров. — Мы проникаем во все слои общества стран, где мы живем, и это облегчает нам бороться с антирусской пропагандой. К этому нас обязывают и бесчисленные подвиги наших воинов, и массы русского народонаселения, павшие жертвами в этой освободительной войне»³⁰⁶.

Вместе с тем, бывший адмирал не изменил свои политические убеждения, остался на антибольшевистских позициях и советского паспорта не принял³⁰⁷. Он умер в Париже в октябре 1945 года.

Тяжело переживала вторжение фашистской Германии в СССР и страдания ее жителей супружеская чета Деникиных, жившая во Франции. «О, Россия! Чаша страданий еще не испита тобою до дна, — записала в своем дневнике 23 июня 1941 года К.В. Деникина, жена генерала. — Тебя попирают два антихриста. Конечно, нападение Германии означает конец коммунизма в России, но какую цену придется за это платить! Сейчас же немецкие бомбы разрывают на части русские тела, проклятые немецкие танки заполнили нашу страну, льется русская кровь!...».

С началом войны генерал Деникин внес коррективы в свое видение действий российской эмиграции. Если раньше, он формулировал это в виде тезиса: «Борьба с советской властью и защита России», то теперь этот тезис стал звучать следующим образом: «Защита России и свержение большевиков». Для более полного обоснования своей позиции генерал добавлял: «Что заставляет неволя — делай, а против России — не делай»³⁰⁸.

Деникин с первых дней войны вел антинацистскую пропаганду среди русских эмигрантов в этой стране. Усилия его были на-

правлены не только против немцев, но и против коллаборантов русского происхождения. Отрицательно относясь к коллаборационизму, и в том числе к сотрудничеству с фашистами руководителей РОВСа и ОРВС, Деникин утверждал, что «на поклон к немцам шли прихвостни, мракобесы и часть сбитой с толку мирной эмиграции»³⁰⁹. В письме генералу Архангельскому в 1946 году Деникин оценивал деятельность его и руководства Союза в годы войны как ошибочную или даже преступную³¹⁰. Этот документ публикуется в приложениях к книге. Впрочем, истины ради, заметим, что позиция генерала Деникина в годы войны была не только антинацистской, антиколлаборационистской, но и антисталинистской³¹¹.

Большинство бывших офицеров и, тем более, рядового состава белых армий осталось в стороне от бушующих сражений Второй мировой и Великой Отечественной войн, предпочитая отсидеться в эпоху военно-политических бурь. Они не видели выбора, полагая, что победа фашистской Германии не даст возможностей возродиться России, а победа сталинского Советского Союза лишь укрепит те порядки, против которых они в свое время безуспешно боролись. Часто эмигранты, бывшие военнослужащие, уже по состоянию здоровья не могли принимать активного участия в разворачивающихся событиях. Нередко война вновь неумолимо разводила членов семей по разные стороны фронтов и баррикад. Например, генерал Ф.Ф. Абрамов активно сотрудничал с гитлеровцами, входил в состав КОНР, а его сын Николай, участвовавший в борьбе с фашистами в одесском подполье, погиб здесь в 1943 году.

Некоторая и относительно небольшая часть русских военных эмигрантов, руководствуясь главным образом патриотическими соображениями, заняла в этой войне антифашистские позиции и принимала участие в боевых действиях против гитлеровцев в оккупированных ими странах Европы, участвовала в движении Сопротивления. Их число постепенно увеличивалось по мере неудач фашистской Германии, побед Красной Армии и расширения движения Сопротивления в Европе. На кладбище Сен-Женевьев де Буа под Парижем стоит памятник, сооруженный Анной Воронко-Гольдберг в честь сына и его соратников, павших в 1939 – 45 годах. На нем высечены 242 фамилии русских эмигрантов, в большинстве бывших военнослужащих, сражавшихся против фашизма на фронте или в движении Сопротивления. Десять из них были удостоены высочайшей военной награды Франции – ордена «Крест Освобождения»³¹².

С первых месяцев войны принимал участие в антифашистских акциях в Париже бывший гардемарин, а потом эмигрант во Франции и участник Гражданской войны в Испании в интернациональной бригаде на стороне республиканцев, Г.В. Шибанов. В дальнейшем он стал одним из организаторов Союза русских патриотов во Франции. В июне 1941 года на Юге Франции из числа эмигрантов была создана Русская патриотическая группа. Спустя три года, после освобождения Франции на базе этой группы был образован Союз русских патриотов Юга Франции³¹³.

Часть русских эмигрантов сражалась в рядах Народно-освободительной армии Югославии (НОАЮ) против немецких войск и их местных сторонников. Наиболее известен среди них бывший полковник и участник Гражданской войны в России в Народной армии КОМУЧа Ф.Е. Махин. В прошлом эсер, он в 1939 году вступил в ряды Коммунистической партии Югославии, а после оккупации страны немецкими войсками ушел в горы к партизанам. Махин был награжден боевыми орденами, и ему присвоили звание генерал-лейтенанта Народно-освободительной армии Югославии. Генералом стал и еще один русский эмигрант, но представитель более молодого поколения, — В. Смирнов. Он занимал должность начальника инженерной службы НОАЮ.

Немало русских эмигрантов участвовало в рядах антифашистского движения в Италии, Болгарии, Чехии, Словакии и ряде других стран. Но часто судьбы эмигрантов, сражавшихся с фашистами и уцелевших в борьбе, были весьма незавидными, если они оказывались на территориях, куда вступала Красная Армия и где начиналась большая чистка, осуществляемая советскими органами государственной безопасности. Вчерашним участникам борьбы с фашизмом предъявлялся суровый счет за их участие в Гражданской войне на стороне противников советской власти. Они депортировались в СССР, и многие из них попадали в советские лагеря³¹⁴. В качестве примера можно привести судьбу генерала С.Н. Войцеховского. После окончания Гражданской войны в России он, в прошлом один из организаторов Чехословацкого корпуса в России, служил в армии Чехословакии с 1921 по 1939 года. Был произведен в чин генерала армии. Впоследствии в годы Второй мировой войны он стал одним из организаторов военной подпольной антифашистской организации «Оборона народа». 11 мая 1945 года Войцеховский был в Праге арестован сотрудниками СМЕРШ, доставлен в СССР, судим и умер в 1951 году в лагере под Тайшетом.

Большая часть российских эмигрантов, и в том числе бывших военнослужащих, проживала на территориях оккупированных в годы войны германскими войсками, а также в районах Китая, находившихся под контролем Квантунской армии. Но десятки тысяч эмигрантов проживали в странах антигитлеровской коалиции. И их поведение и действия кардинально отличались от позиции соотечественников, проживавших в районах, оккупированных германскими и японскими войсками. Основная часть русских эмигрантов, в том числе бывших военнослужащих, придерживалась оборонческих и патриотических позиций в отношении СССР. Это во многом определялось и политикой официальных властей стран, вступивших в войну с фашистской Германией и милитаристской Японией.

В странах антигитлеровской коалиции и в первую очередь в США и Канаде российскими эмигрантами создавались комитеты помощи родине, проводились сборы пожертвований в пользу населения СССР. На страницах русскоязычной печати развернулись острые дискуссии между оборонцами и пораженцами, причем, чем далее, тем чаша весов все больше склонялась в пользу первых. Большинство эмигрантов склонялось к мысли, что на их родине развернулась не гражданская, а вторая отечественная война, и сейчас не время сводить старые счеты, но необходимо оказывать всемерную помощь России (СССР), тем более, что она оказалась в составе стран антигитлеровской коалиции. В США, со стороны бывших русских военнослужащих зазвучали призывы создания из их числа отряда для отправки на родину и участия в боевых действиях с гитлеровцами. Была высказана идея образования из бывших русских офицеров, граждан США, специального Общества для оказания помощи Русскому народу и его Армии в борьбе за существование России³¹⁵.

Немало русских эмигрантов, покинувших Россию после Гражданской войны, и особенно представителей молодого поколения Русского Зарубежья принимали участие в боевых действиях в составе войск стран антигитлеровской коалиции против фашистской Германии и милитаристской Японии. Под рубрикой «Русские американцы в вооруженных силах США» русскоязычная пресса этой страны постоянно публиковала материалы об этих людях.

Вместе с тем, тот факт, что тысячи русских эмигрантов и их детей сражались в рядах армий стран антигитлеровской коалиции, союзниц СССР в войне, еще не означал, что они изменили свои по-

литические и идеологические убеждения. Показательна в этом отношении судьба капитана I ранга Г.Е. Чаплина, одного из видных деятелей северной контрреволюции в годы Гражданской войны в России. В межвоенный период он проживал в эмиграции в Англии, был председателем «Союза участников Гражданской войны в Англии», входившего в состав I отдела РОВСа. Чаплин придерживался последовательно антисоветских позиций. С началом Второй мировой войны он обратился в Генеральный штаб Великобритании с предложением создать русский добровольческий корпус, который сначала сражался бы против Германии, а потом воевал бы «против союзников Гитлера – большевиков». Чаплин вступил в британскую армию, получив чин майора и должность командира 120-й роты Королевского корпуса пионеров.

6 июня 1944 году он во главе инженерного отряда высадился в Северной Франции, затем одним из первых вступил в Брюссель, участвовал в оккупации Германии. В июле 1944 года Чаплин был вызван в штаб-квартиру фельдмаршала Монтгомери и принят одним из высших офицеров его штаба. Тот рассказал о проекте создания воинской части из бывших русских военнопленных и предложил Чаплину принять командование ею в чине генерала английской службы. Одновременно он был проинформирован, что советскому правительству послан запрос по этому поводу. Чаплин согласился и остался при штабе, но занять указанную должность ему было не суждено, так как советские власти выразили энергичный протест против этого замысла. Так или иначе, но за участие во Второй мировой войне на стороне противников фашистской Германии Г.Е. Чаплин был удостоен особой благодарности Верховного командования, высшего британского ордена и чина полковника британской армии³¹⁶. После войны он стал одним из наиболее активных и заметных деятелей антисоветских эмигрантских организаций.

Вступление СССР в войну против Японии и разгром советскими войсками японской Квантунской армии в августе 1945 года привели к ликвидации Российского военного Зарубежья на Дальнем Востоке³¹⁷. В годы Второй мировой войны наиболее активно в антисоветскую деятельность и военно-мобилизационные мероприятия вовлекались русские эмигранты и эмигрантская молодежь, проживавшие в Маньчжурии. Координирующую роль в этой деятельности выполняло Главное Бюро по Делах Российских Эмигрантов в Маньчжурской Империи и его руководители генералы

Кислицин, Бакшеев, Власьевский, лидер Российского Фашистского Союза Родзаевский, а также атаман Семёнов. В конце 1943 года «Русский отряд Асано» (или бригада «Асано») был реорганизован и именовался по-разному: «Российские воинские отряды армии Маньчжоу-Го», «Русский отряд маньчжурских войск», «21-1 отдельный кавалерийский полк армии Маньчжурии», «Сунгарийский русский военный отряд». Будучи воинской единицей, он одновременно являлся и базой для японской разведки при комплектовании разведывательных и диверсионных отрядов³¹⁸.

В 1943 году усилиями вышеназванных Семёнова, Бакшеева и Власьевского из бывших белых казаков были сформированы 5 полков, 2 отдельных дивизиона и отдельная сотня, которые были сведены в Захинганский казачий корпус под командованием генерала Бакшеева. Это формирование подчинялось начальнику японской военной миссии подполковнику Х. Таки.

В Маньчжурии была создана также организация под названием «Союз резервистов», добровольческие отряды которого должны были пополнять воинские формирования. Их численность достигала 6 тысяч человек, которые обучались по специальной программе, получали обмундирование и денежное довольствие. В случае военных действий с СССР они обязаны были явиться к месту регистрации, где поступали в распоряжение японских воинских частей. Большое внимание уделялось формированию специальных и диверсионно-разведывательных отрядов и групп, участники которых использовались для заброски и подрывной деятельности в СССР, а также для борьбы с китайскими партизанами в Маньчжурии³¹⁹.

Судя по документам, различные военизированные формирования охватывали большую или, по крайней мере, значительную часть мужского русского населения в Маньчжурии. Но в действительности в непосредственную военную работу была вовлечена сравнительно небольшая часть русских эмигрантов. Тяжелое положение военного времени заставляло их прежде всего думать о выживании своих семей. Когда началось наступление Красной Армии против Квантунской армии в Маньчжурии, российские эмигранты не принимали активного участия в боевых действиях. Тем не менее, многие из них и в первую очередь бывшие военнослужащие, проживавшие на территориях стран Дальнего Востока и прежде всего Китая (Маньчжурии), куда вступали советские войска, были арестованы. Часть из них была отправлена в СССР и оказалась в ГУЛАГе.

В августе – сентябре 1945 года в Маньчжурии были арестованы руководители Главного Бюро по Делам Российской Эмиграции генералы А.П. Бакшеев, Л.Ф. Власьевский, а также руководитель Российского Фашистского Союза К.В. Родзаевский. Захвачен был и человек, которого руководители советской власти традиционно считали своим наиболее опасным и коварным врагом на Дальнем Востоке, – атаман и генерал Г.М. Семёнов. Из руководства ГБРЭМ «повезло» лишь генералу В.А. Кислицину, который умер своей смертью в Харбине в мае 1944 года.

В конце августа 1946 года в Москве состоялся судебный процесс над обвиняемыми, именованными «семеновцами». Помимо вышеназванных лиц на скамье подсудимых находились также начальник «Монархического Объединения» Восточной Маньчжурии Б.Н. Шептунов, секретарь Родзаевского Л.П. Охотин, советник японской военной разведки в Маньчжурии, бывший министр финансов в Омском правительстве адмирала А.В. Колчака И.А. Михайлов и участник Гражданской войны, князь Н.А. Ухтомский. Атаман Семёнов был приговорен к повешению, Бакшеев, Родзаевский, Власьевский, Шептунов и Михайлов – к расстрелу. Приговоры в отношении их были приведены в исполнение 30 августа 1946 года. Ухтомский и Охотин были приговорены соответственно к 20 и 15 годам исправительно-трудовых лагерей³²⁰.

Таким образом, бывшее единое или претендовавшее на то, чтобы казаться таковым в межвоенный период, Русское военное Зарубежье испытало глубокий раскол в годы Второй мировой войны. Десятки тысяч бывших военнослужащих Императорской и белых армий оказались в новой войне, образно говоря, по разные стороны баррикад. Они по-разному смотрели на свое истекающее кровью отечество и действовали в отношении него. Значительная часть русских военных эмигрантов, живших на территории Третьего рейха, не просто симпатизировала фашистской Германии, но и воевала на ее стороне и в рядах ВС КОНР/РОА. И в то же время среди бывших российских военнослужащих были те, кто оказались в рядах движения Сопrotивления, принимали активное участие в антифашистской борьбе, а некоторые и заплатили своей жизнью за освобождение человечества от коричневой чумы фашизма.

Руководителям белоэмиграции и ее ведущих организаций (ОРВС, РОВС, РНСУВ и др.) не удалось осуществить в годы Великой Отечественной войны так давно вынашиваемые планы нового «крестового похода» против СССР, используя в своих интересах

инострannую военную интервенцию. Они не смогли превратить советско-германскую войну в войну гражданскую. Для советского народа, да и значительной части Русского Зарубежья, эта война действительно воспринималась как вторая в российской истории отечественная война, Великая Отечественная война. К тому же, это суровое время обнаружило серьезные разногласия в лагере противников советской власти, оказавшихся за пределами СССР, сторонников генерала Власова и белоэмигрантов, пытавшихся под эгидой фашистских властей и СС создать ВС КОНР/РОА. Противоречия между старой и новой военной эмиграцией³²¹ оказались слишком глубоки, и в условиях Второй мировой войны она не сложилась в некое новое Русское военное Зарубежье.

Основная часть российских эмигрантов, и в том числе бывших военнослужащих, проживавших на территории стран антигитлеровской коалиции, симпатизировала и оказывала помощь в различных формах своей родине и своему народу. Тысячи бывших российских подданных и выросших уже за рубежом представителей эмигрантской молодежи воевали в рядах армий западных стран-союзниц СССР и приближали победу над фашизмом. Сделанный в годы войны выбор во многом определял судьбы бывших русских военнослужащих, покинувших Россию после Гражданской войны. И, вместе с тем, практически у всех они были нелегкими. Лишь единицам, главным образом участникам движения Сопротивления, удалось вернуться на родину и закончить жизнь в той стране, где они появились на свет.

В целом же, исход Второй мировой войны предопределил судьбу Русского военного Зарубежья и всей российской послереволюционной эмиграции. Десятки тысяч эмигрантов, участвуя или в большинстве своем даже не участвуя в ней на стороне фашистской Германии и милитаристской Японии, но живших в странах, куда вступила Красная армия, были арестованы и попали на родину уже в качестве заключенных. У уцелевших солдат и офицеров, прошедших Гражданскую войну в рядах белых армий, исчезли последние надежды дождаться перемен на своей Родине и вернуться домой. Не оправдались и иллюзии, связанные с тем, что русский народ, разгромив фашистских захватчиков, поднимет оружие против сталинского режима. Начался «великий исход» русских эмигрантов из стран Европы и Азии, которые попадали в зону влияния и контроля СССР. Значительная часть эмигрантов периода Российской революции и Гражданской войны предпочла покинуть неспокойную Ев-

ропу и бурлящую Азию и переселиться на другие континенты и в первую очередь в Америку, оказавшись еще дальше от родной земли. Русская военная эмиграция была дезорганизована и прекратила свое существование как организованная военно-политическая сила.

Вопросы к пятой главе

Как сказалось начало Второй мировой войны на положении Русского военного Зарубежья?

Какими были оценки и прогнозы развития международных процессов, стратегия и тактика деятельности эмигрантских военных организаций в начальный период войны?

Проанализируйте деятельность Русского военного Зарубежья в период советско-финляндская войны: прогнозы, поведение, действия, итоги.

Рассмотрите положение, деятельность и эволюцию внешнеполитических ориентаций ведущих эмигрантских российских военных организаций в начальный период Второй мировой войны.

Охарактеризуйте состояние Русского военного Зарубежья накануне Великой Отечественной войны.

Какова была реакция эмигрантских лидеров и руководителей военных организаций, действовавших на территории стран, оккупированных немецкими войсками на вторжение Германии в СССР? Каковы были возможности выбора, варианты поведения и действий эмигрантов в условиях советско-германского противоборства? Какие факторы определяли выбор позиции эмигрантов?

Как сказалось начало Великой Отечественной войны на положении русской диаспоры в различных странах мира?

Охарактеризуйте коллаборационистские тенденции в жизнедеятельности Русского военного Зарубежья в Европе и Азии. Чем объяснялось нежелание германского руководства привлечь российскую послереволюционную эмиграцию к сотрудничеству в войне в СССР, в том числе в военной и военно-политической сфере? Чем было вызвано изменение ситуации во взаимоотношениях германских властей и российских эмигрантов в 1944 году?

Как складывались отношения власовского движения и белоэмиграции в условиях войны?

Назовите организации и воинские формирования из русских эмигрантов на германской службе.

Каковы были возможности и формы поддержки СССР со стороны патриотически настроенных кругов и групп российской эмиграции? Охарактеризуйте масштабы участия российских эмигрантов в европейском движении Сопротивления. В чем особенности поведения и деятельности российских эмигрантов, проживавших 1 годы войны в странах антигитлеровской коалиции?

Проанализируйте воздействие итогов Второй мировой войны на судьбы Русского военного Зарубежья.

ГЛАВА 6

РОССИЙСКАЯ ВОЕННАЯ ЭМИГРАЦИЯ И ЕЕ ОРГАНИЗАЦИИ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ

Послевоенные годы характеризовались попытками старой русской военной эмиграции адаптироваться к новым условиям. В обстановке глубоких перемен в мире, колоссального распространения влияния СССР и социалистических идей происходило перемещение значительной части эмигрантов в другие страны и на другие континенты, где они пытались обжиться в новой ситуации, сохраняя по возможности свою идентичность и организационные связи. Пришедший на смену военно-политическому сотрудничеству в рамках антигитлеровской коалиции в условиях Второй мировой войны период «холодной войны» возродил у стареющих белых генералов и офицеров, а также воспитанной или рожденной уже в эмиграции молодежи надежды на будущее.

Реализация этих надежд напрямую зависела от политики западных держав в отношении СССР. На лавры главного советника Запада в «русском вопросе» претендовал генерал Деникин, переехавший в конце 1945 года из Франции в США. Он не был скомпрометирован сотрудничеством с фашистской Германией и ее союзниками в годы Второй мировой войны, как многие другие белые генералы и лидеры Русского военного Зарубежья, поэтому к нему прислушивались на Западе.

В январе 1946 года А.И. Деникин обратился к командующему американскими войсками Д. Эйзенхауэру с призывом остановить насильственную выдачу СССР советских военнопленных. Отстаивая лозунг «Защита России и свержение большевизма», генерал Деникин 14 июня того же года направил правящим кругам Великобритании и США записку под названием «Русский вопрос». Он считал недопустимым смешивать большевизм и «великую, единую и неделимую России». Пытаясь оценить замыслы и приоритеты советской политики, Деникин утверждал, что из-за тяжелого внутреннего положения СССР советское правительство воздержится вести дело к Третьей мировой войне и возьмет курс на разжигание мировой революции, подрыв мира в других странах. Особые опасения генерал высказывал в этой связи за Францию, Италию и Испанию, где произошедшие громадные потрясения создали почву для коммунистических соблазнов.

Генерал Деникин предостерегал западные демократии от повто-

рения главной ошибки Гитлера. Он настаивал, что война должна вестись не против России, а за свержение большевизма. Если война начнется против России, для ее раздела и балканизации, с отделением от нее Украины, Кавказа и других территорий, то это вновь будет воспринято русским народом как начало отечественной войны. «Если война будет вестись не против России и ее суверенности, если будет признана неприкосновенность исторических рубежей России и прав ее, обеспечивающих жизненные интересы империи, — продолжал свои рассуждения Деникин, — то вполне возможно падение большевизма при помощи народного восстания или внутреннего переворота»³²².

После окончания Второй мировой войны, размышляя над уроками ее истории и приступив к собиранию материалов для книги «Вторая мировая война, Россия и зарубежье», генерал Деникин счел необходимым высказать резкие слова в адрес своих вчерашних оппонентов — тех лидеров Русского Зарубежья, которые в рассматриваемый период проводили близорукую или даже преступную политику, наносившую ущерб и русским эмигрантам, и Национальной России, интересам Отечества. Генерал Деникин сделал это на одном из закрытых эмигрантских собраний, а затем, в 1946 году направил письмо начальнику Русского Обще-Воинского Союза генералу А.П. Архангельскому с осуждением действий руководства РОВСа и его лично в начальный период Второй мировой войны и в годы войны Германии с СССР. Текст этого письма печатается в приложениях к книге.

Это выступление генерала Деникина вызвало резко негативную реакцию у генерала Архангельского и его окружения. Развернулся очередной раунд дискуссии в эмиграции, связанный уже с обсуждением действий ее лидеров, различных групп и организаций в годы только что минувшей войны, которая внесла колоссальные перемены в мировую политику и в положение СССР в мире. Добавим, что дни жизни самого генерала Деникина были сочтены. Он умер в Детройте от разрыва сердца 7 августа 1947 года.

Тем временем генерал Архангельский стремился восстановить единство Русского Обще-Воинского Союза, вынужденно нарушенное в годы Второй мировой войны, пытался наладить связи с территориальными отделами и местными организациями РОВСа, воинскими группами, обществами и союзами, разбросанными по странам и континентам. Решать эти задачи было исключительно сложно в условиях вынужденного массового перемещения чинов

Союза в завершающий период и после окончания войны. Важное место в деятельности генерала Архангельского и его соратников занимало оказание помощи эмигрантам и прежде всего чинам РОВСа, оказавшимся в лагерях для перемещенных лиц и находившимся под угрозой выдачи советской стороне.

С окончанием Второй мировой войны отпала необходимость в существовании «Объединения Русских Воинских Союзов». Оно прекратило свою деятельность, а его начальник генерал фон Лампе был назначен заместителем начальника РОВСа. Находясь в Германии, он активно объезжал лагеря для перемещенных лиц, создавая в них группы из бывших чинов РОВСа и ОРВС и при первой возможности организуя их переезд в Южную Америку, США, Австрию, Марокко³²³. В дальнейшем фон Лампе сам переехал во Францию и продолжил свою деятельность уже здесь.

В трудной послевоенной ситуации массового перемещения и адаптации русских эмигрантов, и в том числе чинов РОВСа, на новых местах жительства деятельность многих организаций Союза была дезорганизована. Но имели место и отдельные исключения. Заметно активизировалась, например, в послевоенные годы деятельность марокканского подотдела РОВСа, куда прибыла большая группа перемещенных лиц (более 50 человек) из Германии. В ее составе были и два будущих руководителя Русского Обще-Воинского Союза – генерал В.Г. Харжевский и капитан В.Н. Бутков. Начальником подотдела РОВС в Марокко был полковник Генштаба А.А. Подчертков, завершивший Гражданскую войну в Русской Армии³²⁴. В этой стране издавался ежемесячный бюллетень подотдела РОВСа. Впрочем, после национально-освободительной революции в Марокко в 1953 году начался постепенный отъезд эмигрантов, включая и чинов РОВСа, из этой страны.

В условиях массового переезда бывших военнослужащих, и в их числе чинов РОВСа, в США и с учетом безусловного лидерства этой страны в западном мире актуальной задачей становится не просто консолидация русских военных эмигрантов за океаном, но и возрастание их роли в жизни Русского Обще-Воинского Союза. Поэтому бывший начальник I отдела РОВСа генерал Витковский, переехавший после Второй мировой войны в США и ставший начальником Североамериканского отдела Союза, в 1954 году был назначен вторым помощником начальника РОВСа³²⁵.

Возможности прямого противостояния и боевой работы РОВСа в СССР в послевоенный период были сведены к минимуму, а прак-

тически исчезли, и центр тяжести борьбы во многом сместился в другую сферу. «Теперь Белая борьба вступила в свою настоящую, самую ответственную фазу — идеологической борьбы», — указывал ветеран и один из видных деятелей Русского Обще-Воинского Союза генерал А.М. Драгомиров³²⁶.

Определенные усилия по собиранию своих сторонников, и в том числе бывших военнослужащих Императорской и белых армий, предпринимал и великий князь Владимир Кириллович и его сподвижники. «Корпус Императорских Армии и Флота» после окончания Второй мировой войны возглавлял генерал-майор А.С. Олехнович, как и его предшественники именованный заведующим делами Корпуса. Но сколько-нибудь заметных следов и свидетельств в истории о деятельности этого эмигрантского воинского объединения в послевоенные годы не сохранилось. Эта организация, не отличавшаяся особой активностью и в предвоенные десятилетия, постепенно полностью сошла с эмигрантской авансцены в послевоенный период.

Вместе с тем, в условиях резкого обострения международных отношений в годы «холодной войны» предпринимались попытки нового собирания сил и объединения российской эмиграции. В связи с этим встал вопрос о том, смогут ли представители белоэмиграции сыграть подобную объединяющую роль. В ноябре 1947 года в журнале «Часовой» была опубликована статья его редактора и члена РОВСа В.В. Орехова под названием «Белое Дело и его наследники». Именно Русский Обще-Воинский Союз рассматривался в ней в качестве наследника и преемника белых фронтов. В указанной статье было помещено и письмо генерала Драгомирова генералу Архангельскому, в котором он утверждал, что борьба за белые идеалы не только не окончена, но только начинается. То, что делалось в течение прошедших 30 лет, было, по мнению Драгомирова только прологом к настоящей борьбе. Размышляя над уроками истории эмиграции, генерал самокритично признавал допущенные ошибки, то, что она поставила на первый план «не вековые, неумирающие основы нашей русскости, нашей своеобразности и неповторимой духовной общности, а мелкие политические, партийные и кружковые интересы». Именно это и привело к расколу и разброду в рядах российской эмиграции. Из этого следовало извлечь уроки, пересмотреть собственные ряды и искать объединения. Именно РОВС должен был сыграть такую объединяющую роль. Драгомиров и Орехов высказывали Архангельскому благодарность за его

деятельность по сплочению Союза и объединение российских эмигрантов в это сложное время³²⁷. Эта же тема активно обсуждалась в 1948 году, когда исполнилось 10 лет пребывания генерала Архангельского на посту начальника Русского Обще-Воинского Союза³²⁸.

Журнал «Часовой» активно пропагандировал в послевоенные годы идею объединения эмиграции и создания с этой целью «Русского Национально-Освободительного Центра» или «Российского Национального Центра». В 1948 году на базе довоенных эмигрантских группировок и организаций по инициативе общественных деятелей А.В. Байкалова, Г.Е. Чаплина, Э.Э. Десфонтейнеса и редактора журнала «Часовой» В.В. Орехова было создано «Российское Национально-Освободительное Движение». Последний из названных лиц и возглавил его. Движение объединяло представителей первой (послереволюционной) и второй (вызванной минувшей войной) волн российской эмиграции. Впоследствии оно было переименовано в «Российское Национальное Объединение» (РНО), которым по-прежнему руководил В.В. Орехов. К концу 50-х годов представителя и отделения РНО существовали в 14 странах мира. Своей главной задачей Движение считало организацию политически активных элементов эмиграции для совместной и согласованной борьбы за освобождение России от ига большевиков. Оно стояло на позициях непредвзятости, считая что принципиальные вопросы государственного устройства и организации жизни новой России могут быть решены только на родной земле после свержения советской власти³²⁹.

Впрочем, эмиграцию и в условиях «холодной войны» по-прежнему раздирали разного рода противоречия, раскалывали взаимные подозрения. Тем не менее, остатки надежд на лучшее будущее еще сохранялись и у разбросанных по всему миру чинов РОВСа, и в рядах российской эмиграции. 1949 год, знаменовавший своего рода апофеоз «холодной войны», когда обнажился глубокий и опасный раскол мира на полярные и противоборствующие системы, стал и годом четвертьвекового юбилея Русского Обще-Воинского Союза. Юбилей воплощал в себе и определенные надежды на ренессанс этой одной из ведущих российских эмигрантских организаций, переживавшей в этот период явно не лучшие времена. С 1949 года начальник РОВСа генерал Архангельский стал по совместительству и председателем Совета Российского Зарубежного Воинства, что было признанием его авторитета в кругах военной

эмиграции и его заслуг в деле консолидации Российского военного Зарубежья. Одновременно это было и признанием особой роли Русского Обще-Воинского Союза в жизни эмиграции и особенно ее военных кругов.

В послевоенные годы был создан ряд новых эмигрантских военных организаций, объединяющих уже главным образом участников событий Второй мировой войны. Напомним, что непосредственным ее результатом стала и новая волна эмиграции³³⁰. Но она кардинально отличалась от послереволюционной. Эмигранты этой волны не были связаны силой традиций, сословными, дружественными узами, общностью политико-идеологических убеждений. Присущее участникам белой военной эмиграции чувство локтя, спайки, боевой дружбы и взаимопомощи не было, как правило, присуще для солдат и офицеров власовских и так называемых «восточных добровольческих» формирований. Поэтому каждый из них стремился выжить сам, и они в большинстве своем рассеивались, разъезжались по различным странам и континентам. Многие из них предпочитали покинуть Европу, пересечь океан и затеряться на просторах американского континента.

И, тем не менее, известные исключения имели место. Это относилось прежде всего к ветеранам Русского Корпуса. Около 4 тысяч его солдат и офицеров прорвались, напомним, в начале мая 1945 года в Австрию и сдались англичанам. Осенью началась перевозка военнослужащих корпуса в лагерь Келлерберг. 1 ноября 1945 года командир корпуса полковник А.И. Рогожин издал свой последний приказ корпусу. В новой ситуации он был реорганизован в «Союз Чинов Русского Корпуса», который до своей смерти в 1972 году возглавлял Рогожин. «Келлербергское сидение» затянулось на 6 лет. В конечном итоге, военнослужащие корпуса получили права «перемещенных лиц» и возможность переезда в США и другие страны. Первый транспорт с бывшими солдатами и офицерами Русского Корпуса прибыл в Нью-Йорк в октябре 1951 года. Большинство его военнослужащих осело на жительство в США и Аргентине³³¹.

Заметим, что именно «Союз Чинов Русского Корпуса» придаст спустя десятилетия новый импульс деятельности Русского Обще-Воинского Союза, и из его рядов выйдет несколько руководителей РОВСа.

В конце 1947 года в Аргентине по инициативе и под руководством генерала Б.А. Хольмстона-Смысловского было создано «Русское Военно-Национальное Освободительное Движение имени

Генералиссимуса А.В. Суворова», именовавшееся и как «Суворовский Союз». Его основой стали кадры 1-й Русской Национальной Армии, избежавшие репатриации. Союз представлял собой военно-политическую организацию монархической направленности, ставившую целью создание Российской Национальной Освободительной Армии. Хольмстон-Смысловский редактировал газету Союза «Суворовец»³³².

Обнаружившиеся в годы Второй мировой войны противоречия между представителями старой и новой эмиграции, обусловленные разным мировоззрением, мировосприятием, образованием и воспитанием, не только не сглаживались в послевоенный период, но часто, напротив, углублялись, обострялись и усиливались. И новому Русскому военному Зарубежью, которое объединило бы ветеранов двух войн, не суждено было возникнуть. В ряде случаев именно бывшие участники Гражданской войны в России, игравшие видную роль в коллаборационистском движении периода Второй мировой войны, подвергали критике Русский Обще-Воинский Союз, который пытался реанимировать свою деятельность в послевоенные годы. Например, упомянутый Хольмстон-Смысловский в 50-е годы выступил в американской прессе с резкими нападками на РОВС, именуя его «мертвой организацией»³³³. В августе 1950 году другой бывший чин РОВСа, а затем его постоянный оппонент, активный участник власовского движения генерал Туркул стал организатором съезда кадров РОА и возглавил созданную политическую организацию — «Комитет Объединенных Власовцев».

С целью консолидации эмиграции и демонстрации ее единства и готовности к продолжению антисоветской борьбы с 1950 года в странах русского рассеяния в день прихода большевиков к власти в России — 7 ноября начинает массово отмечаться «День Непримируемости», традиция которого восходит еще к началу 30-х годов.

Новые надежды в эмигрантов вселила смерть советского политического лидера — И.В. Сталина в марте 1953 года. Эмигрантская печать той поры воплощала в себе и выражала подобные надежды. Даты истории, напоминавшие о событиях и вехах борьбы с большевиками, переплетались в эмигрантских газетах и журналах того времени с описанием современных возможностей борьбы с СССР. Показателен в этом отношении, например, журнал «Доброволец», орган внутренней связи кадров РОА, издававшийся генералом Туркулом. Номер 11 этого издания за ноябрь 1953 года открывался передовой статьей «Ноябрьские даты», где напоминалось о захвате

большевиками власти 36 лет назад и о формировании Добровольческой армии для борьбы с ними, а также об обнародовании 14 ноября 1944 года в Праге Манифеста КОНР – политической платформы Российского Освободительного Движения. В этом же номере было помещено «Обращение Российского политического комитета к населению России» в связи со смертью Сталина, а также опубликована статья «О стратегических возможностях атомных бомбардировок».

Шло время, эмигранты первой волны, участники Гражданской войны в России старели и уходили из жизни. Численность послереволюционной военной эмиграции сокращалась. Те же процессы происходили и в Русском Обще-Воинском Союзе, претендовавшем на роль ее единственного лидера. РОВС, по существу, все больше превращался в мемориальную организацию, хотя его руководители никогда не признавали этого, всячески подчеркивая, что чины Союза настроены на непримиримую борьбу с советской властью и будут вести ее до конца своей жизни. 25 января 1957 года генерал А.П. Архангельский, почти 19 лет являвшийся начальником Русского Обще-Воинского Союза, со ссылкой на возраст и состояние здоровья официально сдал эту должность генералу А.А. фон Лампе. Генерал Архангельский был произведен в почетные члены РОВСа³⁴. Он умер в 1959 году в Брюсселе. Ко времени назначения на должность руководителя РОВСа генералу фон Лампе исполнился уже 71 год. Он был не только видным деятелем Русского Обще-Воинского Союза, а в свое время начальником Объединения Русских Воинских Союзов, но и известным летописцем белого движения и русской военной эмиграции, издателем популярного в Русском Зарубежье в межвоенный период альманаха «Белое дело».

Среди утвержденных генералом фон Лампе как начальником Русского Обще-Воинского Союза документов был один, имевший особенно важное и принципиальное значение для РОВСа. Речь идет о «Положении о Русском Обще-Воинском Союзе (Р.О.В.С.)», принятом 1 декабря 1958 года. Напомним, что 1 сентября 1924 года одновременно с изданием ряда приказов о создании РОВСа генералом Врангелем было утверждено и «Временное Положение» о нем. Но за прошедшие тридцать с лишним лет в жизни Союза произошли большие перемены, которые и должно было отразить и воплотить в себе новое Положение. Основным принципом Русского Обще-Воинского Союза было провозглашено «беззаветное служение Родине, непримиримая борьба против коммунизма и всех тех, кто рабо-

тает на расчленение России». РОВС брал на себя обязательство сохранять основы и лучшие традиции, и заветы Российской Императорской армии и армий Белых фронтов Гражданской войны в России. В утвержденном Положении был зафиксирован принцип непредрешенчества: «Русский Обще-Воинский Союз не предрешает государственного строя России и считает для себя обязательными заветы Вождей Белого движения». В принятом документе специально оговаривалось, что предметом особых забот РОВСа «является помощь нуждающимся и, в особенности, престарелым и больным членам Союза».

В разделе «О составе Союза» указывалось, что он состоит «из добровольных объединений и союзов, как частей Российской ИМПЕРАТОРСКОЙ армии, так и армий БЕЛЫХ фронтов Гражданской войны в России, а также русских воинских организаций, возникших за рубежом». При этом в разделе «Вступление в Союз» уточнялось, что право вступления в РОВС предоставляется также и «воинским организациям новой и новейшей эмиграции». Эти положения имели принципиально важное значение для Русского Обще-Воинского Союза, который понес большие потери в годы Второй мировой войны и в результате послевоенных репрессий против его членов. Сокращение численности Союза происходило и в результате естественной убыли, так как сказывался возраст его членов: ведь даже лицам, прошедшим дорогами российской гражданской войны молодыми (в двадцать, двадцать с лишним лет), было уже около или за шестьдесят лет, а что говорить об остальных. Поэтому проблема пополнения РОВСа и не только за счет эмигрантской молодежи, а за счет представителей второй волны эмиграции (и уже их детей), превращалась в исключительно важную, и от этого зависели жизнеспособность и будущее Союза. Но решать проблему привлечения эмигрантской молодежи в ряды РОВСа было очень нелегко, так как именно она (в отличие от своих отцов) успешно ассимилировалась и активно интегрировалась в зарубежную среду. Десятилетия отрыва от родной земли, от России, несомненно, играли свою роль.

В разделе «Организация Союза» было записано, что «все без исключения чины объединений, организаций и союзов, входящих в состав Русского Обще-Воинского Союза, автоматически состоят также членами Русского Обще-Воинского Союза». При выходе из своих организаций они одновременно выходили и из РОВСа, а при выходе из последнего они исключались из своих основных органи-

заций. Военские чины, не состоящие в организациях, объединениях и союзах, а также других подразделениях РОВСа, могли быть по их желанию зачислены в Союз распоряжением соответствующих начальников отделов. Но в таком случае они находились на особом учете, числились в резерве чинов отдела, хотя и пользовались всеми правами чинов РОВСа. Для пополнения личного состава РОВСа устанавливалось зачисление в его ряды совершеннолетних сыновей членов Союза (в качестве наследственных членов) и совершеннолетних членов национальных организаций русской эмиграции по рекомендации их возглавителей. Допускался прием лиц, не состоящих в организациях, но разделяющих идеологию РОВСа и имеющих письменную рекомендацию не менее двух членов Союза. Все эти лица зачислялись первоначально соревнователями и по истечении года по постановлению правлений организаций или по распоряжению начальников отделов РОВСа получали права действительных членов Союза.

Для обеспечения легитимности существования и деятельности отделов РОВСа в каждой стране кроме Положения о РОВСе они руководствовались уставами, согласованными с законами страны и зарегистрированными местными властями.

В разделе «Управление Союза» указывалось, что во главе РОВСа стоит его начальник, назначающий сам своего преемника приказом по Союзу. РОВС делился на территориальные отделы, во главе которых стояли начальники, назначаемые и сменяемые приказами начальника Союза. Внутри отделов могли создаваться отделения, начальники которых назначались начальниками отделов и утверждались начальником РОВСа. Общее руководство Союзом осуществлял его начальник через начальников отделов и отделений РОВСа. При начальнике РОВСа мог быть образован совет старших начальников Союза, действующий по указаниям начальника как орган совещательный. Аналогичные советы могли быть созданы и при начальниках отделов Союза, их распоряжением.

В специальном разделе Положения под названием «Политика Союза» указывалось, что политическую линию РОВСа ведет его начальник, «соображаясь раньше всего с интересами Национальной России и в соответствии с обще-мировой политической обстановкой». Члены Союза не могли состоять членами политических партий. Но они могли входить (кроме должностных лиц) в национально-политические организации русской эмиграции, программы которых не противоречили целям и задачам РОВСа. Это право в

каждом случае должно было подкрепляться отдельным разрешением соответствующего начальника отдела Союза. Он же мог и аннулировать данное им разрешение. Специально оговаривалось, что одновременное занятие ответственных должностей в Союзе и в национально-политической организации не разрешается.

Удаление чинов РОВСа из его рядов осуществлялось: а) в дисциплинарном порядке (генералов и штаб-офицеров решением начальника РОВСа, а обер-офицеров – решением начальников соответствующих отделов); б) по приговору Судов Чести. Лица, удаленные из РОВСа, одновременно исключались и из организаций, входящих в Союз³³⁵.

Принятое «Положение о Русском Обще-Воинском Союзе» стало основополагающим документом Союза, регламентирующим различные стороны его организации и деятельности. Оно действует и в настоящее время.

Шло годы, старшее поколение ветеранов Белого движения и Русского военного Зарубежья доживало свой век. В 1955 году ушел из жизни генерал А.М. Драгомиров, в 1957 году – генерал А.В. Туркул, в 1959 году – генерал А.П. Архангельский, в 1962 году генерал П.Н. Шатилов, в 1963 году – генерал Ф.Ф. Абрамов, в 1967 году – генерал А.А. фон Лампе..

В мае 1967 года начальником Русского Обще-Воинского Союза стал видный его деятель В.Г. Харжевский. Он был произведен в чин генерала в Русской Армии в 1920 году и стал последним генералом во главе РОВСа. Более 20 лет эмиграции Харжевский прожил в Праге. Еще с 20-х годов под руководством генерала Кутепова он был одним из организаторов так называемой «специальной работы» против СССР, тесно взаимодействовал в этом качестве со 2-м бюро Генерального штаба Польши и с рядом других спецслужб зарубежных стран. Возглавив РОВС, В.Г. Харжевский встал и во главе Дроздовского объединения. Вместе с новым начальником центр управления РОВСа впервые переместился из Европы за океан, в США.

По выражению одного из отечественных историков Русского Зарубежья, в начале 60-х годов РОВС превратился в опереточную организацию. В действительности, эта слабеющая и быстро теряющая своих уходящих из жизни членов организация была профессиональным объединением, но не в чистом виде, ибо профессии ее членов были разнообразными, а по признаку общности военного прошлого, совместной воинской службы и борьбы. Известный дея-

тель Русского Обще-Воинского Союза, писатель и публицист Н.А. Цуриков, повторяя и развивая мысль генерала Врангеля, указывал, что в отличие от многих профессий, дающих кусок хлеба, главная и общая для всех чинов РОВСа «профессия» есть «противобольшевизм»³³⁶. С этим нельзя не согласиться. Постепенно утрачивая функции военной и военно-политической организации в чистом виде, с присущими ей в первые десятилетия существования формами и методами организационной и боевой работы, и в том числе на территории СССР, Русский Обще-Воинский Союз все больше превращался в социальное и идейно-политическое объединение военных эмигрантов, ветеранов борьбы с советской властью. Они стремились сохранить у современников память о белом движении, знание не только прошлой, но и настоящей борьбы за Россию, которую они вели как профессиональные антикоммунисты.

50-летие революционных событий 1917 года в России вновь, как и полвека назад, разделило мир на празднующих или симпатизирующих СССР и миру социализма и рассматривающих те далекие события как драму и трагедию российской и мировой истории. Осень 1967 года прошла в Русском Зарубежье под знаком полувековой годовщины начала борьбы с большевиками и советской властью. Журнал «Часовой» опубликовал обращение «К российской эмиграции», в котором, в противовес советской власти, праздновавшей 50-летие Октября как величайшее событие в истории, утверждалось, что это на самом деле годовщина диктаторской, эксплуататорской и террористической власти. Специальные обращения от имени российской эмиграции были направлены в ООН и Комитет по правам человека. На страницах названного журнала был помещен и проект меморандума, предназначенного для отправки в Комитет по правам человека³³⁷.

1 ноября 1967 года генерал Харжевский издал приказ РОВСу, посвященный 50-летию Белой борьбы. Он напоминал суждения вождей о Белой идее, слова одного из идеологов Союза профессора И.А. Ильина о ее значении и религиозной сущности, о стойкости в борьбе за Веру и Правду. Всем чинам РОВСа предписывалось служить Белой идее до конца и отметить юбилей собраниями, посвященными годовщине и значению Белой борьбы³³⁸. Былые события Гражданской войны в России, перипетии военных походов и сражений, жестокой и непримиримой борьбы вновь воскресали в памяти их участников, разделенных ныне тысячами километров и границами государств, в которых они ныне проживали.

Осенью 1974 года в Русском Зарубежье был широко отмечен полувековой юбилей Русского Обще-Воинского Союза. В отделах, обществах и организациях РОВСа, разбросанных по всему миру, прошли юбилейные праздничные мероприятия. Поздравления в его адрес поступали от различных эмигрантских организациях. Для ветеранов белого движения это был фактически последний подобный крупный юбилейный праздник, который они могли отметить.

Передав в 1979 году после 12-летнего возглавления Русского Обще-Воинского Союза руководство им капитану М.П. Осипову, генерал Харжевский умер два года спустя в американском городе Лейквуде. На смену уходящим из жизни престарелым генералам к руководству РОВСа приходили представители более молодого поколения, не удостоенные столь высоких званий и наград, как их предшественники. Но и они, прошедшие в свое время дорогами Гражданской войны в России, находились уже в весьма преклонном возрасте. Например, упомянутому Осипову к моменту вступления в руководство РОВСом было уже 80 лет.

В это время Русский Обще-Воинский Союз уже почти полностью состоял из глубоких стариков-ветеранов Гражданской войны в России. Некоторое омоложение Союза произошло во второй половине 80-х годов, когда в РОВС влился Союз Чинов Русского Корпуса и ряд других организаций, с более молодым по возрасту составом³³⁹. Но это не изменило принципиально и качественно общую ситуацию. Эмигрантская молодежь, дети и внуки эмигрантов первой и второй волн в лучшем случае с уважением относились к тем идеалам, которым были верны их отцы и деды, но для большинства из них Белая идея уже была пустым звуком. Молодежь, наставляемая представителями старших поколений, стремившимися дать своим детям и внукам русское «национальное образование», нередко участвовала в деятельности НОРР, ОРЮР, «Витязей», но воинские организации «стариков» их не привлекали. Даже объединения выпускников зарубежных кадетских корпусов отказывались вступать в РОВС, а позднее встали на путь открытой конфронтации с ним.

Попытки привлечь в состав и к работе РОВСа представителей третьей волны эмиграции из СССР (60-х — 80-х годов) успеха не имели. Лишь единицы включились в работу Союза. Более того, по некоторым свидетельствам, представители третьей волны эмиграции развернули ожесточенную «войну» против участников белого движения. Тем временем возраст членов Русского Обще-Воинского

Союза брал свое, связи с СССР и возможности влиять на развитие ситуации в этой стране практически отсутствовали, и надежд оставалось все меньше и меньше.

Когда в СССР развертывалась «перестройка», мало кто предполагал, что она завершится крахом правящего в стране режима. Журнал «Часовой» писал в 1987 году о том, что Русское Зарубежье относится к горбачевской «перестройке» трояко: 1) оптимисты склонны торжествовать, будто в России происходит подлинная революция и вот-вот от тоталитаризма не останется и следа; 2) пессимисты не желают считаться с некоторыми переменами, полагая, что они обречены на неудачу, как хрущевская «оттепель» и косыгинские реформы 60-х годов; 3) люди, относящиеся к происходящим событиям с осторожностью, не впадающие в крайность и выступающие как наблюдатели, исключительно объективно оценивающие происходящие события³⁴⁰.

Руководство Русского Обще-Воинского Союза не связывало особых надежд с декларированными советской властью переменами. Начальник РОВСа капитан Б.М. Иванов, возглавивший его в июне 1986 года, так характеризовал проблемы, задачи и характер деятельности Союза, задаваясь трудными вопросами о его будущем и перспективах: «Наше пребывание в чужих странах отнюдь не прекратило борьбу с коммунизмом, оно только изменило его форму. Коммунисты действуют пропагандой, мы же обязаны вести контрпропаганду... Своей непримиримостью, своей борьбой мы исполняем наш долг перед Родиной и завет генерала Врангеля... Мы, члены Русского Обще-Воинского Союза, продолжаем крепко держать в руках Национальное Трёхцветное Знамя... С каждым годом нас меньше и меньше! Руки слабеют. Нам нужны молодые крепкие руки. Нужны русские люди. Нужны те, кому мы можем передать свою непримиримость к безбожной коммунистической власти, свою любовь к поработенной Родине нашей, народу ее». «Где же ВЫ – РУССКИЕ ЛЮДИ с РУССКОЙ ДУШОЙ, с РУССКИМ СЕРДЦЕМ? Где Вы – наша смена?! Где Вы, кому мы можем передать нами хранимое Бело-Сине-Красное национальное знамя Великой Страны Российской? Кто донесет его до воскресения Святой Руси и передаст его РУССКОМУ национальному правительству, свободному народу российскому? – задавал непростые вопросы начальник РОВС и восклицал, – Тогда закончится 1-й Кубанский Поход!»³⁴¹.

Капитану Б.М. Иванову удалось дожить до дня падения столь ненавистной ему и его соратникам советской власти, на борьбу с

которой они положили свою жизнь. Добавим, что он был последним начальником РОВСа, участником Гражданской войны в России. В 90-е годы уходили из жизни последние ветераны Белой борьбы в годы Гражданской войны в России. Одновременно падала и идейно-политическая роль Русского военного Зарубежья.

Новая Россия провозгласила себя преемником дореволюционной России, трехцветный колор вернулся на Родину. Но все это сопровождалось страшной для народов драмой и трагедией распада СССР, государственности, того территориального, культурного и человеческого пространства, которое веками собирала и спланивала вокруг себя Россия, сначала дореволюционная, а затем (после революции 1917 года и распада имперской государственности, сопровождавшейся Гражданской войной) советская Россия. Центробежные процессы в конце 80-х — начале 90-х годов стремительно набирали силу, а ряд рубежных событий 1991 года весьма напоминал аналогичные рубежи и вехи процесса распада 1917 года (хотя, разумеется, аналогии в истории весьма условны, что в полной мере относится к вышеприведенному сравнению двух эпох).

Начало 90-х годов стало и началом новой эпохи в истории России. Это было временем еще не исчерпанных надежд на демократизацию общества и модернизацию страны, увя, вскоре обернувшись шоком так называемой «шоковой терапии», которая была избрана властями новой России в качестве средства лечения социальных и экономических болезней и которую в народе метко окрестили «шоком без терапии». Новый политический режим и руководство постсоветской России заботились прежде всего о собственных интересах, а вместо процветающего общества и капитализма «с человеческим лицом» формировался олигархический и мафиозный капитализм. Трудно и болезненно происходило размежевание государственного и территориального пространства бывшего СССР, исторической России. Миллионы семей в одночасье оказались разделены незадачливыми политиками. Переживая за происходившее в России, председатель Русского Обще-Воинского Союза поручик В.В. Гранитов писал 9 января 1992 года в личном письме в Санкт-Петербург: «С большой тревогой наблюдаю происходящие у Вас события. Идея независимых республик явно подсказана зарубежными «друзьями» России, для которых возрождение Государства Российского мерещится недопустимым кошмаром»³⁴².

Волна кровавых конфликтов на пространстве СССР в заключительный период его существования обернулась вспышками

гражданской войны на территории, по крайней мере, пяти ставших независимыми (после Беловежских соглашений и расчленения Советского Союза) государств. Ряд тревожных событий, происходивших в жизни новорожденной России в первые годы ее существования, ставил ее перед реальной угрозой новой широкомасштабной гражданской войны. Под прикрытием звучных лозунгов и красивых слов о демократизации и военной реформе происходили ослабление и деморализация вооруженных сил новой России. Реальностью ельцинской России стало катастрофическое падение объемов производства, уровня жизни населения, человеческого потенциала нации, ослабление международного престижа страны. Возникали и усиливались разнообразные вызовы, риски и угрозы ее безопасности.

В новых исторических условиях после распада СССР развернулся процесс сближения новой России и Русского Зарубежья. Прошел ряд Конгрессов соотечественников. Возможности для легальной работы в России получил и Русский Обще-Воинский Союз. В 1992 году страну посетил председатель РОВСа поручик В.В. Гранитов, возглавивший Союз в 1988 году. Сын офицера, он вместе с родителями эмигрировал из России после окончания Гражданской войны. Жил в Югославии, где окончил университет, Военно-училищные курсы при IV отделе РОВСа и Высшие военно-училищные курсы генерала Головина в Белграде. Служил в рядах Русского Корпуса с момента его основания, получил звание оберлейтенанта. Гранитов являлся и председателем Союза Чинов Русского Корпуса.

Председатель РОВСа так охарактеризовал эволюцию задач Союза: «Свое боевое значение кадра Белой армии РОВС выполнил во время Второй Мировой войны, а еще раньше – в испанскую гражданскую войну 1936 – 1939 годов. Но в настоящее время кадры РОВСа имеют значение, конечно, чисто символическое. Потому, что осталось нас очень мало, и те, кто остались, уже в преклонном возрасте. Борьба вооруженная, слава Богу, сейчас и не нужна. А наша задача теперь: передать нашим младшим братьям здесь, в России, то, чем мы жили, тот дух, в котором мы были воспитаны, и который является вечным духом для Российского Государства. И только благодаря нему, мы надеемся, это государство возродится».

В своем интервью в Санкт-Петербурге в сентябре 1992 года Гранитов выразил надежду на расширение работы РОВСа в России: «То, что я увидел, превзошло все мои ожидания. Я был настроен го-

раздо мрачнее. И сейчас я считаю, что, конечно, наш долг работать вместе с вами, русскими патриотами-антикоммунистами в России». Отвечая как руководитель военной организации на вопрос о том, какой должна быть Русская Армия, Гранитов назвал следующие ее основные характеристики: она должна быть оснащена по последнему слову техники и всегда быть на высоте, не чувствовать себя принадлежностью какой-либо партии, а быть слугой своего Отечества. «Я надеюсь, что наш девиз «За Веру, Царя и Отечество», когда-нибудь станет девизом возрожденной Русской Армии»³⁴³, — подчеркнул он.

Поручик Гранитов, как и его предшественники в этой должности, исповедовал монархические убеждения и видел монархию в качестве оптимальной формы государства в России. Размышляя в 1992 году над будущим государственным устройством страны, В.В. Гранитов писал: «Я лично считаю, что при многонациональном составе нашего государства только монархия может обеспечить действительное равенство перед законом для каждого его гражданина». И, вместе с тем, он счел нужным пояснить свое видение, акцентировав внимание на своеобразии России: «Однако монархия западного образца, также как и демократия западного толка, нам не подходят. Для возрождения же нашей самобытной православной русской монархии, с ее идеей служения царя народу, требуются специальные условия. Помимо выращенного и воспитанного в этой идее монарха, необходимы и соответствующая религиозная и нравственная настроенность и исповедание этой идеи большинством населения. Монархию еще нужно заслужить у Господа Бога»³⁴⁴.

В сентябре 1993 года Гранитов обратился в МИД РФ с просьбой о разрешении открытия отделов Русского Обще-Воинского Союза на территории России. Союз, численность которого в предшествующие десятилетия быстро сокращалась, нуждался в том, чтобы пустить корни на родине, получить приток представителей молодого пополнения. Вместе с тем, поручик Гранитов осторожно и ответственно относился к вопросу организации структур и организаций РОВСа в России. Он опасался, что они могут быть объявлены «агентами нелегальной иностранной организации». Политическая ситуация в России в 1992 — 93 годах была шаткой и неопределенной, и развитие событий могло происходить по самым разным и в том числе неожиданным сценариям.

Поэтому, желая обезопасить структуры РОВСа, которые могли быть образованы и действительно создавались в дальнейшем на

территории Российской Федерации, от возможных обвинений В.В. Гранитов обратился официально в МИД РФ. Это давало возможность РОВСу всегда сослаться в случае необходимости на то, что власти России были уведомлены о деятельности Союза. Кроме того, эта акция носила характер зондажа, ибо позволяла проверить, насколько новые российские власти, провозгласившие себя «демократическими», относятся к белым.

Никаких последующих реальных шагов по легализации (регистрации) организаций РОВСа в Российской Федерации ни со стороны властей РФ, ни со стороны РОВСа сделано не было. Письмо председателя Русского Обще-Воинского Союза «утонуло» в недрах МИДа. Но это было для него и его соратников и положительным результатом: протеста со стороны МИДа не последовало, и Гранитов посчитал, что можно было уже совершенно открыто приступить к развертыванию деятельности РОВСа в России, чем он и занялся.

В сентябре 1993 года в Российской Федерации было создано первое представительство РОВСа. В том же году в Россию было перенесено издание журнала «Наши Вести», основанного в 1945 году в Австрии как органа Союза Чинов Русского Корпуса. Журнал превратился в важнейшее средство популяризации Русского Обще-Воинского Союза и информации о его деятельности в Зарубежье и России³⁴⁵.

В январе 1995 года председателем РОВСа был утвержден документ под названием «Основные идеологические принципы работы подразделений Русского Обще-Воинского Союза в России». В нем были сформулированы основные цели их работы, которые кратко можно определить следующим образом: распространение объективных правильных сведений о дореволюционном прошлом России, Русской Армии, Белом движении и Белой идеологии, а, с другой стороны, об антирусской и антигосударственной деятельности вождей революции; разъяснение роли Русской Православной церкви в истории России и в создании российской государственности и содействие возрождению православия в народе; очищение русской культуры, языка и повседневной жизни от «советчины»; возвращение городам и улицам прежних дореволюционных названий и уничтожение памятников революционным вождям и героям и их развенчание. Разъяснительную работу предлагалось направлять на более молодые возрасты и уделять особое внимание вопросу образования и патриотического воспитания подрастающего поколения, вовлекая в свою орбиту преподавателей средних школ, проводя непо-

средственную работу с молодежью и организуя для этого подразделения допризывной подготовки молодежи.

В документе указывалось, что подразделения РОВСа в России не могут создаваться самотеком, а лишь с ведома и согласия Управления этого Союза, либо непосредственно председателя РОВСа, либо через уже существующие в России подразделения Союза. Конечная цель их создания в России определялась как «создание в Российской Федерации, как и в других странах СНГ массового движения за восстановление единого Российского Государства»³⁴⁶.

22 февраля 1996 года распоряжением председателя РОВСа поручика Гранитова был утвержден созданный в Санкт-Петербурге 1-й отдел Русского Обще-Воинского Союза в России, И.Б. Иванов был утвержден председателем этого отдела. В качестве руководства для его работы председатель РОВСа утвердил «Временное положение для организации и последующей деятельности Отделов Русского Обще-Воинского Союза в России»³⁴⁷.

Развитие политических событий в России в 90-е и последующие годы сделало неактуальным вопрос о регистрации структур РОВСа в стране. По мнению руководителей Русского Обще-Воинского Союза, регистрировать его в Российской Федерации было бы целесообразно, если бы политическое руководство страны заявило о разрыве с коммунистическим прошлым, но оно, как считали в РОВСе, не сделало этого.

События, происходившие в постсоветской России в 90-е годы, вызывали живой интерес у стареющих ветеранов Русского Зарубежья и чинов РОВСа, живших за рубежом. Отношение РОВСа и его российского отдела к развитию событий в России, действиям властей и президента Б.Н. Ельцина было весьма критическим. Это было обусловлено резким ухудшением социально-экономического положения страны, глубоким расхождением обещаний представителей власти и реальных дел. Особенно задевало руководителей РОВСа то обстоятельство, что новые лидеры страны оставались, по существу, равнодушны к Белой идее, белому движению и его традициям. Не произошло ожидаемой реабилитации, а вслед за этим и популяризации вождей и участников белого движения. Напротив, активисты РОВСа с горечью констатировали, что «для сегодняшних «демократов» Белая идея столь же враждебна и смертельно опасна, как и для коммунистов». По мнению же лидеров РОВСа, именно она и могла бы стать той единственно возможной национальной идеей для

России, о необходимости которой заявил Ельцин и которую безуспешно искали его политические советники и сподвижники³⁴⁸.

Предметом особой озабоченности и тревоги руководителей и членов РОВСа (и прежде всего его отдела в России) было состояние российских вооруженных сил, ибо действия президента Ельцина и его окружения, которые официально именовались «военной реформой», на деле вели к снижению боеспособности, морального и боевого духа войск. Тем более, что ослабление российской армии и флота происходило на фоне американских претензий на мировое господство и реальных действий США в качестве мирового жандарма, что ярко проявилось в 90-е годы в событиях в Югославии.

Предметом дискуссии и основанием для весьма критического, а нередко и негативного отношения РОВСа к властям постсоветской России, являлось их разное отношение к рубежным событиям в отечественной истории XX века, историческому прошлому армии. Это касалось, например, такой даты, как 7 ноября. Руководители Русского Зарубежья и РОВСа считали, что этот праздник надо не переименовывать, а отмечать как день трагедии России, в духе эмигрантского Дня Непримириности. Именно эту традицию они и пытались перенести на российскую почву³⁴⁹.

Предметом расхождений стало и сохранение в России дня 23 февраля как главного воинского праздника страны, хотя и переименованного из Дня Красной (Советской) Армии в День Защитника Отечества. В противовес этому РОВС призывал вернуться к многовековым традициям Российского Воинства, у которого главным праздником был День Св. Великомученика и Победоносца Георгия — 26 ноября / 9 декабря³⁵⁰.

1 сентября 1999 года Русскому Обще-Воинскому Союзу исполнилось 75 лет. Его председатель капитан В.Н. Бутков в своем обращении указывал, что для зарубежных чинов РОВСа, людей, находящихся в преклонных летах, ветеранов эмиграции этот юбилей был во многом и итогом их жизненной деятельности. Надежды в будущее РОВСа во многом связывались с Россией и деятельностью российского отдела Союза, с тем, что новые верные белые соратники примут эстафету у уходящих старых белых воинов³⁵¹.

После смерти Буткова в начале 2000 года новый председатель РОВСа штабс-капитан В.А. Вишневский провел опрос чинов зарубежной его части о целесообразности продолжения работы Союза за рубежом, ввиду быстрого сокращения его численности и преклонного возраста оставшихся в живых членов. Мнения разошлись,

и Вишневецкий отложил решение поднятого им вопроса, оставив его открытым³⁵².

Тем временем предпринимались попытки активизировать деятельность РОВСа в России, с опорой на отдел Союза в этой стране. Его представительства существовали к концу 90-х годов в целом ряде российских городов, включая Дальний Восток (Владивосток к Уссурийск), и деятельность его стала распространяться на Украину. В состав отдела РОВСа в России влилась молодежь и, в частности, молодые офицеры. Но по признанию начальника отдела капитана И.Б. Иванова, деятельность Союза в России проходила в трудных условиях, и против него велась борьба с использованием различных средств, ибо он воспринимался властями как чуждая и опасная организация³⁵³.

Председатель РОВСа В.А. Вишневецкий скончался в США в сентябре 2000 года. С этого времени центр руководства и деятельности Русского Обще-Воинского Союза переместился в Россию. В исполнение обязанностей председателя РОВСа вступил его первый заместитель капитан И.Б. Иванов. При этом он оставлял за собой должность начальника отдела РОВСа в России.

12 сентября 2000 года Иванов издал в Санкт-Петербурге свой приказ № 1 Русскому Обще-Воинскому Союзу. Центральное место в нем заняла проблема судьбы и перспектив Союза. В приказе упоминалось об опросе, проведенном штабс-капитаном Вишневецким среди членов зарубежной части РОВСа, который не выявил единства мнений. Опрос не был тайным и вызвал страстное обсуждение не только среди чинов Союза, но и среди активной части Русского Зарубежья. В этих условиях, указывалось в анализируемом документе, в эмиграции нашлись лица (не имеющие отношения к работе РОВСа, уточнялось в приказе), развернувшие активную агитацию не только за закрытие зарубежной части Союза, но и его отдела в России, иначе говоря, за ликвидацию Русского Обще-Воинского Союза в целом. В приказе нового председателя РОВСа категорически отвергались подобные суждения³⁵⁴. Чтобы укрепить связи с зарубежной частью Русского Обще-Воинского Союза, почетным председателем Союза был назначен живший в США атаман Всевеликого Войска Донского в Зарубежье и председатель Союза казаков Дона, Кубани и Терека, профессор Н. В. Фёдоров. Как Иванов, так и Фёдоров, были сторонниками продолжения активной деятельности РОВСа в России и за рубежом.

В декабре 2000 года И.Б. Ивановым были внесены изменения в пункт 17 действующего «Положения о РОВСе, касающийся зачис-

ления в Союз. Было снято ранее действовавшее требование о рекомендациях и допускалось зачисление в состав РОВСа членами-соперников лицами, которые в силу уважительных причин не могли представить требуемые рекомендации от чинов Союза или руководителей Патриотических организаций, но полностью разделяли Белую идеологию и отвечали предъявляемым требованиям. Для таких лиц устанавливался срок два года для перевода в действительные члены (с рекомендациями – один год). Внесение этого изменения призвано было ускорить численный рост РОВСа. Было внесено и еще одно организационное изменение: переименование в традиционные чины (звания) Русской Армии (Флота) по РОВСу лиц, имеющих воинские чины (звания), полученные в Вооруженных Силах РФ или других армий, теперь производилось только одновременно с зачислением в действительные члены РОВСа (ранее это практиковалось уже для член-соперников)³⁵⁵.

В 2001 году в Санкт-Петербурге по инициативе нового руководства Русского Обще-Воинского Союза началось издание журнала «Вестник РОВС», ставшего ценным источником информации о его проблемах и деятельности, средством поддержания связи между русской и зарубежной частями Союза и, наконец, собирания и консолидации его сторонников внутри России.

Н.В. Фёдоров скончался в США 28 сентября 2003 года. Это событие отмечалось как смерть последнего Белого воина. С его кончиной ушли в историческое прошлое и сами понятия Русская белая эмиграция и Русское военное Зарубежье, охватывавшие участников белой борьбы в России эпохи Гражданской войны 1917–1922 годов. Эстафета перешла в руки их потомков и идеологических преемников.

19 февраля 2004 года в соответствии с приказом РОВСу № 36 капитан И.Б. Иванов вступил в должность председателя РОВСа (ранее он был исполняющим эти обязанности) и утвердил почетным председателем этого Союза есаула Я.Л. Михеева³⁵⁶, жившего в США, который с декабря 2003 года являлся и атаманом Всевеликого Войска Донского за Рубежом.

Особое значение в деятельности руководства Русского Обще-Воинского Союза имеет расширение сети его представительств и организаций на территории не только Российской Федерации, но и Исторической России, с целью воссоединения в очередной раз русских земель и консолидации их вокруг Москвы. В 2004 году представительство РОВСа на Украине получило статус отдела Русского

Обще-Воинского Союза, который возглавил бывший представитель РОВСа в Киеве поручик И.В. Родин.

Последующие годы характеризовались устойчивой оппозицией РОВСа к действующей в России власти и нелицеприятной ее критикой. Это касалось самых разных сторон внутренней и внешней политики властей. Современная фаза отношений между государством и обществом в России определялась как часть 85-летнего противостояния народа и антинародной власти и как «холодная гражданская война». На действующую власть возлагалась ответственность за демографическую катастрофу в стране и «социальную бойню» с колоссальными потерями (особенно мужского) населения, за развал вооруженных сил и за сдачу российских геополитических позиций в мире (оставление военных баз во Вьетнаме и на Кубе) и пр.³⁵⁷

Перечисленный комплекс действительно существующих тяжелейших проблем и серьезных угроз, с которыми столкнулась современная Россия, не может не волновать людей мыслящих и патриотически настроенных, хотя и исповедующих различные политические взгляды, но думающих о завтрашнем дне страны. При этом главный вопрос заключается в выработке стратегии решения существующих проблем, подходов, путей, способов и последовательности действий по выводу России из кризиса. Для руководства РОВСа выход виделся в отстранении от власти всего правящего слоя и прихода к руководству страной «русского национально мыслящего руководства», реализации идеалов Белого дела, программы восстановления «Великой, Единой и Неделимой России». Одним из мотивов конфронтации с властями России являлись утверждения руководителей современного РОВСа о засилии в них «партии КГБ», бывших чекистов, которые всегда вели борьбу с российской белой эмиграцией и не воспринимают ее современных преемников.

Предметом озабоченности РОВСа и родственных ему организаций стали попытки перенесения праха видных деятелей российской военной эмиграции и прежде всего генералов П.Н. Врангеля и А.И. Деникина в Россию. Негативно оценивая современную ситуацию в России и политику ее властей, эти организации считали, что время для подобных акций не пришло. Но, несмотря на их протесты, перезахоронение праха Деникина и видного идеолога белого движения профессора И.А. Ильина состоялось в Москве 3 октября 2005 года. Это вызвало гневное заявление РОВСа и трактовку происходящего как попытку похоронить Белую идею³⁵⁸. Противостоя-

ние по поводу перенесения праха основателя РОВСа генерала П.Н. Врангеля в Россию продолжается, и один из документов на эту тему публикуется в приложениях к настоящей книге.

Русский Обще-Воинский Союз с большой тревогой наблюдал за происходившим в последние годы процессом сближения Русской Православной Церкви Заграницей с Московской Патриархией, опасаясь возможного слияния и самоликвидации РПЦЗ. Руководители РОВСа расценивали происходившее как часть большого политического процесса, в котором важную роль играл президент России В.В. Путин. В политическом плане объединение церквей означало бы, по мнению лидеров РОВСа, «конец существования Белой эмиграции как исторического явления», так как в условиях многообразия организаций и настроений эмиграции именно РПЦЗ символизировала общность и сущность ее. Полагая, что упразднение Русской Православной Церкви Заграницей означало бы «примирение и согласие» с существующим, атеистическим по сути своей режимом, только использующим православный декор, руководители Русского Обще-Воинского Союза категорически выступали против этого. Смысл объединения, по их мнению, означал бы «элементарное предательство РПЦЗ тех основ, на которых она возникла»³⁵⁹. Но энергичное противодействие этому процессу не имело успеха. 17 мая 2007 года Патриарх Алексий II и митрополит РПЦЗ Лавр подписали в Москве Акт о каноническом общении Московской Патриархии и Русской Православной Церкви Заграницей, что означало воссоединение русских православных церквей.

С указанной проблемой, в определенной степени, связан и еще один злободневный вопрос — это сохранение исторических ценностей и реликвий Русского Зарубежья. Дело в том, что иконы, а часто и русские знамена, и штандарты, вывезенные за границу Русской Армией и другими белогвардейскими частями, хранятся именно в русских православных храмах. В последние годы власти Российской Федерации широко развернули действия, направленные на возвращение исторических и культурных ценностей на родину. В противовес этому в приказах, информационных материалах и печати РОВСа подчеркивается необходимость энергично противодействовать этому процессу. В одном из приказов РОВСу капитана И.Б. Иванова, например, специально указывалось, что боевые знамена могут быть переданы только Российскому Национальному Правительству и возрождающему Российскому Воинству, а не вла-

стям современной Российской Федерации, считающим страну преемницей СССР и отказывающим белогвардейцам в реабилитации. Предписывалось обеспечение безопасности знамен и штандартов Императорской и Белых армий, запрет передачи их кому-либо и возвращение их на родину только при условии благоприятных политических перемен в России и только по приказу председателя РОВСа. В случае невозможности предотвратить захват или выдачу в Российскую Федерацию или в другую часть расчлененной России русских воинских знамен и штандартов предписывалось их уничтожение, дабы не допустить поругания священных хоругвей Русского Воинства³⁶⁰.

В современной России сторонники Белого дела и Белого движения прилагают значительные усилия, направленные на популяризацию их истории и идеологии. Организации РОВСа, действующие в России, взаимодействуют с Российским Дворянским Собранием, военно-историческими клубами, казачьими организациями, кадетскими корпусами. В 2003 и 2005 годах в России состоялись 1-й и 2-й съезды представителей печатных и электронных изданий, освещающих вопросы истории, идеологии и современного наследия Русского Белого движения, в которых приняли участие делегаты из России и Русского Зарубежья. Было решено создать общую информационную систему и систему распространения изданий о Белом движении в крупных городах и региональных центрах России и Зарубежья, разработать проект создания союза «Белое Дело — организации, объединяющей сторонников возрождения наследия Белого движения, и др.»³⁶¹

Важное место в деятельности указанных организаций занимала в последние годы и занимает сегодня проблема реабилитации вождей и видных деятелей белого движения, увековечения их памяти посредством установления памятников, мемориальных досок, проведения памятных вечеров и т.п. В резолюции 2-го съезда белых изданий с удовлетворением отмечались такие события, как открытие памятника Верховному Правителю России адмиралу А.В. Колчаку в Иркутске и памятного знака в его честь в Омске, а также памятника генералу С.Л. Маркову в Сальске и памятного знака в честь генерала М.В. Алексеева в Смоленске. Кстати, на указанном съезде был положительно оценен процесс переговоров и сближения Московской Патриархии и РПЦЗ, принесение покаяния за политику пленной церкви в отношении Русского Зарубежья, а также отмены праздника 7 ноября³⁶².

Актуальной задачей современных российских белых организаций и, в частности, РОВСа являлось и является укрепление связей с возникающими и действующими в разных странах организациями потомков русских эмигрантов, осуществление тех или иных совместных акций с ними. Это относится прежде всего к славянским странам, где существовали в свое время крупные русские эмигрантские колонии и многочисленные организации РОВСа, — Болгарии и Чехословакии. После так называемых «бархатных революций» в них возникли условия для создания союзов и обществ, связанных своими корнями с существовавшими и действовавшими здесь несколько десятилетий назад организациями.

В 1992 году в Болгарии был зарегистрирован «Союз Русских Белогвардейцев и их потомков в Болгарии». Ныне в рядах этой организации состоят в основном представители второго поколения русской послереволюционной эмиграции. Среди задач этого Союза: прекращение ассимиляции русских в Болгарии; объединение представителей различных волн русской эмиграции; установление и поддержание связей с русскими белыми организациями в России и других странах Русского Зарубежья. Союз издает газету «Белая Волна», редактором которой является инженер, доктор Л.Е. Ходкевич, председатель «Союза Русских Белогвардейцев и их потомков в Болгарии», сын белого офицера, полковника Е.И. Ходкевича. Союз учредил свою медаль в память 80-летия окончания Гражданской войны в России,

В 1993 году в Чехии потомки русских эмигрантов создали Комитет «Они были первыми». Это официально зарегистрированная организация, членами которой являются граждане Чешской республики. Цель Комитета — восстановить память о похищенных советскими спецслужбами и погибших в сталинских лагерях российских эмигрантах. За время работы Комитета было проведено несколько научных конференций, осуществлены публикации. В г. Пржибрам, в Средней Чехии, в Музее третьего сопротивления создана постоянная экспозиция «Преддверие ада, или Из Чехии в ГУЛАГ». При поддержке чешского правительства были открыты мемориальные доски, посвященные жизни и деятельности российских эмигрантов — жертв ГУЛАГа.

В 1995 году парламент Чехии признал ответственность чехословацкого правительства за трагическую участь чехословацких граждан и других лиц, отправленных из Чехословакии в ГУЛАГ, принес официальные извинения и выразил всем, кто остался в

живых, или потомкам репрессированных свое соболезнование. В 2002 году в Чехии был принят закон о выплате чехословацким жертвам ГУЛАГа денежной компенсации. В 2003 году в Чехии по инициативе Комитета «Они стали первыми» был отмечен 120-летний юбилей со дня рождения генерала С.Н. Войцеховского, о котором ранее уже шла речь. Президент страны В. Гавел посмертно наградил его высшим чешским орденом Белого Льва военной степени. В Брно была открыта мемориальная доска, посвященная С.Н. Войцеховскому, а в Праге организована выставка о его жизни и деятельности. Заслуженным крестом министра обороны Чешской республики были награждены русские эмигранты полковники К.Л. Капнин и А.М. Шкеленко, а также штабс-капитан М. Петров, которые, как и Войцеховский, были арестованы в 1945 году и погибли в ГУЛАГе.

В сентябре 2004 года в канун 80-летия РОВСа в столице Чехии Праге состоялась встреча представителей Русского Обще-Воинского Союза, «Союза Русских Белогвардейцев и их потомков в Болгарии» и Чешского Комитета «Они были первыми».

В числе международных акций Русского Обще-Воинского Союза в начале XXI века особое место занимала кампания в защиту чилийского генерала и бывшего президента страны А. Пиночета и его соратников, участников антикоммунистического переворота в Чили в сентябре 1973 года. Дело в том, что в конце 90-х годов развернулось международное преследование названных лиц. Неоднократно арестовывался экс-президент А. Пиночет — главная фигура тех трагических событий почти 30-летней давности, обвиняемый в насильственном свержении и смерти законно избранного президента С. Альенде, узурпации власти, установлении военной диктатуры, преследовании и смерти тысяч чилийцев.

Но антикоммунистические организации, и в их числе РОВС, выступая в защиту генерала Пиночета, утверждали, что он внес выдающийся вклад в борьбу с коммунизмом. С целью поддержать опального сенатора и генерала-антикоммуниста Русский Обще-Воинский Союз наградил его медалью «В память 80-летия Белой борьбы». Эта поддержка генерала Пиночета продолжалась до самой его смерти в 2006 году.

Кампания в защиту генерала Пиночета была тесно связана с действиями РОВСа и ряда других антикоммунистических организаций в поддержку его соратника, чилийского бригадного генерала Мигеля Краснова, сына белого полковника и генерала Вермахта

С.Н. Краснова, казненного в СССР в 1947 году. М.С. Краснов принимал активное участие в антикоммунистическом перевороте в Чили в 1973 году под руководством генерала Пиночета. В последние годы, под нажимом левых сил в Чили он неоднократно арестовывался, следствие по его делу продолжается несколько лет. В этих условиях Русский Обще-Воинский Союз выступил одним из инициаторов создания «Комитета в защиту генерала М.С. Краснова». Утверждая, что дело против него носит явно политический характер, имеющий целью официально осудить одного из идейных чилийских антикоммунистов, честно выполнившего свой воинский и патриотический долг, РОВС и созданный Комитет обратились ко всем русским национальным организациям и ко всем антикоммунистам с просьбой поддержать генерала Краснова своими обращениями и письмами, направляя их по адресу журнала «Вестник РОВС»³⁶³.

Таким образом, в своей внешнеполитической деятельности и в проводимых международных акциях Русский Обще-Воинский Союз и его руководство последовательно придерживаются непримиримых и радикальных антикоммунистических позиций, при этом нередко солидаризуясь с политическими фигурами, весьма одиозными в глазах широкого международного общественного мнения.

В целом же, современный РОВС — это, несомненно, иная организация, нежели ее исторический прародитель, возникший более 80 лет назад. Ушли из жизни ветераны белого движения, а в значительной своей части и поколение их детей. То же самое произошло и с поколением их противников в Гражданской войне в России. Былые споры, конфликты и выяснение истины с оружием в руках — все это стало сегодня достоянием истории. Лозунги и идеалы Белого дела являются ныне скорее политической экзотикой, нежели привлекательной политико-идеологической реальностью. Идею возвращения на исконный путь развития России, прерванный в 1917 году, эксплуатируют ныне многие, и она, к тому же уже не пользуется былой популярностью. Что касается лозунга «Великой, Единой и Неделимой России», то возвращение былого величия и могущества связывается сегодня в российском обществе скорее с СССР, нежели с дореволюционной Россией.

Распад СССР, по существу, означал финал и Зарубежной России, и в том числе его военной составляющей. Тем более, что Русское военное Зарубежье давно перестало быть военной и военно-политической силой, но превратилось в социальное и социо-

культурное сообщество, объединенное традициями борьбы, антикоммунистической идейной платформой, в духовно-нравственное и мемориальное явление, постепенно уходящее в прошлое и исчезающее с уходом из жизни эмигрантов-военнослужащих, участников Гражданской войны, а также антибольшевистской борьбы в годы Второй мировой войны, и их потомков. Среди представителей третьей (60 – 80-е годы) и четвертой (постсоветской) волн эмиграции, идеи Белой борьбы не находили былого интереса, поддержки и понимания. С исчезновением СССР исчезла и необходимость былой конфронтации, сохранения за рубежом некоего подобия прежнего мира и традиций дореволюционной России. Зарубежные соотечественники оказались востребованы на своей исторической Родине, переживающей трудное время. Русское военное Зарубежье превратилось в часть нашего исторического прошлого, требующего внимательного, корректного и обстоятельного изучения и понимания.

Вопросы к шестой главе

Охарактеризуйте процессы, происходившие в Русском военном Зарубежье после окончания Второй мировой войны.

Назовите военные эмигрантские организации, возникшие в послевоенный период. Каковы были цели и задачи их деятельности?

Что происходит с Русским Обще-Воинским Союзом в послевоенные десятилетия? Как меняются состав, содержание и тактика его деятельности?

Как сказался распад СССР на жизни и деятельности Русского Зарубежья и его военной составляющей? Какие процессы происходили в РОВСе в этот период? Как изменился состав и направленность его деятельности? Каково отношение руководителей и активистов РОВСа к политике постсоветской России и к ее лидерам? Какими причинами и факторами это определяется?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Российская военная эмиграция возникла как результат и следствие Гражданской войны в России. В своем становлении, развитии и эволюции она прошла ряд качественно разных периодов. Первый, охватывавший начало 20-х годов, характеризовался процессами адаптации к зарубежным реалиям, созданием военных организаций, обществ и союзов в различных странах русского рассеяния, налаживанием взаимоотношений между ними, а также установлением связей с другими эмигрантскими организациями и движениями. Появились воинские эмигрантские организации различного типа и предназначения, призванные помочь бывшим военнослужащим в адаптации на чужбине, решении многообразных сложных вопросов, совместном преодолении трудностей.

В этот период сформировался ряд центров, претендовавших на сплочение вокруг себя российского зарубежного воинства. К числу главных из них относились штаб главного командования Русской Армии во главе с генералом П.Н. Врангелем и великий князь Кирилл Владимирович, провозгласивший себя местоблюстителем Государева престола, и его окружение, возглавляемый им Союз Монархистов-Легитимистов. Они выступали за собиранье вокруг себя в первую очередь в Европе, а затем и по всему миру, бывших российских военнослужащих, ставших эмигрантами, с целью продолжения борьбы, подготовки войны с Советской Россией. Вместе с тем, уже в это время выявились их разногласия: если великий князь Кирилл Владимирович предполагал осуществлять объединительный процесс и вести борьбу под монархическими знаменами, то главнокомандующий Русской Армией генерал Врангель придерживался программы непредрешенства и выступал против вовлечения в политику бывших военнослужащих и создаваемых воинских организаций в расколотой распрями эмиграции.

Штаб главнокомандующего Русской Армией, опиравшийся в первую очередь на собственные воинские контингенты, перемещенные в начале 20-х годов из Турции преимущественно на Балканы, активно разрабатывал единые организационные формы и принципы создания и деятельности воинских объединений, союзов, обществ и организаций, стремился к их централизации, унификации и подчинению. С целью повышения мобильности, боевого духа и поддержания готовности к продолжению вооруженной борьбы проводилась регистрация бывших военнослужащих. Для укрепления

своих позиций в ходе объединения российской военной эмиграции генерал Врангель пытался найти поддержку у бывшего верховного главнокомандующего русскими войсками в годы Первой мировой войны великого князя Николая Николаевича.

Бывших военнослужащих, как лиц имевших специальную подготовку, профессиональную боевую выучку, стремились вовлечь в свои ряды и иные организации, провозглашавшие своей целью продолжение непримиримой борьбы с советской властью, проведение террористической деятельности. Такая борьба с использованием различных ее форм активно велась в начале 20-х годов как в Европе, так и в Азии. Особую и разветвленную систему организаций с опорой на укорененные традиции имело казачество в эмиграции.

Новый период в истории российской военной эмиграции начинается с 1924 года и охватывает время до начала Второй мировой войны. Именно в эти годы в условиях затягивания процессов, длительности пребывания на чужбине формируется мир Русского военного Зарубежья как сложное военное, военно-политическое, социальное, социокультурное, культурное и духовно-нравственное явление. Бывшие военнослужащие и их организации, объединения и союзы наиболее активно противостояли процессам ассимиляции, а тем более репатриации своих членов, стремились сохранить и укрепить свои связи и содружество, боевую общность, традиции русской культуры, языка, военной истории, взаимопомощи и взаимоподдержки с конечной целью возвращения на родину. Несколько сот сложившихся за пределами России различных эмигрантских воинских организаций, союзов и обществ, ряд из которых претендовал на руководящие и объединяющие функции, более ста издаваемых русскоязычных военных журналов и газет, система военного образования, повышения боевой квалификации и военной науки, налаживание военно-патриотической и военно-спортивной работы среди подрастающего в эмиграции нового поколения призваны были стать ядром и придать известную цельность и коммуникационное единство этому формирующемуся особому пространству и миру Зарубежной России. Именно военнослужащие с их особой системой организаций, традициями сплоченности и единства, готовности к продолжению борьбы призваны были, казалось бы, дать сам смысл существования и всему Русскому Зарубежью.

В 1924 году оформились два основных центра, претендовавших на сплочение вокруг себя бывших военнослужащих: Русский Обще-Воинский Союз и Союз Офицеров Императорских Армии и Флота.

Русский Обще-Воинский Союз, созданный 1 сентября 1924 года и возглавляемый главнокомандующим Русской Армией генералом П.Н. Врангелем, приобрел верховного руководителя в лице великого князя Николая Николаевича. Это призвано было укрепить позиции и легитимность создаваемого Союза и его авторитет в эмигрантской военной среде. РОВС позиционировал себя как организационный, военно-административный центр и ядро собрания военнослужащих старой Императорской и белых армий, разбросанных по различным зарубежным странам и континентам и находящихся в сложных условиях вынужденной адаптации к новому, зарубежному существованию и перехода на трудовое положение. По мере своего развития РОВС, с его сложной и разветвленной инфраструктурой, стал одним из ведущих центров консолидации, ключевых и основополагающих элементов Русского военного Зарубежья, а его деятельность стала важной и неотъемлемой составной частью жизни российской эмиграции, сфокусированной не только на выживании, но и на продолжении борьбы с советской властью. Руководство РОВСа рассматривало свой Союз в качестве ядра Русского Зарубежья, цементирующего его и дающего эмигрантам шансы на возвращение на родину. И хотя в 20-е годы (а иногда и в дальнейшем) руководители РОВСа нередко ставили знак равенства между ним и Армией, в действительности об этом можно было говорить лишь с известной долей условности, так же как и именовать его руководящие структуры командованием.

Этому препятствовал ряд факторов. Во-первых, бывшие военнослужащие, даже сохранив в значительной мере узы взаимосвязей и военной организации, перешли на трудовое положение, собственными усилиями зарабатывая на существование себе и своим семьям, поэтому фактор выживания, адаптации к инородной среде и трудового самообеспечения был основополагающим и доминирующим в сопоставлении с военным и военно-мобилизационным. Во-вторых, правящие круги иностранных государств в большинстве своем настороженно, с подозрением или даже негативно относились к существованию российских военных организаций, объединений и союзов и, тем более, входивших в централизованную и унифицированную систему РОВСа, держали их под контролем полиции и спецслужб и не верили в возможность нового и успешного военного похода против СССР с использованием боевых сил эмиграции.

Русский Обще-Воинский Союз даже в период апогея своего развития и деятельности непосредственно объединял в своих рядах

не более 20–25 % военнослужащих бывших белых армий и других антибольшевистских воинских формирований, оказавшихся в эмиграции (а с учетом солдат и офицеров бывшей Императорской армии, попавших в плен в годы Первой мировой войны, осевших после освобождения на жительство за границей и не принимавших, как правило, участия в Гражданской войне в России, и того меньше – 15–18 %). Члены РОВСа составляли активное меньшинство Русского военного Зарубежья и эмиграции в целом. Основная часть бывших военнослужащих в эмиграции не входила в состав РОВСа, да и вряд ли находилась под его непосредственным влиянием и контролем. Сам названный Союз был средоточием разнообразных противоречий как объективного, так и субъективного, межличностного характера, которые нарастали и обострялись по мере увеличения длительности пребывания в эмиграции. Целенаправленная работа советских спецслужб против него, похищение двух руководителей РОВСа генералов А.П. Кутепова и Е.К. Миллера также усиливали нарастание кризисных явлений и конфликтов, дискуссий в его рядах и вокруг него.

Создание в том же 1924 году (и даже на несколько месяцев ранее РОВСа – 30 апреля) Корпуса Офицеров Императорских Армии и Флота под эгидой и верховным руководством великого князя Кирилла Владимировича, который спустя несколько месяцев провозгласил себя Императором Всероссийским, означало образование конкурирующего воинского объединения, претендующего на сплочение в своих рядах бывших военнослужащих под монархическим знаменем и лозунгом «За Веру, Царя и Отечество». В 1926 году это объединение было преобразовано в Корпус Императорских Армии и Флота, что предполагало расширение его состава за счет иных категорий военнослужащих (а не только офицеров) и увеличение численности. Борьба между сторонниками великого князя Кирилла Владимировича, военнослужащими-легитимистами и руководством РОВСа за влияние в военной эмиграции растянулась на весь межвоенный период, приобретая то более острый, то скрытый, латентный характер.

Но наряду с названными объединениями, борьбу за влияние на эмигрантов – бывших военнослужащих, включение их в свои ряды и привлечение к своей деятельности вели и другие организации: Высший Монархический Совет, НТСП/НТСНП, Братство Русской Правды, Союз Добровольцев, РНСУВ, а также другие радикальные, правозэкстремистские и профашистские организации

(РНСД, РОНД, Всероссийская Фашистская Организация, Русская Фашистская Партия, Всероссийская Фашистская Партия, Всероссийская Национал-Революционная Трудовая и Рабоче-Крестьянская Партия Фашистов и др.). Разнообразие их программ, лозунгов, целей борьбы оборачивались острыми конфликтами. Все это также раскалывало Русское военное Зарубежье и в целом российскую эмиграцию.

Одной из наиболее трудных проблем для Русского военного Зарубежья являлась идейно-политическая платформа единения и будущего устройства России. Лидеры РОВСа, например, стремились намеренно уйти от политики, сложных и острых вопросов организации будущей России, путей решения ключевых вопросов ее бытия, концентрируя внимание эмигрантов-военнослужащих на проблемах продолжения борьбы с советской властью и по-прежнему исповедуя концепцию «непредрешенства» («непредрешенчества»). Но, как и в годы Гражданской войны в стране, подобный искусственный уход от острых вопросов повседневности и будущего России, отсутствие целостной и ясной программы борьбы и обустройства ее не мог уже удовлетворить значительную часть эмигрантов, а, тем более, вновь поднять их на борьбу с оружием в руках.

Сложным и противоречивым явлением для Русского военного Зарубежья стал так называемый «активизм». Он означал приверженность части эмигрантов активным методам борьбы против Советской России/СССР. По сути своей «активизм» представлял собой белый реваншистский экстремизм с набором военно-политических концепций и доктрин, направленных на ослабление и свержение существующего в СССР политического строя посредством использования различных форм борьбы, включая массированное военное вторжение на советскую территорию, высадку десантов, организацию восстаний, диверсионно-террористическую деятельность. В 20-е годы так называемая «активная работа» (или «особая работа») на советской территории была во многом связана в эмиграции с именем генерала Кутепова, возглавлявшего ее в РОВСе по поручению великого князя Николая Николаевича и действовавшего под его непосредственным руководством.

После того, как Кутепов стал в 1928 году председателем РОВСа две главных слагаемых деятельности Союза (официальная, направленная на сохранение армии в иной форме и оказание помощи бывшим военнослужащим, и «активная» — разведывательно-диверсионная и террористическая деятельность на территории СССР)

слились воедино. И, вместе с тем, так называемая «активная» или «особая» работа против СССР не дала ожидаемых результатов ни с точки зрения дестабилизации правящего режима и подъема анти-советской борьбы местного населения, ни для повышения морального духа эмиграции.

С устранением генерала Кутепова советскими спецслужбами тема «активной работы» стала предметом острых дискуссий в эмиграции и своеобразным камнем преткновения для нового руководства Русского Обще-Воинского Союза и его председателя генерала Миллера. Последний был сторонником пересмотра тактики борьбы РОВСа и под «активной работой» подразумевал не прямую вооруженную борьбу и прежде всего посредством диверсионно-террористической деятельности, но собирание сил и подготовку кадров и баз на советской территории, а также информационно-идеологическую работу в СССР и в зарубежных государствах.

Острая дискуссия вокруг «активной работы», развернувшаяся в РОВСе и в широких кругах эмиграции в 30-е годы была обусловлена целым комплексом причин. Она объяснялась неудовлетворенностью части эмигрантов и чинов РОВСа «пассивностью» нового руководства Союза, надеждой выдвинуть в его ряды более решительных людей, а также стремлением вовлечь в борьбу с советской властью широкие слои Русского Зарубежья, сосредоточившиеся в сложнейших и кризисных условиях рассматриваемого периода главным образом на собственном выживании. Налицо было и желание «активистов» обратить внимание на себя со стороны радикально антисоветски настроенных политиков и военных зарубежных стран. Эта дискуссия была сама по себе проявлением острого кризиса стратегии и тактики РОВСа. «Активизм» и белоэмигрантский экстремизм вызывали, в свою очередь, серьезную озабоченность руководства СССР и встречали возраставшее и все более эффективное противодействие со стороны советских спецслужб с использованием последними многообразия форм и методов борьбы – от целенаправленной работы по разложению до спецопераций и физического устранения руководителей РОВСа и ряда других эмигрантских организаций. Все это усугубляло кризисные процессы в Союзе и привело к его резкому ослаблению и в целом к глубокому кризису в Русском военном Зарубежье к концу 30-х годов.

Крайне противоречивый характер носили взаимоотношения Русского военного Зарубежья и его организаций, с одной стороны, и иностранных государств, их политиков и военных, с другой. На-

лицо было осознание руководителями российской военной эмиграции уже в 20-е годы неспособности собственными силами вести успешную борьбу с советской властью и добиться ее свержения, и в силу этого шли дискуссии, и происходил поиск иностранных союзников, которые могли бы оказать всестороннюю поддержку в борьбе, а главные надежды связывались с иностранной интервенцией против СССР. Но иностранные государства, их политическое и военное руководство, спецслужбы стремились реализовать прежде всего собственные интересы, используя русских эмигрантов в качестве пособников в их осуществлении. Имевшее место сотрудничество носило ограниченный, скрытый и завуалированный характер, а помощь эмиграции в ее антисоветской борьбе со стороны иностранных государств, как правило, была весьма скромной и была связана с теми или иными согласованными проектами. Зарубежные спецслужбы пытались использовать активистов эмигрантских организаций, например РОВСа, прежде всего для осуществления разведывательных акций и получения информации об СССР. Это сотрудничество, чем далее, тем более, носило явно неравноправный характер и, получая субсидии под целевые задания, сотрудники РОВСа отработывали их, в лучшем случае используя результаты в интересах Союза и эмиграции в целом.

Руководители Русского военного Зарубежья внимательно всматривались в международные конфликты, назревавшие или происходившие в 20–30-е годы и прежде всего так или иначе связанные с СССР. Но на Востоке трудно складывалось взаимопонимание с политиками и военными Японии, вынашивавшими и реализовавшими собственные великодержавные замыслы. По существу, завершились провалом попытки лидеров эмигрантских военных организаций и, в частности, РОВСа наладить сотрудничество с франкистами в Гражданской войне в Испании, организовав в помощь им массовую отправку русских эмигрантов-добровольцев. Хотя эта война расценивалась как вооруженное противостояние с мировым коммунизмом, найти и отправить туда сколько-нибудь значительные контингенты русских эмигрантов-антикоммунистов РОВСу не удалось. Неудачей окончились и аналогичные замыслы сотрудничества с Финляндией во время ее войны с СССР в 1939–40 годах.

Большим вопросом для антисоветски настроенной части эмиграции оказался выбор внешнеполитической ориентации в условиях назревавшего в 30-е годы в Европе и в мире крупного междуна-

родного конфликта, а затем и Второй мировой войны. Этот выбор мог быть сделан либо в пользу Великобритании и Франции, либо — Германии и ее союзников. Руководители эмигрантских военных организаций являлись в период Гражданской войны в России, как правило, военачальниками белых армий, которые сотрудничали главным образом с державами Антанты. Ранее же они взаимодействовали с ними как с союзниками России в Первой мировой войне. Это предопределило и внешнеполитические симпатии большей части Русского военного Зарубежья в их пользу, тем более, что основные контингенты бывших российских военнослужащих находились на территории стран Большой и Малой Антанты. Но парадокс последующего развития политических процессов в Европе заключался в растущем укреплении позиций Германии, ее ремилизации и расширении агрессивных действий на континенте. В свою очередь, растущей популярностью среди значительной части русских эмигрантов-военнослужащих в 30-е годы пользовались идеи, социальная и политическая практика фашизма. Но в глазах руководства фашистской Германии русские военные эмигрантские организации являлись носителями антантофильской ориентации. В результате на территориях, вошедших в состав Третьего рейха, деятельность русских эмигрантов и их организаций ограничивалась или запрещалась.

Русский Обще-Воинский Союз под давлением германских властей вынужден был во второй половине 30-х годов свертывать деятельность своих организаций, передавая их в распоряжение Объединения Русских Воинских Союзов, формально самостоятельного эмигрантского военного объединения, хотя и дружественного РОВСу. Уже накануне Второй мировой войны руководство РОВСа было изолировано и ограничено в возможностях своей деятельности на территориях стран, оккупированных фашистской Германией, и лишено возможностей поддерживать связи со своими организациями, расположенными в странах антигитлеровской коалиции и в нейтральных государствах.

Анализ развития Русского военного Зарубежья на протяжении межвоенного периода позволяет выделить качественно разные процессы, происходившие в его «верхах» и «низах», которые жили своей собственной жизнью. Руководящие деятели и активисты эмигрантских организаций, радикально настроенная часть военной эмиграции стремилась к консолидации военнослужащих ради продолжения борьбы, подготовки к новой войне с СССР. В то же время

абсолютное большинство бывших солдат и офицеров постепенно и все основательнее адаптировались в повседневную жизнь зарубежного сообщества, тех стран, в которых они оказались, сохраняя лишь формальные связи со своими воинскими объединениями и организациями. В силу происходивших процессов надежды руководителей реваншистски настроенных кругов Русского военного Зарубежья на то, что в случае новой большой войны с СССР абсолютное большинство бывших военнослужащих встанет под его знамена, были явно эфемерными и не имевшими под собой каких-либо серьезных оснований.

Годы Второй мировой войны стали следующим и совершенно особым периодом в истории Русского военного Зарубежья. Столь давно ожидаемая большая война и иностранная интервенция против СССР не привела к ожидаемой востребованности в ней российских эмигрантских воинских контингентов. Руководство фашистской Германии не нуждалось в союзниках русской национальности и бывших подданных России, ведя войну против СССР ради уничтожения не только советской власти и коммунистического режима, но и российского государства, неполноценной, по убеждению фашистов, славянской нации. Многие эмигрантские организации были запрещены или влачили жалкое существование, как, например, Русский Обще-Воинский Союз.

Не преуспело в поисках симпатий руководства фашистской Германии и Объединение Русских Воинских Союзов. Даже на заключительном этапе войны, когда дело шло к поражению Третьего рейха и необходимо было пушечное мясо, эмигранты не были востребованы Гитлером как союзники, а стали одним из неполноценных и второстепенных партнеров в создаваемом сообществе КОНР и РОА под общим руководством бывшего советского генерала Власова и его соратников. В результате лишь малая часть русских эмигрантов, и в том числе бывших военнослужащих, участвовали во Второй мировой войне на стороне фашистской Германии. Известным исключением стала Югославия, где сформированный Русский Корпус вел борьбу на стороне Германии, но воевал прежде всего с югославским коммунистическим партизанским движением, а взаимоотношения его командования с представителями германских властей изначально носили непростой и конфликтный характер. Как возможных помощников, но не как полноценных партнеров, в реализации собственных амбициозных военных целей рассматривала российских эмигрантов японская военщина.

Военные эмигрантские организации в своей идеологической программе всегда подчеркивали свою приверженность державности и русскому патриотизму, возрождение «Единой, Великой и Неделимой России». Но в условиях Великой Отечественной войны они, избрав позицию поддержки фашистской Германии в войне против СССР, были лишены возможности использовать эти лозунги и аргументы. Германские власти не склонны были прибегать к услугам российских эмигрантов даже в качестве марионеток. Будущее победоносного Третьего рейха не оставляло места для низшей, славянской расы и какого-либо делегированного ей самоуправления, тем более немислимо было мечтать о каком-то российском единстве и величии. Таким образом, мощный козырь русского патриотизма в Великой Отечественной войне оказался использован советским руководством в борьбе против Германии и солидаризовавшейся с ней частью российской эмиграции. А поражение фашистской Германии и ее союзников и победа СССР в составе антигитлеровской коалиции лишила русскую военную эмиграцию шансов на будущее.

Годы Второй мировой и Великой Отечественной войны обнаружили глубокий кризис в рядах российской эмиграции и, в частности, Русского военного Зарубежья, что и предопределило его последующую судьбу. Часть эмигрантов принимала участие в борьбе против фашистов в рядах движения Сопротивления. Основная часть эмигрантов, проживавших в государствах антигитлеровской коалиции, симпатизировала их борьбе, участвовала в различных формах в развернувшемся общественном движении помощи России/СССР или непосредственно сражалась в рядах союзных армий против фашистской Германии и Японии.

Поражение фашистской Германии, милитаристской Японии и их союзников во Второй мировой войне привело к глубочайшим изменениям в составе и географии размещения российской эмиграции, качественно изменилось и само Русское военное Зарубежье. Оно прекращает свое существование как весомая военная и военно-политическая сила, какой считалось в межвоенный период. Его организации и в первую очередь ведущая из них – Русский Обще-Воинский Союз превратились скорее в некое олицетворение былых традиций антисоветской борьбы, в координационный центр стареющих и уже неспособных к активной борьбе ветеранов Гражданской войны, старающихся, вместе с тем, сохранить старые связи и традиции воинского братства. Кроме того, слабеющий и дезорганизованный РОВС пытался как-то заявлять о себе прежде всего как

об общественно-политической и идеологической организации, олицетворяя былые заслуги и традиции непримиримой военно-политической борьбы с коммунизмом и советской властью. Одновременно он все больше превращался в мемориальную организацию (что, вместе с тем, всегда официально отрицали его руководители), хотя и особого типа. Она объединяла бывших военнослужащих, непримиримых противников советской власти, профессиональных антикоммунистов, считающих своим делом и долгом и в новых условиях продолжать активную идеологическую и политическую борьбу с советской властью.

С появлением после войны ряда новых эмигрантских военных и военно-политических союзов и обществ, связанных своими корнями с эпохой Второй мировой войны, не сложилось их взаимопонимания и сотрудничества со старыми эмигрантскими организациями. В целом же, старая и новая (послевоенная) эмиграция не сложились в феномен некоего нового Русского военного Зарубежья. Это было обусловлено как глубокими противоречиями, обнаружившимися еще в годы войны и углублявшимися после ее окончания, так и сложными реалиями эмигрантского выживания в послевоенные десятилетия. Объединить старую и новую эмиграцию под знаменами Белой борьбы оказалось невозможно.

Крах СССР в 1991 году ознаменовал собой и финальную стадию истории Русского Зарубежья. После падения советской власти и в условиях диалога, развернувшегося между новой Россией и зарубежными соотечественниками, отпала необходимость в существовании параллельного мира Зарубежной России. Ведущее эмигрантское военное объединение — Русский Обще-Воинский Союз получил возможность работать на российской территории, создавать здесь свои организации. И, вместе с тем, в постсоветской России не произошло исторической реабилитации и возведения на политический олимп героев белого движения и его современных лидеров. Иное время требовало других идеалов и кумиров. Работающие сегодня в нашей стране организации, придерживающиеся идеологии Белого дела и пытающиеся воплотить Белую идею на практике, занимают весьма скромное место в пестрой общественно-политической палитре современной России.

Уходит в историческое прошлое мир Русского Зарубежья. Уже ушли из жизни последние ветераны Гражданской войны в России и последние эмигранты, покинувшие страну после ее окончания. Эти сложные, драматичные и трагические страницы вооруженного про-

тивоборства отделяет от нашей современности уже почти девять десятилетий. Подписание в Москве в мае 2007 года документа о воссоединении Русской Православной Церкви Заграницей с Московской Патриархией стало важным шагом в деле примирения рассеянного по всему миру российского народа. Российская военная эмиграция и сформировавшееся на ее основе Русское военное Зарубежье, бывшие неотъемлемой составной частью сложных процессов минувшего XX века, ныне стали достоянием истории. Этот самый сложный феномен требует внимательного к себе отношения и дальнейшего тщательного и достоверного исследования. Извлечение уроков из исторического опыта призвано сделать нас, потомков мудрее. Проблемы новейшей истории неразрывно связаны с нашей современностью, трудным и противоречивым временем, переживаемым нынешней Россией, сложным выбором, который делают сегодня россияне. Нужны воля и государственная мудрость политиков, их диалог с обществом, его консолидация, чтобы обеспечить успешное поступательное развитие страны и благополучие ее граждан, вернуть России достойное место в мировом сообществе XXI века.

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ПРИЛОЖЕНИЯ

ПИСЬМО ГЕНЕРАЛА П. Н. ВРАНГЕЛЯ ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ КИРИЛЛУ ВЛАДИМИРОВИЧУ

16 августа 1922 года

Я, как и громадное большинство моих соратников, мыслю будущую Россию такой, как того пожелает русский народ, пламенно веря в то, что народная мудрость вернет Россию, как и 300 лет назад, на ее исторический путь. Ваше Императорское Высочество уже ныне, на чужбине, без участия русского народа предпринимает этот вопрос. При этих условиях я не вправе обещать Вашему Императорскому Высочеству то сотрудничество, которое Вам угодно было мне предложить.

Долг каждого русского человека принести посильную пользу России. Хочу верить, что, посвятив себя заботам о моих соратниках, временно променявших шашку на лопату и винтовку на плуг, я внесу лепту в общее дело служения Родине.

Вашего Императорского Высочества всепреданнейший слуга П. Врангель.

*Граф Г.К. На службе Императорскому Дому России. 1917–1941:
Воспоминания. – СПб., 2004. С.51.*

ПРИКАЗ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО РУССКОЙ АРМИЕЙ ГЕНЕРАЛА П. Н. ВРАНГЕЛЯ

Сремски Карловци

№ 35

1 сентября 1924 года

Продолжая заботы по объединению зарубежного офицерства Русской Армии, в прошлом году я предоставил возможность всем офицерским союзам войти в ее состав.

В настоящее время большинство существующих в странах Западной Европы офицерских союзов вошли в состав Русской Армии; исключение составили немногие же союзы, которые не сочли возможным отказаться от партийно-политической работы. Некоторое число офицеров не вошли ни в один из союзов, одни, проживая в государствах, где местная политическая обстановка исключает

возможность этого. Другие же по причине личного характера (нахождение семей в Советской России, обременение работой и т.д.).

Верю, что когда Родине потребуются наши силы, все честные воины встанут в наши ряды.

В то же время. Стремясь обеспечить моим соратникам лучший заработок, я предоставил возможность начальникам Галлиполийских и Лемносских групп на Балканах переселять в другие страны в полном составе, из других выделять отдельные группы. Связь переехавших с Балкан с начальниками и родными частями осталась неизменной.

Считая своим долгом в новых формах бытия Армии связать возможно теснее всех тех, кто числит себя в наших рядах, приказываю:

1) образовать Русский Обще-Воинский Союз согласно прилагаемого при сем Временного положения.

2) Включить в РОВС все офицерские общества и союзы, вошедшие в состав Русской Армии, все воинские части и войсковые группы, рассредоточенные в разных странах на работах, а также отдельные офицерские группы и отдельных воинов, не могущих по местным условиям войти в какие-либо офицерские общества или союзы, пожелавших числиться в составе Русской Армии.

3) Сохранить за офицерскими обществами и союзами, включенными в состав РОВС, их названия, самостоятельность во внутренней жизни и порядок внутреннего управления, установленные ныне действующими уставами.

4) Установить в войсковых группах порядок внутренней жизни и внутреннего управления в зависимости от местных условий и от состава этих групп – в группах исключительно офицерских – применительно к порядку, принятому в офицерских обществах и союзах, а в группах, в состав коих входят как офицеры, так и солдаты и казаки, – применительно к установленному в войсковых частях.

Председателям отделов Русского Обще-Воинского Союза выработать по этому поводу инструкцию.

5) Общее управление делами Русского Обще-Воинского Союза сосредоточить в моем Штабе.

6) Теперь же образовать нижеследующие отделы Русского Обще-Воинского Союза:

а) Первый – из офицерских обществ и союзов, воинских частей и войсковых групп, расположенных в Англии, Франции, Бельгии, Италии, Чехословакии, Дании и Финляндии.

б) Второй – из офицерских обществ и союзов, войсковых групп, расположенных в Германии и Королевстве Венгерском.

в) Третий – из офицерских обществ и союзов, воинских частей и войсковых групп, расположенных на территории Польши, Данцига, Литвы, Эстонии и Латвии.

г) Четвертый – из офицерских обществ и союзов, воинских частей и войсковых групп, расположенных в Королевстве СХС и в Греции.

д) Пятый – из офицерских обществ и союзов, воинских частей и войсковых групп, находящихся на территории Болгарии и Турции.

Примечание: Установленный ныне порядок подчинения воинских частей, находящихся на территории Королевства СХС и Болгарии, входящих в состав РОВС. остается без изменений.

7) Предоставить председателям отделов Русского Обще-Воинского Союза образовывать при себе Совет из представителей Правлений офицерских обществ и союзов и представителей воинских частей, находящихся в пределах Отдела, применительно к положению о Совете Офицерских объединенных обществ в Королевстве СХС. Положение о таких Советах по разработке в соответствии с местными условиями и настоящим приказом предоставить мне не позднее 1-го ноября с.г.

Третий Отдел Русского Обще-Воинского Союза подчиняю помощнику моему генерал-лейтенанту Миллеру.

Генерал Врангель
Генерал-лейтенант Кусонский

*Государственный архив российской Федерации (ГАРФ).
Ф.5826. Оп.1. Д.15. Л.90 – 90 об.*

В дополнение к приказу моему № 35 ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Военных Представителей Главнокомандующего Русской Армией в тех государствах, где таковые имеются; именовать впредь Русскими Военными Представителями в соответствующих странах.

2. Русскому Военному Представителю в Польше быть Военным Представителем в Польше, Эстонии, Литве и Латвии.

3. Управление Военного Представителя Главнокомандующего Русской Армией при Королевском Правительстве Венгрии упразднить с 1-го октября сего года.

4. Совет офицерских объединенных обществ в Королевстве С.Х.С. переименовать в Совет Четвертого Отдела Р.О.В.С.

Генерал Врангель
Генерал-лейтенант Кусонский

ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.15. Л.87.

ПРИКАЗ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО РУССКОЙ АРМИЕЙ ГЕНЕРАЛА П.Н. ВРАНГЕЛЯ

Секретно

Сремски Карловци

№ 37

1 сентября 1924 года

Состоящий в распоряжении Главнокомандующего Русской Армией Генерального Штаба Генерал-от-Инфантерии ЭКК назначается Председателем Четвертого Отдела Русского Обще-Воинского Союза.

Помощник Главнокомандующего Русской Армией, Генерального Штаба Генерал-лейтенант МИЛЛЕР назначается Председателем Первого Отдела Русского Обще-Воинского Союза с оставлением в занимаемой должности.

Главноуполномоченный Главнокомандующего Русской Армией по военным и морским делам в Париже, Генерального Штаба Генерал-лейтенант ХОЛЬМСЕН, назначается Русским Военным Представителем во Франции и Помощником Председателя Первого Отдела Русского Обще-Воинского Союза.

Помощник Главнокомандующего Русской Армией и Начальник всех частей и управлений Русской Армии, расположенных в Болгарии, Генерального Штаба Генерал-лейтенант АБРАМОВ, назначается Председателем Пятого Отдела Р.О.В.С., с оставлением в занимаемых должностях.

Военный Представитель Главнокомандующего Русской Армией в Польше, Генерального Штаба Генерал-лейтенант Махров, назначается Русским Военным Представителем в Польше, Эстонии, Литве и Латвии и Председателем Третьего Отдела Русского Обще-Воинского Союза.

Военный Представитель Главнокомандующего Русской Армией при Королевском Правительстве Венгрии и Начальник Отдела

Делегации по защите интересов Русских беженцев в Германии, Генерал-майор фон-Лампе, назначается Русским Военным Представителем в Германии и Венгрии, Начальником Отдела Делегации по защите интересов Русских беженцев в Германии и Председателем Второго Отдела Русского Обще-Воинского Союза.

Генерал Врангель
Генерал-лейтенант Кусонский

ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.15. Л.88.

УТВЕРЖДАЮ

Генерал-лейтенант Врангель

1 сентября 1924 г.

Сремски Карловци

ВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ О РУССКОМ ОБЩЕ-ВОИНСКОМ СОЮЗЕ

§ 1

ЦЕЛЬ СОЮЗА

Русский Обще-Воинский Союз образуется с целью объединить русских воинов, рассредоточенных в разных странах, укрепить духовную связь между ними и сохранить их как носителей лучших традиций и заветов русской Императорской Армии.

§ 2

ЗАДАЧА Р.О.В.С.

Задача Р.О.В.С. заключается в поддержании среди членов его воинского рыцарского духа и воинской этики и в общем руководстве и согласовании деятельности в этом направлении обществ и союзов, вошедших в его состав воинских частей и отдельных групп, а также в содействии по оказанию материальной и моральной помощи своим членам.

§ 3

СОСТАВ Р.О.В.С.

Р.О.В.С. состоит из двух частей и групп, рассредоточенных в разных странах на работах,

УПРАВЛЕНИЕ
Р.О.В.С.

воинских обществ и союзов, вошедших в состав Русской Армии и отдельных воинов, не имеющих по тем или иным причинам возможности войти в состав тех или иных союзов, но пожелавших числиться в составе Русской Армии.

§ 4

Русский Обще-Воинский Союз делится в территориальном отношении на отделы.

§ 5

Во главе Р.О.В.С. стоит Главнокомандующий Русской Армией.

§ 6

Во главе отделов Русского Обще-Воинского Союза стоят их Председатели. Председатели Отделов назначаются Главнокомандующим Русской Армией и подчиняются ему непосредственно.

§ 7

Общее руководство Русским Обще-Воинским Союзом Главнокомандующий Русской Армией осуществляет через свой Штаб и Председателей отделов.

§ 8

В видах облегчения руководства и управления деятельностью воинских обществ и союзов, воинских частей и групп, входящих в состав Отдела Р.О.В.С. и согласовывающих работы в пределах задач Р.О.В.С (§1 и 2) Председатели Отделов могут учреждать при себе Советы Отдела Р.О.В.С. из представителей воинских обществ, союзов и групп.

Подробности организации советов отделов и круг их деятельности, в зависимости от местных условий, определяются инструкцией, составленной Председателями отделов Р.О.В.С.

и утверждаемой Главнокомандующим Русской Армией.

§ 9

Воинские общества и союзы, вошедшие в состав Р.О.В.С., сохраняют свои названия, самостоятельность внутренней жизни и порядок внутреннего Управления, установленного соответствующими уставами и положениями, кроме вопросов, предусмотренных в §§ 1 и 2 настоящего Положения, указания по которым даются Председателями Отделов Р.О.В.С.

§ 10

Воинские Союзы и Общества, имеющие свои отделы в разных странах, возглавляемые Центральными правлениями, входят в состав соответствующего Отдела Р.О.В.С., а Центральные правления их находятся в тех странах, где живет Главнокомандующий или в стране по его назначению и получают все указания через Штаб Главнокомандующего или местного Председателя Отдела Р.О.В.С.

§ 11

ВСТУПЛЕНИЕ В Р.О.В.С. Воинские общества и союзы, еще не вошедшие в состав Р.О.В.С. и желающие вступить в него, заявляют об этом соответствующему по месту нахождения Председателю Отдела Р.О.В.С.

Последние убедившись в том, что данным обществом или союзом выполняются соответствующие для него требования, включают его в состав Р.О.В.С.

§ 12

Отдельные воины, не имеющие возможности по местным условиям вступить в состав какого-либо военного общества или союза, о своем желании поступить в состав Р.О.В.С. сообща-

ют соответствующему по месту их жительства
Председателю Отдела Р.О.В.С. Последний, по
рассмотрении документов и по сбору соответ-
ствующих сведений, принимает меры по
включению их в какое-либо воинское обще-
ство или союз, или числят их на особом учете.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ Кусонский

ГАРФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 15. Л. 89 – 89 об.

О РУССКОМ ОБЩЕ-ВОИНСКОМ СОЮЗЕ

№ 673 / А
Сремски Карловци

11 сентября 1924 года

Генералу-от-инфантерии Экку
Генерал-лейтенанту Миллеру
Генерал-лейтенанту Хольмсену
Генерал-лейтенанту Абрамову
Генерал-лейтенанту Махрову
Генерал-лейтенанту Барбовичу
Генерал-майору Зборовскому
Генерал-майору фон-Лампе
Полковнику Базаревичу
Полковнику Флорову

Секретно

Приказом моим от 1 сентября с.г. за № 35 образован «Русский
Обще-Воинский Союз».

При существующей политической борьбе против Армии не-
сомненно некоторые политические группы сделают все возможное,
чтобы извратить значение этого приказа и отыскать какой-то тай-
ный смысл в том, чтобы бороться против его осуществления.

Ввиду этого считаю нужным указать Вам следующее:

Образование единого мощного «Русского Обще-Воинского Со-
юза» венчает упорную четырехлетнюю работу по объединению рус-
ского зарубежного офицерства с Русской Армией и, сохраняя ныне

существующую организацию как офицерских союзов и обществ, так и войсковых частей Армии, приводит всё в стройную систему.

Вместе с сим — и это самое главное — образование «Русского Обще-Воинского Союза» подготавливает возможность на случай необходимости, под давлением общей политической обстановки принять Русской Армии новую форму бытия, в виде воинских союзов, подчиненных Председателям Отделов «Русского Обще-Воинского Союза».

Это последнее соображение — даст возможность Армии продолжить своё существование при всякой политической обстановке в виде воинского союза, не могло быть приведено в приказе ввиду его секретности.

Никаких других целей образование «Русского Обще-Воинского Союза» не преследует, что Вам и надлежит иметь в виду в случае борьбы за проведение его в жизнь.

Генерал Врангель
Генерал-лейтенант Кусонский

ГАРФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 15. Л. 97.

ОБРАЩЕНИЕ

**ГЕНЕРАЛА П. Н. ВРАНГЕЛЯ К ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ
НИКОЛАЮ НИКОЛАЕВИЧУ ОТ 12 СЕНТЯБРЯ 1924 ГОДА**

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ
ВЫСОЧЕСТВУ
ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ
НИКОЛАЮ
НИКОЛАЕВИЧУ

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО, Всепреданнейше представляя при сем ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ Временное Положение о Русском Обще-Воинском Союзе приемлю смелость ходатайствовать перед ВАШИМ ИМПЕРАТОРСКИМ ВЫСОЧЕСТВОМ принять на СЕБЯ звание Почетного Председателя Союза.

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА
всепреданнейший слуга П. Врангель

ГАРФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 15. Л. 95.

**ПЕРЕПИСКА
ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА
И ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ФЕОДОРОВНЫ**

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА МАРИЯ ФЕОДОРОВНА удостоила меня нижеследующим письмом, которое преуказала предать гласности, что я и исполняю.

Список с письма:

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО,

Болезненно сжалось сердце Мое, когда Я прочитала манифест Великого Князя Кирилла Владимировича, объявившего себя ИМПЕРАТОРОМ ВСЕРОССИЙСКИМ.

До сих пор нет точных известий о судьбе МОИХ возлюбленных СЫНОВЕЙ и ВНУКА, а потому появление нового ИМПЕРАТОРА Я считаю преждевременным. Нет еще человека, который мог бы погасить во Мне последний луч надежды.

Боюсь, что этим манифест создаст раскол и уже тем самым не улучшит, а, наоборот, ухудшит положение и без того истерзанной России. Если же ГОСПОДУ БОГУ по ЕГО неисповедимым путям, угодно было призвать к СЕБЕ МОИХ возлюбленных СЫНОВЕЙ И ВНУКА, то Я, не заглядывая вперед, с твердой надеждой на милость БОЖИЮ, полагаю, что ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР будет указан НАШИМИ ОСНОВНЫМИ ЗАКОНАМИ, в союзе с ЦЕРКОВЬЮ ПРАВОСЛАВНОЮ совместно с РУССКИМ НАРОДОМ.

Молю БОГА, чтобы он не прогневался на НАС до конца и скоро послал НАМ спасение путем, ЕМУ только известным.

Уверяю, что ВЫ, как старший Член ДОМА РОМАНОВЫХ, одинаково со МНОЮ мыслите.

МАРИЯ.

21 сентября
4 октября 1924 г.
Хуадор

С подлинным верно
ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ

Я счастлив, что ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА МАРИЯ ФЕОДОРОВНА не усомнилась в том, что я одинаково с НЕЮ мыслю об объявлении себя

Великим Князем КИРИЛЛОМ ВЛАДИМИРОВИЧЕМ ИМПЕРАТОРОМ ВСЕРОССИЙСКИМ.

Я уже неоднократно высказывал неизменное мое убеждение, что будущее устройство ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО может быть решено только на РУССКОЙ ЗЕМЛЕ, в соответствии с чаяниями РУССКОГО НАРОДА.

Относясь отрицательно к выступлению Великого Князя КИРИЛЛА ВЛАДИМИРОВИЧА, призываю всех, одинаково мыслящих с ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВОМ и мною, к исполнению нашего истинного долга перед родиной — неустанно и непрерывно продолжать святое дело освобождения России.

Да поможет нам ГОСПОДЬ.

7/20 октября 1924 г.
Шуаньи.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ
НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ

ГАРФ. Ф.5794. Оп.1. Д.41. Л.2.

**ПРИКАЗ
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО РУССКОЙ АРМИЕЙ
ГЕНЕРАЛА П. Н. ВРАНГЕЛЯ**

Гор. Париж

№ 53

3 декабря 1924 года

16-го сего ноября от ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВИСОЧЕСТВА Великого князя НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА мною получено следующее распоряжение:

«Главкомандующему Армией Генералу барону Врангелю
Получив письмо ЕЁ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ФЕОДОРОВНЫ, оглашенное 7/20 сентября сего года, я призвал всех, одинаково мыслящих с ЕЁ ВЕЛИЧЕСТВОМ и мною, объединиться и продолжить работу на дело спасения России.

Для полного объединения в моем лице всех военных, я впредь принимаю на себя руководство через Главкомандующего, как Армией, так и всеми военными организациями.

Приказания войсковым частям и означенным военным организациям будут мною отдаваться через Главкомандующего.

Все начальники отдельных частей, военных учреждений, воен-

ных заведений, военных организаций, а также председатели офицерских союзов и объединений будут назначаться мною.

Приказываю Главнокомандующему объявить настоящее мое решение всем, кому надлежит, к точному и неуклонному исполнению.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ

16-го ноября 1924 г.

Шуаньи.

Объявляя настоящее распоряжение Верховного Главнокомандующего, приказываю, в дополнение приказа моего № 35, принять к руководству следующее:

1) Все военные организации, сохраняя свои названия, самостоятельность во внутренней жизни и порядок «внутреннего» установления, будут иметь во главе Председателя или Начальника не «выборного», а назначаемого ЕГО ИМПЕРАТОРСКИМ ВЫСОЧЕСТВОМ.

2) «Выборность» членов Правлений сохраняется, но Председателю Союза (Общества) предоставляется право отвода членов Правления. В этом случае подлежащий замене член Правления или замещается очередным кандидатом, или производятся новые выборы недостающего члена.

3) Общее руководство деятельностью всех военных организаций в каждой стране или группе стран возлагается на соответствующего Председателя отдела Р.О.В.Союза, причем для облегчения последнему работы по руководству и согласованной деятельности всех военных организаций, входящих в данный Отдел, при Председателе Отдела должны быть образованы, в качестве совещательного Органа, особые «совещания» из Председателей Союзов, Обществ и Начальников воинских частей, входящих в данный Отдел.

4) Образованные в некоторых странах полковые объединения ряда полков сохраняются, но лицо, возглавляющее такие объединения, впредь будет назначаться. Лицо это, будучи председателем полкового объединения, вместе с тем является и начальником кадрового состава полка.

Примечание. 1) В «кадровый состав» полка входят все офицеры, принимавшие в составе своего полка участие в Великой и Гражданской войнах. В состав «полкового объединения» могут входить все лица, когда-либо служившие в полку в офицерских чинах.

2) если полк сохраняется как отдельная строевая часть, то командир этой части является и председателем полкового объединения.

5) Для руководства кадровым составом полка, Начальник его создает при себе совещание из чинов кадра по своему назначению.

6) Согласно письма начальника канцелярии Верховного Главнокомандующего от 30 ноября сего года за № 2, образованное на основании п.4 сего приказа, объединение Гвардейских полков будет впредь возглавляться особым лицом, назначаемым ЕГО ИМПЕРАТОРСКИМ ВЫСОЧЕСТВОМ.

7) Все назначения лиц, предусмотренные в пп.1, 3, 4 и 6 сего приказа, будут производиться ЕГО ИМПЕРАТОРСКИМ ВЫСОЧЕСТВОМ по моему представлению.

8) Во всех остальных частях приказ мой № 35 от 1-го сентября остается в силе.

Подлинный подписал генерал Врангель
Скрепил генерал-лейтенант Кусонский
С подлинным верно генерал-лейтенант Архангельский

ГАРФ. Ф.5826. Оп.1. Д.15. Л.111 – 111 об.

**ЦИРКУЛЯР ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РУССКОГО
ОБЩЕ-ВОИНСКОГО СОЮЗА ГЕНЕРАЛА А.П. КУТЕПОВА
НАЧАЛЬНИКАМ ОТДЕЛОВ РОВСа**

Февраль 1929 г.

Циркулярно
Доверительно

Милостивый Государь

В ближайшее время можно ожидать, что ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО Великий Князь Кирилл Владимирович обратится к русским людям с новым призывом – следовать за Ним.

Кругами, близкими к Великому Князю, ведется деятельная работа с целью подготовить для указанного обращения благоприятную почву. Работа эта, к сожалению, ведется и среди наших военных организаций.

Имею также сведения, что Высший Монархический Совет предполагает признать Великого Князя – ИМПЕРАТОРОМ. Предположение это, как говорят, вызвало уже известное разложение в

Монархической Партии и внесло среди членов ее даже раскол, причем отделилось будто бы все молодое, т.е. все наиболее активное.

Возможно, следовательно, что вперед обращения Великого Князя будет выпущено соответствующее обращение Высшего Монархического Совета.

Уверен, что Вы приложите все силы к тому, чтобы Русское Зарубежное Воинство осталось верно заветам в БОЗЕ почившего Верховного Главы, который неоднократно заявлял, что «мы не должны здесь, на чужбине, предрешать за русский народ коренных вопросов его государственного устройства».

Исходя из изложенного, прошу:

1. В случае появления указанных выше обращений незамедлительно донести мне о том впечатлении, которое они произведут на чинов Русского Обще-Воинского Союза.

2. Всех чинов Союза, признавших Великого князя Владимира Кирилловича — ИМПЕРАТОРОМ, незамедлительно исключить из РОВС властью соответствующих начальников.

3. В случае признания Высшим Монархическим Советом Великого Князя Кирилла Владимировича ИМПЕРАТОРОМ предложить всем чинам Союза, кои по данным им особым разрешениям остаются в Союзе, принимали участие и в работе Монархической Партии, незамедлительно уйти из последней. При отказе — исключать из Союза на общем основании, как перешедшим в «политическую организацию».

Уважающий Вас
А. Кутепов

*Политическая история русской эмиграции. 1920 — 1940 гг.:
Документы и материалы. — М., 1999. — С. 43 — 44.*

**ПРИКАЗ
НАЧАЛЬНИКА РУССКОГО ОБЩЕ-ВОИНСКОГО СОЮЗА
ГЕНЕРАЛА А.П. АРХАНГЕЛЬСКОГО**

г. Брюссель

№ 5

9 февраля 1939 г.

Объявляю обращение Главы Российского Императорского Дома Великого Князя Владимира Кирилловича, последовавшее

после моего представления доклада Его Императорскому Высочеству о Русском Обще-Воинском Союзе и его участии в объединении русской эмиграции, к которому призывает Великий Князь.

Алексей Петрович,

С удовлетворением выслушал Ваш доклад о состоянии Русского Обще-Воинского Союза и вхождении его в общее объединение эмиграции, к которому Я призываю.

Объединение эмиграции необходимо, ибо только этим путем она может иметь авторитет и получить право на участие в разрешении русских вопросов.

Призывая к объединению эмиграции. Я считаю необходимым, чтобы все организации продолжали свое существование на прежних основаниях и прилагали все усилия к упрочению своих рядов и сохранению единства.

Русский Обще-Воинский Союз, являясь наибольшим ядром Русского Зарубежного Воинства, должен стремиться к сохранению своего единства и сплоченности.

Когда настанет момент, Я призову всех к исполнению своего долга перед Родиной и мне отрадно знать. Что Русский Обще-Воинский Союз готов откликнуться на Мой призыв.

Я высоко ценю героическую борьбу, которую вели Белые Армии на всех фронтах, и не сомневаюсь, что чины Союза готовы и ныне отдать все силы на освобождение и восстановление России на ее исторических началах.

Прошу Вас передать чинам Русского Обще-Воинского Союза мой искренний привет.

Искренно Ваш

ВЛАДИМИР

6 февраля 1939 г.

С. Бриак

Под сенью Российского Императорского Дома развивалась и крепла Россия в течение более 300 лет и привет Его Главы и высокая оценка, данная его Императорским Высочеством подвигам Белых Армий и нашей готовности отдать все силы на служение Родине, нам особенно дороги и мы должны приложить все усилия для того, чтобы быть их достойными.

Входя в общее объединение эмиграции, к которому призывает Глава Российского Императорского Дома, Русский Обще-Воинский Союз должен продолжать свою работу, сохраняя в силе, как это

подтверждено и его Императорским Высочеством, все свое основоположение, на котором он должен быть построен нашими Вождями и создателями Белого Движения. Поэтому мы должны знать, что на нас остается и вся ответственность за сохранение нашего единства и сплоченности и за нашу подготовку к выполнению стоящих перед нами задач.

Призываю членов Русского Обще-Воинского Союза к неустанной, как и раньше, работе, почерпая новые для сего силы в словах и оценке нас Главой Российского Императорского Дома.

Генерал-Лейтенант Архангельский

Часовой. — 1939. — № 230. — С. 2 — 3.

**ПРИКАЗ
НАЧАЛЬНИКА ОБЪЕДИНЕНИЯ РУССКИХ ВОИНСКИХ
СОЮЗОВ ГЕНЕРАЛА А.А. ФОН ЛАМПЕ**

г. Берлин

№ 46

17 августа 1941 года

21-го мая с.г. в предвидении неизбежности боевого столкновения между Германией и Россией я, будучи уверенным в том, что все чины Объединения, как основоположники б е л о й б о р ь б ы, веденной большинством из них в 1917—1920 гг. против коммунистов, захвативших власть на нашей Родине, будут стремиться принять непосредственное участие в борьбе, которую возьмет на себя германская армия, — обратился к главнокомандующему армией (О.К.Х.) генерал-фельдмаршалу фон-Браухичу с нижеследующим письмом:

«Русские военные эмигранты с первого дня героической борьбы Германии за свое существование с глубоким вниманием присматриваются к событиям, связанным с этой борьбой, и не считая себя в праве сказать свое слово, всеми силами стараются заменить ушедших в армию на фронт бойцов на их должностях в глубоком тылу, чтобы хотя в небольшой степени принять участие в борьбе Германии против Англии, векового врага Национальной России.

Для нас нет никаких сомнений в том, что в последний период борьбы она выразится в военном столкновении Германии с Союзом Советских Социалистических Республик. Это неизбежно уже в силу того, что коммунистическая власть, стоящая во главе нашей

родины, никогда не сдержит ни своих договоров, ни своих обещаний уже по самой своей коммунистической сущности.

Мы твердо верим, что в этом военном столкновении доблестная Германская армия будет бороться не с Россией, а с овладевшей ею и губящей ее коммунистической властью совнаркома. Мы верим в то, что в результате этой борьбы придет мир и благополучие не только для Германии, но и для Национальной России, верными которой остались мы, политические русские военные изгнанники, за все двадцать лет нашего пребывания вне России. Мы верим также, что в результате этой борьбы, которую ведет Германия, родится союз между Германией и Национальной Россией, который обеспечит мир Европы и процветание Вашего и Нашего Отечества.

И потому теперь, когда наступает новый, быть может самый решительный час, самая решительная стадия борьбы, в которой мы уже не можем удовольствоваться скромной ролью в тылу, а должны принять то или иное активное участие — я считаю своим долгом заявить вашему Превосходительству, что я ставлю себя и возглавляемое мною Объединение Русских Воинских Союзов в распоряжение Германского Верховного Командования, прося Вас, господин Генерал-фельдмаршал, дать возможность принять участие в борьбе тем из чинов его, которые выразят свое желание это сделать и физически окажутся пригодными».

22 июня с.г. мои предположения оправдались полностью — война Германии против СССР стала свершившимся фактом. От чинов Объединения, начиная с начальников отделов, моих непосредственных помощников и моих представителей на местах, и кончая отдельными членами Объединения и русскими военными служащими, ранее в его состав не входившими, я стал получать в массе заявления о готовности предоставить свои силы в распоряжение германского военного командования для общей борьбы и о стремлении принять участие в этой борьбе наравне с добровольными формированиями многих государств Европы. В силу этого я повторил мое обращение к генерал-фельдмаршалу Браухичу и, кроме того, пятого июля передал мое обращение по тому же вопросу на имя Вождя Германии рейхсканцлера Адольфа Хитлера. В этом последнем моем обращении я уже имел возможность дополнительно упомянуть о том, что к моему заявлению решили примкнуть также и руководители русских воинских организаций, оставшихся от Русской армии генерала В р а н г е л я в Болгарии и бывшей Югославии.

10 июля я получил от министра Мейснера, в ответ на мое после

обращения — сообщение, что по повелению рейхсканцлера мое письмо передано на обсуждение главного командования германскими вооруженными силами (О.К.В.). Сегодня в ответ на мои два письма генерал-фельдмаршалу фон-Браухичу мною получено сообщение, что в *настоящее время чины Объединения не могут быть применены в германской армии.*

Этот ответ указывает на то, что в *данное время* и в предложенной мною форме применение русских воинских чинов в борьбе *неосуществимо.*

Естественно, что чины русских зарубежных воинских организаций стремятся принять участие в борьбе с оружием в руках под русским Национальным флагом, как это делается сейчас добровольцами Бельгии, Дании, Испании и других стран.

В силу полученного мною от О.К.Х. ответа это оказалось неосуществимым. На этом основании я считаю, что чины Объединения не связаны более в своих решениях. Принятым мною на себя от лица всего Объединения, обязательством и потому *предоставляю* каждому из них *право* в дальнейшем осуществлять свое стремление послужить делу освобождения Родины *путем использования каждым в индивидуальном порядке* предоставляющихся для этого возможностей (занятия должностей переводчиков в германской армии и ее тылу, поступления на службу на почту и т.д.).

Всем, эту возможность получившим, от лица Объединения и от себя лично, желаю полного успеха в проведении в жизнь принятого ими решения.

Однако усматривая, что полученный мною ответ, как видно из его краткого содержания, *относится к настоящему времени* и памятуя, что обстановка на войне не только меняется, но и повелевает, я считаю, что мы, зарубежные русские воины, не должны терять надежды на то, что нам в конечном счете когда-либо удастся осуществить наши стремления в том виде, который нам кажется естественным. В силу этого *приказываю:*

1. Чинам Объединения, которые поступят на ту или иную, связанную с борьбой за освобождение России службу, *держат связь* со своими начальниками воинских групп, входящих в состав Объединения.

2. Начальникам отделов Объединения и представителям на местах вести учет всех подчиненных им чинов, получивших службу и также поддерживать *связь*, позволяющую снестись с каждым из них во всякое время.

Начальников отделов Объединения и моим представителям на местах принять все доступные им меры для того, чтобы настоящий мой приказ дошел до сведения *всех* чинов Объединения.

Начальник Объединения
Генерального Штаба Генерал-Майор фон-Лампе.

ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.69. Л.244 – 244 об.

**ИЗ ПИСЬМА ГЕНЕРАЛА А.И. ДЕНИКИНА
НАЧАЛЬНИКУ РУССКОГО ОБЩЕ-ВОЙНСКОГО СОЮЗА
ГЕНЕРАЛУ А.П.АРХАНГЕЛЬСКОМУ (1946 г.)**

...Началась война. Вы отдали приказ 1 сентября 1939 г.: «Чины РОВС-а должны исполнить свое обязательство перед страной, в которой они находятся, и зарекомендовать себя с лучшей стороны, как подобает русскому воину». Что касается принявших иностранное подданство – это дело их совести. Но призывать служить одинаково ревностно всем – и друзьям и врагам России – это обратить русских воинов-эмигрантов в ландскнехтов.

Советы выступили войной против Финляндии. Вы «в интересах (якобы) русского национального дела» предложили контингенты РОВС-а Маннергейму. Хорошо, что из этого ничего не вышло. Ибо не могло быть «национального дела» в том, что русские люди сражались бы в рядах финляндской армии, когда финская пропаганда каждодневно поносила не только большевиков и СССР, но и Россию вообще, и русский народ. А теперь уже нет сомнений в том, что при заключении перемирия Ваши соратники, соблазнившиеся Вашими призывами, были бы выданы Советам головой, как выдают теперь «власовцев».

Допустим, что это были ошибки. Всякий человек может добровольно заблуждаться. Но дальше уже идут не ошибки, а преступления.

Челобития Ваши и начальников отделов РОВС-а о привлечении чинов его на службу германской армии, после того, как Гитлер, его сотрудники и немецкая печать и во время войны, и задолго до нее высказывали свое презрение к русскому народу и к русской истории, открыто проявляли стремления к разделу и колонизации России и к физическому истреблению ее населения, – такие челобитные иначе как преступными назвать нельзя.

Пропаганда РОВС-а толкала чинов Союза и в немецкую армию, и в иностранные легионы, и на работу в Германию, и в организацию Шпеера, вообще всюду, где можно было послужить потом и кровью целям, поставленным Гитлером. Уже 23 апреля 1944 г., когда не только трещали все экзотические легионы, но и сама германская армия явно шла к разгрому, Вы еще выражали сожаление: «даже к участию в «голубой испанской дивизии» не были допущены белые русские... Для нас это было горько и обидно...».

Но самое злое дело – это «Шютцкор» – корпус, сформированный немцами из русских эмигрантов, преимущественно из чинов РОВС-а в Югославии. Он подавлял сербское национальное восстание против немецкого завоевания. Тяжело было читать ростопчинские афиши главных вербовщиков и Ваше «горячее пожелание всем сил и здоровья для нового подвига и, во всяком случае, для поддержания зажженного ген. Алексеевым света в пустыне». Должно быть, праведные кости ген. Алексеева, покоящиеся на сербской земле, перевернулись в гробу от такого уподобления.

У Вас не могло быть даже иллюзии, что немецкое командование пошлет «Шютцкор» на Восточный фронт, ибо оно никогда такого обещания не давало.

В результате почти весь «Шютцкор» погиб. Погибло и множество непринципиальных русских людей не только от злодейства чекистов, но и благодаря той ненависти, которую вызвали в населении Югославии недостойные представители нашей эмиграции. Русскому имени нанесен был там жестокий удар.

Правда, в 1944 г. Вы охладели к «Шютцкору», «из которого стали уходить здоровье и хорошие элементы», но было уже поздно. Ваши устремления направились на РОА, или так называемую «Армию Власова». И в то время, как несчастные участники ее, попав в тупик, проклиная свою судьбу, только и искали способов вырваться из своей петли, Вы с сокрушением писали: «нас не только не допускают в РОА, но, во многих случаях, даже ограничивают наши возможности общения с ними».(...).

Теперь, в свете раскрывшихся страниц истории, невольно встает вопрос: что было бы, если бы все призывы руководителей РОВСа были услышаны, если бы все намерения их были приведены в исполнение? Только недоверие к нам немцев и пассивное сопротивление большинства членов Союза предохранило их от массовой и напрасной гибели.

Вот те мысли, которые были высказаны мною на закрытом собрании, по возможности щадя Вас, и которые, по словам ген. Ионо-

ва, вызвали «общее негодование лучшей части Белого воинства против ген. Деникина».

Позвольте мне не поверить ни Вам, ни ген. Ионову.

После четверти века небывалых в истории испытаний уцелевшее русское воинство, раскиданное по всему земному шару, в большинстве своем и «в лучшей части» сохранило русский дух и русское лицо.

Ваше Превосходительство! Когда-то, в роковые дни крушения Российской империи, я говорил:

- Берегите офицера! Ибо от века и донныне он стоит верно и бесшменно на страже русской государственности.

К Вам и к тем, что с Вами единомышленны, эти слова не относятся.

ГЕНЕРАЛ ДЕНИКИН.

Родина. — 1991. — № 6 — 7. — С.104.

**ПРИКАЗ № 66
ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РУССКОГО ОБЩЕ-ВОИНСКОГО СОЮЗА
КАПИТАНА И.Б. ИВАНОВА**

18 апреля 2007 г.

п.1.

В последнее время распространялись слухи о возможном перезахоронении праха Главнокомандующего Русской Армией генерал-лейтенанта барона П.Н. ВРАНГЕЛЯ в Российской Федерации. Известно, что власти РФ планировали перезахоронить генерала ВРАНГЕЛЯ одновременно с генералом А.И. ДЕНИКИНЫМ, но принципиальная позиция сына Главнокомандующего, барона Алексея Петровича ВРАНГЕЛЯ, помешала чекистам осуществить их провокационный замысел. Барон А.П. ВРАНГЕЛЬ считал перезахоронение своего отца на территории Российской Федерации несвоевременным и целиком разделял позицию РОВСа по этому вопросу.

Однако после кончины барона А.П. ВРАНГЕЛЯ, последовавшей в Ирландии 27 мая 2005 года, власти РФ вновь активизирова-

ли свои попытки захватить прах основателя РОВСа. Эти попытки, в частности, были предприняты через возглавляемый Н.С. Михалковым Российский Фонд Культуры.

Ниже я помещаю копию письма, полученную нами за подписью внука генерала П.Н. Врангеля, П.А. БАЗИЛЕВСКОГО, подтверждающего принципиальную позицию ныне здравствующих потомков основателя РОВСа, включая и его дочь, Наталью Петровну Базилевскую (урожд. баронессу Врангель), проживающую в США. Это письмо было предуведомлено следующей сопроводительной запиской П.А. БАЗИЛЕВСКОГО на английском языке:

«Please be advised that neither my Mother, Nathalie Basilevsky (General Wrangel's daughter and last surviving child) nor his remaining descendents have any intention of repatriating his remains to Russia at this time. Attached please find our response to a self-appointed group which appears to be spreading these unfounded rumors. I would appreciate it if you could please forward this to whomsoever is spreading this untruth.

Regards, Peter A. Basilevsky»

ПРИКАЗЫВАЮ: используя все возможности, как можно шире распространить на местах информацию о позиции потомков генерала П.Н. Врангеля по вопросу перезахоронения.

«Глубокоуважаемый Сергей Сергеевич!»

Благодарю Вас за письмо от 29 января 2007 г. с предложением о перезахоронении праха генерала барона Петра Николаевича Врангеля в Донском монастыре Москвы. Наша семья глубоко тронута Вашим обращением и сознанием, что за ним стоит и желание тысяч других русских людей. Ваше предложение заставило нас вдуматься в смысл и целесообразность такого шага, взвесить все аргументы за и против, чтобы дать серьезный, аргументированный ответ и объяснение.

Известно, что главная черта характера генерала Врангеля — его принципиальность. Он боролся с большевизмом и порожденной им по-

---

* Сергей Сергеевич Зувев — глава Фонда по увековечиванию памяти о жертвах политических репрессий.

рочной системой не из чувства классовой ненависти, а из глубокого убеждения, что большевизм есть абсолютное зло, как для России, так и для человечества в целом.

За последние два десятка лет произошли огромные перемены в сознании россиян относительно сущности большевизма и советской власти. Однако, не произошло главного: осуждения этого зла на государственном уровне. В результате, продолжается брожение в человеческих умах, следствием которого является такое положение дел, что при опросах населения в последние годы чуть ли не половина населения России считает, что Сталин — личность положительная.

Генерал Врангель скончался в Брюсселе в 1928 г., но более года спустя был, по собственной воле, изъявленной при жизни, похоронен в склепе русской церкви в Белграде. Там он покоится по сей день, а недалеко, на кладбище, лежат тысячи сослуживцев, чинов его армии, бесконечно ему преданных, которым и он отдавал последние свои силы. Это взаимное доверие главнокомандующего и его подчиненных не имеет пределов — оно не ограничено ни его смертью, ни давностью лет. Как в жизни, так и в смерти, он находится в строю, вместе со своими офицерами, солдатами, казаками. Взять сейчас его — одного — для перезахоронения в Москве, взять его из рядов преданных ему подчиненных (и преданных его памяти потомков их), можно только по очень уважительной причине. Будь он жив, вряд ли бы он сам согласился бросить свою армию для чести ехать в Москву один, зная, что там до сих пор почетное место рядом с Кремлем занимают Ленин и Сталин.

Последние слова генерала Врангеля на русской земле в 1920 г. были об исполнении долга до конца. Как память о генерале Врангеле живет в нас, его потомках, так живет и память о его соратниках, перед которыми долг и завет Главнокомандующего Русской армии не будут выполнены, доколе существует мавзолей на Красной площади и захоронение красных палачей в стенах Кремля. Вспоминается надгробное слово протиеря Василия Виноградова, сказанное у могилы еще в 1928 г., в Бельгии, «Лобызая его священные для нас останки, дадим на них обещание возгреть в себе никогда неугасающую любовь к обездоленной родине и священный огонь непримиримости к сатанинской, богоборческой власти, не идя ни на какие компромиссы и соглашения, от кого бы они не исходили. В мире надо жить, говорит преподобный Феодосий, с врагами своими, но не с Божими».

Ценя Ваш, Сергей Сергеевич, искренний почин, с тяжелым сердцем сожалеем, что время для перезахоронения генерала Врангеля на

родине еще не наступило. Генерал Врангель был и остается для многих символом непримиримой, принципиальной борьбы. При всем их историческом значении, ни к Деникину, ни к Каппелю такого отношения среди подчиненных и даже среди врагов, как к генералу Врангелю, никогда не было. До сих пор эмиграция чтит память его и те идеалы, ради которых он боролся. Его борьба не закончена, и преждевременное перезахоронение его лишь умалит значение подвига и жертв как самого Врангеля, так и всех Белых воинов, отдавших жизнь на благо России.

Петр А. Базилевский».

И.Б. Иванов, Председатель Союза.

Текущий архив Русского Обще-Воинского Союза.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

¹ Адаптация российских эмигрантов (конец XIX—XX в.). Исторические очерки. — М., 2006. С. 3.

² Наука в России: современное состояние и стратегия возрождения. — М., 2004. С. 57.

³ Автор использует понятия Российское и Русское Зарубежье как синонимы. Именно термин русской национальности составили ядро эмиграции, но в то же время термин «российская» («российское») несет в себе и подчеркивает историческую взаимосвязь между наименованием прежнего государства (Россия, Российская Империя) и его гражданами, вынужденными покинуть родину, и созданными за его пределами особое образование — Российское Зарубежье или как принято нередко более возвышенно говорить — Зарубежную Россию, Россию № 2.

⁴ Голдин В.И. Контрреволюция на Севере России и ее крушение (1918—1920 гг. — Архангельск, 1989; он же. Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере. 1918—1920. — М., 1993; Белый Север. 1918—1920 гг. Вып. 1—2 / Составитель В.И. Голдин. — Архангельск, 1993; Заброшенные в небытие. Интервенция на Русском Севере (1918—1919) глазами ее участников / Составитель В.И. Голдин при участии Дж.У. Лонга. — Архангельск, 1997; Голдин В.И., Тетеревлёва Т.П., Цветнов Н.Н. Русская эмиграция в Норвегии. 1918—1940 // Страх и ожидания. Россия и Норвегия в XX ве-ке. — Архангельск, 1997; Голдин В.И. Россия в гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х — 90-е годы). — Архангельск, 2000; он же. Революционный пролог и гражданская война в России на историографическом рубеже конца XX— начала XXI в. // Проблемы новейшей истории России. — СПб., 2005; он же. Лихолетье. Судьба генерала М.В. Фастыковского: русский генерал, секретный агент, узник НКВД. — Архангельск, 2006 и др. Полный библиографический указатель трудов В.И. Голдина см.: Россия в глобализующемся мире. — Архангельск, 2006. С. 293 — 315.

⁵ Голдин В.И. Армия в изгнании. Очерки истории Русского Обще-Воинского Союза. — Архангельск — Мурманск. 2000; он же. Роковой выбор. Русское военное Зарубежье в годы Второй мировой войны. — Архангельск — Мурманск, 2005; он же. Солдаты на чужбине. Русский Обще-Воинский Союз, Россия и Русское Зарубежье в XX — XXI веках. — Архангельск, 2006.

Глава 1

⁶ Мещеряков Н.Л. На переломе (из настроений белогвардейской эмиграции). — М., 1922; Белов В. Белое похмелье. Русская эмиграция на распутье. Опыт исследования психологии, настроений и бытовых условий русской эмиграции в настоящее время. — М. — Пг., 1923; Алексеев Н. На службе империалистов (англо-русский конфликт и белая эмиграция). — М., 1923; Василевский И.М. Что они пишут (мемуары бывших людей). — М., 1925 и др. Наряду с издаваемыми книгами и брошюрами, публиковалось и значительное число статей по этой тематике.

⁷ Потехин Ю.Н. Павлины без крыльев. Из архива контрреволюции. — М., 1924; Бобришев-Пушкин А.В. Война без перчаток. — Л., 1925; Кичкасов Н. Белогвардейский террор против СССР. — М., 1928; Арсеньев Е. Поджигатели войны. Четыре покушения на полпредство СССР в Варшаве. — М. — Л., 1931; Кудрявцев Р. Белогвардейцы за работой. — М., 1932; Михайлов Е.А. Белогвардейцы-поджигатели войны. — М., 1932; он же. Белогвардейский террор против СССР. — М. — Л., 1932 и др.

⁸ Калинин И.М. В стране братушек. — М., 1923; он же. Под знаменем Врангеля. — Л., 1925; Владимиров Л. Возвратите их на Родину! Жизнь врангелевцев в Галлиполи и Болгарии. — М., 1924; Лунченков И. За чужие грехи. Казаки в эмиграции. — М. — Л., 1925; Бобришев-Пушкин А.В. Патриоты без отечества: Крушение белой эмиграции. — Л., 1925; Слободский А. Среди эмиграции. Мои воспоминания. Киев — Константинополь. 1918 — 1920. — Харьков, 1925; Лунченков И. За чужие грехи. Казаки в эмиграции. — М. — Л., 1925; Федоров Г. Путешествие без сантиментов. (Крым, Галлиполи, Стамбул). Воспоминания беженца. — Л. — М., 1926 и др.

⁹ Раковский Г.Н. В Конце белых от Днепра до Босфора. (Вырождение, агония и ликвидация). — Прага, 1921; Русская армия в изгнании. 1920—1923. — Б.м., 1923; Русские в Галлиполи. — Берлин, 1923; Трехлетие Общества Галлиполийцев (1921—1924). — Белград, 1924; Львов Н.Н. Белое дело. — Белград. — 1924; Крюков П.И. Казаки в Чатаджи и на Лемносе в 1920—1921 гг. — Белград, 1924; Даватц В.Х. Годы: Очерки 5-летней борьбы. — Белград, 1926; Даватц В.Х., Львов Н.Н. Русская Армия на чужбине. — Белград, 1928; Даватц В.Х. Годы. Очерки 10-летней борьбы. — Белград, 1929; Краинский Н.В. Без будущего. Очерки по психологии революции и эмиграции. — Белград, 1931; Рытченков С. 259 дней Лемноского сидения. — Париж, 1933; Деникин А.И. Международное положение. Россия и эмиграция. — Париж, 1934; Байов А.К. Несколько мыслей об устройстве будущей Российской вооруженной силы. — Париж, 1938; Головин Н.Н. Мысли об устройстве российской вооруженной силы. — Париж, 1938; Ларионов В. Боевая вылазка в СССР. Записки организатора взрыва Ленинградского Центрального Партклуба. — Париж, 1931 и др.

¹⁰ Армия и флот. Военный справочник. — Париж, б.г.; Корниловский ударный полк. — Париж, 1936; Русские в Германии. — Берлин, 1921; Русская эмиграция в Болгарии. — София, 1923; Русские в Праге. 1918—1928. — Прага, 1928; Жиганов В. Русские в Шанхае. — Шанхай, 1936; Русские во Франции. — Париж, 1937 и др.

¹¹ Данилов Ю.Н. Великий Князь Николай Николаевич. — Париж, 1930; Главнокомандующий Русской Армией генерал барон Врангель. К десятилетию кончины. — Белград, 1938; Постников С.П. Библиография русской революции и гражданской войны 1917—1921. — Прага, 1938; Цуриков Н.А. Генерал Александр Павлович Кутепов. — Прага, 1930; Генерал Кутепов. — Париж, 1934; Похищение генерала Кутепова большевиками. В двух выпусках. — Париж, 1930; Бурцев В.Л. Большевицкие гангстеры в Париже. — Париж, 1939. Теме похищений генералов Кутепова и Миллера было посвящено большое число статей в русскоязычных эмигрантских журналах 30-х годов, как, впрочем, и последующих десятилетий.

¹² Перечень периодических военных изданий эмиграции см.: Военная мысль в изгнании. — М., 1999. — С. 550—558. Этой проблеме посвящено специальное исследование: Шинкарук И.С., Ершов В.Ф. Российская военная эмиграция и ее печать. — М., 2000. См. также: Русская эмиграция. Журналы и сборники на русском

языке. 1920–1980. Сводный указатель статей. – Paris, 1988; Издательское и библиографическое дело русского зарубежья. – СПб., 1999; Русская эмиграция. Журналы и сборники на русском языке. 1981–1995. Сводный указатель статей. – М., 2005.

¹³ Huntington W. The Homesick Million. Russia out of Russia. – Boston, 1933; Simpson J.H. The Refugee Problem. – L., 1939, etc.

¹⁴ Великая Маньчжурская империя. К десятилетнему юбилею. – Харбин, 1942.

¹⁵ Комин В.В. Крах российской контрреволюции за рубежом. – Калинин, 1977; его же. Белая эмиграция и Вторая мировая война. – Калинин, 1979; Барихновский Г.В. Идеино-политический крах белой эмиграции и разгром внутренней контрреволюции (1921–1924 гг.). – Л., 1978; Голинков Д.Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. Кн. 2. Изд. Третье, доп. – М., 1980; Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. – М., 1981; Мухачев И.А. Идеино-политическое банкротство планов буржуазного реставраторства в СССР. – М., 1982; Афанасьев А.Л. Полюнь в чужих полях. – М., 1984 и др.

¹⁶ Костиков В.В. Не будем проклинать изгнание...: Пути и судьбы русской эмиграции. – М., 1990; Почему мы вернулись на Родину: Свидетельства реэмигрантов. 2-е изд. – М., 1987 Башкиров Г.Б., Васильев Г.В. Путешествие в Русскую Америку. Рассказы о судьбе эмиграции. – М., 1990; Большаков В.В. Русские березы под Парижем. – М., 1990; Коваленко Ю.М. Париж. Очерки о русской эмиграции. – М., 1991; Куликов Н.Г. Я твой, Россия. – М., 1990; Бортневский В.Г. Избранные труды. – СПб., 1999; Сонин В.В. Крах белоэмиграции в Китае. – Владивосток, 1987 и др.

¹⁷ Проблемы изучения истории российской зарубежья. – М., 1993; Русская эмиграция в Европе: 20-е–30-е годы XX в. – М., 1996; Память сердца. Сборник материалов конференции Головинские чтения. – М., 1996; Российское зарубежье: итоги и перспективы изучения. – М., 1997; Российское зарубежье: История и современность. – М., 1998; Зарубежная Россия. 1917 – 1945. В трех книгах. – СПб., 2004; Русский исход. – СПб., 2004; Проблемы истории Русского зарубежья. Материалы и исследования. – М., 2005. Вып. 1; Русская эмиграция в Европе в 1920–1930-е годы. – М., 2005. Вып. 2 и др.

¹⁸ В 2006 г. профессор Е.И. Пивовар был выбран ректором Российского государственного гуманитарного университета, что может означать и активизацию изучения эмигрантской тематики в этом авторитетном научном центре страны.

¹⁹ Наряду с вышеназванными книгами, отметим также: Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов: гражданские беженцы, армия, учебные заведения. – М., 1994; Тарле Г.Я. Российское зарубежье и родина. – М., 1993; Худобородов А.Л. Вдали от родины: российские казаки в изгнании. – Челябинск, 1997; Бочарова З.С. Судьбы российской эмиграции: 1917–1930-е годы. – Уфа, 1998; она же. «...не принявший иного подданства: Проблемы социально-правовой адаптации российской эмиграции в 1920–1930-е годы. – СПб., 2005; Россия в изгнании. Судьбы российских эмигрантов за рубежом. – М., 1999; Ипполитов С.С., Недбаевский В.М., Руденцова Ю.И. Три столицы изгнания: Константинополь. Берлин, Париж. Центры Зарубежной России. – М., 1999; Русские без Отечества: Очерки антибольшевистской эмиграции 20-х – 40-х годов. – М., 2000; Эмиграция и репатриация. – М., 2001; Сабенникова И.В. Российская эмиграция (1917–1939): сравнительно-типологическое исследование. – Тверь, 2002; Антропов О.К. Исто-

рия отечественной эмиграции. Кн. 3. Вторая волна отечественной эмиграции и ее культура. — Астрахань, 1999; Александров С.А. Возникновение зарубежной России. — М., 2003; Ипполитов Г.М. «Странники неочарованные»: пути и судьбы русской эмиграции (1920–1941 гг.). — СПб., 2005; Адаптация российских эмигрантов (конец XIX–XX в.). — М., 2006; Антошин А.В. Российская эмиграция: история и современность. — Екатеринбург, 2006; Пронин А.А. Историография российской эмиграции. — Екатеринбург, 2000.

²⁰ Российская эмиграция на Дальнем Востоке. — Владивосток, 2000; Мелихов Г.В. Российская эмиграция в Китае (1917–1924). — М., 1997; 2000; Печерица В.Ф. Восточная ветвь российской эмиграции. — Владивосток, 1994; его же. Духовная культура русской эмиграции в Китае. — Владивосток, 1999; Хисамутдинов А.А. По странам рассеяния. Ч. 1. Русские в Китае. — Владивосток, 2000; Ч. 2. Русские в Японии, Америке и Австралии. — Владивосток, 2000; его же. Российская эмиграция в Китае. Опыт энциклопедии. — Владивосток, 2002; Иванов В.П. Российское зарубежье на Дальнем Востоке в 1920–1940-е гг. — М., 2003; Аблова Н.Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае. Международные и политические аспекты истории. — М., 2004; Русская эмиграция в славянских странах: Югославия, Чехия, Болгария. — Красноярск, 1997; Серапионова Е.П. Российская эмиграция в Чехословацкой республике (20–30-е гг.). — М., 1995; Горячкин Г.В. и др. Русская эмиграция в Тунисе (1920–1939 гг.). — М., 2000; Кудрякова Е.Б. Российская эмиграция в Великобритании в период между двумя войнами. — М., 1995; Сазоненко А.И., Панков Н.А. Наши соотечественники в Латинской Америке. — М., 2002; Русская эмиграция в Европе в 1920–30-е годы. — М., 2005. Вып. 2; Рябова В.И. Российская эмиграция в Африке в 1920–1945 гг. — М., 2005; Ручкин А.Б. Русская эмиграция в США в первой половине XX века (опыт социокультурной адаптации). — М., 2005; Голдин В.И., Тетеревлева Т.П., Цветнов Н.Н. Русская эмиграция в Норвегии // Страх и ожидания. Россия и Норвегия в XX веке. — Архангельск, 1997; Тетеревлева Т.П. Пореволуционная российская эмиграция на севере Европы 1917 – начала 1920-х гг. // Русский исход. — СПб., 2004 и др.

²¹ Пронин А.А. Российская эмиграция разных волн и регионов рассеяния в авторефератах диссертаций, изданных в РСФСР – России в 1980–2003 годах. Библиографический указатель. — Екатеринбург, 2006. С. 3. Часть подсчетов по историческим наукам произведена автором по этому изданию. С. 4–17.

²² Бортневский В.Г. Загадка смерти генерала Врангеля: Известные материалы по истории русской эмиграции 1920-х годов. — СПб., 1996; он же. Избранные труды. — СПб., 1999; Русское Зарубежье: государственный патриотизм и военная мысль. — М., 1994; Бегидов А., Ершов В., Пивовар Е. Российская военная эмиграция в 1920–30-е годы. — Нальчик, 1998; Бегидов А.М. Военное образование в Зарубежной России. 1920–1945. — М., 2001; Бегидов А.М., Ершов В.Ф., Пивовар Е.И. Военно-учебные заведения Зарубежной России 1920–1930-е годы. — Нальчик, 1999; Ершов В.Ф. Российское военно-политическое зарубежье в 1918–1945 гг. — М., 2000; он же. Российская военно-политическая эмиграция в 1920–1945 гг. — М., 2003; Шинкарук И.С., Ершов В.Ф. Российская военная эмиграция и ее печать. 1920–1939 гг. — М., 2000; Худобородов А.Л. Вдали от родины: русские казаки в эмиграции. — Челябинск, 1997; Парфенова Е.Б. Казачья эмиграция в Чехословакии. — СПб., 1997; Карпов Н. Крым – Галлиполи – Балканы. — М., 2002; Окороков А.В.

Русская эмиграция. Политические, военно-политические и воинские организации 1920–1990 гг. – М., 2003; Ипполитов Г.М. «Красные орлы» против «рыцарей белой мечты»: духовная сеча. – Самара, 2005; Гончаренко О.Г. Закат и гибель Белого флота. 1918–1924 гг. – М., 2006; Пеньковский Д.Д. Эмиграция казачества из России и ее последствия (1920–1945 гг.). – М., 2006 и др.

²³ Свириденко Ю.П., Ершов В.Ф. Белый террор? Политический экстремизм российской эмиграции в 1920–1945 гг. – М., 2000; Чистяков К.А. Убить за Россию? Из истории русского эмигрантского «активизма». 1918–1939. – М., 2000; Индивидуальный политический террор в России. – М., 1996 и др.

²⁴ Исторические чтения на Лубянке. 1998 год. Российские спецслужбы на переломе эпох: конце XIX века – 1922 год. – М., Великий Новгород, 1999; Исторические чтения на Лубянке. 1999 год: Отечественные спецслужбы в 1920–1930-е гг. – М., Великий Новгород, 2000; Исторические чтения на Лубянке. 2000 год. Отечественные спецслужбы накануне и в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – М., Великий Новгород, 2001; Исторические чтения на Лубянке. 2002 год. – М., 2003; Российские спецслужбы: история и современность. Материалы исторических чтений на Лубянке 1997–2000 гг. – М., 2003.

²⁵ Дробязко С.И. Вторая мировая война 1939–1945: Русская освободительная армия. – М., 1998; он же. Под знаменем врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил 1941–1945 гг. – М., 2004; О कोरोков А.В. Антисоветские воинские формирования в годы Второй мировой войны. – М., 2000; он же. Фашизм и русская эмиграция (1920–1945 гг.). – М., 2002; Цурганов Ю.С. Неудавшийся реванш. Белая эмиграция во Второй мировой войне. – М., 2001; Чуев С.Г. Проклятые солдаты. Предатели на стороне III рейха. – М., 2004; Он же. Власовцы – пасынки Третьего Рейха. – М., 2006; Кривошеева Е.Г. Российская эмиграция накануне и в период Второй мировой войны (1936 – 1945 гг.). – М., 2001; ее же. Российская послереволюционная эмиграция во время Второй мировой войны. – М., 2002; Александров К.М. Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова 1944–1945 гг. – СПб., 2001; он же. Против Сталина. Власовцы и восточные добровольцы во Второй мировой войне. – СПб., 2003; он же. Русские солдаты Вермахта. Герои или гвдатели. – М., 2005; он же. Армия генерал-лейтенанта А.А. Власова 1944–1945 гг.: материалы к истории Вооруженных сил КОНР. – СПб., 2004; Между Россией и Сталиным. Российская эмиграция и Вторая мировая война. – М., 2004; Крикунов П. Казаки между Гитлером и Сталиным. – М., 2005 и др.

²⁶ Венков А.В., Шишов А.В. Белые генералы. – Ростов-на-Дону, 2000; Черкасов-Георгиевский В.Г. Вожди белых армий. – Смоленск, 2003; его же. Генерал Деникин. – Смоленск, 1999; Смирнов А.А. Атаман Краснов. – М., 2003; Клавинг В.В. Кто был кто в белой гвардии и военной контрреволюции (1917–1923 гг.). – СПб., 1998; его же. Белая гвардия. – СПб., 1998; Рутыч Н.Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии. – М., 1997; Алабин И.Г., Судравский В.Д. Донской генералитет в изгнании. Опыт библиографического словаря. – М., 2000; Рыбас С.Ю. Генерал Кутепов. – М., 2000; Бортневский В.Г. Загадка смерти генерала Врангеля. – СПб., 1996; Краснов В.Г. Врангель. Трагический триумф барона (документы, мнения, размышления). – М., 2006; Волков Е.В. Судьба колчаковского генерала: Страницы жизни М.В. Ханжина. – Екатеринбург, 1999; Волков Е.В. Колчаковские генералы: опыт исторического исследования. – Челябинск, 2001;

Волков С.В. Белое движение. Энциклопедия гражданской войны. — СПб. — М., 2003; Волков Е.В., Егоров Н.Д., Купцов И.В. Белые генералы Восточного фронта Гражданской войны. Биографический справочник. — М., 2003; Козлов А.И. Антон Иванович Деникин (человек, полководец, политик, ученый). М., 2004; Ганин А.В. Черногорец на русской службе. Генерал Бакич. — М., 2004; Войнаровский О.В. Е.К. Миллер: военачальник и политик: историко-психологическое исследование военно-политических аспектов деятельности неординарной исторической личности (1914–1937 гг.). — СПб., 2006; Ипполитов Г.М. Деникин. — М., 2000, 2006; Шмаглит Р.Г. Белое движение. 900 биографий крупнейших представителей Русского военного Зарубежья. — М., 2006; Голдин В.И. Испытания длиной в жизнь: судьба генерала Миллера // Белая армия. Белое дело. 1996. № 1 и др.

²⁷ Более подробно см.: Голдин В.И. Россия в гражданской войне. Очерки современной историографии (вторая половина 1980-х — 90-е годы). — Архангельск, 2000. Смотрите также: Гражданская война в России: события. Мнения, оценки. — М., 2002; Бордюгов Г.А., Ушаков А.И., Чураков В.Ю. Белое дело: идеология, основы, режимы власти. Историографические очерки. — М., 1998 и др.

²⁸ Ершов Е.Ф. Российское военно-политическое зарубежье в 1918 — 1945 гг. — М., 2000; он же. Российская военно-политическая эмиграция в 1920 — 1945 гг. — М., 2003; Российский Обще-Воинский Союз: Краткий исторический очерк. — СПб., 1994; Окорочков А.В. Русская эмиграция. Политические, военно-политические и воинские организации 1920 — 1990. — М., 2003 и др.

²⁹ Голдин В.И. Армия в изгнании. Страницы истории Русского Обще-Воинского Союза. — Архангельск-Мурманск. — 2002; он же. Солдаты на чужбине. Русский Обще-Воинский Союз, Россия и Русское Зарубежье в XX — XXI веках. — Архангельск, 2006.

³⁰ Очерки истории российской внешней разведки. Т. 2–3. — М., 1996–1997; Лубянка 2. Из истории отечественной контрразведки. — М., 1999; Млечин Л.М. Сеть Москва — ОГПУ — Париж. — М., 1991; он же. «Фермер» сообщает из Парижа. — М., 1992; он же. Алиби для великой певицы. — М., 1997; его же. Председатели КГБ. Рассекреченные судьбы. — М., 1999; Колпакиди А.Д., Прохоров Д.П. КГБ: Спецоперации советской разведки. — М., 2000; они же. Внешняя разведка России. — СПб. — М., 2001; они же. КГБ: Приказано ликвидировать. — М., 2004; Гладков Т. Награда за верность — казнь. — М., 2000; Папчинский А., Тумшиц М. Щит, расколотый мечом. — М., 2001; Соцков Л.Ф. Операция «Тарантелла». — М., 2001; Плеханов А.М. ВЧК-ОГПУ. 1921–1928 гг. — М., 2003; Усов В.Н. Советская разведка в Китае. 20-е годы XX века. М., 2002; Дамаскин И.А. Сталин и разведка. — М., 2004 и др. Энциклопедия секретных российских спецслужб России. — М., 2004. Назовем также некоторые статьи по этой проблематике: Михайлов Л. Генерал дает согласие; «Фермер» сообщает из Парижа; РОВС терпит поражение // Неделя. 1989. № 48, 49, 50; Голдин В.И. «Листая старую тетрадь расстрелянного генерала» // Гандвик ТВ. 1995. № 13; Краевский Б.Л. Похищение генерала Миллера // Дворянское собрание. 1995. № 2; Наумов В., Краюшкин А. Заключенный под номером 110 // Московские новости. 1994. № 63 и др. Значительное число публикаций по данной теме содержится в специализированных изданиях последних лет: журнал «Служба безопасности. Новости разведки и контрразведки», газета «Новости разведки и контрразведки», «Совершенно секретно» и др.

³¹ Козлитин В.Д. Русская и украинская эмиграция в Югославии в 1921–1945 гг. – Харьков, 1996.

³² Дубов А. Изменники или патриоты? – Б.м., б.г.; Казанцев А. Третья сила. История первой попытки. – Франкфурт-на-Майне, 1952; Артемов А.Н. 15-летие Пражского Манифеста. – Посев, 1959; Донсков П.Н. Дон, Кубань и Терек во Второй мировой войне. Т.1. – Нью-Йорк, 1960; Алдан А.Г. Армия обреченных. – Нью-Йорк, 1969; Русский Корпус. – Нью-Йорк, 1960; Русский Корпус на Балканах во время Второй мировой войны 1941–1945 гг. – Нью-Йорк, 1963; Шатов М.В. Библиография ОДНР в годы Второй мировой войны. – Нью-Йорк, 1961; Беляевский В.А. Вторая мировая война. Роль казачества в этой войне и трагедия такового. 1939–1945. – Сан-Пауло, 1963; он же. Материалы и деятельность ОДНР в годы Второй мировой войны. – Нью-Йорк, 1966; Томашевский М.В. Очерки по истории ОДНР. – Б.м., 1965; Науменко В.К. Великое предательство. К истории выдачи казаков в Лиенце и других местах, 1945–1947 гг. Т. 1–2. – Нью-Йорк, 1962, 1970; Ленивов А.К. Под казачьим знаменем в 1943–1945 гг. – Мюнхен, 1970; Кромиади К. За землю, за волю. На путях русской освободительной борьбы 1941–1947 гг. – Сан-Франциско, 1980 и др.

³³ Лампе А.А. Пути верных. – Париж, 1960; Хольмстон-Смысловский А.В. Избранные речи и статьи. – Буэнос-Айрес, 1953; он же. Личные воспоминания о генерале Власове. – Буэнос-Айрес, 1953.

³⁴ Двинов Б.Л. Власовское движение в свете документов (С приложением секретных документов). – Нью-Йорк, 1950. Резко негативно высказывался и писал о сотрудничестве русских с Гитлером генерал А.И. Деникин.

³⁵ Русская эмиграция. Журналы и сборники на русском языке 1920–1980. Сводный указатель статей. – Paris, 1988; Постников С.П. Политика, идеология, быт и ученые труды русской эмиграции. 1923–1937. – Прага, 1957; Абданк-Коссовский В. Русская эмиграция: итоги за 35 лет. – Париж, 1956; Геринг А. Материалы к библиографии русской военной печати за рубежом. – Париж, 1968; Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия. История и культурно-просветительная работа за полвека (1920–1970). – Париж, 1971; 1979; Шуберский А.Н. К 25-летию со дня основания Высших военно-научных курсов генерала Головина в Белграде. – Ментона, 1955; Зарубежные высшие военно-научные курсы под руководством профессора генерала Н. Головина 1927–1977. – Мюнхен, 1977; Яремчук А.П. Русские добровольцы в Испании. 1936–1939. – Сан-Франциско, 1983 и др.

³⁶ Балакшин П.П. Финал в Китае: возникновение, развитие и исчезновение Белой эмиграции на Дальнем Востоке. Т. 1–2. – Сан-Франциско – Париж – Нью-Йорк, 1958–1959; Лампе А.А. Пути верных. – Париж, 1960; Маевский В. Русские в Югославии, 1920–1945 гг. Взаимоотношения России и Сербии. – Нью-Йорк, 1966; Поремский В.Д. Стратегия антибольшевистской эмиграции. – М., 1998; Прянишников Б. Незримая паутина: ВЧК – ГПУ – НКВД против эмиграции. – Нью-Йорк, Lehovich V. Red Against White. The Life of General Anton Denikin. – New York, 1974 и др.

³⁷ Прянишников Б. Незримая паутина: ВЧК – ГПУ – НКВД против эмиграции. – СПб., 1993; он же. Незримая паутина. ОГПУ-НКВД против белой эмиграции. – М., 2004; Лехович В. Белые против красных. Судьба генерала Антона Деникина. – М., 1992; Назаров В.В. Миссия русской эмиграции. – М., 1994; Рутыч Н.Н.

Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии. — М., 1997; он же. Белый фронт генерала Юденича. Биографии чинов Северо-Западной армии. — М., 2002 и др.

³⁸ Стефан Н. Русские фашисты: Трагедия и фарс в эмиграции. 1920 — 1945. Пер. с англ. яз. — М., 1992; Менегальдо Е. Русские в Париже, 1919—1939. Пер. с франц. яз. 2-е изд. — М., 2007; Белая эмиграция в Болгарии, 1918—1945. Т. 1. Князь А. Ратиев. То, что сохранила мне память. — София, 1999; Йованович М. Русская эмиграция на Балканах 1920—1940 гг. — М., 2005; Marrus M.R. The Unwanted: European refugees in the twentieth century. — New York, Oxford, 1985; Raeff M. Russia Abroad. A Cultural History of the Russian Emigration, 1919—1939. — New York, Oxford, 1990; Beaune D. L'enlèvement du General Koutiepoft. Documents et commentaries. Aix-en-Provence, Publ.de l'Univ. De Provence, 1998; Glad J. Russia Abroad. Writers, History, Politics. — Washington, 1999; Brackman R. The Secret File of Joseph Stalin. A Hidden Life. — London — Portland, 2001; Goldin V.I., Long J.W. Resistance and Retribution: The Life and Fate of General E.K. Miller. — In: Revolutionary Russia. December 1999. Vol. 12. No. 2; Patrikeef F. Russian Politics in Exile. The Northeast Asian Balance of Power, 1924 — 1931. — Houndmills, Basingstoke, Oxford, 2002 и др.

³⁹ Robinson P. The White Russian Army in Exile, 1920—1941. — Oxford, 2002.

⁴⁰ Штрик-Штрикфельдт В.К. Против Сталина и Гитлера. — Франкфурт-на-Майне, 1975; Андреева Е. Генерал Власов и Русское освободительное движение. — Лондон, 1990; Хоффман И. История власовской армии. — Париж, 1990; Kern E. General von Pannwitz und seine Kosaken. — Gottingen, 1963; Hoffman J. Die Ostlegion 1941—1943. — Freiburg, 1976; Bertell N. The Last Secret. — London, 1974; Tolstoy N. The Victims of the Yalta. — London, 1978; Littlejohn D. Foreign Legions of the Third Reich. — San Jose, 1987; Neuland S. Cossacks in the German Army 1941—1945. — London, 1991, etc.

⁴¹ Русский заграничный исторический архив. — Прага, 1929; Фонды Русского Заграничного исторического архива. Межархивный путеводитель. — М., 1999.

⁴² Перечень и описание наиболее ценных архивных фондов и коллекций см.: Голдин В.И. Солдаты на чужбине. С. 13—14.

⁴³ Политическая история русской эмиграции. 1920—1940 гг. — М., 1999; Россия антибольшевистская. Из белогвардейских и белоэмигрантских архивов. — М., 1995; Русское Зарубежье: государственно-патриотическая и военная мысль. Российский военный сборник. Вып. 6. — М., 1994; Какая армия нужна России. Взгляд из истории. Российский военный сборник. Вып. 9. — М., 1996; Душа армии. Русская военная эмиграция о морально-психологических основах российской вооруженной силы. Вып. 13. — М., 1997; Военная мысль в изгнании. Творчество русской военной эмиграции. Вып. 16. — М., 1999; Материалы по истории Русского освободительного движения. — Вып. 1 — 4. — М., 1997—1999; Русский корпус на Балканах во время II мировой войны (1941—1945). Воспоминания соратников и документы. — СПб., 1999; Российская эмиграция в Маньчжурии: военно-политическая деятельность (1920—1945). — Южно-Сахалинск, 1994; Белая эмиграция в Китае и Монголии. — М., 2005; Попов А.В. Русское Зарубежье и архивы. Документы в архивах Москвы. — М., 1998; Русская эмиграция. Журналы и сборники на русском языке. 1981 — 1995. Сводный указатель статей. — М., 2005 и др.

⁴⁴ Русская военная эмиграция 20-х — 40-х годов. Т. 1—2. — М., 1998—2001.

⁴⁵ Чему свидетелями мы были. — Кн. 1–2. — 1998.

⁴⁶ Армия и флот. — Париж, б.г.; Русские во Франции. — Париж, 1937; Русская эмиграция. — М., 2003 и др.

⁴⁷ См.: Русская эмиграция. Журналы и сборники на русском языке 1920 — 1980. Сводный указатель статей. — Paris, 1988; Русская эмиграция. Журналы и сборники на русском языке. 1981 — 1995. Сводный указатель статей. — М., 2005.

⁴⁸ Чебышев Н.Н. Близкая даль. — Париж, 1933; Рытченков С. 259 дней Лемноского сидения. — Париж, 1933; Серебренников И.И. Великий отход. — Харбин, 1936; Деникин А.И. Путь русского офицера. — Нью-Йорк, 1953; Лампе А.А. Пути верных. — Париж, 1960; Витковский В.К. В борьбе за Россию. Сан-Франциско, 1963; Войцеховский С.Л. Трест. Воспоминания и документы. — Л. — Канада, 1974; он же. Эпизоды. — Л. — Канада, 1978; Каратеев М. Белогвардейцы на Балканах. Воспоминания белого офицера. — Буэнос-Айрес, 1977; Красноусов Е.М. Шанхайский Русский Полк. 1927—1945. — Сан-Франциско, 1984; Санников В. Под знаменем Восходящего Солнца в Маньчжурии: Воспоминания. — Сидней, 1990; Феличкин Ю. Как я стал двойником. Воспоминания эмигранта и разведчика. — Ростов-на-Дону, 1990; Краснов Н. Незабываемое. — М., 1992; Константинов Д. Через туннель XX-го столетия. — М., 1997; Орлов В. Двойной агент. — М., 1998; Кирилл Владимирович (великий князь). Воспоминания. — М., 2000; Граф Г.К. На службе Императорскому Дому России. 1917—1941: Воспоминания. — СПб., 2004; Семёнов Г.М. О себе. М., 2002; Деникина М. Генерал Деникин. Воспоминания дочери. — М., 2005; Русская Армия в изгнании. — М., 2003; Русская эмиграция в борьбе с большевизмом. — М., 2005; Лодыженский Ю.И. От Красного Креста к борьбе с Коммунистическим Интернационалом. — М., 2007 и др. Неопубликованные воспоминания генерала А.С. Лукомского, вице-адмирала М.А. Кедрова и ряда других деятелей военной эмиграции хранятся в ГАРФ. Обратим внимание на следующие полезные библиографические издания: Россия и российская эмиграция в воспоминаниях и дневниках. — В 4-х томах. — М., 2003—2006.

⁴⁹ Судоплатов П. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. — М., 1997 и др.

⁵⁰ Кривицкий В. Я был агентом Сталина (Записки советского разведчика). — М., 1991; Орлов А. Тайная история сталинских преступлений. — М., 1991; Агабеков Г. ЧК за работой. — М., 1992; его же. Секретный террор. — М., 1998 и др.

Глава 2

⁵¹ Подробнее см.: Голдин В.И. Россия в гражданской войне. С. 57–67; Бровкин В.Н. Россия в гражданской войне: власть и общественные силы // Вопросы истории. — 1994. — № 5; Service R.A. History of Twentieth-Century Russia. Cambridge, Massachusetts, 1998. P.113; Swain G. The Origins of the Russian Civil War. — London and New York, 1996. P.113; The Bolsheviks in Russian Society. The Revolution and the Civil Wars. — New Haven and London, 1997, etc.

⁵² Подробнее см., например: Йованович М. Русская эмиграция на Балканах. 1920—1940. С. 86–87.

⁵³ Профессор А.В. Смолин, со ссылкой на данные генерала Б.В. Геруа, указывает, например, что на 15 января 1920 года на фронте Северо-Западной армии у

Нарвы оставалось 3 тысячи вооруженных солдат и офицеров, в тыловом районе — около 10 тысяч без оружия, но здоровых военнослужащих. Кроме того, имелось 18 тысяч раненых и больных тифом, а также 13 тысяч человек нестроевого состава. В тот же день русские части были сняты с фронта и разоружены. 22 января генерал Н.Н. Юденич подписал приказ об эвакуации армии. Большая часть военнослужащих осела в Эстонии, часть солдат ушла в Советскую Россию. Началась драматическая и унижительная для бывших белогвардейцев эпопея пребывания в Эстонии. После поражения желание сражаться на других белых фронтах изъясилась лишь часть военнослужащих, число которых в дальнейшем еще более сократилось. Если по опросу, проведенному в январе 1920 года, о готовности воевать у генерала Деникина или генерала Миллера заявило более 5100 солдат и офицеров, то в апреле сделать это пожелало около тысячи человек. Постепенно эмигранты покидали Эстонию. По Тартускому мирному договору с Советской Россией (февраль 1920 г.) Эстония брала на себя обязательство не пропускать бывших военнослужащих Северо-Западной армии на другие антисоветские фронты. Когда летом 1920 года бывшим военнослужащим Северо-Западной армии был разрешен, наконец, выезд из страны, большая часть бывших русских военнослужащих покинула ее, причем, часть из них вернулась в Советскую Россию. На 1 декабря 1920 года в Эстонии оставалось 5858 русских эмигрантов-мужчин. — Смолин А.В. Белое движение на Северо-Западе России (1918—1920 гг.). — СПб., 1998. С. 405—416.

⁵⁴ Голдин В.И. Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере. С. 175; Тетеревлёва Т.П. Пореволюционная российская эмиграция на севере Европы // Русский исход. С. 10—52; Новикова Л.Г. Эвакуация Северной области: предыстория, динамика распада, последствия // Русский исход. С. 53—78.

⁵⁵ Йованович М. Русская эмиграция на Балканах. С. 87—90.

⁵⁶ Белая гвардия. — 2001. — № 5: Белое движение на Востоке России; Ципкин Ю.Н. Белое движение на Дальнем Востоке (1918—1922 гг.). — Хабаровск, 1996; Юзефович Л. Самодержец пустыни (Феномен судьбы барона Р.Ф. Унгерн-Штернберга). — М., 1993; Мелихов Г.В. Российская эмиграция в Китае (1917—1924) и др.

⁵⁷ Русская Армия в изгнании. С. 1—2; Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. С. 25; Россия в изгнании. С. 56, 150—151. Из более 100 тыс. эвакуированных военных чинов около 50 тыс. принадлежало к строевым частям армии и флота, было вывезено более 6 тыс. раненых и больных (все желающие, преимущественно офицеры и юнкера), до 40 тыс. чинов тыловых учреждений и частей, а также более 3 тыс. чинов военно-учебных заведений. — Русская армия в изгнании. С. 1.

⁵⁸ Правда, ряд современных исследователей указывает на то, что китайские власти стремились запретить въезд в полосу отчуждения КВЖД, в Харбин и на станции этой железной дороги, опасаясь возникновения здесь новых очагов белой борьбы. Добавим, что не меньшую, если не большую, их обеспокоенность вызывало возможность создания центров вооруженного противостояния китайским властям, пытавшимся установить свой контроль над КВЖД. Имели случаи ареста и высылки бывших русских белогвардейцев властям Советской России. — Мелихов Г.В. Российская эмиграция в Китае (1917—1924). С. 13; Бочарова З.С. «...не принявший иного подданства». С. 80—81.

⁵⁹ Русская эмиграция в Маньчжурии: военно-политическая деятельность. С. 5; Россия в изгнании. С. 58; Мелихов Г.В. Российская эмиграция в Китае (1917—

1924). С. 58; Иванов В.П. Российское зарубежье на Дальнем Востоке в 1920–1940-е гг. С.9, 12; Печерица В.Ф. Духовная культура русской эмиграции в Китае. – Владивосток, 1999. С. 4.

⁶⁰ Приводимая цифра включает в себя и 95 тыс. солдат и офицеров бывшей Императорской армии, попавших в плен в годы Первой мировой войны и оставшихся жить в дальнейшем в странах Европы, но не учитывает 215 тыс. бывших российских военнопленных, попавших в плен в 1914–1917 годах и осевших затем на жительство в Польше в Прибалтийских государствах. Среди последних большинство, как нам представляется, составляли уроженцы и жители этих регионов бывшей Российской империи, которые не считали себя беженцами и эмигрантами. – Мировые войны XX века. Кн.1. Первая мировая война. – М., 2002. С. 629–630.

⁶¹ Ершов В.Ф. Гл. 5. Адаптация российской военной эмиграции в 1920–1930-е годы // Адаптация российских эмигрантов (конец XIX – XX в.). Исторические очерки. – М., 2006. С. 134–135.

⁶² О жизненном пути генерала П.Н. Врангеля см.: Голдин В.И. Солдаты на чужбине. Гл. 1–3; Бортневский В.Г. Загадка смерти генерала Врангеля. – СПб, 1996; Краснов В.Г. Врангель. Триумф барона (документы, мнения, размышления). – М., 2006 и др.

⁶³ Русская военная эмиграция. Т. 1. Кн. 1. С. 26.

⁶⁴ ГАРФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 25. Л. 43; Главнокомандующий Русской Армией генерал барон П.Н. Врангель. С. 141; Раковский Г. Конец белых от Днепра до Босфора. С. 246; Русская военная эмиграция. Т. 1. Кн. 1. С. 250.

⁶⁵ В сводке штаба Французской Восточно-Средиземноморской эскадры, датированной декабром 1920 года, давалась следующая диспозиция расположения русских беженцев, находящихся на содержании французского правительства: лагеря и госпитали в Константинополе – 9 тысяч человек; лагерь в Чаталдже – 19 тысяч, лагерь в Галлиполи – 29 тысяч, лагерь в Мудросе – 16 тысяч; на рейде Бейкоса – 4 тысячи, в Бизерте – 6 тысяч. В общей сложности – 83,6 тыс. человек. 22 тысячи беженцев было направлено в Сербию. Были отправлены из Константинополя по паспортам или бежали из лагерей – 20 тысяч человек. – Русская военная эмиграция. Т. 1. Кн. 1. – С. 269.

⁶⁶ О дальнейшей судьбе уведенных кораблей Черноморского флота и их экипажей см., например: Россия в изгнании. Гл.4; Русская армия в изгнании. С. 17–18.

⁶⁷ ГАРФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 3. Л. 1 – 1 об., 3 об.

⁶⁸ РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 734. Д. 34. Л. 6 об.; Главнокомандующий Русской Армией генерал барон П.Н. Врангель. С. 140; Шкаренков Л.К. Указ. соч. С. 35; Русская военная эмиграция. Т. 1. Кн. 1. С. 35, 37; Часовой. – 1958. – № 386. – С. 14.

⁶⁹ Россия в изгнании. С. 173, 175; Бочарова З.С. «...не принявший иного подданства». С. 6–7, 59; Пеньковский Д.Д. Эмиграция казачества из России и ее последствия (1920–1945 гг.). С. 404, 408–409.

⁷⁰ ГАРФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 7. Л. 321.

⁷¹ ГАРФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 2. Л. 92–95; Россия в изгнании. С. 90–91.

⁷² Россия в изгнании. С. 92; ГАРФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 5. Л. 14, 20.

⁷³ Нормы представительства по избранию в состав Русского Совета в соответствии с Положением о нем выглядели следующим образом: от казачества – 3 чел., от горских народов – 3, от объединенных бывших членов законодательных

палат — 6, от бывших земских гласных — 2, от бывших городских гласных — 2, от торгово-промышленных организаций — 2, от финансовых организаций — 2, от русских академических групп — 2. — Русский Совет. С. 9—11; ГАРФ. Ф. 7504. Оп. 1. Д. 1. Л. 5—5 об.

⁷⁴ Русская военная эмиграция. Т. 1. Кн. 1. С. 40.

⁷⁵ ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 12. Л. 257.

⁷⁶ ГАРФ. Ф. 5955. Оп. 1. Д. 1. Л. 53.

⁷⁷ Шатилов П. Русский Обще-Воинский Союз // Главнокомандующий Русской Армией генерал барон П. Н. Врангель. С. 173.

⁷⁸ В одном из обращений великого князя Кирилла Владимировича указывалось: «Всем нам нужна свободная Россия, восстановление русской славы и гордости, народное возрождение. Посему и за отсутствием сведений о спасении Великого Князя Михаила Александровича я как старший в порядке престолонаследия член императорского Дома считаю долгом взять на себя возглавление Русских освободительных усилий в качестве Блестителя Государева Престола». — Граф Г.К. На службе Императорскому Дому России. 1917—1941: Воспоминания. — СПб., 2004. С. 546.

⁷⁹ Граф Г.К. На службе Императорскому Дому России. С. 51—52.

⁸⁰ Цит. по: Бочарова З.С. «...не принявший иного подданства»: Проблемы социально-правовой адаптации российской эмиграции в 1920—1930-е годы. С. 106.

⁸¹ Граф Г.К. На службе Императорскому Дому России. С. 53—55, 81.

⁸² Подробнее см.: Юзефович Л. Самодержец пустыни (Феномен судьбы барона Р.Ф. Унгерн-Штернберга). — М., 1993; Белов Е.А. Барон фон Унгерн: Биография. Идеология. Военные походы, 1920—1921 гг. — М., 2003; Барон Унгерн в документах и мемуарах. — М., 2004; Марковчин В.В. Три атамана. — М., 2003; Ганин А.В. Черногорец на русской службе. Генерал Бакич. — М., 2004; Ганин А.В. Атаман А.И. Дутов. — М., 2006; Белая эмиграция в Китае и Монголии. — М., 2005; Нэх В.Ф. Специальная операция НКВД в Синьцзяне // Исторические чтения на Лубянке. 2003 год. — М., 2003 и др.

⁸³ В Ново-Киевске собралось для перехода границы до 9 тысяч человек. Группа войск 1-го и частично 2-го корпусов под командованием генерала И.С. Смолина в количестве 3 тысяч человек почти без боев вышла в район ст. Пограничной в Северной Маньчжурии. Военнослужащие были интернированы в лагере Цицикара. Главные силы 2-го и 3-го корпусов, отступая с боями, перешли китайскую границу в районе г. Хуньчунь. Здесь оказалось до 8 тысяч бывших военнослужащих. В начале ноября эмиграция завершилась. Приморский эмиграционный поток военнослужащих и беженцев конца 1922 года не был допущен китайскими властями в полосу отчуждения КВЖД, где ранее обычно селились русские эмигранты. Они были размещены в концентрационных лагерях, где жили в тяжелых условиях, испытывая голод, болезни, притеснения китайских жандармов. 20—24 октября произошла эвакуация Владивостока на 30 судах Сибирской военной флотилии и Добровольного флота. Корабли прибыли в корейский порт Гензан, где собралось около 5 тысяч человек, в том числе 2500 военнослужащих. Из Гензана флотилия 21 ноября отправилась в Пусан, а затем в Шанхай. 4 января она прибыла на Филиппины, имея на борту около 800 человек. 1 июля 1923 года флотилия приплыла к американским берегам, в Сан-Франциско. Через полгода в Шанхай из Гензана приплыли четыре корабля с войсками генерала Ф.Л. Глебова. — Белая эмиграция в Китае и Монголии. — М., 2005.

С. 5–6; Бочарова З.С. «...не принявший иного подданства». С. 18–20, 41; Иванов В.П. Российское зарубежье на Дальнем Востоке в 1920–1940-е гг. Гл. 1.

⁸⁴ Генерал Шуберский. К 25-летию со дня основания Высших военно-научных курсов профессора генерала Головина в Белграде. – Ментона, 1955. – С. 8.

⁸⁵ Окороков А.В. Русская эмиграция. С. 79; Россия в изгнании. С. 157–159.

⁸⁶ Подробнее о казачьей эмиграции см.: Окороков А.В. Русская эмиграция. С. 54, 79; Россия в изгнании. Гл.6; Пеньковский Д.Д. Эмиграция казачества из России и ее последствия; Худобородов А.П. Вдали от родины: российские казаки в эмиграции. – Челябинск, 1997 и др.

⁸⁷ Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919–1939. М., 1994. С. 39.

⁸⁸ Оценка численности возвратившихся на родину участников гражданской войны вызывает разброс мнений в литературе. Известный советский исследователь истории белой эмиграции Л.К. Шкаренков утверждал, ссылаясь на данные Большой советской энциклопедии 1934 года, что только за 1921 год в Россию вернулось 121843 эмигранта – самое большое число эмигрантов за один год. – Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. 2-е изд. – М., 1986. – С. 86. Кроме того, в 1922–23 годах из Болгарии на родину вернулось от более 11 до почти 14 тысяч эмигрантов (70% среди них составляли, по некоторым данным, казаки). В 1922 году через советский репатриационный лагерь в Чехословакии вернулось в Советскую Россию до 4 тысяч казаков (Шкаренков Л.К. Указ. соч. С. 89–91). Но авторы и составители «Русской военной эмиграции» считают приводимое Л.К. Шкаренковым количество реэмигрантов 1921 года весьма условной цифрой, утверждая, что, даже основываясь на архивных документах Центрального архива ФСБ, нельзя, например, точно подсчитать число бывших белогвардейцев, вернувшихся в Советскую Россию из Турции на судах «Решид-паша» и «Кизил-Ермак». – Русская военная эмиграция. Т. 1. Кн. 1. – С. 38. В 1921 году только через Одесский порт вернулось на родину 17 тысяч бывших солдат и офицеров-белогвардейцев. – Плеханов А.М. ВЧК – ОГПУ. С. 75.

⁸⁹ ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 12. Л. 258.

⁹⁰ Россия в изгнании. С. 92, 422–424.

⁹¹ Граф Г.К. На службе Императорскому Дому России. С. 58, 63–64, 82–83; Окороков А.В. Русская эмиграция. Политические, военно-политические и воинские организации. 1920–1990 гг. С. 138.

⁹² ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 14. Л. 46–47.

⁹³ Русская военная эмиграция. Т. 2. С. 153.

⁹⁴ ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 14. Л. 104; Бортневский В.Г. Загадка смерти Врангеля. С. 51.

⁹⁵ Окороков А.В. Русская эмиграция. Политические, военно-политические и воинские организации. 1920–1990 гг. С. 23.

⁹⁶ ГАРФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 15. Л. 57 об – 58; Бортневский В.Г. Загадка смерти Врангеля. С. 45.

Глава 3

⁹⁷ ГАРФ. Ф. 5926. Оп. 1. Д. 15. Л. 89–90 об.

⁹⁸ ГАРФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 15. Л. 5 об.

⁹⁹ ГАРФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 15. Л. 95.

¹⁰⁰ ГАРФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 15. Л. 97.

¹⁰¹ ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 18. Л. 72.

¹⁰² ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 18. Л. 108–109.

¹⁰³ ГАРФ. Ф. 9109. Оп. 1. Д. 4. Л. 117–117 об.

¹⁰⁴ ГАРФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 62. Л. 198; Д. 2 8. Л. 43; Д. 30. Л. 20; Ф. 5863. Оп. 1. Д. 118. Л. 395 об.; Центральный архив Федеральной службы безопасности. Материалы на Е.К. Миллера; Бортневский В.Г. Загадка смерти Врангеля. С. 49.

¹⁰⁵ ГАРФ. Ф. 5955. Оп. 1. Д. 14. Л. 229.

¹⁰⁶ ГАРФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 15. Л. 112; Д. 28. Л. 85; Ф. 5853. Оп. 1. Д. 18. Л. 331.

¹⁰⁷ Текст Манифеста см.: Кирилл Владимирович. Воспоминания. – М., 2006. С. 222–224.

¹⁰⁸ Граф Г.К. На службе Императорскому Дому России. С. 92–97.

¹⁰⁹ Граф Г.К. Указ. соч. С. 98–99; Соколов Н.А. Убийство царской семьи. – Берлин, 1925.

¹¹⁰ Цит. по: Граф Г.К. Указ. соч. С. 97.

¹¹¹ Цит. по: Граф Г.К. Указ. соч. С. 554–555.

¹¹² В связи с Манифестом великого князя Кирилла Владимировича вдовствующая императрица Мария Федоровна направила 4 октября (21 сентября) 1924 года письмо великому князю Николаю Николаевичу, в котором сочла это решение преждевременным и выразила беспокойство, что «этот манифест создаст раскол и уже тем самым не улучшит, а наоборот, ухудшит положение и без того истерзанной России». Она указала также, что если известия о гибели царской семьи подтвердятся, то государь император будет объявлен «в соответствии с Основными законами, Церковью Православной и с Русским Народом». Публикуя с ее разрешение адресованное ему письмо императрицы, великий князь Николай Николаевич сделал письменное заявление 7/20 октября, подчеркнув, что они мыслят одинаково. Он подтвердил свое убеждение, что «будущее устройство государства Российского может быть решено только на Русской Земле, в соответствии с чаяниями Русского Народа». «Отрицательно относясь к выступлению Великого Князя Кирилла Владимировича, призываю всех одинаково мыслящих с Ее Величеством и мною, к исполнению нашего истинного долга перед родиной — неустанно и непрерывно продолжать святое дело освобождения России», — заявил Николай Николаевич (ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 18. Л. 395). Все это ускорило, в конечном счете, решение великого князя Николая Николаевича о вступлении в верховное руководство РОВСом.

¹¹³ Но сторонники великого князя Кирилла Владимировича делали ставку на то, что в июле 1907 года Николай II по просьбе своего дяди и отца Кирилла Владимировича великого князя Владимира Александровича простил супругов, а его жена Виктория была возведена в великокняжеское достоинство, т.е. их брак был узаконен династически. В феврале 1909 года они вернулись в Россию. — Граф Г.К. На службе Императорскому Дому России. С. 493–694, 610.

¹¹⁴ Спор о том, шел ли великий князь Кирилл Владимирович с красным бантом и вообще о том, как он относился к событиям Февральской революции, возник в эмиграции. Великий князь давал свое объяснение происходившим в начале марта 1917 года событиям, отрицая свою какую-либо симпатию к революции, Госу-

дарственной думе и Временному правительству. — См.: Граф Г.К. На службе Императорскому Дому России. С. 486—488, 606—607.

¹¹⁵ Граф Г.К. На службе Императорскому Дому России. С. 94, 553.

¹¹⁶ ГАРФ. Ф. 5955. Оп. 1. Д. 14. Л. 307—312.

¹¹⁷ Граф Г.К. На службе Императорскому Дому России. С. 14, 98. Еще за месяц до манифеста великого князя состоялась его встреча с посетившим его министром внутренних дел Баварии, который выяснял, в чем заключается политическая работа Кирилла Владимировича. Министр просил его не делать «политических выступлений», живя в Германии, чтобы не вызывать недовольства советского правительства. Принятие титула императора всероссийского могло быть воспринято баварским правительством, как нарушение великим князем данного обещания. После встречи Г.К. Графа с руководителем баварского правительства и данного разъяснения великому князю было разрешено проживать в Кобурге.

¹¹⁸ Граф Г.К. На службе Императорскому Дому России. С. 100.

¹¹⁹ ГАРФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 23. Л. 195.

¹²⁰ Бочарова З.С. «...не принявший иного подданства». С. 72.

¹²¹ ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 50. Л. 33.

¹²² ГАРФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 24. Л. 41; Д. 61. Л. 24, 77, 121; Ф. 5829. Оп. 1. Д. 12. Л. 2.

¹²³ ГАРФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 91. Л. 38; Русские без Отечества. С. 74; Россия в изгнании. С. 100.

¹²⁴ Окороков А.В. Русская эмиграция. С. 23.

¹²⁵ Граф Г.К. На службе Императорскому Дому России. С. 193.

¹²⁶ Ипполитов Г.М. Деникин. — М., 2006. С. 517.

¹²⁷ Там же. С. 513.

¹²⁸ Там же. С. 518—520.

¹²⁹ Россия в изгнании. С. 99.

¹³⁰ ГАРФ. Коллекция микрофильмов Гуверовского Института войны, революции и мира. Микрофотокопии «Коллекция П.Н. Врангеля». Рулон 189а. Л. 526 — 27, 573; рулон 190. Л. 43—44; ГАРФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 23. Л. 189; Д. 26. Л. 72; ГАРФ. Ф. 5955. Оп. 1. Д. 18. Л. 111—136; Д. 19. Л. 54, 55; Бортневский В.Г. Загадка смерти Врангеля. С. 58. Материалы названного эмигрантского форума опубликованы в: Российский зарубежный съезд (1926, Париж). Журналы заседаний. — Париж, 1926; Российский Зарубежный Съезд. 1926. Париж. Документы и материалы. — М., 2006.

¹³¹ ГАРФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 30. Л. 21—21 об.

¹³² ГАРФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 30. Л. 24—25 об.

¹³³ ГАРФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 96. Л. 94—95; Шуберский А. К 25-летию со дня основания Высших военно-научных курсов профессора генерала Головина в Белграде. С. 9—10.

¹³⁴ Гончаренко О.Г. Закат и гибель Белого флота. С. 328.

¹³⁵ Бегидов А.М. Военное образование в Зарубежной России. 1920—1945. С. 70.

¹³⁶ Подробнее см.: Бегидов А.М. Указ. соч. Гл. 2.

¹³⁷ Осмысление причин поражения антибольшевистских сил и белых армий в Гражданской войне в России и извлечение из этого соответствующих уроков отнеслось к числу главных проблем, над которыми размышляли эмигранты и в первую

очередь их военные и политические лидеры. См., например: Аранс Д. Как мы проиграли гражданскую войну. Библиография мемуаров русской эмиграции о русской революции 1917–1921 гг. – М., 1988.

¹³⁸ Подробнее о военно-политической борьбе в Китае смотрите, например: Каретина Г.С. Чжан Цзолинь и политическая борьба в Китае в 20-е годы XX в. – М., 1984; она же. Военно-политические группировки Северного Китая: Эволюция китайского милитаризма в 20–30-е гг. XX в. – Владивосток, 2001 и др.

¹³⁹ Россия в изгнании. С. 132–133; Политическая история русской эмиграции. С. 8; Балакшин П.П. Финал в Китае. Т. 1. С. 265–266; ГАРФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 26. Л. 140.

¹⁴⁰ Граф Г.К. На службе Императорскому Дому России. С. 122–124.

¹⁴¹ Граф Г.К. Указ. соч. С. 124–125.

¹⁴² Там же. С. 133.

¹⁴³ ГАРФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 163. Л. 165, 174, 179–182, 187–189, 194.

¹⁴⁴ См. об этом, например, доклад начальника группы русских войск в Шаньдуне полковника М.А. Михайлова генералу А.С. Лукомскому в июне 1927 года. – Политическая история русской эмиграции. С. 40–42.

¹⁴⁵ Подробнее об этом см.: Мелихов Г.В. Русская «Нечаевская дивизия» в армии китайских милитаристов (Формирование. Состав. Командование). 1924–1928 годы // Труды Института российской истории. М., 2006. Вып. 6.

¹⁴⁶ В книге «Россия в изгнании» военные организации российской эмиграции классифицированы по 14 категориям. – См. указ. соч. С. 92–98.

¹⁴⁷ ГАРФ. 5826. Оп. 1. Д. 28. Л. 47.

¹⁴⁸ ГАРФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 26. Л. 106.

¹⁴⁹ Краинский Н.В. Без будущего. Очерки по психологии революции и эмиграции. – Белград, 1931. С. 185.

¹⁵⁰ Бортневский В.Г. Избранные труды. С. 384.

¹⁵¹ Бортневский В.Г. Загадка смерти Врангеля. С. 66–68; Колпакиди А.И., Прохоров Д.П. КГБ: Спецоперации советской разведки. С. 52–53.

¹⁵² Подробнее см.: Бортневский В.Г. Загадка смерти генерала Врангеля; Голдин В.И. Солдаты на чужбине. С. 137–141 и др.

¹⁵³ Бортневский В.Г. Загадка смерти генерала Врангеля; Колпакиди А.И., Прохоров Д.П. КГБ: Спецоперации советской разведки. С. 57–55.

¹⁵⁴ Карпенко С.В. Врангель Петр Николаевич // Новый исторический вестник. – 2001. – № 1. – С. 219–231.

¹⁵⁵ Подробнее о жизненном пути А.П. Кутепова см.: Голдин В.И. Солдаты на чужбине. С. 142–145, 684–685.

¹⁵⁶ Ипполитов Г.М. Деникин. – М., 2000. С. 450.

¹⁵⁷ Граф Г.К. На службе Императорскому Дому России. С. 187.

¹⁵⁸ Политическая история русской эмиграции. 1920–1940 гг.: Документы и материалы. – М., 1999. – С. 43–44.

¹⁵⁹ Граф Г.К. На службе Императорскому Дому России. С. 197–198.

¹⁶⁰ ГАРФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 15. Л. 6 об.; Армия и Флот. С. 40.

¹⁶¹ Лишь в конце 80-х годов советскими спецслужбами было признано, что генерал Кутепов был похищен в результате спецоперации ОГПУ в Париже, доставлен на советское судно «Спартак», но погиб, согласно официальной версии спец-

служб, от сердечного приступа во время следования указанного судна в СССР. — Михайлов Л. «Фермер» сообщает из Парижа; РОВС терпит поражение // Неделя. — 1989. — № 49, 50; Млечин Л. «Фермер» сообщает из Парижа; его же. Сеть: Москва — ОГПУ — Париж; Лукьянов А. Тайный груз на борту теплохода «Мария Ульянова» // Новости разведки и контрразведки. 1997. № 20; Колпакиди А.И., Прохоров Д.П. КГБ: Спецоперации советской разведки. С. 59–65.

Тем не менее, эта официальная версия и сегодня не получила единодушного признания. По-прежнему имеют место версии о том, что он оказал сопротивление при задержании и был убит похитителями (заколот ножом) или же умер в Париже от сердечного приступа после введения морфия похитителями, для того, чтобы прекратить его сопротивление при захвате и борьбе, продолжавшейся в автомашине, и был похоронен в пригороде Парижа, во дворе дома одного из агентов советской разведки. Где покоится прах Александра Павловича Кутепова неизвестно, но на русском кладбище Сен-Женевьев де Буа в Париже находится символическая могила боевого генерала. Мемориальная доска генералу Кутепову была установлена в храме-памятнике русской эмиграции в Брюсселе с указанием, что он пропал без вести.

¹⁶² Очерки истории российской внешней разведки. Т. 2. — М., 1996. С. 137–142; Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. — М., 1997. С. 113–114; Колпакиди А., Прохоров Д. Внешняя разведка России. — СПб., 2001. С. 14; Энциклопедия секретных служб России. — М., 2004. С. 307, 401–402; Струков Б.Г. Борьба ОГПУ против российской политической эмиграции // Исторические чтения на Лубянке. 1999 год: Отечественные спецслужбы в 1920 – 30-х гг. — М. — Великий Новгород, 2000. С. 94–98 и др.

Глава 4

¹⁶³ Подробнее о биографии и жизненном пути генерала Е.К. Миллера см.: Голдин В.И. Солдаты на чужбине. С. 168 – 173; он же. Испытания длиной в жизнь: Судьба генерала Евгения Миллера // Белая армия. Белое дело. — 1996. — № 1; Войнаровский О.В. Е.К. Миллер: военачальник и политик (1914 – 1937 гг.). — СПб., 2006 и др.

¹⁶⁴ ГАРФ. Ф. 5827. Оп. 1. Д. 259. Л. 3.

¹⁶⁵ См.: Голдин В.И. Солдаты на чужбине. С. 179–181.

¹⁶⁶ Русские без Отечества. С. 74.

¹⁶⁷ Армия и Флот. С. 40.

¹⁶⁸ Часовой. — 1930. — № 33. — С. 3.

¹⁶⁹ ГАРФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 24. Л. 21.

¹⁷⁰ ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 47. Л. 4.

¹⁷¹ Шуберский А. К 25-летию со дня основания Высших военно-научных курсов профессора генерала Головина в Белграде. С. 12; Армия и флот. С. 140; Козлитин В. Русская и украинская эмиграция в Югославии. С. 162. Российский военный сборник. Вып. VI. Русское Зарубежье: Государственно-патриотическая и военная мысль. С. 39. Зарубежные Высшие военно-научные курсы в Белграде работали до 1944 года. На них обучалось около 200 офицеров, в том числе 77 из них полностью закончили курс обучения. — Козлитин В. Указ. соч. С. 162.

¹⁷² Армия и Флот. С. 35–36, 40–42.

¹⁷³ Подробнее о военно-политической активности эмигрантской молодежи и военно-патриотической и военно-спортивной работе эмигрантов – бывших военнослужащих и их организаций среди детей и юношества см. например: Бегидов А.М. Военное образование в Зарубежной России. 1920–1945. С. 220–235. Фундаментальным исследованием по истории российского скаутского движения, и в том числе в эмиграции, раскрывающей и проблемы военного образования, военно-патриотической и военно-спортивной работы среди скаутов является монография профессора Ю.В. Кудряшова «Российское скаутское движение» (Архангельск, 2005).

¹⁷⁴ О कोरोков А.В. Русская эмиграция. С. 47–52.

¹⁷⁵ ГАРФ. Ф. 5796. Оп. 1. Д. 31. Л. 15, 22; О कोरोков А.В. Русская эмиграция. С. 7–11.

¹⁷⁶ ГАРФ. Ф. 5796. Оп. 1. Д. 3. Л. 14–14 об.

¹⁷⁷ ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 49. Л. 15–21 об.

¹⁷⁸ О कोरोков А.В. Русская эмиграция. С. 26–27.

¹⁷⁹ ГАРФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 198. Л. 1.

¹⁸⁰ ГАРФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 198. Л. 1–5; Ф. 5856. Оп. 1. Д. 522 а. Л. 63–65; Ф. 9116. Оп. 1. Д. 28. Л. 8; Бюллетень союза «Молодая Россия». – 1930. – № 2. – С. 1–7. Об обострении противоречий и борьбе, развернувшейся между РОВСом и легитимистами см.: Голдин В.И. Солдаты на чужбине. С. 201–203.

¹⁸¹ Граф Г.К. На службе Императорскому Дому России. С. 267.

¹⁸² ГАРФ. Ф. 9116. Оп. 1. Д. 1. Л. 126.

¹⁸³ Краинский Н.В. Без будущего. Очерки по психологии революции и эмиграции. С. 185.

¹⁸⁴ Но в 1930 году среди эмигрантов было собрано всего 5 тысяч долларов для поддержки повстанческой борьбы на Дальнем Востоке СССР. – ГАРФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 158. Л. 111–112.

¹⁸⁵ Возрождение. – 1930. – 9 сентября.

¹⁸⁶ ГАРФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 158. Л. 111–112.

¹⁸⁷ ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 48. Л. 28; Часовой. – 1932. – № 76. – С. 2.

¹⁸⁸ ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 48. Л. 142–142 об.

¹⁸⁹ Деникин А.И. Русский вопрос на Дальнем Востоке. – Париж, 1932. – С. 5, 14, 28, 35.

¹⁹⁰ Прянишников Б. Незримая паутина. С. 162–163.

¹⁹¹ Соцков Л.Ф. Операция «Тарантелла». – М., 2001; Энциклопедия секретных служб России. С. 402–403; Горбунов Е.А. Схватка с черным драконом. – М., 2002 и др.

¹⁹² ГАРФ. Ф. 9116. Оп. 1. Д. 20. Л. 66–67.

¹⁹³ Деникин А.И. Международное положение, Россия и эмиграция. – Париж, 1934. – С. 1, 15, 16.

¹⁹⁴ Ипполитов Г.М. Деникин. – М., 2006. С. 535–536.

¹⁹⁵ Впрочем, впоследствии генерал Кусонский утверждал, что было бы ошибкой называть это выступлением Витковского и его сподвижников: «Витковский был просто сброшен со счетов (его подчиненными – В.Г.) и, лишь желая сгладить и придать более «приличный характер» визиту, явился вместе на Колизе и предварительно доложил Е.К.М. (Миллеру – В.Г.), что командиры хотят переговорить с ним». – ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 57. Л. 94.

- ¹⁹⁶ ГАРФ. Ф. 9109. Оп. 1. Д. 4. Л. 43; Д. 2. Л. 1–2.
- ¹⁹⁷ ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 59. Л. 33–34.
- ¹⁹⁸ ГАРФ. Ф. 9116. Оп. 1. Д. 20. Л. 82, 89.
- ¹⁹⁹ Часовой. – 1936. – № 172.
- ²⁰⁰ Кривошеева Е.Г. Российская эмиграция накануне и в период Второй мировой войны (1936–1945 гг.). – М., 2001. С. 23.
- ²⁰¹ ГАРФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 196. Л. 45; Д. 200. Л. 1.
- ²⁰² ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 61. Л. 43, 45, 54, 84.
- ²⁰³ Подробнее о спецоперации по похищению генерала Миллера см: Краюшкин А. Заключенный под номером 110 // Московские новости. – 1994 – № 63; Краевский Б.Л. Похищение генерала Миллера // Дворянское собрание. – 1995. – № 2; Голдин В.И. «Листая струю тетрадь расстрелянного генерала» // Гандвик TV. – 1995 – № 13; он же. Солдаты на чужбине. С. 325–348; Млечин Л.М. Сеть. Москва – ОГПУ – Париж. – М., 1991; он же. «Фермер» сообщает из Парижа. – М., 1992 и др.
- ²⁰⁴ Подробнее о пребывании генерала Миллера на Лубянке см.: Голдин В.И. Солдаты на чужбине. Гл. 7, 8.
- ²⁰⁵ ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 65. Л. 89; Часовой. – 1938. – № 221. – С. 23; Галлиполийский Вестник. – 1938. – № 66. – С. 18–19.
- ²⁰⁶ ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 65. Л. 89–91.
- ²⁰⁷ Галлиполийский Вестник. – 1938. – № 66. – С. 12–15; 1939. – № 74. С. 25–32; Российский военный сборник. Вып. VI. С. 39; Вестник РОВС. – 2002. – № 3–4. С. 17.
- ²⁰⁸ Галлиполийский Вестник. – 1939. – № 70. С. 5.
- ²⁰⁹ Ипполитов Г.М. Деникин. – М., 2006. С. 539–540.
- ²¹⁰ Огороков А.В. Русская эмиграция. С. 174 – 175; Иванов В.П. Российское зарубежье на Дальнем Востоке в 1920–1940-е годы. С. 137–138.
- ²¹¹ ГАРФ. Ф. 5796. Оп. 1. Д. 3. Л. 95.
- ²¹² ГАРФ. Ф. 5796. Оп. 1. Д. 3. Л. 82; Паласиос-Фернандес С. Русские добровольцы в испанской гражданской войне // Цейхгауз. – 1995. – № 4. – С. 35–37; «Письма из Испании» // Часовой. – 1939. – № 234. – С. 5 – 7; Геруа Б.В. Уроки Испанской войны // Часовой. – 1939. № 230. – С. 5–5; Часовой. – 1938. – № 204. – С. 27; Часовой. – № 236. – С. 13.
- ²¹³ Кривошеева Е.Г. Российская эмиграция накануне и в период Второй мировой войны. (1936–1945 гг.). – М., 2001. С. 38.
- ²¹⁴ Часовой. – 1939. – № 252–253. – С. 4–5; Назаров М. Миссия русской эмиграции. С. 290.
- ²¹⁵ ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 68. Л. 109–118.
- ²¹⁶ ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 68. Л. 198 – 202.

Глава 5

- ²¹⁷ Часовой. – 1939. – № 244. – С. 3.
- ²¹⁸ Часовой. – 1939. – № 245. – С. 4.
- ²¹⁹ Свириденко Ю.П., Ершов В.Ф. Белый террор? Политический экстремизм российской эмиграции в 1920–1945 гг. С. 166.
- ²²⁰ Часовой. – 1939. – № 244. – С. 5.

- ²²¹ ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 68. Л. 661.
- ²²² Часовой. — 1939. — № 246. — С. 1–2; Часовой. — 1940. — № 247. — С. 2–3.
- ²²³ Военный Журналист. — 1940. — № 11. С. 1–3.
- ²²⁴ Архангельский А.П. Финский опыт РОВС-а // Вестник РОВС. — 2004. — № 8–9. — С. 25–28.
- ²²⁵ Граф Г.К. На службе Императорскому Дому России. С. 409.
- ²²⁶ Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. — СПб., 1990. С. 295–297.
- ²²⁷ По данным генерала Архангельского, удалось привлечь к сотрудничеству около 200 человек из общего числа около 500, а сам Бажанов утверждал, что их количество составило 450 человек. Впрочем, последняя цифра представляется явно преувеличенной, скорее всего Бажанов в данном случае выдавал желаемое за действительное. — Бажанов Б. Указ. соч. С. 298; Архангельский А.П. Финский опыт РОВС-а // Вестник РОВС. — 2004. — № 8–9. С. 28.
- ²²⁸ Генерал Архангельский писал о численности распропагандированных и приведенных из-за линии фронта красноармейцев большей, чем число солдат в отряде Киселева. Автор статьи в журнале «Военный Журналист» называл цифру в более 200 красноармейцев, а сам Бажанов — 300 красноармейцев, но оговаривается при этом, что он получил это известие, но не успел проверить сведения. — Бажанов Б. Указ. соч. С. 300; Архангельский А.П. Указ. соч. С. 28.; Е.Ш. Опыт формирования русских национальных частей в Финляндии // Военный Журналист. — 1940. — № 17. С. 2.
- ²²⁹ ГАРФ. Ф. 9116. Оп. 1. Д. 6. Л. 116.
- ²³⁰ ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 69. Л. 22.
- ²³¹ Записка генерала А.И. Деникина // Часовой. — 1940. — № 251. — С. 11–12.
- ²³² Адаптация российских эмигрантов (конец XIX–XX в.). С. 259.
- ²³³ ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 69. Л. 25–26, 50–52.
- ²³⁴ Цурганов Ю.С. Неудавшийся реванш. С. 24.
- ²³⁵ ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 69. Л. 65–65 об, 72.
- ²³⁶ ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 69. Л. 119–119 об; 340–340 об.; Козлитин С. Русская и украинская эмиграция в Югославии в 1921 – 1945 гг. С.379; Кривошеина Е.Г. Российская эмиграция накануне и в период Второй мировой войны (1936–1945 гг.). — М., 2001. С. 44.
- ²³⁷ Цит. по: Ипполитов Г.М. Деникин. — М., 2006. С. 554.
- ²³⁸ ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 69. Л. 380.
- ²³⁹ Русские без Отечества. С. 141–142.
- ²⁴⁰ ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 69. Л. 144 об.
- ²⁴¹ ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 69. Л. 353–354 об. Далее в сообщении Жеребкова были высказаны не менее резкие слова в адрес русских эмигрантов: «Тем, кто полагает, что нынешняя война является продолжением белой борьбы, я должен пояснить, не умаляя доблести и жертв участников добровольческой эпопеи, что это не так. Белая армия не начертила на своих знаменах определенного лозунга, кроме борьбы против большевиков; германская же армия несет новые идеалы, новые учения, которые завоюют и подневольный советский народ». Отвечая на вопрос, зачем организовывалась запись с заявлениями об отдаче в распоряжение национал-социалистической Германии для борьбы с большевиками, если не привлекаете к

участию в войне, Жеребков отвечал, что это было делом внутренним и добровольным и осуществлялось не по распоряжению немецких властей, а должно было показать им и самим русским наличие в эмиграции живых сил, готовых к борьбе с большевиками. «Россию будут строить не эмиграция и ее вожди, а те, кто своею кровью смывает яд и отраву большевизма – немцы, – подчеркивал Жеребков. – Что будет с Россией, какие формы ей понадобятся, знает один человек – Фюрер».

²⁴² Генерал фон Лампе в своем письме в германские органы власти указывал, что знает генерала Кусонского с 1914 года с положительной стороны. Он пользовался исключительным доверием председателей РОВСа генералов Врангеля, Кутепова и Миллера. Гибель генерала Миллера всегда была тяжелым моральным ударом для него, указывал Лампе, который усугублялся доносами и клеветой, но Кусонский всегда держался с достоинством. Кусонскому уже 63-й год, подчеркивал автор письма, и заключение для него является тяжелым моральным и физическим испытанием. Поэтому Лампе просил освободить Кусонского. – ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 69. Л. 144–146

²⁴³ Лехович Д.В. Белые против красных. С. 320–321.

²⁴⁴ Рутыч Н.Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии. С. 154–155.

²⁴⁵ ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 69. Л. 244 об.

²⁴⁶ Дубинина Н.И., Ципкин Ю.Н. Об особенностях дальневосточной ветви российской эмиграции (на материалах Харбинского комитета помощи русским беженцам) // Отечественная история. – 1996. – № 6. С. 81–82.

²⁴⁷ Буюков А.М. Организация и деятельность русского отряда «Асано» в Маньчжурии (1938–1945) // Россияне в Азиатско-тихоокеанском регионе. Сотрудничество на рубеже веков. Кн. 2. С. 125; Окороков А.В. Русская эмиграция. С. 175.

²⁴⁸ У Смысловского было свое видение взаимоотношений русской военной эмиграции и фашистской Германии в борьбе против СССР, которое он излагал следующим образом: «Русский народ не может сбросить с себя коммунистического ига без посторонней помощи. Каждый русский военный эмигрант должен принять участие в вооруженном столкновении Германии с Россией, несмотря на цели, преследуемые германской политикой. Германская армия на своих штыках не несет Российское национальное правительство, но зато несет уничтожение советской власти, которая уже 24 года убивает тело и дух русского народа. Биологическая сила русского народа, по сравнению с той же силой германского народа, настолько велика, что нам, русским, не приходится опасаться, что немцы нас проглотят и переварят». – Хольмстон-Смысловский Б.А. Избранные речи и статьи. – Буэнос-Айрес, 1953. С. 6–7.

²⁴⁹ Хольмстон-Смысловский Б.А. Указ. соч. С. 7; Дробязко С.И. Вторая мировая война 1939 – 1945: Русская освободительная армия. – М., 1998. С. 14–15; Русские без Отечества. С. 145–146.

²⁵⁰ Дробязко С.И. Указ. соч. С. 15.

²⁵¹ Дробязко С.И. Указ. соч. С. 15; Хольмстон-Смысловский Б.А. Указ. соч. С. 9.

²⁵² Это объяснялось наличием у Смысловского сомнительных связей и подозрений в двурушничестве, виной чему были, в частности, его отношения с Украинской повстанческой армией и отказ, якобы, выдать местного украинского атамана

полковника Боровца, и польской Армией Крайовой и т.п. Более, общее объяснение, вероятно, связано с тем, что в это время в немецком руководстве происходила дискуссия, и налицо было существенное расхождение мнений в отношении использования русских эмигрантов и коллаборационистов. В частности, Смысловскому вменяли в вину и его отказ подписать Смоленский документ (манифест) генерала Власова. — Хольмстон-Смысловский Б.А. Указ. соч. С. 10; Дробязко С.И. Указ. соч. С. 15.

²⁵³ О कोरोков А.В. Русская эмиграция. С. 181.

²⁵⁴ Русские без Отечества. С. 149–151; Дробязко С.И. Вторая мировая война. С. 15, 32–34; О कोरोков А.В. Русская эмиграция. С. 170–174.

²⁵⁵ А. Гитлер, выступая на совещании в июле 1943 года, заявил: «Они (русские эмигранты — В.Г.) видят не наши национальные идеи, а в перспективе они видят свои собственные задачи. Каждый народ думает о себе и ни о чем другом. Все эти эмигранты и советчики хотят только подготавливать себе позицию на будущее время». — Цит. по: Русский Обще-Воинский Союз. Краткий очерк истории. — СПб., 1994. С. 13.

²⁵⁶ ГАРФ. Ф. 6461. Оп. 2. Д. 18. Л. 291; Штрик-Штрикфельдт В. Против Сталина и Гитлера. Генерал Власов и Русское Освободительное Движение. — М., 1993. С. 58–59; Русские без Отечества. С. 144–145.

²⁵⁷ Русский Корпус на Балканах во время II Великой войны (1941–1945). — СПб., 1999. С. 30.

²⁵⁸ Русский Корпус на Балканах... С. 43–46.

²⁵⁹ Русский Корпус на Балканах... С. 48; Козлитин С. Русская и украинская эмиграция в Югославии. С. 386.

²⁶⁰ По свидетельству генерала Скородумова данная им подписка была следующего содержания: «Я, нижеподписавшийся, начальник Бюро по защите интересов русской эмиграции генерал С. даю честное слово русского офицера, что буду молчать и ни одного слова не скажу о немецкой политике на Востоке». — Русский Корпус на Балканах... С. 49.

²⁶¹ Ткачев Б. Казачество при формировании Русского Корпуса // Наши вести. — 1996. — № 443. С. 13.

²⁶² ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 69. Л. 161; Русские без Отечества. С. 151–152.

²⁶³ ГАРФ. Ф. 5759. Оп. 1. Д. 53. Л. 17.

²⁶⁴ ГАРФ. Ф. 6461. Оп. 2. Д. 18. Л. 291–293.

²⁶⁵ Козлитин С. Русская и украинская эмиграция в Югославии. С. 387; Кривошея Е.Г. Российская эмиграция накануне и в период Второй мировой войны. С. 99; Назаров М.В. Миссия русской эмиграции. С. 305..

²⁶⁶ Русские без Отечества. С. 154; Русский Корпус на Балканах... С. 33, 52–53.

²⁶⁷ Русские без Отечества. С. 151 – 156; Русский Корпус на Балканах во время II Великой войны 1941–1945 гг. — Нью-Йорк, 1963. С. 381, 404; О कोरोков А.В. Антисоветские воинские формирования в годы Второй мировой войны. С. 53; Цурганов Ю.С. Неудавшийся реванш. С. 123; Козлитин С. Русская и украинская эмиграция в Югославии. С. 388–390; Вестник РОВС. — 2002. — № 5. С. 9.

²⁶⁸ Подробнее см.: Голдин В.И. Роковой выбор. Гл. 7: Эмигрантское казачество и казацки воинские формирования в рядах вермахта в годы Великой Отечественной войны.

- ²⁶⁹ Подробнее см.: Крикунов П. Казаки между Гитлером и Сталиным; Пеньковский Д.Д. Эмиграция казачества из России и ее последствия (1920–1945 гг.) и др.
- ²⁷⁰ Смирнов А.А. Атаман Краснов. С. 259–261.
- ²⁷¹ ГАРФ. Ф. 5796. Оп. 1. Д. 9. Л. 6, 61, 62.
- ²⁷² Смирнов А.А. Атаман Краснов. С. 266, 275–279.
- ²⁷³ Русские без Отечества. С. 158.
- ²⁷⁴ Русские без Отечества. С. 158.
- ²⁷⁵ ГАРФ. Ф. 5796. Оп. 1. Д. 21. Л. 116; Цурганов Ю.С. Неудавшийся реванш. С. 165–169.
- ²⁷⁶ Цурганов Ю.С. Неудавшийся реванш. С. 170–171.
- ²⁷⁷ Цурганов Ю.С. Неудавшийся реванш. С. 165–167.
- ²⁷⁸ ГАРФ. Ф. 5796. Оп. 1. Д. 8. Л. 98.
- ²⁷⁹ ГАРФ. Ф. 5796. Оп. 1. Д. 18. Л. 142.
- ²⁸⁰ ГАРФ. Ф. 5796. Оп. 1. Д. 8. Л. 108–108 об.
- ²⁸¹ ГАРФ. Ф. 5796. Оп. 1. Д. 21. Л. 253–253 об.
- ²⁸² Русские без Отечества. С. 159.
- ²⁸³ Родина. – 1991. – № 6–7. – С. 104.
- ²⁸⁴ Ценным источником, характеризующим перипетии взаимоотношений руководства ОРВС, с одной стороны, и генерала Власова и его окружения с другой, является переписка генерала фон Лампе и начальника Юго-Восточного отдела ОРВС полковника Гегела-Швили. – См.: Голдин В.И. Роковой выбор. С. 307–314.
- ²⁸⁵ Русские без Отечества. С. 159; О कोरोков А.В. Антисоветские воинские формирования в годы Второй мировой войны. – М., 2000. С. 116–117; Вестник РОВС. – 2002. – № 5. С. 11.
- ²⁸⁶ ГАРФ. Ф. 5796. Оп. 1. Д. 21. Л. 282.
- ²⁸⁷ ГАРФ. Ф. 5796. Оп. 1. Д. 21. Л. 281.
- ²⁸⁸ ГАРФ. Ф. 5796. Оп. 1. Д. 21. Л. 299.
- ²⁸⁹ ГАРФ. Ф. 5759. Оп. 1. Д. 53. Л. 58, 59 об.
- ²⁹⁰ ГАРФ. Ф. 5759. Оп. 1. Д. 53. Л. 59.
- ²⁹¹ ГАРФ. Ф. 5759. Оп. 1. Д. 56. Л. 1; 16 об.
- ²⁹² ГАРФ. Ф. 5796. Оп. 1. Д. 21. Л. 262, 290 об., 295; Русские без Отечества. С. 160; Русский Корпус на Балканах... . СПб., 1999. С. 36; Дробязко С.И. Вторая мировая война 1939–1945: Русская освободительная армия. С. 41.
- ²⁹³ О कोरोков А.В. Русская эмиграция. С. 166–169; Пеньковский Д.Д. Эмиграция казачества из России и ее последствия. С. 375.
- ²⁹⁴ Алдан А.Г. Армия обреченных. – Нью-Йорк, 1969; Дробязко С.И. Указ. соч. С. 41; Александров К.М. Против Сталина. – СПб., 2003. С. 213.
- ²⁹⁵ Вестник РОВС. – 2002. – № 5. С. 11; Наши Вести. – 1984. – № 394. С. 13; Александров К.М. Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта Власова. – СПб., 2001. С. 51.
- ²⁹⁶ Русские без Отечества. С. 147, 162–163; Хольмстон-Смысловский Б.А. Избранные речи и статьи. С. 30; Дробязко С.И. Вторая мировая война. С. 42.
- ²⁹⁷ Хольмстон-Смысловский Б.А. Избранные речи и статьи. С. 9; Дробязко С.И. Указ. соч. С. 15.
- ²⁹⁸ Пеньковский Д.Д. Эмиграция казачества из России и ее последствия (1920–1945 гг.). С. 380–381.

- ²⁹⁹ Хоффман Й. История власовской армии. — Париж, 1990. С. 237.
- ³⁰⁰ Смирнов А.А. Атаман Краснов. С. 317–319, 345–346.
- ³⁰¹ Лампе А.А. Пути верных. С. 202.
- ³⁰² Лампе А.А. Пути верных. С. 233.
- ³⁰³ Толстой Н. Не стреляйте, здесь русский генерал! Лихтенштейн против Кремля // Родина. — 1991. — № 6–7. — С. 116–117; Хольмстон-Смысловский Б.А. Избранные речи и статьи. С. 11–12.
- ³⁰⁴ Дробязко С.И. Вторая мировая война. С. 13.
- ³⁰⁵ Русский Корпус на Балканах. 34, 359; Козлитин С. Русская и украинская эмиграция в Югославии. С. 388–390.
- ³⁰⁶ Русские Новости. — 1945. — 18 мая.
- ³⁰⁷ Кривошеева Е.Г. Российская эмиграция накануне и в период Второй мировой войны. С. 15; Цурганов Ю.С. Неудавшийся реванш. С. 211–212; Рутыч Н.Н. Указ. соч. С. 113.
- ³⁰⁸ Цит. по Ипполитов Г.П. Деникин. — М., 2006. С. 554–556.
- ³⁰⁹ Там же. С. 556.
- ³¹⁰ Родина. — 1991. — № 6–7. — С. 104.
- ³¹¹ Подробнее см.: Лехович Д.В. Белые против красных. Гл. XXXIV–XXXVI; Ипполитов Г.М. Деникин. — М., 2006. С. 554–576.
- ³¹² В память погибших. — Париж, 1991. Подсчет сделан автором настоящей книги.
- ³¹³ Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. С. 210–211, 226–227.
- ³¹⁴ По данным М. Геллера и А. Некрича, после Второй мировой войны было репатрировано в СССР 2972 тысяч советских и приравненных к ним граждан. 20 % из возвращенных были приговорены к смертной казни или получили 25 лет заключения; 15–20 % — 5–10 лет заключения; 10 % — ссылку в отдаленные районы Сибири и Севера; 15 % — принудительные работы по восстановлению разрушенного хозяйства. — Геллер М., Некрич А. История России. 1917 – 1995. — М., 1996. Т. 2. — С. 7.
- ³¹⁵ Новое Русское Слово. — 1941. — 26 декабря; 1942. — 11 января.
- ³¹⁶ Капитан 1-го ранга Чаплин // Часовой. — 1947. № 268. — С. 6–7; Кручинин А.С. Россия и Англия в судьбе Г.Е. Чаплина // Культурное и научное наследие российской эмиграции в Великобритании (1917–1990-е гг.). — М., 2002. С. 246–249.
- ³¹⁷ Подробнее см.: Голдин В.И. Роковой выбор. Гл. 10: Русское военное Зарубежье на Дальнем Востоке в годы Второй мировой войны.
- ³¹⁸ Буяков А.М. Организация и деятельность русского отряда «Асано» в Маньчжурии // Россияне в Азиатско-тихоокеанском регионе. Сотрудничество на рубеже веков. Кн. 2. С. 125–129.
- ³¹⁹ Черкасов-Георгиевский В.К. Вожди белых армий. С. 505–507; Огороков А.В. Русская эмиграция. С. 174–177.
- ³²⁰ Семеновский судебный процесс // Кентавр. — 1993. — № 6. — С. 82–97.
- ³²¹ Заметим, что о новой военной эмиграции можно говорить, конечно, с известной долей условности, ибо абсолютное большинство ее составили бывшие советские военнопленные, согласившиеся сотрудничать с немцами и воевать с Красной Армией, часто будучи поставлены между выбором жизни и смерти.

Глава 6

- ³²² Деникин А.И. Путь русского офицера. — М., 2003. С. 12; Козлов А.И. Генерал Деникин. — Ростов-на-Дону, 2000. С. 345–346.
- ³²³ Вестник РОВС. — 2003. — № 6 — 7. С. 25.
- ³²⁴ Вестник РОВС. — 2003. — № 6 — 7. С. 23–25.
- ³²⁵ Часовой. — 1955. — № 352.
- ³²⁶ Наши вести. — 2000. — № 459. — С. 22.
- ³²⁷ Орехов В. Белое дело и его наследники // Часовой. — 1947. — № 268. — С. 5.
- ³²⁸ Генерал А.П. Архангельский (к X-летию возглавления Русского Обще-Воинского Союза) // Часовой. — 1949. — № 270. — С. 11.
- ³²⁹ Огороков А.В. Русская эмиграция. С. 204–206.
- ³³⁰ Масштабы и численность этой послевоенной волны эмиграции вызывают серьезные расхождения в литературе. М. Назаров, ссылаясь на подсчеты одного из лидеров НТС В.Д. Поремского, указывал, что численность новых эмигрантов после 1945 года составляла около 130 тысяч человек. Остальные (ранее в условиях войны оказавшиеся за границей) были депортированы. — Назаров М. Миссия русской эмиграции. — Ставрополь, 1992. С.59. По другим оценкам, численность второй волны эмиграции составляла от 450 до 620 тысяч человек. — Александров К.М. Из истории послереволюционной эмиграции // Посев. — 2001. — № 7. — С. 39.
- ³³¹ Огороков А.В. Русская эмиграция. С. 202–203; Голдин В.И. Роковой выбор. С. 388–392.
- ³³² Огороков А.В. Русская эмиграция. С. 202–203, 214–216.
- ³³³ Александров К.М. Против Сталина. С. 123.
- ³³⁴ Лампе А.А. Пути верных. С. 15–17; Часовой. — 1955. — № 356. — С. 4.
- ³³⁵ Положение о Русском Обще-Воинском Союзе // Текущий архив Русского Обще-Воинского Союза.
- ³³⁶ Наши вести. — 2000. — № 459. — С. 22.
- ³³⁷ Часовой. — 1967. — № 496. — С. 21.
- ³³⁸ Часовой. — 1967. — № 498. — С. 19.
- ³³⁹ Наши Вести. — 2000. — № 459. — С. 19–20.
- ³⁴⁰ Часовой. — 1987. — № 668. — С. 29.
- ³⁴¹ Наши Вести. — 2000. — № 459. — С. 23.
- ³⁴² Письмо председателя РОВСа поручика В.В. Гранитова 9 января 1992 года председателю Санкт-Петербургского Общества «Русское Знамя» И.Б. Иванову // Текущий архив Русского Обще-Воинского Союза.
- ³⁴³ Вестник РОВС. — 2002. — № 3–4. — С. 14, 16.
- ³⁴⁴ Письмо В.В. Гранитова И.Б. Иванову 9 января 1992 года // Текущий архив Русского Обще-Воинского Союза.
- ³⁴⁵ Наши Вести. — 2000. — № 459. — С. 19; № 460. С. 18.
- ³⁴⁶ Текущий архив Русского Обще-Воинского Союза.
- ³⁴⁷ Текущий архив Русского Обще-Воинского Союза.
- ³⁴⁸ Наши Вести. — 2000. — № 458. — С. 24.
- ³⁴⁹ Волков С. О задачах белого движения в России // Наши Вести. — 1995. — № 438; его же. Спуск флага // Вестник РОВС. — 2004. — № 6–9. — С. 45; Из истории Дня Непримируемости // Вестник РОВС. — 2002. — № 3–4. С. 37–40.

³⁵⁰ 23 февраля – день порабитителей Отечества (Заявление российского отдела РОВС) // Текущий архив Русского Обще-Воинского Союза; Будет ли в Российской Федерации новый воинский праздник? // Наши Вести. – 2000. – № 459. С. 26–27; День порабитителей Отечества. Обращение к военнослужащим Армии и Флота РФ, воинам запаса // Вестник РОВС. – 2002. – № 3–4. – С. 4.

³⁵¹ Наши Вести. – 1999–2000. – № 456–457. – С. 46.

³⁵² Наши Вести. – 2000. – № 460. – С. 20.

³⁵³ Иванов И.Б. Новое время ставит новые задачи // Наши Вести. – 2000. – № 459. – С. 18–21. См. также: Голдин В.И. Солдаты на чужбине. С. 528–530.

³⁵⁴ Наши Вести. – 2000. – № 460. – С. 20–21.

³⁵⁵ Приказ № 3 Русскому Обще-Воинскому Союзу от 9 декабря 2000 г. // Текущий архив РОВСа.

³⁵⁶ Вестник РОВС. – 2004. – № 8–9. – С. 7.

³⁵⁷ Из пут (записки офицера РОВСа) // Вестник РОВС. – 2003. – № 6–7. – С. 4–5, 40; Иванов И.Б. Помни войну // Вестник РОВС. – 2004. – С. 32–40.

³⁵⁸ Текст заявления РОВСа «Белую идею не похороните!» см.: Голдин В.И. Солдаты на чужбине. С. 612–614.

³⁵⁹ Вестник РОВС. – 2004. – № 8–9. С. 44–46.

³⁶⁰ Вестник РОВС. – 2001. – № 1 – 2. С. 2–5.

³⁶¹ Белое Дело. I съезд представителей печатных и электронных изданий. История, идеология и современность Русского Белого движения. – М., 2003. С. 46; Белое Дело. II съезд представителей печатных и электронных изданий. – М., 2005. С. 3–6.

³⁶² Белое Дело. II съезд представителей печатных и электронных изданий. С. 3.

³⁶³ Наши Вести. – 1999. – № 454. – С. 19–20; Вестник РОВС. – 2003. – № 6 / 7. – Задняя обложка; № 8–9. – С. 50.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- БРП – Братство Русской Правды
БРЭМ – Бюро по Дела́м Русских Эмигрантов
ВМС – Высший Монархический Совет
ВС КОНР – Вооружённые Силы Комитета Освобождения Народов России
ВСЮР – Вооружённые силы Юга России
ГАРФ – Государственный Архив Российской Федерации
ГБРЭМ – Главное Бюро по Дела́м Русских Эмигрантов
ГПУ – Государственное Политическое Управление
КГБ – Комитет государственной безопасности
КОНР – Комитет Освобождения народов России
Королевство СХС – Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев
КПРФ – Коммунистическая партия Российской Федерации
НКВД – Народный комиссариат внутренних дел
НОРР – Национальная Организация Русских Разведчиков
НСРМ – Национальный Союз Русской Молодежи
НСДАП – Национал-социалистическая рабочая партия Германии
НТСР – Национальный Союз Нового Поколения
НТСНП – Национально-Трудовой Союз Нового Поколения
ОГПУ – Объединённое Государственное Политическое Управление
ОРВС – Объединение Русских Воинских Союзов
ОРЮР – Организация Российских Юных Разведчиков
РГВА – Российский государственный военный архив
РЗИА – Русский Заграничный Исторический архив
РНА – Русская Национальная Армия
РННА – Русская Национальная Народная Армия
РНСД – Российское Национальное и Социальное Движение
РНСУВ – Русский Национальный Союз Участников Войны
РОА – Русская Освободительная Армия
РОВС – Русский Обще-Воинский Союз
РОНД – Российское Освободительное Национальное Движение
РООС – Русский Обще-Офицерский Союз
РПЦЗ – Русская Православная Церковь Заграницей
СВК – Союз Возрождения Казачества
СМЕРШ – «Смерть шпионам», официальное название советской военной контрразведки в 1943 – 46 годах
СССР – Союз Советских Социалистических Республик
ФСБ – Федеральная служба безопасности
ФСР – Фонд Спасения России.

Учебное издание

Голдин Владислав Иванович

РУССКОЕ ВОЕННОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ
В XX ВЕКЕ

Учебное пособие

Ответственный за выпуск А.О. Подоплёкин

Печатается в авторской редакции

По вопросам приобретения книги обращаться:

Тел.: (8182) 273330

Факс: (8182) 275022

E-mail: goldin.vladislav@pomorsu.ru

Сдано в набор 15.07.2007. Подписано в печать 15.08.2007.

Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.

Печать ризография. Физ. печ. л. 17,0. Усл. печ. л. 15,81.

Тираж 500 экз. Заказ № 2472.

Лицензия ИД № 05781

ГУП «Соломбальская типография»

163012, г. Архангельск, ул. Добролюбова, 1

ФОТОГРАФИИ НА ОБЛОЖКЕ

верхний ряд:

слева — великий князь Николай Николаевич,
справа — великий князь Кирилл Владимирович;

в середине:

слева — генерал П.Н. Врангель,
справа — генерал А.И. Деникин;

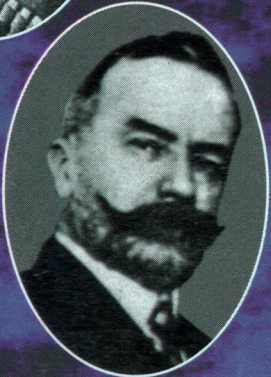
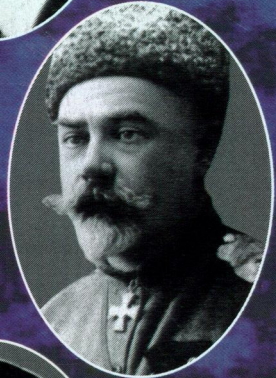
внизу:

слева — генерал Е.К. Миллер,
справа — генерал А.П. Кутепов.

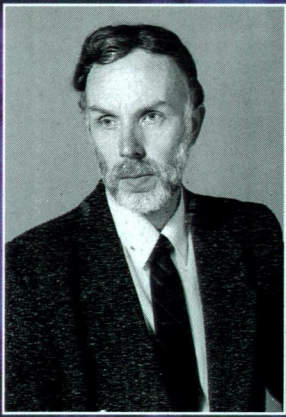
9С(075)
Г 601

В.И. ГОЛДИН

РУССКОЕ ВОЕННОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ
В XX ВЕКЕ

ОБ АВТОРЕ

Голдин Владислав Иванович родился в 1951 году в Архангельске. Окончил отделение истории и английского языка Архангельского государственного педагогического института имени М.В. Ломоносова, аспирантуру Ленинградского государственного педагогического института имени А.И. Герцена и докторантуру МГУ имени М.В. Ломоносова. Доктор исторических наук, профессор, академик РАЕН, заслуженный работник высшей школы РФ. С 1994 года и по настоящее время – проректор по научной работе Поморского государственного университета имени М.В. Ломоносова в Архангельске. Историк, политолог, специалист в области международных отношений. Автор около 300 научных работ, изданных в России, Великобритании, Германии, Нидерландах, Скандинавских странах и Финляндии, в том числе 13 книг. Член президиума Головного совета по общественным наукам, член Головного совета по гуманитарным наукам, член Экспертного совета ВАК по историческим наукам, член Научно-методического совета по истории Министерства образования и науки РФ. Главный редактор международного «Баренц-журнала», заместитель главного редактора «Вестника Поморского университета», член редколлегии международного журнала циркумполярных исследований «Acta borealia». Руководитель и координатор ряда международных научных программ, победитель конкурсов грантов РФФИ и РГНФ, Фонда Сороса, Совета министров Северных стран, Баренц-секретариата и др. В рамках международных исследовательских проектов работал в США, Великобритании, Германии, Норвегии, Финляндии и Швеции. Заместитель председателя докторского диссертационного совета ПГУ по историческим наукам. Подготовил 2 доктора и 10 кандидатов исторических наук.

Одна из исследовательских специализаций автора – история Гражданской войны в России и Русского Зарубежья. В числе изданных по данной теме монографий: «Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере. 1918–1920» (Москва, 1993), «Россия в гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х – 90-е годы)» (Архангельск, 2000), «Армия в изгнании. Очерки истории Русского Обще-Воинского Союза» (Архангельск – Мурманск, 2002), «Роковой выбор. Русское военное Зарубежье в годы Второй мировой войны» (Архангельск – Мурманск, 2005), «Лихолетье. Судьба генерала М.В. Фастыковского: русский офицер, секретный агент, узник НКВД» (Архангельск, 2006), «Солдаты на чужбине. Русский Обще-Воинский Союз, Россия и Русское Зарубежье в XX–XXI веках» (Архангельск, 2006).